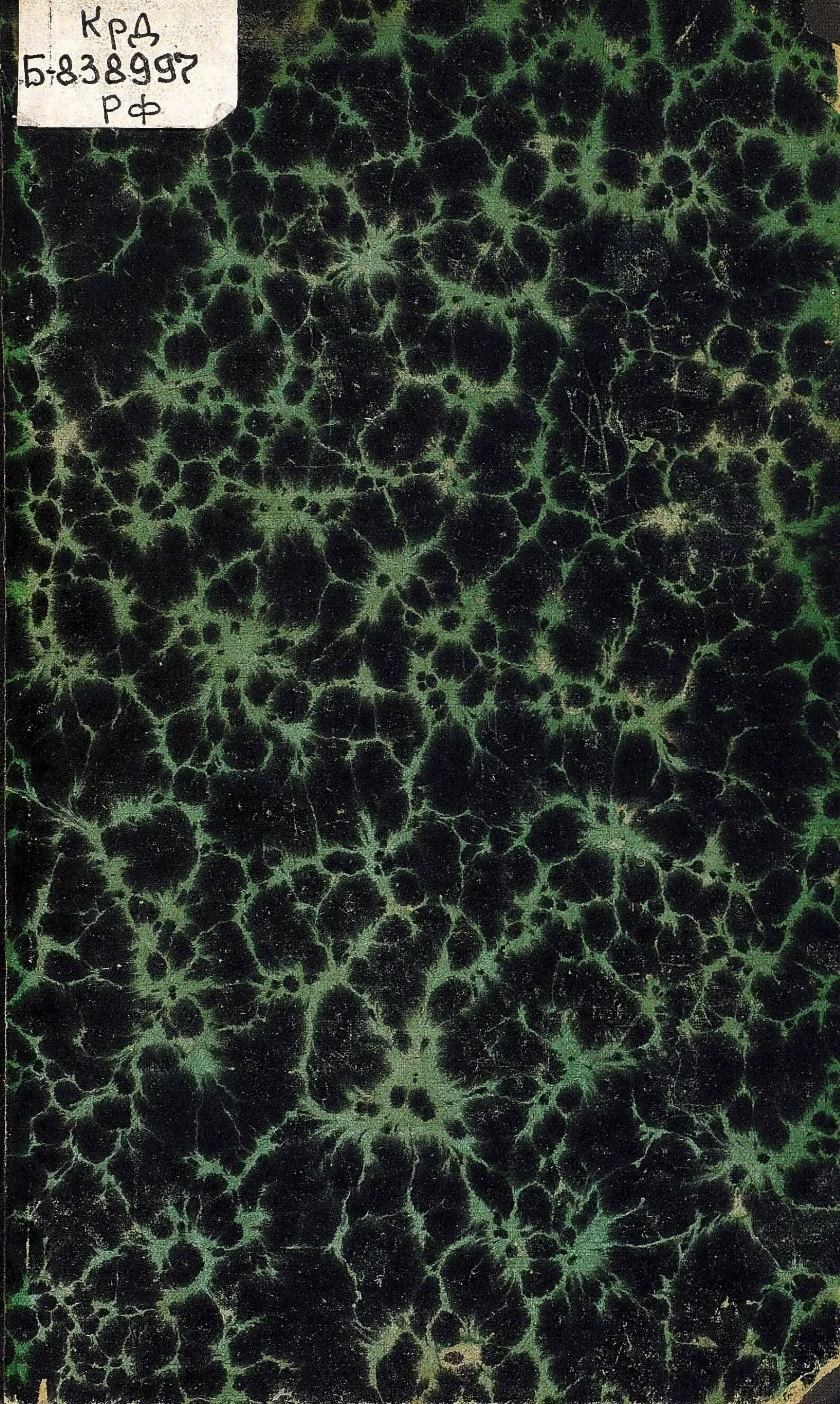

Кр Д

86

OL

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

РЯЗАНСКОЙ

I-й

МУЖСКОЙ ГИМНАЗІИ.

1804—1904.

Рязань.
Типографія Н. В. Любомудрова.
1904

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

РЯЗАНСКОЙ

I-й

МУЖСКОЙ ГИМНАЗІИ.

1804—1904.

Рязань.
Типографія Н. В. Любомудрова.
1904

Печатано по постановленію Педагогическаго Совѣта Гимназіи. Сент. 24 дня 1904 г.

№ 1031.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНІЯ.

Въ одномъ изъ засѣданій Педагогическаго Совѣта 1874 года составленіе исторической записки о протекшей жизни Рязанской гимназіи было поручено учителю исторіи Д. Н. Григорову; но вскорѣ послѣдовавшая болѣзнь, а затѣмъ и смерть помѣшали ему привести въ исполненіе это постановленіе Совѣта, вслѣдствіе чего составленіе исторической записки было поручено учителю русской словесности В. А. Лебедеву, который, на основаніи дѣлъ, хранящихся въ гимназическомъ архивѣ, въ теченіе года написалъ очеркъ исторіи гимназіи, доведя ее до 1876 г. Въ 1902 г. Совѣтъ гимназіи, въ виду приближавшагося столѣтняго юбилея гимназіи, вновь занялся вопросомъ объ исторической запискѣ гимназіи и поручилъ составленіе ея коммиссіи, состоявшей изъ инспектора Н. А. Веригина и преподавателей А. В. Лебедева и Д. Д. Солодовникова. При составленіи продолженія исторической записки съ 1876 г. была дополнена и та ея часть, которая была написана В. А. Лебедевымъ. Кромѣ того, составленъ былъ списокъ преподавателей и служащихъ въ гимназіи за все время ея существованія, а также списокъ учениковъ, окончившихъ курсъ гимназіи, при составленіи котораго большое содѣйствіе оказано В. А. Перцевымъ, начальникомъ отдѣленія Ряз. Каз. Палаты.

ГЛАВА I.

1786—1804 годъ

Главное народное училище и его преобразованіе въ гимназію.

Первыя попытки основать стройную и постоянную систему общественныхъ школъ относятся у насъ, какъ извѣстно, къ царствованію Императрицы Екатерины II-й. Въ 1782 г. учреждена ею съ этою цѣлію Коммиссія, по плану которой предположено было завести въ уѣздныхъ городахъ малыя народныя училища для первоначальнаго образованія дѣтей всѣхъ сословій, а въ губернскихъ—учредить *главныя* народныя училища. Но планъ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе только отчасти. Такъ, между прочимъ, главныя училища учреждены были только въ немногихъ городахъ.

Въ ознаменованіе своего двадцатипятилѣтняго царствованія Императрица Екатерина повелѣла открыть такія училища въ 25-ти губерніяхъ, а въ ихъ числѣ и въ Рязанской. Такимъ образомъ, въ Рязани въ 1786 г. сентября 22-го дня открыто главное народное училище Рязанской губерніи. Курсъ такого училища приблизительно равнялся курсу нынѣшнихъ уѣздныхъ училищъ. Здѣсь преподавались: Законъ Божій, русскій языкъ, математика, исторія и географія, основанія механики, физики, естественной исторіи и гражданской архитектуры, чистописаніе и черченіе. Оно было, какъ и всѣ училища подобнаго рода, четырехъ-классное. Назначеніе директора училища зависѣло отъ генералъ-губернатора. Вслѣдствіе этого со смѣною губернатора смѣнялся и директоръ училища. Такъ, по крайней мѣрѣ, было съ Рязанскимъ училищемъ. Въ теченіе времени отъ 1786—1804 г. въ немъ было 5-ть директо-

ровъ. Всѣ они въ то же время занимали и административныя должности въ другихъ вѣдомствахъ *).

Послѣднимъ былъ Надворный Совѣтникъ Андрей Ивановичъ Толстой, при которомъ происходило открытіе Рязанской гимназіи въ 1804 г. 27 ноября. Рязанское главное народное училище уставомъ учебныхъ заведеній, утвержденнымъ въ царствованіе Императора Александра I-го, 5-го ноября 1804 г., обращено, на ряду съ другими учебными заведеніями подобнаго рода по всей Имперіи, въ гимназію съ 4-мя классами. Всѣ гимназіи тогда подчинялись Университетскому Совѣту, и директоръ назначался Попечителемъ Учебнаго Округа. Открытіе Рязанской гимназіи замедлилось въ значительной мѣрѣ пріобрѣтеніемъ дома для ея помѣщенія, такъ какъ зданіе главнаго народнаго училища было не помѣстительно и пришло въ крайнюю ветхость.

Переписка объ этомъ шла съ конца 1803 г. Сначала предположено было передѣлать домъ главнаго народнаго училища и даже приступлено было къ его перестройкѣ, на что назначенъ былъ двухмѣсячный срокъ.

Но подрядчикъ употребилъ на постройку дурной матеріалъ, и домъ оказался негоднымъ. Между тѣмъ въ городѣ удобнаго дома не отыскивалось. Рѣшено было строить новый домъ. Совѣтъ Университета нетерпѣливо побуждалъ Директора училищъ, Толстого, къ открытію гимназіи. Тогда послѣдній просилъ и получилъ отъ губернатора дозволеніе на временное открытіе гимназіи въ такъ называемомъ

*) Болѣе подробныя свѣдѣнія о главномъ народномъ училищѣ помѣщены въ приложеніи къ журналу Рязанской Губернской Архивной Коммиссіи 22 Сентября 1886 г., стр. 47.

**) Въ 1785 г. былъ выстроенъ намѣстникомъ Каменскимъ, за счетъ средствъ Приказа, каменный двухъ-этажный домъ, недалеко отъ Московской заставы.

Это тотъ самый домъ, который существуетъ доселѣ и который, при передачѣ дѣлъ Приказа губернскому земству, былъ занятъ умалишенными, гдѣ теперь земская аптека. Назначеніе выстроеннаго дома состояло въ томъ, чтобы въ верхнемъ этажѣ могли быть дворянскія собранія: балы, маскарады, танцы, а въ нижнемъ—пансіонъ для дворянскихъ и благородныхъ дѣтей. Домъ этотъ назывался редутнымъ, каковое названіе сохранилось за нимъ долго послѣ того, какъ уже былъ уничтоженъ самый редутъ, именно оно встрѣчается еще въ 1827 г. (А. Повалишинъ. Опытъ разработки матеріаловъ для исторіи Рязанскаго Губернскаго Земства. (Вып. II. стр. 41).

редутномъ домѣ **). Тамъ же временно должно было происходить ученіе. Въ то же время шла дѣятельнѣйшая переписка о назначаемыхъ въ новую гимназію преподавателяхъ, о снабженіи ея учебными пособіями и проч. Наконецъ, когда все это устроилось, произошло и торжественное открытіе гимназіи.

Торжественный актъ открытія Рязанской гимназіи.

Этотъ торжественный актъ послѣдовалъ 27 Ноября 1804 года въ присутствіи депутата отъ Московскаго Университета, профессора Дружинина при Директорѣ училищъ Надворномъ Совѣтникѣ Андреѣ Ивановичѣ Толстомъ. Заимствуемъ описаніе этого акта изъ книги, изданной Тих. Воздвиженскимъ, однимъ изъ первыхъ учителей гимназіи со времени ея учрежденія: „Историческое обозрѣніе Рязанской губерніи, раздѣленное на пять періодовъ, въ видѣ лѣтописца. 1822 г.“ „Въ семь часовъ съ половиной утра всѣ учители, назначенные быть въ гимназіи, съ учениками своими собрались въ губернскую залу Дворянскаго Собранія, которую г. Депутатъ Императорскаго Московскаго Университета, Коллежскій Ассессоръ Дружининъ, пользуясь благосклонностію г. Гражданскаго Губернатора Дмитрія Семеновича Шишкова, избралъ для торжества сего. Отсюда, предшествуемые помянутымъ депутатомъ и г. Директоромъ училищъ, Надворнымъ Совѣтникомъ Толстымъ, по звону въ соборѣ Каѳедральномъ, они отправились въ надлежащемъ порядкѣ по два въ рядъ въ соборную церковь для слушанія Божественной литургіи, которую совершалъ Его Высокопреосвященство Архіепископъ Рязанскій и Зарайскій и кавалеръ Амвросій съ первѣйшимъ духовенствомъ. По окончаніи литургіи учители и ученики возвратились въ помянутую залу таковымъ же порядкомъ“. Общество еще наканунѣ извѣщено было о назначенномъ торжествѣ особыми программами. Вслѣдствіе этого и въ церкви, и затѣмъ въ залѣ Дворянскаго Собранія стеченіе народа было необычайное. По прибытіи Высокопреосвященнаго Амвросія въ

залу собранія начался молебенъ съ водосвятіемъ, который былъ совершенъ Высокопреосвященнымъ въ сослуженіи съ немалочисленнымъ духовенствомъ. „По окончаніи водоосвященія возгласилъ протодіаконъ многолѣтіе Его Императорскому Величеству Государю Александру Павловичу и всему Августѣйшему Императорскому дому, а Высокопреосвященный, держа въ рукѣ Животворящій крестъ Спасителя нашего, говорилъ краткое слово о пользѣ просвѣщенія, которое заключилъ архипастырскимъ своимъ обращеніемъ къ учителямъ и ученикамъ, увѣщевая тѣхъ и другихъ къ ревностному происхожденію своего званія, и допустивъ къ Животворящему кресту, окропилъ ихъ святою водою чрезъ архимандрита Спасскаго Антонія“. По окончаніи молебствія началось самое торжество. Депутатъ отъ Университета Профессоръ Дружининъ съ каѳедры прочелъ статьи Положенія Министерства Народнаго Просвѣщенія, касающіяся открытія губернскихъ гимназій, и затѣмъ произнесъ свое разсужденіе „О постепенномъ умноженіи въ Россіи просвѣщенія и о плодахъ онаго“. Затѣмъ имъ были прочитаны стихи, сочиненные на этотъ случай учителемъ естественной исторіи Воздвиженскимъ. Послѣ хоръ подъ аккомпаниментъ оркестра пѣлъ тѣ же самые стихи, положенные на ноты. Оркестръ этотъ принадлежалъ Г. В. Рюмину, отцу Н. Г. Рюмина, бывшаго впослѣдствіи Попечителемъ гимназіи въ теченіе 30 лѣтъ. По окончаніи пѣнія на каѳедру вошелъ учитель Воздвиженскій и произнесъ рѣчь своего сочиненія: „О воспитаніи дѣтей“. Затѣмъ шла музыкальная симфонія и въ заключеніе избранный Депутатомъ въ катехизаторы (по согласію съ Высокопреосвященнѣйшимъ Амвросіемъ) Протоіерей каѳедральнаго собора Іоаннъ Стефановъ открылъ начало ученія рѣчью: „о важности и святости христіанскаго закона“. „Стеченіе обоего пола людей по поводу сего было необыкновенно велико. Изъ знатнѣйшихъ: ихъ Превосходительства Г. Тайный Совѣтникъ и кавалеръ Левъ Васильевичъ Третьяковскій *); г. Граж-

*) Сынъ извѣстнаго нашего писателя Вас. Кир. Третьяковскаго.

данскій Губернаторъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и кавалеръ Дмитрій Семеновичъ Шишковъ; г. Губернскій Предводитель Дворянства Генералъ-Маіоръ и Кавалеръ Левъ Дмитріевичъ Измайловъ; г. Вице-Губернаторъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Иванъ Дмитріевичъ Лихаревъ, и Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Рязанской Уголовной Палаты Предсѣдатель Иванъ Аѳанасьевичъ Кошелевъ, Коллежскій Совѣтникъ Гавріилъ Васильевичъ Рюминъ, о которомъ упомянуто выше, удостоили собраніе своимъ присутствіемъ".

Г. Гражданскій Губернаторъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Дмитрій Семеновичъ Шишковъ, желая выразить свое участіе къ сказанному торжеству, устроилъ обѣденный столъ, болѣе чѣмъ на 60 кувертовъ; къ столу были приглашены и всѣ преподаватели гимназіи. За обѣдомъ слѣдовалъ вечеръ съ домашнимъ спектаклемъ и ужинъ, устроенный Г. В. Рюминымъ.

„При семъ случаѣ г. Губернскій Предводитель Дворянства Его Превосходительство Левъ Дмитріевичъ Измайловъ, пріѣхавши изъ уѣзда нарочно на случай торжества сего по особливому приглашенію Депутата, изъ усердія своего къ наукамъ, предложилъ на заведеніе библіотеки пятьсотъ руб., да г. Коллежскій Совѣтникъ Гаврила Васильевичъ Рюминъ на французскія и нѣмецкія книги триста рублей". Такъ была открыта гимназія, временно пріютившаяся въ редутномъ домѣ. Нельзя не замѣтить, что открытіе ея было чисто городскимъ праздникомъ и встрѣтило полное сочувствіе со стороны гражданъ города.

ГЛАВА II.

1804—1833 годъ.

Учебный персоналъ и учебный курсъ въ новооткрытой гимназіи.

Первоначально гимназія открыта была въ количествѣ 3-хъ классовъ, причемъ въ составъ ея вошли многіе изъ преподавателей главнаго народнаго училища и всѣ его ученики, такъ что классы главнаго народнаго училища были только переименованы въ соотвѣтственные классы гимназіи. Но существенное различіе заключалось въ курсѣ преподаваемыхъ наукъ.

По уставу 5 Ноября 1804 г. новооткрываемыя гимназіи должны были имѣть 4 класса. Гимназическій курсъ наукъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Кромѣ языковъ латинскаго, нѣмецкаго и французскаго, тогда преподавались: 1) частная и прикладная математика и опытная физика; 2) исторія, географія и статистика; 3) философія, изящныя науки и политическая экономія; 4) естественная исторія; начальныя основанія наукъ, относящихся до торговли и технологіи. Наконецъ, къ этимъ предметамъ присоединялись искусства черченія и рисованія. Въ каждомъ классѣ ученіе продолжалось 30 часовъ въ недѣлю. Уроки обыкновенно были дообѣденные и послѣобѣденные, Число учебныхъ часовъ, назначенныхъ на предметы преподаванія, было слѣдующее: на математику и физику полагалось 18-ть часовъ въ недѣлю; на исторію, географію и статистику 18-ть часовъ, на философію, изящныя науки и политическую экономію 20 часовъ, на естественную исторію 16, на латинскій языкъ назначалось 16-ть часовъ въ недѣлю при такомъ ихъ распредѣленіи: въ 1-мъ классѣ 6-ть часовъ; во 2-мъ 6-ть часовъ; въ 3-мъ--4 часа. Учители нѣмецкаго и французскаго языка имѣли въ каждомъ классѣ по 4-е часа въ недѣлю. Учитель рисованія, обучая два низшіе класса вмѣстѣ и одинъ 3-й отдѣльно имѣлъ въ каждомъ отдѣленіи по два урока въ недѣлю. Преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ соединялось

по большей части въ лицѣ одного учителя, какъ напримѣръ преподаваніе исторіи, географіи и статистики; математики и физики; философіи и изящныхъ наукъ; на первый разъ въ лицѣ преподавателя Линка въ одномъ лицѣ было соединено преподаваніе латинскаго и французскаго языковъ.

Отчетъ предподавателей.

Каждый изъ преподавателей всякое первое число мѣсяца долженъ былъ подавать директору подробный отчетъ о лѣтахъ, времени вступленія, отсутствіяхъ, происхожденіи, способностяхъ, прилежаніи, успѣхахъ и поведеніи каждаго своего ученика, отмѣчая при этомъ, сколько онъ, преподаватель, успѣлъ пройти въ теченіе мѣсяца изъ своего предмета; въ подобныхъ вѣдомостяхъ существовала особая графа для разнаго рода замѣчаній, въ которой, между прочимъ, записывались посѣщенія классовъ директоромъ. Балловъ для выраженія оцѣнки ученическихъ успѣховъ со стороны учителя не было. Нынѣшняя пятибальная система отмѣтокъ замѣнялась словесными отзывами: весьма хорошо, хорошо, удовлетворительно, посредственно, плохо; тѣ же выраженія употреблялись для обозначенія способностей и прилежанія учениковъ, причемъ учителя языковъ дѣлали ихъ на преподаваемыхъ ими языкахъ, напр.: mediocris, non capax, infirmus, non satis praeparatus, penetrans. Для наглядности прилагаемъ подобный отчетъ преподавателя латинскаго языка Линка объ ученикахъ 1, 2 и 3 кл. за 1805 г. мѣсяцъ апрѣль.

Relatio de cla

	Numeratio discipulorum.	Illorum aetas.	Illorum adventus in scholam.	Status et conditio parentum.	Illorum capacitas.
1	Steph. Tarbeew . . .	11	XXVIII—mo die Nowembris anni praeteriti.	Nobiles.	Mediocres.
2	Petrus Schewzow. . .	12			Non
3	David Sukotschew . .	11			capax.
4	Alexis Timofeew . . .	11			Mediocres.
5	Mich. Serow	10			
6	Andr. Moiseew . . .	11			
7	Mich. Istomin. . . .	10		Mercator.	Non satis praeparati.
8	Greg. „	9			
9	Mich. Drebenowcki . .	10		Nobilis.	
10	Serg. Giwago	10		Mercatores.	Mediocres.
11	Petr. Rumin	10			
12	Andr. Serow	10		Miles.	
13	Petr. Iwanow	11		Nobil.	
14	Alexis Petschatin . .	10		Mercator.	Infirm.
15	Bas. Serow	11		Generosi.	Mediocres.
16	Demetr. Schlikow . .	11	Post novum annum.		
17	Petr. Wasiliew. . . .	10		Miles.	Penetr.
18	Iacob. Kusmin . . .	8		Nobilis.	Infirmus.

Carolus Link linguae

sse prima.

Illorum diligentia.	Illorum mores.	Quoties abfuerunt in schola.	Observatio-nes et ani-madversio-nes.	Usque ad quam pagi-nam tractaverimus.
Dili- gentes. Piger. Varia- biles. Negli- gentes. Piger. Non semper iidem. Negli- gentes. Medio- cres. Piger.	Medio- cres. Inquietus. Non atten- ti. Walde inquietus. Medio- cres. Varia- biles. Inquiet. Inquiet.	Nun- quam abfue- runt. Semel abfuit. Sem- per adfue- runt. Aegro- tus. Aegro- tus.	XXVIII die Aprilis noster Director Reverandus honoravit nos praesentia sua, ubi discipulos exhortatus est ad diligen-tiam.	In libro „Methodus facilior latine le-gendi" legimus exer-citationes ibi con-tentas pag. 2 us-que ad p. 20-mam et vocabula memo-riae inculcarunt p. 73-tia.

latinae magister.

Relatio de cla

	Numeratio discipulorum.	Illorum aetas.	Illorum adventus in scholam.	Status et conditio parentum.	Illorum capacitas.
1	Gregor. Klenin . . .	12	a n n u m.	Mercat.	Me-
2	Gregor. Potulow . . .	13		Ge-	dio-
3	Nicol. „ . . .	12		ne-	
4	Paul. Pherapontow . .	13		rosi.	cres.
5	Iac. Sologenizin . . .	14		Miles.	In-
6	Nic. Candaurow . . .	13		Ge-	fir-
7	Bas. Treskin	11			
8	Iohann. „	10		ne-	mi.
9	Nic. Protopopow . . .	11		ro-	Med.
10	Alex. Suworow . . .	11		si.	Non satis capax.
11	Mish. Chruschtschow .	10			Medio-
12	Bas. Tschetinin . . .	11		Princeps	cres.
13	Timoth. Chludenew. .	10		Rusticus.	Penetrans,
14	Iohan. Kutschenew . .	11		Gene-	Non capax.
15	Bas. Rudnew	11		rosi.	Non
16	Bas. Petsclatin . . .	12		Merc.	satis
17	Wolod. Dokudowski .	12		Gene-	prae-
18	Nicol. „ . .	11	P o s t n o v u m	rosi.	parati.

Carolus Link linguae

sse secunda.

Illorum diligentia.	Illorum mores.	Quoties abfuerunt in schola.	Observationes et animadversiones.	Usque ad quam paginam in libro tractaverimus.
Diligentes. Pigri. Mediocres. Negligentes. Piger. Negligentes.	Attenti. Non attenti. Mediocres. Inquieti. Mediocres. Quietus. Inquieti.	Semper adfuerunt. Ter abfuerunt. Semper adfuerunt. Per tres hebd. abfuerunt. Semper adfuerunt. Bis abfuerunt.	Vid. relat. de classe prima.	Exercitationes ad legendum p. 2—da, usque ad 20—mam. versionem et vocabula ac in superiori classe et orbem visibilem usque ad sect. XXVIII—iam.

latinae magister.

Relatio de cla

	Numeratio discipulorum.	Illorum aetas.	Illorum adventus in scholam.	Status et conditio parentum.	Illorum capacitas.
1	Alexand. Kasnascheew.	13	Mense Februario XXVIII—mo die Novemris anni anni currentis praeteriti.	Gene-	Satis
2	Al—d. Tatarinow . .	13		si.	praeparati.
3	Amos. Savarsin . . .	11		Nobilis	Medio-
4	Al—d. Swistowski . .	11		Ma-	cres.
5	Dem—us Wosdwisenski	11		gistri.	In-
6	Ioh. Suolinski	13		Postilis.	firmi.
7	Jacobus Serow . . .	12		No-	Capax.
8	Conrad. Sucotschew . .	15		bi-	Me-
9	Paul. Ulanow	10		les.	dio-
10	Kyrill. Tatarinow . .	10		Libertus.	
11	Al—d. Smirnow . . .	15		Decurio.	cres.
12	Phil. Kutschenew . .	15		No-	Infir-
13	Nicol. Diatlowski. . .	14		biles.	mi.
14	Andreas Dmitrewski .	15		Praeceptor.	Mediocres.
15	Const. Chruschow . .	15		Generosus.	Non valde capax.

Carolus Link linguae

sse tertia.

Illorum diligentia.	Illorum mores.	Quoties abfuerunt in schola.	Observationes et animadversiones.	Usque ad quam paginam in libro tractaverimus.
Valde diligentes. Piger. Variabiles. Piger. Mediocres. Piger. Mediocres.	Attenti. Laude digni. Inquieti. Attentus. Inquieti. Mediocres.	Semper adfuerunt. Ter. abfuit. Semel abfuerunt ab valetud. Bis abfuit. Semper adfuerunt.	Vid. relat. de classe prima.	In libro „Methodus facilior latine legendi“ tractaverimus exercitatines ad legendum ad pag. 2—dam usque ad. pag. 20—mam aeque ac vertimus tractationem de Grammatica p. 37 et 38-va in latinam linguam aliasque exercitationes in linguam russicam, vocabula p. 73 usque ad p. 77—mam contensa memoriae incoluerunt discipuli.

latinae magister.

На экзаменахъ по окончаніи учебнаго года директоръ для каждой науки назначалъ извѣстное число шаровъ, соразмѣрное важности и обширности оной; число шаровъ въ это время восходило до 100. Оно должно было служить къ опредѣленію степени успѣховъ каждаго ученика.

Таковъ внѣшній порядокъ, заведенный въ гимназіяхъ и существовавшій затѣмъ во все время до устава 1828 г. Первое время послѣ открытія гимназія, повидимому, не сразу стала на надлежащую высоту. Такъ заставляетъ думать отзывъ одного изъ бывшихъ ея воспитанниковъ, выбывшаго изъ III класса гимназіи въ 1812 г., В. Докудовскаго. Вотъ что говоритъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Надобно сознаться, что въ то время ученическія мои знанія, почерпнутыя въ гимназіи, весьма были ограниченныя, хотя я вышелъ уже изъ 3-го класса и мнѣ бы должно было болѣе знать; въ оправданіе свое замѣчу, что въ гимназіи обученіе происходило крайне небрежно, и никто не обращалъ вниманія ни на успѣхи и поведеніе учениковъ, ни на педагогическія способности учителей. Директоромъ гимназіи былъ прокуроръ, весьма рѣдко классы посѣщавшій; у насъ не было даже учителя Закона Божія.“ [1]) Далѣе авторъ говоритъ, что, уже сдѣлавшись офицеромъ, онъ сталъ увлекаться чтеніемъ: „Я покупалъ и читалъ, и читалъ безъ разбора; меня некому было руководить въ выборѣ; за всѣмъ тѣмъ, я обязанъ этимъ книгамъ; если я имѣю кой-какія свѣдѣнія и занималъ трудныя, требовавшія нѣкоторыхъ познаній и способностей, должности, то все-таки причиною книги и единственно книги, а не обученіе въ гимназіи, откуда я вышелъ простою пѣшкою“.[2])

Не лишнимъ считаемъ привести здѣсь выдержку изъ визитаторскаго отчета Проф. Моск. Унив. Прокоповича-Антонскаго, посѣтившаго гимназію въ 1805 г. Вотъ что онъ говоритъ въ своемъ отчетѣ: „6-го числа я пріѣхалъ въ Рязань и,

---

[1]) Воспоминанія Генералъ-Майора Василія Абрамовича Докудовскаго, стр. 10, изд. Ряз. Уч. Арх. Комм.

[2]) Тамъ же, Стр. 20.

того же дня, явившись къ вице-губернатору, который, за отсутствіемъ губернатора, занималъ его должность, былъ въ гимназіи. Домъ гимназіи деревянный; отдѣланъ заново, довольно обширенъ и на хорошемъ мѣстѣ; если оштукатурить его, то онъ сдѣлаетъ и видъ собою. Одного жаль, что мѣсто не позволяетъ сдѣлать къ нему пристройки для лучшаго фасада и для помѣщенія въ немъ учителей. Г.г. учители жалуются, что терпятъ большую нужду въ квартирахъ. Смотрѣлъ училищныя пособія, теченіе письменныхъ дѣлъ и сумму. Сумма вся въ цѣлости. Часть на лицо, а большая часть отдана въ приращеніе. Сумма хранится въ Губернскомъ Казначействѣ. Журналы, приходныя и расходныя снуровыя книги, настольной реэстръ и другіе письменные документы нашелъ въ совершенномъ порядкѣ. Желательно, чтобъ и во всѣхъ училищахъ въ производствѣ дѣлъ держались такого порядка. Учебными пособіями еще не богато училище; физическихъ машинъ немного; минеральной кабинетъ скуденъ; библіотека незавидна. Но все въ цѣлости и порядкѣ. Всему списки, вѣдомости и протоколы дѣлъ, бывшихъ при мнѣ въ гимназіи, прилагаю. Какъ вписывать книги и разныя вещи въ снуровую книгу, я далъ форму. Для Рязанской гимназіи можно бы выписать такой же минеральный кабинетъ, какой выписанъ для Ярославскаго вышняго училища. 7 числа смотрѣлъ классы въ приходскомъ и уѣздномъ училищахъ и въ гимназіи. Приходское и уѣздное училища въ одномъ домѣ съ гимназіей. Не должно бы смѣшивать ихъ. Каждое имѣетъ своихъ учителей и учениковъ, свои предметы и свой надзоръ. И потому необходимо нужно, чтобъ они были въ отдѣльныхъ домахъ. Еще въ гимназіи не всему тому учатъ, что предписано по новому уставу. Недавно открыта, и ученики не въ силахъ всему учиться. Еще ни одного нѣтъ, котораго бы можно перевести въ университетъ. Но, судя по времени, успѣваютъ очень хорошо. Въ одномъ латинскомъ классѣ я не нашелъ довольно успѣховъ. (Можно отдать честь г-ну директору гимназіи,

что онъ должность его правитъ съ отмѣнною ревностію и усердіемъ). Въ приходскомъ училищѣ учениковъ 101, въ уѣздномъ 64, а въ гимназіи 58, несравненно больше, нежели во Владимірской гимназіи; роздано въ награду пятнадцать книгъ. За недостаткомъ учебныхъ книгъ въ гимназіи и уѣздномъ училищѣ, я совѣтовалъ пока употреблять книги Университетской гимназіи и Университетскаго пансіона. *)

Личный учебный составъ.

Личный составъ Рязанской гимназіи за это время былъ слѣдующій:

Директоръ гимназіи (оставался только до февраля 1805 г.) Андрей Ивановичъ Толстой.

Преподаватель математики и физики, Титулярный Совѣтникъ Иванъ Даниловичъ Елатомскій, по происхожденію изъ рода Елатьмы (нынѣ Тамбовской губерніи), изъ духовнаго званія, воспитывался въ духовной Рязанской семинаріи, а затѣмъ въ С. Петербургскомъ педагогическомъ институтѣ. Въ Рязанской гимназіи преподавалъ съ 1804 г. 27 ноября, онъ же преподавалъ до 1807 г. философію и изящныя науки.

2) Титулярный Совѣтникъ Тихонъ Яковлевичъ Воздвиженскій, учитель естественной исторіи, технологіи и коммерческихъ наукъ, изъ духовнаго званія, уроженецъ Московской епархіи села Воздвиженскаго, воспитывался въ Свято-троицкой Сергіевской семинаріи, потомъ въ С. Петербургскомъ педагогическомъ институтѣ. Въ Рязанскую гимназію вступилъ въ 1804 г. 27 ноября.

3) Николай Степановичъ Чупровъ, сынъ священника Калужской епархіи, обучавшійся въ Калужскомъ монастырѣ, а потомъ въ Перервенскомъ монастырѣ, откуда былъ взятъ въ С. Петербургскій педагогическій институтъ. Въ Рязанской гимназіи былъ преподавателемъ исторіи и географіи съ 1804 года.

4) Учитель латинскаго языка (и временно французскаго) Карлъ Линкъ.

---

*) Труды Ряз. Уч. Арх. Комм. 1888 г. т. III, № 3, стр. 49.

5) Учитель черченія и рисованія, изъ корнетъ-поручиковъ, произведенный въ титулярные совѣтники, обучавшійся въ Московскомъ Университетѣ П. Клементьевъ, съ 1804 г.

6) Учитель нѣмецкаго языка, Коллежскій Регистраторъ, изъ купцовъ, Иванъ Эрлихъ, Саксонскій подданный, съ 1804 г. Въ теченіе времени до 1828 г. этотъ составъ во многомъ измѣнился. Со времени открытія гимназіи выборъ директора, какъ выше упомянуто, пересталъ зависѣть отъ губернатора и избраніе его предоставлено Училищному Комитету Университета, который объ избранномъ имъ лицѣ представлялъ чрезъ Попечителя на усмотрѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія. Учителя дѣлились на старшихъ и младшихъ. Старшихъ было 5 человѣкъ; учителя французскаго и нѣмецкаго языковъ считались младшими.

Составъ учащихся. Гимназія, будучи открыта для всѣхъ сословій, наиболѣе пополнялась дѣтьми дворянъ, что видно изъ отчета 1805 г. Въ этомъ году, первомъ по открытіи гимназіи, въ 3-хъ классахъ было всего 51 человѣкъ, изъ которыхъ дворянъ болѣе $1/2$, а именно 27 человѣкъ, дѣтей оберъ-офицерскихъ 6, купцовъ 7, солдатскихъ дѣтей 5, дѣтей экономическихъ крестьянъ 1, вольно-отпущенныхъ 1, изъ почталіоновъ 1, и приказныхъ 3; по возрасту учащіеся распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: въ I классѣ дѣти отъ 9 до 12 лѣтъ, во II отъ 10 до 14 лѣтъ; въ III-мъ отъ 11 до 15 лѣтъ.

Пріобрѣтеніе гимназіей собственнаго помѣщенія. Сначала по переводѣ изъ редутнаго дома, гимназія помѣщалась въ двухъ-этажномъ деревянномъ на каменномъ фундаментѣ домѣ, купленномъ изъ суммъ Приказа Общественнаго Призрѣнія у помѣщицы Кузнецовой. Слѣдующій Директоръ, М. И. Клечановскій, успѣлъ склонить Рязанское дворянство, во время выборовъ 1805 г., на покупку для гимназіи каменнаго дома г-жи Семеновой, что обошлось въ 14500 руб. сереб. Домъ этотъ былъ вновь перестроенъ и отдѣланъ, на что дворянство израсходовало еще 29000. Дворянство изыскало слѣ-

дующій источникъ для покрытія этихъ расходовъ. Съ 1806 г. по предложенію Губернскаго Предводителя Измайлова дворянство опредѣлило въ теченіе 2-хъ лѣтъ собирать съ каждой ревизской души по 10 коп. ассигнаціями. Такимъ образомъ составился капиталъ до 30000 р. Но сборъ продолжался и послѣ этого, и въ 1815 г., 26 сентября гимназія, наконецъ, перешла въ тотъ домъ, гдѣ она помѣщается и нынѣ.

Средства гимназіи въ это время. Сверхъ штатной суммы до 6000 р., получавшейся ежегодно изъ казначейства, Приказъ Общественнаго Призрѣнія отпускалъ на содержаніе гимназіи по 3000 руб. сереб. въ годъ за обученіе дворянскихъ дѣтей.

Перемѣна въ учебномъ штатѣ гимназіи. Вскорѣ, въ 1805 г., въ учебномъ штатѣ гимназіи произошли важныя перемѣны. Комитетомъ при Московскомъ Университетѣ былъ назначенъ новый директоръ. Кромѣ того, былъ присланъ самостоятельный учитель французскаго языка, а одинъ изъ преподавателей скончался. Такъ образовался слѣдующій учебный составъ, который руководилъ учебно-воспитательнымъ дѣломъ гимназіи значительное время, почти до 1820 г.

Директоръ Михаилъ Ивановичъ Клечановскій, впослѣдствіи статскій совѣтникъ; онъ былъ въ то же время губернскимъ прокуроромъ до 1811 года.

Старшіе учителя:

1) Математики Иванъ Даниловичъ Елатомскій, воспитывавшійся въ педагогическомъ институтѣ. 2) Естественныхъ наукъ Тихонъ Яковлевичъ Воздвиженскій, воспитывавшійся тамъ же. 3) Исторіи Алексѣй Θеодоровичъ Побѣдинскій, изъ студентовъ Императорскаго Московскаго Университета; передъ нимъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ преподавателемъ Чупровъ. 4) Изящныхъ наукъ Степанъ Филипповичъ Свистовскій, изъ студентовъ Московскаго Университета. 5) Учитель латинскаго языка Карлъ Линкъ, германскаго происхожденія; онъ былъ нѣкоторое время и учителемъ французскаго языка.

Младшіе учителя:

1) Нѣмецкаго языка саксонецъ Иванъ Богдановичъ Эрлихъ. 2) Французскаго языка Іосифъ Жоли. 3) Учитель рисованія Клементьевъ изъ Московскаго Университета. 4) Катехизаторъ Протоіерей собора Іоаннъ Степановъ.—Служащія въ гимназіи лица имѣли слѣдующіе оклады жалованія: директоръ—792 р., учителя математики, естественныхъ наукъ, латинскаго языка и русской словесности по 544 р., учителя исторіи, нѣмецкаго и французскаго языка по 396 р., учитель рисованія 297 р., катехизаторъ 100 руб.

Кандидаты въ преподаватели.

Сверхъ того, въ гимназію были присылаемы кандидаты въ преподаватели, которые подготовлялись къ учительской дѣятельности подъ руководствомъ опытнѣйшихъ преподавателей и должны были присматриваться къ методу преподаванія. Они иногда даже давали уроки вмѣсто преподавателей. Такихъ кандидатовъ въ данный періодъ было трое. Они получали содержаніе въ размѣрѣ 100 р. При распредѣленіи мѣстъ Комитетъ Университета обыкновенно дѣлалъ запросы объ ихъ усердіи къ службѣ, а затѣмъ уже назначалъ ихъ штатными преподавателями.—

Методъ преподаванія.

Программы преподаванія обыкновенно составлялись примѣнительно къ употреблявшимся въ гимназіи руководствамъ. Вотъ нѣкоторыя изъ такихъ руководствъ: 1) курсъ математики г. Безу второго изданія, перевода г. Загорскаго, въ 4-хъ частяхъ. 2) Технологія Функа. 3) Государственное хозяйство Шлецера. 4) Всемірная исторія, начертанная въ 3-хъ частяхъ. 5) Исторія Россійская, краткая, съ картами. 6) Всеобщее землеописаніе, 1 ч. Зябловскаго. 7) Эстетика Мейнерса. 8) Моральная философія Фергусона. 9) Опытъ риторики. 10) Краткая русская просодія. 11) По нѣмецкому языку: грамматика Гейма. 12) По латинскому языку: Orbis pictus, или зрѣлище вселенныя, и Methodus facilior latine legendi ac simul principia linguae latinae discendi, изд. 3, 1804 г. По предметамъ, по коимъ руководствъ печатныхъ не было, выдавались записки, что, разумѣется, было крайне неудобно.

Учитель технологіи и естественныхъ наукъ, Воздвиженскій, жалуется, что преподаваніе затрудняется вслѣдствіе неимѣнія учебника натуральной исторіи.

Не ограничиваясь учебникомъ, учитель изящныхъ наукъ Свистовскій, разбиралъ грамматически и логически, а потомъ разучивалъ съ учениками оды Хераскова, а на урокахъ нравственной философіи разъяснялись нравственныя оды того же писателя.

Не лишнимъ считаемъ приложить здѣсь программу латинскаго языка преподавателя Гаретовскаго.

1-й классъ.

Образцы всѣхъ правильныхъ склоненій и спряженій и переводъ съ русскаго на латинскій языкъ.

II-й классъ.

Образцы склоненій существительныхъ, прилагательныхъ и мѣстоименій. Правильные и неправильные глаголы. Обратные переводы. Важнѣйшія правила синтаксиса.

III й классъ.

При повтореніи этимологіи особенно занимались словосочиненіемъ латинскимъ, для чего, разбирая классиковъ, Корнелія Непота и Цицерона, учитель объяснялъ каждое мѣсто въ подлинникѣ, раздробляя его по правиламъ этимологіи, а потомъ, давъ напередъ понятіе о сущности словосочиненія вообще, объяснялъ каждую фразу правилами словосочиненія латинскаго, изъ коихъ все общее, главное ученики заучивали наизусть, не по порядку въ грамматикѣ, а какъ встрѣчались при анализѣ авторовъ. Разобранъ, переведенъ и выученъ наизусть Аннибалъ (изъ Корн. Неп.). Разобрано: De officiis 1-й книги 8 главъ.

IV-й классъ.

Даны главныя понятія объ идіотизмахъ и красотахъ латинскаго слова.

Библіотека и учебныя пособія. При гимназіи въ это время была довольно значительная библіотека и хорошо устроенные физическій и минералогическій кабинеты. Въ библіотекѣ находилось 309 названіи сочиненій, изъ коихъ нѣкоторыя заключали въ себѣ по двѣ и по три части. Были выписаны всѣ русскіе классическіе авторы, т. е. Ломоносовъ, Фонвизинъ, Державинъ, Карамзинъ, Дмитріевъ; сверхъ того, въ библіотеку выписывались журналы и газеты: Московскія Вѣдомости, Инвалидъ съ прибавленіями, Сѣверная Пчела, Журналы Минервы, Вѣстникъ Европы, Спб. журналъ, Журналъ полезныхъ изобрѣтеній, Московскій телеграфъ, Журналъ технологіи, Journal politique et litteraire de St.-Petersbourg. Кабинетъ натуральной исторіи состоялъ изъ 362 экземпляровъ. Сверхъ того, было 15-ть геометрическихъ тѣлъ, 7 готовaленъ, мѣрительная цѣпь, 2 камеръ-обскуры, жестяной фонтанъ, Гіероновъ—мѣдный съ приборомъ, два глобуса—небесный и земной, генеральныхъ ландкартъ 20, русскихъ 3, атласовъ всеоб. 2, сферъ на плоскости 2, одна астролябія, термометръ и барометръ, грегоріанскій телескопъ, сложный микроскопъ, простой микроскопъ, волшебный фонарь, четыре оптическихъ зеркала, двѣ призмы, два французскихъ глобуса, большой циркуль.

Публичное испытаніе 1805 года. Въ 1805 году 30 іюня, хотя съ открытія гимназіи не протекло еще полнаго года, производилось первое публичное испытаніе учениковъ гимназіи. Изъ описанія, находящагося въ дѣлахъ гимназіи, видно, что на призывъ гимназіи принять участіе въ важнѣйшемъ актѣ ея жизни, общество отозвалось сочувственно и съ полною готовностію. На публичномъ испытаніи присутствовали: Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и кавалеръ Рязанскій Губернаторъ Д. С. Шишковъ, Тайный Совѣтникъ и кавалеръ Левъ Васильевичъ Тредьяковскій, Шефъ полка Генералъ-Майоръ Николай Александровичъ Ушаковъ, Флигель-Адъютантъ Двора Его Императорскаго Величества Петръ Андреевичъ Кикинъ и много чиновниковъ, благороднаго дворянства,

а также знатнаго духовенства и другихъ разнаго рода граждanъ".

„Испытаніе сіе происходило слѣдующимъ образомъ: когда музыка сыграла симфонію, то ученикъ гимназіи сказалъ на россійскомъ языкѣ рѣчь: о пользѣ наукъ и вліяніи ихъ на благосостояніе общественное, съ изъясненіемъ при томъ того величайшаго благодѣянія, какое оказано Всемилостивѣйшимъ Государемъ чрезъ открытіе гимназіи. Потомъ другой ученикъ прочелъ французскую рѣчь: объ употребленіи сего языка въ европейскихъ государствахъ при важнѣйшихъ между ними сношеніяхъ, о необходимости его въ просвѣщенномъ обществѣ и о пользѣ пріобрѣтаемой чрезъ чтеніе французскихъ книгъ. За симъ спрашиваны были ученики гимназіи изъ наукъ и предметовъ, имъ преподаваемыхъ, и отвѣтами своими удовлетворили какъ ожиданію публики, такъ и попечительности учителей. Наконецъ, говорена рѣчь на нѣмецкомъ языкѣ о приличныхъ сему случаю предметахъ. Тутъ играла музыка. По окончаніи испытанія награждаемы были книгами ученики, отличавшіеся благонравіемъ и успѣхами въ наукахъ. По раздачѣ наградъ ученикъ говорилъ благодарственную рѣчь на россійскомъ языкѣ. Наконецъ музыкою заключено было все испытаніе".

Послѣдующія измѣненія въ учебномъ персоналѣ.

Такъ протекала жизнь гимназіи при устройствѣ ея по уставу 1803 г., жизнь ровная и тихая, вся погруженная въ свое внутреннее, близкое сердцу дѣло. Теченіе этой жизни нарушалось только личными перемѣнами въ учебномъ персоналѣ.

Директоры.

Такъ, за Директоромъ Клечановскимъ послѣдовали: Василій Егоровичъ Воскресенскій изъ преподавателей и Иванъ Михайловичъ Татариновъ, Статскій Совѣтникъ и кавалеръ, умершій на службѣ въ гимназіи.

Преподаватели.

Преподавателя математики И. Д. Елатомскаго замѣнилъ преподаватель Ставровъ, но его дѣятельность относится уже къ послѣдующему періоду. За преподавателемъ естественныхъ наукъ Т. Як. Воздвиженскимъ слѣдовалъ

сынъ его Димитрій Тихоновичъ съ 1816 г. Преподаватель словесности С. Ф. Свистовскій перемѣнился своимъ предметомъ съ преподавателемъ латинскаго языка Ив. М. Горетовскимъ, который съ 1810 г. преподавалъ латинскій языкъ, занявъ мѣсто Линка. Послѣ преподавателя исторіи Побѣдинскаго преподавалъ исторію Богородицкій (одинъ годъ) и потомъ Ив. Ив. Миланевичъ. Учителя нѣмецкаго языка И. Б. Эрлиха замѣнилъ Боккъ.

Гораздо больше перемѣнилось преподавателей французскаго языка. Послѣ преподавателя Іосифа Жоли были Адольфъ Дюбюкъ, Пелузъ, баронъ Мюллертъ и Тюрбертъ. Вмѣсто преподавателя рисованія Клементьева поступилъ въ гимназію въ 1820 г. иностранецъ Боссъ, который, вслѣдствіе замѣчательныхъ успѣховъ своихъ учениковъ, обратилъ на себя общее вниманіе. Предшественникъ Босса г. Клементьевъ не былъ на высотѣ своего положенія. Орд. проф. Коченовскій въ своемъ визитаторскомъ отчетѣ о ряз. гим. за 1818 г. говоритъ: „ученическіе рисунки весьма посредственны; довольно взглянуть на вѣдомость, чтобы получить понятіе о способности и образованности гимназическаго рисовальнаго учителя Клементьева." Вѣдомость, на которую указывалъ Коченовскій, полна грубѣйшихъ ошибокъ, въ родѣ, напр., савѣтникъ, предъставить, обученикахъ тушъю, ланъшавты и пр.

Число учениковъ въ этотъ періодъ колебалось около цифры 60, которую оно рѣдко переходило до времени управленія гимназіею въ 1820 г. директора И. М. Татаринова, о которомъ немного ниже будемъ говорить подробнѣе. Въ 1805 г. учениковъ было 54, въ 1806 г. 51, въ 1807 г. 45, въ 1808 г. 42, въ 1809 г. 40, въ 1810 г. 64, въ 1811 г. 65, въ 1812 г. 76, въ 1813 г. 63, въ 1814 г. 46, въ 1815 г. 45, въ 1816 г. 52, въ 1817 г. 55, въ 1818 г. 47, въ 1819 г. 56, въ 1820 г. 67, въ 1821 г. 62, въ 1822 г. 86, въ 1823 г. 95, въ 1824 г. 87, въ 1825 г. 95, въ 1826 г. 95, въ 1827 г. 84, въ 1828 г. 93, въ 1829 г. 127 и въ 1830 г. 147. Изъ нихъ дворянъ 1148, оберъ-офицерскихъ дѣтей 316, духовныхъ 6,

приказныхъ 29, купцовъ 91, мѣщанъ 53, солдатъ 47, дворовыхъ 35, разночинцевъ 112. Всего 1837 человѣкъ.

1812 г. Какъ отразилось въ жизни Рязанской гимназіи величайшее событіе начала XIX в.—отечественная война—прямыхъ указаній въ архивѣ гимназіи нѣтъ. Изъ дѣлъ видно только, что на два мѣсяца, августъ и сентябрь, ученье прекратилось, а въ 1813 и въ 1814 году выпусковъ не было, потому что ученики старшихъ классовъ ушли въ дѣйствующую армію. Родители, занятые снаряженіемъ ратниковъ, не могли явиться на актъ 1812 года, и самый актъ былъ отмѣненъ. 13 ноября того же года директоръ училищъ Рязанской губерніи доносилъ Попечителю Округа, что: 1) старшій учитель Московской гимназіи Назарьевъ съ питомцами и пансіонерами I Московской гимназіи прибылъ 1-го сентября изъ Москвы въ Рязань, жилъ въ домѣ Рязанской гимназіи до 1-го числа ноября и потомъ отправился въ Коломну. Директоръ Московской гимназіи 3 раза (сперва изъ Вязниковъ, а потомъ изъ Нижняго Новгорода) писалъ къ директору Рязанской гимназіи, усердно прося его принять участіе въ воспитанникахъ Московской гимназіи, живишхъ тогда въ Рязани. 2) Въ сентябрѣ пріѣхалъ въ Рязань калужскій директоръ училищъ со всѣми учителями и смотритель съ воспитанниками; всѣмъ даны въ городѣ квартиры, а для помѣщенія смотрителя съ воспитанниками и для сохраненія учебныхъ пособій отведенъ казенный домъ.

Дѣятельность директора И. М. Татаринова.

Свѣтлою полосою въ жизни гимназіи за это время проходитъ дѣятельность одного изъ ея директоровъ, неутомимаго И. М. Татаринова, разстроившаго на службѣ здоровье и вслѣдствіе этого преждевременно сошедшаго въ могилу. При немъ въ гимназіи обнаруживается лихорадочная дѣятельность: принимаются мѣры по учебной и воспитательной части, кругъ дѣятельности директора расширяется, гимназія все болѣе и болѣе привлекаетъ на себя вниманіе общества (Татариновъ умѣлъ заохотить дворянъ къ отдачѣ дѣтей своихъ въ гимназію), начальства и, наконецъ,

даже самого Монарха. При Татариновѣ Императоръ Александръ I-й осчастливилъ гимназію своимъ посѣщеніемъ.

Учебная часть. Въ управленіе Татаринова введены частные экзамены въ концѣ перваго полугодія для повѣрки знаній учениковъ и возбужденія въ нихъ рвенія къ учебнымъ занятіямъ. До 1822 г. преподаваніе латинскаго языка, во исполненіе устава, шло исключительно до 4 класса, но на опытѣ это оказалось крайне неудобнымъ для учащихся, особенно для учениковъ, поступающихъ въ университетъ. Въ отвращеніе такого неудобства, по представленію директора, Училищный Комитетъ изъявилъ согласіе на продолженіе изученія латинскаго языка и въ 4 классѣ. Слѣдуетъ указать также на стремленіе дир. Татаринова улучшить постановку преподаванія франц. яз. Дѣло въ томъ, что ревизовавшій въ 1818 г. гимназію орд. проф. Каченовскій нашелъ, что весьма желательно, чтобы было обращено особенное вниманіе на преподаваніе нѣм. и фр. яз., а „особливо послѣдняго, ибо учащіеся по-французски съ трудомъ переводятъ и даже читаютъ плохо", между тѣмъ, по заявленію дир. Татаринова, сдѣланному имъ въ 1824 г., ученики, „при изученіи положенныхъ въ гимназіи предметовъ, наиболѣе желаютъ усовершенствоваться въ яз. франц." Это желаніе учениковъ и побудило Татаринова задумать улучшеніе постановки преподаванія французск. яз. Онъ хотѣлъ „завести, кромѣ часовъ классныхъ, часы рекреаціонные, собственно для практики во франц. яз."; представлялъ онъ также Округу объ опредѣленіи второго учителя фр. яз. въ гимназію. Но эти его планы такъ и остались на бумагѣ. Разныя обстоятельства помѣшали ихъ осуществленію.

Воспитательная часть. Въ педагогическомъ совѣтѣ подъ предсѣдательствомъ Директора Татаринова единогласно было рѣшено „на счетъ рѣзвыхъ и вмѣстѣ лѣнивыхъ учениковъ, имѣющихъ хорошія дарованія, не быть слишкомъ поспѣшными въ рѣшительныхъ мѣрахъ, ибо были примѣры, что чрезъ годъ таковые исправлялись. *Остыдительныя привѣски* признаны не надежными, ибо ученики, привыкая къ нимъ,

очень скоро обращаютъ въ забаву". Исправительныя мѣры, употреблявшіяся до тѣхъ поръ, признаны такимъ образомъ неудобными и единогласно положено: 1) чтобы ученики, подвергшіеся наказанію у одного учителя, по важности вины оставались подъ наказаніемъ и у другого, если не испросили прощенія; наказывать можно преимущественно лишеніемъ мѣстъ и удаленіемъ изъ-за-стола, 2) о проступкахъ учениковъ увѣдомлять всякій разъ ихъ родителей или опекуновъ, 3) завести для каждаго класса шнуровую книгу, въ которую каждый классный надзиратель благонравія вноситъ какъ вины, такъ и наказанія учениковъ, которыя непремѣнно брать въ расчетъ при наградахъ и аттестатахъ, 4) таковыя наказанія и проступки ежемѣсячно объявлять во всѣхъ классахъ.

Расширеніе директорской власти.

Со времени управленія Татаринова дѣти дворянъ, содержавшіяся на счетъ Приказа Общественнаго Призрѣнія, были подчинены, вслѣдствіе распоряженія губернатора, прямому начальству директора; прежде этимъ дѣломъ завѣдывалъ чиновникъ канцеляріи губернатора.

Кабинетъ для чтенія и танцовальный классъ.

Учрежденный въ 1820 году при гимназіи кабинетъ для чтенія книгъ и журналовъ въ теченіе этого года удостоиваемъ былъ посѣщенія генералъ-губернатора и другихъ „любителей словесности знаменитыхъ особъ", „усматривающихъ примѣрную пользу сего учрежденія для образованія вкуса питомцевъ гимназіи".—Въ апрѣлѣ того же 20 года открытъ былъ танцовальный классъ два раза въ недѣлю по два часа. На первое время уроки эти взялъ на себя иностранецъ Брукъ.

Хлопоты Татаринова по открытію пансіона при гимназіи.

Учебно-воспитательная дѣятельность Татаринова не ограничивалась только этими мѣрами: еще въ 20 году онъ задумалъ открыть на пользу дворянства, дѣти котораго составляли большинство учащихся, Благородный пансіонъ, „гдѣ бы просвѣщенный присмотръ за нравственностію могъ соблюдать дворянскихъ дѣтей отъ заразы

дурныхъ нравовъ и гдѣ бы благородное обращеніе развивало и питало въ душахъ чувства чести.“ По назначеніи директоромъ Татариновъ первымъ долгомъ считалъ обратить все свое вниманіе на воспитывающееся дворянское юношество, „благородную отрасль перваго государственнаго званія, составляющаго подпору престола и основаніе благоденствія народнаго.“ Съ этою цѣлію въ отношеніи своемъ къ Губернскому Предводителю онъ просилъ склонить дворянство къ пожертвованію суммы 116000 для устройства Благороднаго пансіона вмѣсто предполагавшагося военно-учебнаго заведенія, для котораго и собрана была означенная сумма, помѣщенная въ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія. Всѣми предводителями изъявлено было на это согласіе. „Многіе изъ дворянъ, писалъ Татариновъ, не хотятъ отдавать своихъ дѣтей въ гимназію, потому что здѣсь дѣти не выучиваются говорить по-французски и по-нѣмецки—знаніе, которое стало высоко цѣниться въ лучшемъ обществѣ. Поэтому дворяне или берутъ иностранцевъ къ себѣ въ домъ, или отдаютъ дѣтей въ частные пансіоны, или отвозятъ ихъ въ столицы. Но сколь рѣдкимъ благопріятствуетъ счастіе для домашняго воспитанія встрѣтить изъ иностранцевъ человѣка образованнаго и благонамѣреннаго. Большая часть изъ нихъ имѣютъ знанія самыя поверхностныя и ограниченныя, почти всѣ не одушевлены ни усердіемъ къ Россіи, ни благодарностію къ дворянству, столь къ нимъ благосклонному. Въ частныхъ пансіонахъ содержателями по большей части приглашаются для воспитанія дѣтей лица не лучшія, а выгоднѣйшія; главное же неудобство ихъ то, что нѣтъ порядка въ пріемѣ и выпускѣ, нѣтъ строгаго раздѣла по возрастамъ, успѣхамъ, и часто два года учившійся слушаетъ одинъ урокъ съ вновьвступившимъ.“

„Въ столицахъ заведенія превосходны, но опыты удостовѣряютъ, что далеко отъ надзора родительскаго можно отпускать дѣтей, уже приближающихся къ совершенному возрасту, и притомъ для усовершенствованія въ высшихъ наукахъ, а первоначальное воспитаніе должно быть произво-

димо сколь возможно ближе къ сердцу и надзору родителей.“

„Сколь многіе, можетъ быть, съ прекрасными дарованіями, изъ которыхъ открылись бы новые Суворовы, новые Кутузовы, коснѣютъ теперь во मракѣ невѣжества, отчужденные благодѣтельнаго просвѣщенія вѣка, въ которомъ живутъ! Дворянство слишкомъ священно для отечества, и каждый членъ онаго долженъ быть предметомъ его особаго попеченія“. Татариновъ предлагалъ открыть дворянскій пансіонъ при гимназіи на 200 человѣкъ, пансіонъ, въ которомъ уничтожены были бы всѣ сказанныя неудобства, гдѣ дѣти воспитывались бы при практическомъ изученіи новыхъ языковъ, „при томъ почти въ нѣдрахъ ихъ семейства“.—Къ сожалѣнію, это дѣло ограничилось только перепиской.

Публичный актъ 1820 года.

Публичные акты шли своимъ порядкомъ по прежнему, но ни одинъ не былъ такъ торжественъ и не обратилъ на себя такого вниманія, какъ актъ 1820 г. Особымъ ордеромъ Попечитель Округа князь Оболенскій благодарилъ директора и педагогическій совѣтъ за устройство этого акта „заинтересовавшаго публику и доставившаго ей пріятнѣйшее удовольствіе“.—„30 іюня въ 9 часовъ утра ученики гимназіи собрались въ залъ, откуда, по приказанію г. директора, предводимые младшими учителями, шли по два въ рядъ въ приходскую церковь Николая Чудотворца въ сопровожденіи старшихъ учителей и директора; отслушавъ Божественную литургію и благодарственный молебенъ, они возвратились тѣмъ же порядкомъ въ залъ, въ нынѣшнемъ году прекрасно расписанный и омеблированный; по занятіи мѣстъ учениками и по прибытіи многочисленнаго собранія публики, въ 11-ть часовъ открылся торжественный актъ гимназіи слѣдующимъ порядкомъ: хоръ пѣвчихъ и музыка возвѣстили начало. Потомъ старшій учитель И. А. Гаретовскій произнесъ рѣчь: о правилахъ и духѣ общаго воспитанія въ Россіи. Затѣмъ произнесена ученикомъ Сергѣевымъ латинская рѣчь, а ученикомъ Приклонскимъ французскіе стихи „изъ Делиловой поэмы Imagination“. Ученики Галаховъ I, Ивановъ и Колычевъ

произнесли разговоръ на нѣмецкомъ языкѣ: о вліяніи солнца, а ученики Дубровинъ и Венюковъ русскій разговоръ: „о пріятности и пользѣ". Потомъ показывались рисунки (новоопредѣленный учитель Боссъ, обладая необыкновеннымъ даромъ сего искусства и проходя должность свою съ примѣрнымъ усердіемъ, умѣлъ вдохнуть въ учениковъ охоту къ сему пріятному искусству, и они въ состояніи были оказать успѣхи превосходные. Въ награду отличившихся рисунки ихъ назначены для украшенія кабинета чтенія при гимназіи). Потомъ прочли имена учениковъ, отличившихся успѣхами въ наукахъ и благонравіемъ, которые при звукѣ трубъ получили заслуженныя награды и, сверхъ того, кончившіе курсъ гимназическаго ученія награждены аттестатами. Ученикъ Галаховъ (III класса) за отличные успѣхи въ русской словесности, при лестномъ отзывѣ о его благонравіи, прилежаніи и успѣхахъ въ прочихъ предметахъ, торжественно произнеся предъ собраніемъ, получилъ въ даръ отъ директора нѣсколько печатныхъ экземпляровъ сочиненнаго самимъ Галаховымъ разсужденія: объ истинной славѣ, изъ коихъ по экземпляру тогда же поднесъ онъ присутствовавшимъ на актѣ своимъ родителямъ, директору и знаменитымъ особамъ. Сей неожиданный для ученика подарокъ, столь торжественно изъявленный, тронулъ до слезъ всѣхъ присутствовавшихъ.

Актъ нѣсколько разъ прерывала огромная музыка и хоръ пѣвчихъ, въ которое время посѣтители были угощены приличнымъ завтракомъ. Затѣмъ провозглашены имена благотворителей, приношеніями своими гимназіи ознаменовавшихъ сей годъ, а въ заключеніе всего происходившаго ученикъ IV класса Гуськовскій произнесъ благодарственную рѣчь своего сочиненія.

Въ заключеніе всего годового торжества питомцевъ Рязанской гимназіи, того же 30 іюня по полудни въ 8-мь часовъ въ залѣ гимназіи почтеннѣйшая публика удостоила своимъ посѣщеніемъ театральное представленіе, гдѣ ученики гимназіи Шиловскій, Галаховъ 1, Дубровинъ, Гуськов-

скій и Протопоповъ 2-й разыграли драму: Рѣдкая честность, а по окончаніи драмы ученики гимназіи танцовали менуетъ и французскую кадриль. Почтенное дворянство рязанское и вся публика, удостоившая въ сей день празднество Рязанской гимназіи, оставили оную, принеся искреннюю признательность и благодарность какъ г. директору, такъ и всему ученому сословію оной".

Награды ученикамъ. Оцѣнка ученическихъ успѣховъ на экзаменѣ шарами держалась во весь этотъ періодъ. Лучшіе по успѣхамъ и благонравію ученики назначались старшинами, надзирателями и помощниками надзирателей въ классѣ; эти обязанности соединены были съ извѣстными правами. Лучшимъ ученикамъ ввѣрялось наблюденіе за поведеніемъ ихъ товарищей, но за то „имъ назначались особые шары, смотря по поведенію и раченію учениковъ въ сихъ должностяхъ." Число шаровъ въ 1824 г. дошло въ сложности по всѣмъ предметамъ до 850. Въ 3 и 4 классахъ за этотъ годъ ни одинъ ученикъ не получилъ менѣе 570 шаровъ, хотя по французскому и латинскому языку встрѣчается отмѣтка въ 1 шаръ. Старшинѣ, сверхъ того, назначалось еще 120 шаровъ, надзирателю 60, помощнику его 40. Получившіе высшее число шаровъ награждались книгами и листами и аттестатомъ. Въ 1824 г. книгъ въ награду было роздано: въ I классѣ 23 экземпляра землеописанія Россіи; во II классѣ 17 экземпляровъ чтеній изъ евангелистовъ; въ III классѣ 11 экземпляровъ „Способа молиться"; въ 4 кл. 9-ть евангелій съ переводомъ и сочиненія Дмитріева.

Аттестаты. Аттестаты имѣли значеніе собственно только для поступленія въ университетъ. Для примѣра приводимъ аттестатъ ученика Тюрберта.

Имя. Александръ Тюрбертъ, сынъ учителя французскаго языка при Рязанской гимназіи, Титулярнаго Совѣтника Антона Тюрберта, родился 22 февраля 1814 года.

Время посѣщенія. Всего въ гимназіи былъ 4 года, въ каждомъ классѣ по одному году.

Поведеніе. 1) Скромнымъ поведеніемъ, ласковостію и добродушіемъ выпускаемый пріобрѣлъ расположеніе своихъ товарищей; 2) къ начальству оказывалъ всегдашнюю почтительность.

Прилежаніе. При усердномъ его, во время продолженія курса ученія, занятіи науками, Тюрбертъ постоянно посѣщалъ гимназію и былъ точенъ въ подаваніи письменныхъ сочиненій; прилагая стараніе ко всѣмъ учебнымъ предметамъ, въ гимназіи преподаваемымъ, онъ имѣлъ особенную склонность къ чистой математикѣ, въ которой и оказалъ болѣе успѣховъ предъ прочими науками.

Познанія. Въ Законѣ Божіемъ при надлежащей внимательности оказалъ успѣхи хорошіе. Чистою математикою занимался вообще съ особеннымъ усердіемъ, почему въ оной, равно и въ физикѣ, имѣетъ весьма достаточныя свѣдѣнія.

Исторіей, географіей и статистикой въ теченіе учебнаго года занимался довольно прилежно и во время уроковъ былъ внимателенъ.

Основанія логики, риторики и піитики знаетъ хорошо и можетъ сочинять по правиламъ словесности.

Естественную исторію знаетъ хорошо; особенную же склонность оказывалъ къ ботаникѣ.

Въ языкѣ латинскомъ, если выпускаемый занимался не всегда съ постоянною ревностію, зато, при первомъ увѣщаніи, занимался съ похвальною рачительностью своимъ дѣломъ; впрочемъ, всегда занимался болѣе по обязанности, чѣмъ по собственной рѣшительной наклонности, а потому и познанія его въ языкѣ латинскомъ не дошли еще до той степени, чтобы онъ могъ всегда понимать ясно того классическаго писателя, которымъ всего болѣе занимался, т. е. Корнелія Непота, равнымъ образомъ и въ переводахъ съ россійскаго языка на латинскій замѣтны иногда довольно важныя грамматическія ошибки.

Въ нѣмецкомъ языкѣ пишетъ нѣсколько ошибочно, впрочемъ, выговоръ имѣетъ изрядный, знаетъ правила грам-

матическія и въ состояніи переводить легкихъ нѣмецкихъ авторовъ.

Во французскомъ языкѣ, при основательномъ знаніи грамматики, достигъ того, что въ состояніи понимать безъ приготовленія почти всѣ роды сочиненій, писанныхъ на семъ языкѣ, выговоръ имѣетъ хорошій и въ письмѣ ошибокъ не дѣлаетъ, въ переводахъ съ россійскаго языка на французскій и обратно можетъ выражаться свободно; сверхъ того, не только понимаетъ, когда ему говорятъ по-французски, но и самъ на языкѣ семъ говоритъ довольно свободно.

Учителя Елатомскій и Воздвиженскій.

При Татариновѣ окончили свою дѣятельность, если можно такъ выразиться, „старожилы" гимназіи, учителя Елатомскій и Воздвиженскій. Они начали свою службу еще въ главномъ народномъ училищѣ, это были почтенные люди, о которыхъ долго можно было слышать въ Рязани разсказы, какъ о добрыхъ и честныхъ труженикахъ. Воздвиженскій оставилъ послѣ себя нѣсколько печатныхъ трудовъ. *)

Состояніе гимназіи передъ введеніемъ устава 1828 г.

Татариновъ умеръ въ 1827 г., и на мѣсто его назначенъ былъ Гвардіи Штабсъ-Капитанъ Николай Николаевичъ Семеновъ. Первымъ его дѣломъ было затребовать отъ преподавателей конспекты наукъ и отчеты о нравственномъ состояніи учениковъ. Выдержки изъ этихъ отчетовъ и конспектовъ, представленныхъ преподавателями, лучше всего могутъ характеризовать учебное и нравственное состояніе гимназіи передъ введеніемъ устава 1828 г. Къ нимъ мы теперь и обращаемся.

На имя старшаго учителя гимназіи директоръ обратился ко всѣмъ преподавателямъ съ слѣдующими вопросами:

„1) По какимъ книгамъ ведется ученіе въ каждомъ классѣ съ означеніемъ имени автора?

2) Какія составляются въ дополненіе къ учебнымъ книгамъ выписки, изъ какихъ авторовъ или собственныя, и съ одобренія ли начальства?

*) Топографское описаніе Рязанской губерніи, Историческое обозрѣніе Рязанской іерархіи, Изъясненіе молитвы Господней и пр. Болѣе подробныя свѣдѣнія о Воздвиженскомъ помѣщены въ приложеніи къ журналу Ряз. Губ. Арх. Ком. 22 Сент. 1886 г., стр. 50 и слѣд.

3) Какіе авторы читаются въ пособіе?

4) Какимъ образомъ располагается учебный курсъ по предметамъ въ каждомъ классѣ съ означеніемъ времени, въ которое что предполагается проходить съ учениками?

5) Достаточно ли къ окonченію всего курса расположено учебное время и не встрѣтятся ли въ преподаваніи, по времени или по другимъ причинамъ, затрудненія?".

При семъ требовалось положительно означить мнѣніе о постепенномъ ходѣ ученія, о способѣ къ улучшенію онаго, причинахъ, ему препятствующихъ, и средствахъ къ отвращенію оныхъ. „Вмѣстѣ съ симъ", говорилось далѣе, „представьте Ваше мнѣніе о нравственномъ образованіи учениковъ и какія принимались мѣры къ исправленію безпорядковъ ихъ; дѣйствительно ли были оныя и, еслибыли, то не требуютъ ли измѣненій?".

„Для наступающаго курса ученія прошу представить конспекты съ подробнымъ изложеніемъ: а) о способѣ преподаванія, b) о расположеніи учебнаго времени по предметамъ въ каждомъ классѣ, с) объ учебныхъ пособіяхъ какъ для учителя, такъ и для учениковъ".

Учитель словесности представилъ слѣдующіе конспекты. Въ I классѣ преподаются первоначальныя правила словесности о періодахъ, распространеніяхъ и простѣйшихъ формахъ, по извлеченіямъ изъ курса словесности профессора Толмачева, изданнаго отъ Главнаго Правленія училищъ, первоначальныя правила о россійскомъ стихотворствѣ, по извлеченіямъ изъ книги: Опытъ о россійскомъ стихотворствѣ, сочиненіе Востокова.

Во II классѣ: логика по сокращенію изъ „Логическихъ наставленій" профессора Лодія, изд. Главнымъ Правленіемъ училищъ.

Въ III классѣ: извлеченія изъ курса словесности профессора Мерзлякова; славянская этимологія по грамматикѣ Пенинскаго, издан. Главнымъ Правленіемъ училищъ.

Въ IV классѣ піитика по руководству, изданному

для благороднаго пансіона при Московскомъ университетѣ; славянскій синтаксисъ по грамматикѣ Пенинскаго.

Въ пособіе читаются статьи изъ полныхъ курсовъ вышеозначенныхъ авторовъ, также изъ курса Греча и основаній словесности Батте. Россійскою словесностію и языкомъ славянскимъ ученики гимназіи занимаются всѣ безъ исключенія и снабжають себя книгами и записками безъ затрудненія. Впрочемъ, если бы всѣ ученики снабжены были сокращенными и къ гимназическому курсу и къ развивающимся умамъ совершенно приспособленными, и при томъ истинно русскими печатанными руководствами логики и словесности, чрезъ то выигралось бы время, употребляемое учениками на записку главныхъ правилъ, и могло бы употреблено быть на сочиненія и на разборъ авторовъ.

Способъ преподаванія слѣдующій: во-первыхъ, истребовавъ отчетъ у лучшаго, средственнаго и худшаго ученика въ предыдущемъ урокѣ и поправивъ ихъ невѣрности, я предлагаю изустно новый урокъ съ краткими записками на доскѣ или на бумагѣ, смотря по существу предлагаемаго; по истолкованіи требую отчета, всѣ ли поняли, чрезъ вопросы учениковъ. Самъ я при преподаваніи руководствуюсь курсомъ Блера, курсомъ Ла-Гарпа, трудами Московскаго общества любителей россійской словесности и вообще вновь выходящими книгами и періодическими сочиненіями.

Конспектъ преподаванія логики, россійской словесности и славянскаго языка въ Рязанской гимназіи.

Преподаваніе россійской словесности начинается въ первомъ классѣ съ легчайшаго: съ первоначальныхъ правилъ словесности или механизма краснорѣчія, вообще касательно развитія и сложенія идей, мыслей и періодовъ. Здѣсь преподается: 1) о логическихъ предложеніяхъ и происхожденіи періодовъ, 2) о простѣйшихъ способахъ распространять логическое предложеніе черезъ синонимы, эпитеты, чрезъ описанія, опредѣленія, раздробленія, противоположенія, при-

мѣры, исчисленіе обстоятельствъ, 3) о перемѣнѣ выраженій въ словахъ и цѣлыхъ предложеніяхъ безъ перемѣны смысла, 4) о формахъ періодовъ, 5) о простѣйшихъ первоначальныхъ формахъ рѣчи, а) хріи прямой, b) хріяхъ обратныхъ, с) силогизмахъ риторическихъ, d) рѣчахъ описательныхъ. Потомъ въ I классѣ преподается механизмъ россійскаго стихотворства въ слѣдующихъ статьяхъ.

1) О стопахъ, употребляемыхъ въ россійскомъ стихотворствѣ, 2) о риомахъ 3) о стихахъ ямбическихъ, 4) о стихахъ хореическихъ, 5) о стихахъ дактилическихъ, 6) о стихахъ амфибрахическихъ, 7) о стихахъ анапестоямбическихъ, 8) о стихахъ пеоническихъ и древнихъ русскихъ, 9) о стихахъ неровныхъ, 10) о строфахъ, 11) о стихотворной вольности. По развитіи и довольномъ приготовленіи умовъ питомцевъ въ 1 классѣ чрезъ вышеозначенное преподаваніе, съ особенною удобностію приступаютъ они къ слушанію логики во 2-мъ классѣ, которая преподается по слѣдующему обозрѣнію.

Отдѣленіе 1-е: о трехъ дѣйствіяхъ ума.

1) О понятіяхъ вообще, 2) о признакахъ, какъ основахъ понятій, 3) о происхожденіи физическихъ и отвлеченныхъ, 4) о раздѣленіи идей по 4-мъ категоріямъ: quantitas, qualitas, velatio, modalitas, 5) о понятіяхъ по количеству, 6) о понятіи по качеству, 7) о понятіяхъ по умопредставительности, 8) о понятіяхъ по разумоубѣдительности, 9) о качествахъ понятій, отъ ихъ взаимнаго сличенія происходящихъ, 10) о взаимномъ соединеніи понятій.

Отдѣленіе 2-е: о сужденіяхъ.

1) О происхожденіи и составѣ сужденій, 2) о раздѣленіи сужденій по четыремъ категоріямъ quantitas, qualitas, velatio, modalitas, 3) о сужденіи по количеству, 4) о сужденіи по качеству, 5) о сужденіяхъ по умопредставительности, 6) о сужденіяхъ по разумоубѣдительности, 7) о сужденіяхъ сложныхъ не-форменныхъ, 8) о качествахъ сужденій, отъ

ихъ взаимнаго сличенія происходящихъ, 9) наставленія о сужденіяхъ.

Отдѣленіе 3-е: о заключеніяхъ.

1) Понятіе и раздѣленіе заключеній, 2) о силлогизмахъ безусловныхъ полныхъ, 3) о силлогизмахъ условныхъ и раздѣлительныхъ, 4) о форменныхъ и не форменныхъ силлогизмахъ, 5) о силлогизмахъ сложныхъ, эпихеримѣ, соритѣ, наведеніи, также объ аналогіи, заключеніи отъ бо́льшаго къ ме́ньшему, и отъ ме́ньшаго къ бо́льшему, 6) правила здраво судить и умствовать, 7) о истинѣ логической и доказательствахъ, 8) объ отступленіи отъ истины, погрѣшностяхъ и неправильности идей, сужденій и заключеній. Къ сему присовокупляются практическія упражненія въ сочиненіи на первоначальныя правила логики и словесности.—

Въ III классѣ преподаются риторика и этимологія славянскаго языка. Риторика раздѣляется на двѣ части. Въ первой излагаются понятія и правила о слогѣ вообще: о ясности и красотѣ. Во второй части о разныхъ родахъ прозаическихъ сочиненій: письмахъ, разговорахъ, описаніяхъ, дидактическихъ сочиненіяхъ, повѣствовательныхъ, рѣчахъ ораторскихъ. Этимологія славянскаго языка преподается по плану учебной книги Пенинскаго. Въ третьемъ классѣ, сверхъ собственныхъ упражненій въ сочиненіи, читаются съ критическимъ разборомъ прозаическія лучшія сочиненія. Въ IV классѣ преподается краткая піитика, т.е. правила о разныхъ родахъ стихотворныхъ сочиненій, 1) о стихотвореніяхъ повѣствовательныхъ: а) баснѣ, сказкѣ и повѣсти, в) стихотвореніяхъ пастушескихъ, идилліи и эклогѣ, с) о поэмахъ эпическихъ, 2) о стихотвореніяхъ лирическихъ: одѣ, пѣснѣ, романсѣ, балладѣ и элегіи; о стихотвореніи дидактическомъ—посланіи, сатирѣ и поэмѣ, 4) о стихотвореніяхъ драматическихъ: трагедіи, комедіи, драмѣ, оперѣ, 5) о стихотвореніяхъ мелкихъ: а) эпиграммѣ, эпитафіи и проч.; славянскій синтаксисъ по учебной книгѣ и переводъ съ разборомъ пѣсней

изъ Дамаскина. Въ четвертомъ классѣ, сверхъ собственныхъ упражненій въ сочиненіи и переводахъ, читаются съ критическимъ разборомъ прозаическія и стихотворныя сочиненія попеременно".

Учитель исторіи представилъ слѣдующую программу предмета:

1) „Всеобщая исторія начнется въ I классѣ и, ежели позволитъ время, окончится, но ежели времени не достанетъ, то окончательный оной курсъ перенесется во II-й классъ.

2) Всеобщая географія—должна быть начата и окончена въ I классѣ.

3) Россійская исторія въ II классѣ; чтеніе же исторіи Н. М. Карамзина можетъ продолжаться и въ III-мъ классѣ, по крайней мѣрѣ о важнѣйшихъ событіяхъ.

4) Россійская географія въ II классѣ.

5) статистика знатнѣйшихъ иностранныхъ государствъ въ III классѣ, и

6) статистика Россійскаго государства въ IV классѣ.

Вышеназванныя науки, въ сходство предписанія высшаго начальства, имѣютъ преподаваться по книгамъ, отъ Главнаго училищъ Правленія изданнымъ.

Учебныя пособія суть.

a) Пространная исторія (всеобщ.) проф. Кайданова.

b) Пространное землеописаніе проф. Зябловскаго.

c) Исторія Россійскаго государства Н. М. Карамзина.

d) Статистика Россійскаго государства проф. Зябловскаго.

e) Плутархъ для юношества.

f) Вновь выходящія статьи въ журналахъ, до вышеупомянутыхъ наукъ касающіяся.

g) Глобусы, ландкарты, атласы, монеты, медали и рукописи".

Учитель латинскаго языка пишетъ:

1) До опредѣленія меня въ здѣшнюю гимназію къ должности старшаго учителя латинскаго языка, чтеніе онаго

преподавалось, какъ видѣть можно изъ книгъ, принадлежащихъ ученикамъ, по учебнымъ книгамъ, изданнымъ отъ Главнаго Правленія училищъ и Кошанскимъ. Сіи самыя книги намѣренъ и я принять учебными для преподаванія по онымъ во всѣхъ 4-хъ классахъ гимназіи.

2) Въ дополненіе къ симъ учебнымъ книгамъ, если оно окажется необходимо-нужнымъ, будутъ извлекаемы нѣкоторыя замѣчанія изъ книгъ, изданныхъ на сей предметъ г. г. И. М. Снегиревымъ, профессоромъ Императорскаго Московскаго университета, Кроненбергомъ, профессоромъ Императорскаго Харьковскаго университета, и Бантышемъ—Каменскимъ, которыхъ авторовъ буду имѣть себѣ и руководствомъ.

3) Расположеніе времени для преподаванія уроковъ латинскаго языка въ первыхъ трехъ классахъ гимназіи требуетъ, кажется, измѣненія по той причинѣ, что дни, назначенные для преподаванія въ каждомъ классѣ, съ одной стороны, очень близки разстояніемъ своимъ между собою, а съ другой, слишкомъ далеки и потому требуютъ распредѣленія болѣе уравнительнаго: такъ напримѣръ, въ I классѣ гимназіи преподаваніе латинскаго языка назначено по четвергамъ и пятницамъ;—разность между четвергомъ и пятницею далеко уступаетъ разности между пятницею и четвергомъ слѣдующей недѣли, такъ что въ первомъ случаѣ остается одинъ день для приготовленія урока, а въ послѣднемъ почти недѣля. Та же неудобность въ 2 и 3-мъ классахъ. Впрочемъ, время, опредѣленное для пройденія цѣлаго курса, кажется достаточнымъ къ окончанію тѣхъ занятій, которыхъ конспектъ совершенно сообразенъ съ цѣлію изученія языка, въ которомъ основныя правила этимологіи, какъ той части грамматики, гдѣ разсуждается о свойствахъ словъ порознь, должно предшествовать синтаксису, имѣющему цѣлію правильное ихъ между собою соединеніе, основанное на правилахъ, каждому языку принадлежащихъ; переводы же разныхъ авторовъ, какъ предметъ, къ коему направлено изученіе латинскаго

языка, должны занимать послѣднее мѣсто и употребляться въ высшихъ классахъ.

4) Ученики, записанные въ спискахъ, при каждомъ классѣ находящихся, не всѣ занимаются слушаніемъ уроковъ латинскаго языка, а нѣкоторые, вѣроятно, не безъ соизволенія начальства, освобождены отъ занятій по сему предмету. Также не всѣ снабжены учебными книгами, и даже нѣкоторые жалуются на невозможность будто-бы достать оныя.

5) Наконецъ, что принадлежитъ до нравственнаго образованія учениковъ, на сіе не могу представить никакого мнѣнія, тѣмъ болѣе, что на сей конецъ недостаточны одни теоретическія соображенія.

Конспектъ занятій по предмету латинскаго языка на наступающій академическій 1827 годъ.

Хотя на основаніи параграфа 25 устава учебныхъ заведеній учителю латинскаго языка назначено преподаваніе уроковъ въ недѣлю по 16 часовъ, но теперь оныя, будучи увеличены (неизвѣстно мнѣ, почему) еще двумя часами, составляютъ, слѣдовательно, 18 часовъ, которые расположены въ слѣдующемъ порядкѣ:

Классъ первый.	Классъ второй.	Классъ третій.	Классъ четвертый.
По четвергамъ отъ 10 до 12 часовъ и по пятницамъ отъ 3 до 5-ти часовъ послѣ обѣда.	По понедѣльникамъ отъ 3 до 5 часовъ послѣ обѣда, средамъ отъ 8 до 11 часовъ утра и четвергамъ отъ 3 до 5-ти ч. по полудни.	По понедѣльникамъ отъ 3 до 5 часовъ послѣ обѣда и субботамъ отъ 8 до 11 часовъ утра.	По вторникамъ отъ 3-хъ до 5 часовъ по полудни.

Въ теченіе академическаго года предлагается пройти.

Въ I классѣ. Первую часть грамматики-этимологіи, и при томъ ученики занимаемы будутъ чтеніемъ, въ которомъ большая часть изъ нихъ очень мало образованы.

Во 2-мъ классѣ. Синтаксисъ, сколько позволитъ время и не совершенно твердыя познанія въ грамматикѣ нѣкоторыхъ учениковъ.

Въ 3-мъ классѣ. Предполагается окончить синтаксисъ и показать практически примѣненіе правилъ онаго въ переводахъ изъ христоматіи Кошанскаго и съ грамматическимъ разборомъ оныхъ.

Въ 4-мъ классѣ. Ученики занимаемы будутъ переводами изустными и письменными изъ Корнелія Непота и другихъ авторовъ, изъ коихъ отрывки собраны въ христоматіи, изданной профессоромъ Императорскаго Московскаго университета И. М. Снегиревымъ, также и переводами съ отечественнаго языка на латинскій, при чемъ повторяемы будутъ вкратцѣ грамматическія и синтаксическія правила.

При семъ нужнымъ полагаю довести до свѣдѣнія Вашего, что ученики, поступившіе на сей годъ въ 1-й классъ гимназіи, не умѣютъ даже порядочно читать по-латыни, почему слѣдуетъ постановить твердымъ правиломъ, чтобы поступающіе изъ уѣзднаго училища въ 1-й классъ гимназіи были-бы непремѣнно достаточно образованы въ правильномъ чтеніи по-латыни и письмѣ подъ диктантъ, безъ чего необходимо замедляться будетъ преподаваніе грамматики и, слѣдовательно, не успѣется пройти все то, что слѣдовало бы въ первомъ классѣ".

Въ программѣ учителя французскаго языка значится:

1) „въ первомъ классѣ азбука Ornithologique,
во 2-мъ l'ami des enfants изъ Bergiun,
въ 3-мъ Morceaux choisis изъ Fénélon,
въ 4-мъ изъ Massilon, Fénélon, Rollin, Gessner, Du Halde, Watto, Buffon, Bossuet, Marmontel, Goldsmith, Cicéron и Bergasse.

Всѣ сіи авторы—по словесному одобренію покойнаго директора.

2) Весь учебный курсъ по французской словесности есть слѣдующій: въ 1-мъ классѣ отъ 1-го августа до 1-го

ноября буду читать по складамъ, отъ 1-го ноября—вокабулы, съ января по 1-е апрѣля то же самое съ прибавленіемъ вспомогательныхъ глаголовъ avoir и être, съ апрѣля до іюня начальныя правила правописанія, для чего употребляю Berquin, изъ котораго диктую съ краткимъ толкованіемъ всѣхъ грамматическихъ правилъ. Во 2-мъ классѣ отъ 1-го августа до 1-го ноября будутъ проходить всѣ четыре спряженія, равно и возвратный и безличный глаголы, писать подъ диктовку изъ Berquin; то, что они напишутъ, изъяснивъ слова на русскомъ языкѣ, переводятъ тутъ же въ классѣ; отъ 1-го ноября по іюнь грамматику и разборъ. Въ 3-мъ классѣ отъ 1-го августа по декабрь окончить грамматику. Станутъ писать подъ диктовку изъ Fénélon и, изъяснивъ слова на русскомъ языкѣ, переводятъ; отъ января по іюль то же самое съ требованіемъ синтаксиса въ 4-мъ классѣ. Отъ 1-го августа по декабрь продолжаютъ синтаксисъ, пишутъ подъ диктовку изъ авторовъ, выше сказанныхъ въ 1 §, и, изъяснивъ слова на русскомъ языкѣ, переводятъ; отъ января по іюнь кончаютъ синтаксисъ, продолжаютъ равнымъ порядкомъ съ требованіемъ нѣсколькихъ басенъ de Florian.

3) Постепенный ходъ ученія моего слѣдующій: въ 1-мъ классѣ послѣ обыкновенной молитвы всѣ должны имѣть раскрытыя книги, и одинъ изъ учениковъ складываетъ по книгѣ, а другіе слушаютъ, они же часто перемѣняются; сіе производится не далѣе одного часа; потомъ я у нихъ спрашиваю наизусть вокабулы, которыя имъ пишу на доскѣ, а они списываютъ, равно и вышесказанные глаголы; на сіе потребно также часъ. Далѣе занимаюсь диктантомъ. Во второмъ классѣ: по приходѣ моемъ, задаю новый урокъ, который одинъ изъ лучшихъ учениковъ долженъ написать на доскѣ, а другіе списываютъ, то есть спряженіе, или грамматику, или разборъ, постепенно, какъ они слѣдуютъ въ 3 §; на сіе употребляется $^1/_4$ часа; потомъ на будущій классъ разспрашиваю у нихъ сей приготовленный урокъ наизусть, на что потребно $^1/_2$ часа;

остальное время служитъ на диктовку, и то, что они напишутъ, переводятъ сейчасъ же. Въ 3-мъ классѣ: продиктовавъ грамматику или синтаксисъ, я у нихъ спрашиваю прежній урокъ наизусть вмѣстѣ съ переводомъ, на что потребно 1 часъ, а другой употребляется писать подъ диктовку и переводить. Въ 4-мъ классѣ: продиктовавъ синтаксисъ, равно какъ и въ III классѣ, спрашиваю прежній урокъ съ переводомъ; также и басни, продиктовавъ имъ, заставляю переводить. Сей способъ очень удаченъ, и только тѣ не дѣлаютъ успѣха, которые въ 1-мъ классѣ по моему предмету были очень слабы, а въ другихъ или хороши или посредственны, и были постепенно переводимы изъ класса въ классъ".

Учитель нѣмецкаго языка пишетъ слѣдующее:

„Въ 1-мъ классѣ первоначальная учебная книга нѣмецкаго языка, содержащая въ себѣ правила чтенія и произношенія, съ собраніемъ нужнѣйшихъ словъ и реченій, по лучшимъ словарямъ и грамматикамъ составленная В. Кряжевымъ; книжка нравоучительная нѣмецкая для чтенія. Во 2-мъ классѣ начало грамматики г. Ульриха и нравоучительныя сказки и басни г. Кампе, которыя переводить начинаютъ. Въ 3-мъ классѣ продолженіе грамматики; переводы изъ Рихартса, Энгеля, Циммермана, Гейнзе, Гете, Шторха, Геллерта, Шиллера, Миллера, и разныхъ другихъ авторовъ. Въ 4 класѣ окончаніе грамматики и тѣ же авторы для перевода, какъ въ 3-мъ классѣ. Курсъ нѣмецкаго языка располагается во всѣхъ 4-хъ классахъ слѣдующимъ образомъ: въ 1 классѣ отъ 1 августа до 1 ноября учатъ азбуку и читаютъ по складамъ; отъ 1-го ноября учатъ вокабулы и занимаются чтеніемъ и письмомъ до апрѣля; съ 1-го апрѣля до іюня то же самое съ прибавленіемъ правилъ для правописанія изъ грамматики г. Ульриха, которыя изъясняются для практическаго упражненія. Во 2-мъ классѣ: отъ 1-го августа до 1-го декабря проходятъ грамматику г. Ульриха съ начала до имени прилагательнаго, пишутъ подъ диктовку изъ Кампе и, изъяснивъ, переводить начинаютъ; отъ 1-го декабря до іюня продолжаютъ грамма-

тику до правильныхъ глаголовъ и переводятъ то же. Въ 3-мъ классѣ: отъ 1-го августа до 1-го декабря продолжаютъ грамматику Ульриха, начиная со 2-го отдѣленія правильныхъ глаголовъ до 2-го отдѣленія неправильныхъ глаголовъ; изъяснивъ имъ слова и продиктовавъ, переводятъ оную диктовку по правиламъ и дѣлаютъ разборъ. Съ 1-го декабря по іюнь продолжаютъ грамматику отъ 2-го отдѣленія неправильныхъ глаголовъ до словосочиненія и продолжаютъ переводы и разборъ. Въ 4-мъ классѣ: отъ 1-го августа до декабря проходятъ правила словосочиненія до 7-ой главы объ управленіи глаголовъ, пишутъ подъ диктовку и, изъяснивъ имъ нѣкоторыя слова, оную переводятъ; съ 1-го декабря по іюнь оканчиваютъ словосочиненіе, занимаются переводами и разборомъ."

Особенно интересна записка учителя естественной исторіи:

„1) Во всѣхъ классахъ, пишетъ онъ, за руководство въ преподаваніи уроковъ имѣется естественная исторія г. профессора И. А. Двигубскаго; введена для употребленія съ дозволенія Училищнаго Комитета.

2) Записокъ для учениковъ, которыя были бы диктованы въ классѣ, мною не составляется, а ученики сами собою дѣлаютъ замѣчанія изъ объясняемаго отъ меня урока, въ силу положенія устава учебныхъ заведеній.

3) Какъ гимназическая библіотека по части естественной исторіи мало имѣетъ книгъ, могущихъ служить въ классное пособіе, то и нельзя было назначить нѣсколькихъ авторовъ для пополненія уроковъ по сей части; впрочемъ читаются ученикамъ для сей цѣли выписанныя прежнимъ г. директоромъ книги: Зритель Божіихъ дѣлъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы поселить въ ученикахъ расположеніе при воззрѣніи на дѣла Божіи, восходить по лѣствицѣ сотвореннаго къ Виновнику всяческихъ; а въ другое время: Картина промысла Божія соч. Бланшарда, а именно тѣ мѣста, которыя сообразны съ вышеозначенною цѣлію.

4) Въ первомъ классѣ проходится минералогія, которая

иногда не вся оканчивается въ семъ классѣ, а остается для прохожденія въ слѣдующемъ классѣ; во второмъ классѣ начинается ботаника, и въ теченіе года ученики успѣваютъ пройдти общія понятія о растеніяхъ и первые восемь классовъ растеній, по исправленной Линнеевой системѣ; въ третьемъ оканчивается ботаника и начинается зоологія, изъ которой проходится раздѣленіе животныхъ на классы, общія понятія о млекопитающихъ и до 4-хъ порядковъ сего класса животныхъ; въ 4-мъ классѣ оканчивается зоологія и остается нѣсколько времени для повторенія.

5) Для прохожденія курса естественной исторіи времени достаточно.

При преподаваніи естественной исторіи поступаю такъ: въ началѣ класса спрашивается мною урокъ, для чего ученики вызываются по два или по три къ учительскому столу, чтобы они не надѣялись на подсказываніе своихъ товарищей; по спросѣ урока объясняется слѣдующій урокъ, при чемъ ежели есть самые предметы въ натурѣ или въ изображеніяхъ, то они показываются учащимся. Въ силу устава учебныхъ заведеній ученики записываютъ то, что сказано къ объясненію или пополненію урока, и по изъясненіи спрашиваются, какъ они поняли преподанное; сіе же правило наблюдается и при прочитываніи статей изъ книгъ, служащихъ къ пополненію уроковъ. Для возбужденія размышленія учащихся предлагаются имъ вопросы, для чего такое или другое устроеніе находится въ натурѣ разсматриваемыхъ существъ. Наблюдается также положеніе педагогическаго совѣщанія Рязанской гимназіи—по прошествіи мѣсяца повторять пройденное въ теченіе сего времени, что дѣлается и въ другое время, когда позволятъ остающіеся часы. При преподаваніи ботаники ученики занимаются разбираніемъ свѣжихъ растеній. Въ четвертомъ классѣ рекомендуется учащимся собирать разныя извѣстія, относящіяся сколько-нибудь къ естественной исторіи. Преподающій старается по мѣрѣ силъ и способовъ, такъ сказать, естественными іероглифами

руководить къ открытію нравственнаго смысла въ оныхъ, поколику представляется къ тому случай. Сколько замѣтить могъ, ученики останавливаются въ занятіяхъ по классу естественной исторіи нѣсколько тѣмъ, что они считаютъ сей предметъ не столько нужнымъ для будущихъ занятій и службы, къ чему не мало способствуютъ внушенія и самихъ родителей, также и потому, что для поступленія въ университетъ незнаніе сего предмета не дѣлаетъ, какъ они полагаютъ, большого препятствія; ослабляется ихъ рвеніе и тѣмъ, что при преподаваніи сего предмета ихъ вниманіе и любопытство не удовлетворяется видѣніемъ, по крайней мѣрѣ, изображеній тѣхъ предметовъ, о которыхъ они читаютъ въ своей учебной книгѣ или о которыхъ говорится въ классѣ.

Для большаго успѣха по части натуральной исторіи и чтобы соединить теорію съ практикой, считаю нужнымъ:

1) Предписать, чтобы каждый ученикъ собиралъ камни, ему встрѣчающіеся, позамѣчательнѣе, растенія и насѣкомыя, замѣчалъ простонародное названіе и употребленіе ихъ въ народѣ, что преимущественно надобно разумѣть о растеніяхъ.

2) Чтобы каждый ученикъ, живущій въ какомъ-либо уѣздѣ, непремѣнно, особенно въ вакаціонное время, представлялъ, при возвращеніи въ гимназію, какіе-либо предметы изъ царства природы. Сіе доставитъ ученику въ свободное время не безполезное и пріятное занятіе и сколько-нибудь будетъ споспѣшествовать къ узнанію топографіи Рязанской губерніи. О семъ подтверждаемо было покойнымъ г. директоромъ.

3) Приказать ученикамъ записывать встрѣчающіяся достопримѣчательности относительно пользы, способы употребленія или добыванія естественныхъ тѣлъ, какъ напримѣръ, описывать, какъ производится звѣриная ловля, птичья охота, ловля рыбъ, добываніе марены или обработываніе какого-либо красильнаго вещества; сіе пріучило бы учениковъ обращать вниманіе на свѣдѣнія, обращающіяся

въ народѣ, которыя, не смотря на свою полезность, по невниманію остаются въ небреженіи, и, можетъ быть, сколько нибудь пріучило бы описывать статистическіе предметы.

Касательно наблюденія нравственности учениковъ, покойнымъ господиномъ директоромъ Иваномъ Михайловичемъ Татариновымъ избраны были возможныя средства. Оныя состояли въ учрежденіи:

1) Старшины, надзирателей и ихъ помощниковъ, 2) таблицъ для прилежныхъ и лѣнивыхъ учениковъ, 3) журнала и 4) ежедневныхъ рапортовъ, доставляемыхъ каждодневно дежурнымъ надзирателемъ. Касательно сихъ средствъ могу замѣтить слѣдующее:

О 2-мъ: желательно было бы, чтобы отличнѣйшіе ученики, сверхъ временнаго вписыванія на сихъ таблицахъ, были бы вписываемы на особенной доскѣ для памяти ихъ и для поощренія другихъ учащихся.

О 3-мъ: журналъ, гдѣ навсегда должно сохраниться воспоминаніе дурныхъ поступковъ, сколько до сихъ поръ могъ замѣтить, служилъ нѣкоторою мѣрою обузданія для не столько упорныхъ шалуновъ, и многіе опасаются быть внесенными въ сію книгу; къ большему дѣйствію сей книги нахожу полезнымъ, чтобы въ началѣ каждаго мѣсяца или, по крайней мѣрѣ, черезъ полгода, вносимы были имена всѣхъ учениковъ класса, чтобы можно вмѣстѣ видѣть, какіе ученики вели себя хорошо; по окончаніи мѣсяца г. директоръ дѣлалъ бы выговоръ и наказаніе дурнымъ ученикамъ, да похвалилъ бы хорошихъ.

О 1-мъ: касательно надзирателей нахожу замѣтить слѣдующее: дѣйствительно сія мѣра, при ограниченности возможныхъ средствъ, полагала нѣкоторую преграду шалостямъ, но не достигала своей цѣли совершенно потому, что надзиратели скрываютъ нерѣдко шалости своихъ товарищей даже и тогда, когда онѣ замѣчены учителемъ, изъ опасенія того, чтобы товарищи взаимно не обнаруживали ихъ шалостей, что я опытомъ знаю. Но, чтобы вмѣстѣ быть правыми,

надзиратели вмѣсто того, чтобы, по крайней мѣрѣ, приходить наравнѣ съ прочими товарищами, приходятъ въ классъ позднѣе. Съ другой стороны, считаю нужнымъ представить на ваше разсужденіе и сіе обстоятельство, что надзиратели и особенно старшина не имѣютъ почти никакихъ вещественныхъ побужденій къ надлежащему исполненію своей должности; для сего, кажется, не худо бы было поощрять не напрасно обѣщаемою наградою, соотвѣтственною трудамъ. Притомъ надобно замѣтить, что они къ товарищу, во всемъ имъ равному, не могутъ имѣть уваженія. Ежели бы была возможность, то прилично бы исправлять сію должность заслуженному инвалидному офицеру; касательно сихъ обстоятельствъ предлагаю слѣдующія мнѣнія.

1) Чтобы классныя внушенія подкрѣплялись и домашнимъ присмотромъ, надобно побудить родителей войти съ гимназіей въ ближайшее сношеніе. Почти сплошь случается, что отецъ или родственникъ совсѣмъ не хочетъ знать гимназіи, является туда всего разъ въ нѣсколько лѣтъ, и то въ такомъ случаѣ, когда дадутъ его питомцу аттестатъ не по его прихоти; для сего обязать родителей или попечителей, чтобы они навѣдывались въ дирекціи о прилежаніи и поведеніи своего питомца. Дирекція же напвяще оправдала бы себя, даже предъ глазами совсѣмъ беззаботныхъ воспитателей, ежели бы чрезъ полгода или, по крайней мѣрѣ, чрезъ годъ особенными билетами извѣщала о свойствахъ находящагося подъ вѣдѣніемъ ея ученика. Для тутошнихъ можно составить на особыхъ листахъ рекомендацію изъ ежемѣсячныхъ рапортовъ г. г. учителей и привѣсить ее на удобномъ мѣстѣ. Равнымъ образомъ родители каждаго должны доставать себѣ свѣдѣнія отъ дирекціи о благоповеденіи своего питомца, и чтобы, при первомъ извѣщеніи отъ дирекціи, опекуны принимали съ своей стороны или обще съ дирекціей мѣры объ исправленіи, поколику то нужно будетъ. Для нѣкоторыхъ слова, увѣщанія—напрасное дѣло, и потому

почитаю весьма нужнымъ, для страха другимъ, ввести тѣлесныя наказанія.

2) Надобно стараться придать вѣсъ гимназическимъ аттестатамъ, чтобы оные имѣли возможность не только для поступленія въ университетъ, но и на прочихъ путяхъ служенія имѣли бы свою цѣну; сіе прекратило бы самовольныя отлучки, отбытія отъ гимназіи.

3) Почитаю полезнымъ при посѣщеніяхъ Вашихъ по истеченіи мѣсяца дѣлать въ присутствіи Вашемъ вопросы изъ пройденныхъ предметовъ.

4) Чтобы избѣжать, для сохраненія времени, пустыхъ ученическихъ ссоръ, предоставить самимъ ученикамъ, т. е. надзирателямъ и ихъ помощникамъ, разбирать случающіяся между ними дрязги, дать имъ право присуждать и свое рѣшеніе представлять на утвержденіе учителю. Это пріучитъ ихъ къ гражданскимъ судамъ. Сіе наблюдается въ иностранныхъ училищахъ, причемъ замѣчается, что рѣдко ученики поступаютъ въ своихъ сужденіяхъ несправедливо.

5) Запретить всячески чтеніе романовъ, къ чему, какъ я замѣтилъ, ученики гимназіи имѣютъ большую склонность; и тутъ увѣщанія ничего не помогаютъ, а вмѣсто того стараться замѣнить сіе вредное чтеніе чѣмъ-нибудь полезнѣйшимъ.

6) Почитаю полезнымъ для впечатлѣнія въ памяти примѣчательнѣйшихъ происшествій, равнымъ образомъ для образованія вкуса учениковъ къ изящному, украсить классныя комнаты историческими картинами, въ которыхъ бы съ интересностью событія соединена бы была превосходная нравственность, и чтобы сіи изображенія представлены были искусною рукою. Не могу себѣ представлять большой пользы отъ этого, но, при раскрытіи нравственнаго чувства, не надобно пренебрегать и малѣйшею выгодою.

7) Учредить классъ пѣнія, поколику то возможно будетъ. Съ доставленіемъ пріятнаго и полезнаго искусства непремѣнно впечатлѣются глубже благочестивыя чувствованія въ сердцѣ—прочнѣйшее основаніе воспитанія.

8) Установить, чтобы латинскій языкъ въ уѣздномъ училищѣ былъ изучаемъ, чтобы ученики, поступающіе въ гимназію, были доведены въ ономъ до того, чтобъ знали по крайней мѣрѣ всѣ склоненія сего языка, и съ сими только свѣдѣніями принимать въ гимназію и другихъ учениковъ, поступающихъ изъ домовъ.

Расположеніе часовъ по классу естественной исторіи: въ первомъ классѣ: вторникъ и четвергъ отъ 3-хъ до 5-ти часовъ пополудни; во второмъ классѣ: суббота отъ 8 до 11-ти часовъ поутру; въ третьемъ классѣ: среда отъ 8 до 11-ти часовъ поутру; въ четвертомъ классѣ: понедѣльникъ и пятница отъ 3-хъ до 5-ти пополудни.

Состояніе гимназіи передъ введеніемъ новаго устава.

Въ 1832—33 г. выпуска не было, очевидно, вслѣдствіе преобразованія гимназіи. *) Такимъ образомъ, выпускъ 1831—32 г. былъ послѣднимъ при старомъ гимназическомъ уставѣ. Любопытно поэтому посмотрѣть данныя, которыя могутъ дать возможность до нѣкоторой степени судить объ успѣхахъ гимназистовъ при старомъ уставѣ. Данными этими могутъ служить отмѣтки, полученныя учениками гимназіи на экзаменѣ въ студенты университета. Мы приведемъ отмѣтки и рязанскихъ гимназистовъ и гимназистовъ другихъ гимназій, чтобы можно было сдѣлать сравнительную оцѣнку.

	З. Б.	Р. я.	Л. я.	Гр. я.	Фр. я.	Нѣм. я.	Геогр. ист.	Мат.	Физ.	Заключеніе.
Моск. Губ. Гим.										
Бурцовъ	2	3	3	2	2	3	1	1	3	20
Голенищевъ . . .	—	—	—	—	abs.	—	—	—	—	—

*) Новый уставъ (1828 г.) въ Рязанской гимназіи введенъ въ 1833 г.

	З. Б.	Р. я.	Л. я.	Гр. яз.	Фр. я.	Нѣм. я.	Геогр. ист.	Мат.	Физ.	Заключеніе.
Забѣлинъ	4	2	2	3	1	2	3	4	1	22
Кондратовъ	2	2	2	3	2	2	2	3	2	20
Марчинскій . . .	3	3	3	2	3	2	3	4	2	25
Мясниковъ . . .	2	2	3	2	1	2	3	3	2	20
Озеровъ	3	2	2	3	2	3	2	2	1	20
Протопоповъ. . . .	3	2	1	1	1	1	3	2	1	14
Сахаровъ	4	1	1	—	abs	0	0	1	0	7
Сергѣевъ	3	2	2	2	1	2	4	3	4	23
Соколовъ П. . .	3	3	3	2	3	3	2	3	3	25
Соколовъ Н. . .	2	3	2	3	2	1	2	3	2	20
Соханскій	3	2	2	2	1	3	2	4	2	21
Санинъ	3	3	3	2	4	3	3	2	1	24
Яковлевъ	3	2	0	2	1	1	1	3	3	16
Эйхе	1	2	2	3	3	3	3	3	2	22
Романовскій . . .	3	4	2	3	2	2	4	3	2	25
Тамбовской.										
Аргамаковъ	2	3	1	—	1	1	3	3	—	—
Бирюлинъ	1	3	1	0	1	1	1	0	1	—
Дондюзъ	кат.	2	0	0	4	1	1	1	0	—
Нестеровъ	2	2	3	1	2	—	1	1	0	—
Толмачевъ. . . .	3	2	1	0	1	1	2	2	0	—
Орловской.										
Баштановъ . . .	1	1	2	1	2	2	2	2	3	—
Миняевъ	2	1	0	1	1	1	2	2	2	—
Струковъ	2	2	0	—	1	1	1	2	1	—
Тевяковъ	3	2	2	—	2	1	1	2	1	—
Смоленской.										
Барановъ	—	—	—	abs.	—	—	—	—	—	—
Панковъ	—	—	—	abs.	—	—	—	—	—	—
Сорокинъ	3	abs	1	2	1	0	—	abs	0	—
Ситкинъ	2	2	1	0	1	1	1	1	0	—
Сорокинъ А. . .	—	—	—	abs.	—	—	—	—	—	—
Строгоновъ . . .	3	2	3	3	2	0	3	2	2	20
Чернобуровъ. . .	1	—	0	2	abs	—	abs	—	—	—

	З. Б.	Р. я.	Л. я.	Гр. яз.	Ф. я.	Н. я.	Геогр. ист.	Мат.	Физ.	Заключеніе.
Тверской.										
Васильевъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Дехтяревъ	2	1	1	—	2	1	1	1	2	—
Звѣревъ . , . .	4	3	3	—	1	2	3	2	2	20
Соловьевъ	2	2	1	—	1	0	1	1	0	—
Владимірской.										
Веригинъ	4	3	3	—	—	1	3	2	3	20
Кувшиновъ . . .	3	2	2	—	3	3	3	2	2	20
Пузановъ	3	1	2	—	1	—	3	2	0	12
Тюринъ	3	2	3	—	2	1	3	3	3	20
Сахаровъ	4	0	2	—	1	1	2	2	1	—
Рязанской.										
Григорьевъ Ник. .	2	2	3	—	1	3	1	2	3	—
Ипатьевъ Иванъ .	3	3	0	0	1	2	2	1	1	—
Исаевъ Василій. .	3	2	1	0	1	1	1	1	3	—
Казинъ Андрей. .	2	3	3	3	3	3	3	2	1	23
Лукинъ Алексѣй .	1	1	1	0	1	2	1	—	1	—
Спекторскій Вас. .	3	2	2	—	2	3	3	2	3	20
Калужской.										
Лавровъ	2	—	0	—	—	—	1	2	0	—
Миренгольцъ. . .	1	2	0	1	—	1	1	0	0	—
Николаевъ. . . .	—	—	—	abs	—	—	—	—	—	—
Покровскій . . .	—	—	—	abs.	—	—	—	—	—	—
Тульской.										
Муратовъ	1	2	3	2	1	2	2	1	1	—
Некрасовъ. . . .	2	—	3	—	1	0	—	—	2	—
Ярославской.										
Часовниковъ Д. .	4	3	2	—	2	3	2	4	2	22
Часовниковъ Ст. .	3	4	3	—	2	2	4	2	2	22
Костромской.										
Окатовъ.	3	3	4	3	1	1	4	2	4	25

Любопытныя данныя о состояніи гимназіи передъ введеніемъ новаго устава даетъ намъ визитаторскій отчетъ заслуженнаго проф. Цвѣтаева, ревизовавшаго гимназію въ 1830 г. Вотъ что говорится въ этомъ отчетѣ.

Въ IV классѣ учениковъ считается 25, въ III—26, во II—34, въ I—53—всего 138; въ томъ числѣ дворянъ 82, оберъ-офиц. дѣт. 34 человѣка. Это число учащихся показываетъ, что гимназія находится въ цвѣтущемъ состояніи. Честь сего принадлежитъ свѣдущимъ учителямъ, а наиболѣе попечительности г. директора, который, бывъ самъ просвѣщенный человѣкъ, при неутомимой дѣятельности, имѣетъ всю возможность управлять ходомъ ученія и вести его правильными путями къ цѣли. Почему я честь имѣю рекомендовать его къ примѣрной наградѣ. Изъ учителей, которые всѣ безъ исключенія заслуживаютъ похвалу и ободреніе отъ начальства, особенно рекомендую во вниманіе онаго, Воздвиженскаго, преподающаго естественныя науки, который съ познаніемъ оныхъ соединяетъ свѣдѣнія по другимъ частямъ и есть истинно ученый человѣкъ, и Ставрова, обучающаго математикѣ и физикѣ, который, зная основательно свою часть, имѣетъ необыкновенную способность преподавать; успѣхи учениковъ въ его частяхъ отмѣнны, успѣхи въ другихъ предметахъ по недавности открытія курса ученія означить не можно, но по довѣренности публики, видимой изъ количества учащихся, можно безошибочно утверждать, что оные весьма хороши, исключая развѣ одни иностранные языки, въ которыхъ успѣхи не равняются съ успѣхами въ прочихъ предметахъ; это слабая сторона всѣхъ видѣнныхъ мною гимназій, но г. директоръ принялъ мѣры къ усовершенствованію сей части; онъ предписалъ начинать ученье языкамъ въ уѣздныхъ училищахъ съ тѣми учениками, которые предполагаютъ изъ оныхъ вступить въ гимназію.

Домъ собственный гимназіи есть зданіе огромное, и даже великолѣпное; внутри весьма помѣстителенъ; зала обширная, для классовъ, библіотеки, кабинетовъ, совѣта гимназическаго

комнаты просторныя; въ нижнемъ этажѣ и во флигеляхъ помѣщаются удобно директоръ и почти всѣ учители; домъ содержится извнѣ и внутри въ чистотѣ. Всѣ принадлежности гимназіи, т. е. библіотека, кабинеты, приходо-расходныя книги и дѣла въ наилучшемъ порядкѣ и исправности; денежныя суммы въ цѣлости.

Ревизовавшіе губернію 24 марта 1830 г. сенаторы Огаревъ и Салтыковъ дали лестный отзывъ о гимназіи; такой же лестный отзывъ находимъ мы и въ визитаторскомъ отчетѣ чиновника особыхъ порученій Попечителя Москов. уч. округа князя Голицына, ревизовавшаго гимназію 15 мая 1833 г.

Слѣдуетъ, однако, на ряду съ этими положительными отзывами о состояніи гимназіи, отмѣтить, что библіотека гимназіи не была въ большомъ порядкѣ. По крайней мѣрѣ, орд. проф. Василевскій, ревизовавшій гимназію въ 1827 г., нашелъ библіотеку въ безпорядкѣ; библіотекарю Горетовскому въ виду этого предписано было привесть ее въ надлежащій порядокъ, причемъ ему рекомендовано воспользоваться совѣтами старшихъ учителей, которые получили высшее образованіе.

Посѣщеніе гимназіи Государемъ Императоромъ Александромъ I-мъ въ 1824 г.

Вторую главу этого историческаго очерка всего приличнѣе закончить разсказомъ о событіи, осчастливившемъ Рязанскую гимназію, именно о посѣщеніи ея Государемъ Императоромъ Александромъ I-мъ.

Государь прибылъ въ гимназію 24-го августа 1824 г. въ началѣ 3-го часа пополудни. Его встрѣтили семейства учителей въ русскихъ костюмахъ и усыпали путь его цвѣтами. Государю были представлены учителя и ученики. Онъ прошелъ чрезъ классы, подробно осматривалъ кабинеты физическій и минералогическій. Государь особенно заинтересовался собраніемъ монетъ. Во все время онъ былъ крайне милостивъ и, прощаясь, сказалъ директору: „Мнѣ

очень пріятно объявить Вамъ совершенную мою благодарность за устройство ввѣренной Вамъ части".

На слѣдующій день собрался совѣтъ въ полномъ составѣ (въ немъ были и учителя уѣзднаго училища) и единогласно постановилъ:

1) Составить журналъ сего счастливѣйшаго для Рязанской гимназіи событія и подписать оный всѣмъ, присутствовавшимъ при ономъ.

2) Принести въ полномъ собраніи гимназіи будущаго 30 августа, въ день тезоименитства Государя Императора, благодарственное Господу Богу моленіе о здравіи и благоденствіи Государя Императора и всего Августѣйшаго дома.

3) Увѣковѣчить въ память позднаго потомства сіе счастливое событіе, соорудивъ памятникъ въ залѣ гимназіи на черной мраморной доскѣ золотыми буквами съ слѣдующею надписью: Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ I-й Высочайше удостоилъ посѣщеніемъ и обозрѣніемъ Рязанскую гимназію 1824 г. августа 24 дня.*)

4) Весь журналъ сей напечатать на пергаментѣ золотыми буквами въ золотой рамѣ и поставить въ совѣтѣ гимназіи; подлинникъ же съ настоящими подписями хранить при дѣлахъ гимназіи.

5) Ежегодно 24 августа гимназія празднуетъ день сей приличнымъ образомъ: утромъ до обѣдни служатъ въ гимназіи благодарственное моленіе, и день свободенъ отъ ученія.

Подлинный подписали: директоръ Татариновъ, учителя: Гаретовскій, Милашевичъ, Воздвиженскій, Ставровъ, Свистовскій, Эрлихъ, Тюрбертъ, Боссъ, смотритель уѣзднаго училища Вознесенскій, учителя: Радугинъ и Кириловъ.

---

*) Памятникъ для воспоминанія посѣщенія Государемъ гимназіи былъ готовъ въ ноябрѣ 1825 г. и выставленъ въ залѣ гимназіи; впрочемъ онъ не былъ сдѣланъ въ томъ видѣ, какъ постановилъ Совѣтъ, а гораздо проще.

ГЛАВА III.

1833—1849 годъ.

Перемѣны въ составѣ преподавателей по Закону Божію и латинскому языку.

Уставъ 1828 г. введенъ былъ не тотчасъ же, а нѣсколько лѣтъ спустя послѣ обнародованія. Въ промежутокъ времени до его введенія (въ 1833 г), кромѣ перемѣнъ въ составѣ преподавателей, ничего особеннаго не замѣтно въ жизни Рязанской гимназіи. Особенно часты были смѣны законоучителей и преподавателей латинскаго языка; нѣкоторое время преподавалъ Законъ Божій учитель словесности И. А. Горетовскій, потомъ протоіерей Введенской церкви Поспѣловъ и наконецъ протоіерей магистръ Полотебновъ. Послѣ смерти преподавателя латинскаго языка Свистовскаго слѣдовали одинъ за другимъ преподаватели Хламовъ, прослужившій 9 мѣсяцевъ, Семеновъ—4-е мѣсяца, Надеждинъ—11 мѣсяцевъ, Вознесенскій — 8 мѣсяцевъ и, наконецъ, Величковскій—около 7-ми лѣтъ, вплоть до введенія новаго устава.

Приватное преподаваніе греческаго языка.

Четырехклассный курсъ ученія расширился введеніемъ новаго предмета—именно греческаго языка, который, впрочемъ, сначала преподавался приватно. Безплатное преподаваніе этого предмета приняли на себя поочередно сначала законоучитель Поспѣловъ, а потомъ законоучитель Полотебновъ. Къ сожалѣнію, мы не находимъ указаній, какъ и въ какомъ размѣрѣ преподавался этотъ предметъ.

Холера.

Въ 1831 году наше отечество было постигнуто великимъ общественнымъ бѣдствіемъ—холерою. Хотя она коснулась и Рязанской губерніи, но не видно, чтобы по этому случаю было прекращено ученіе или произошла въ немъ какая-либо остановка.

Пожаръ.

Въ 1831 г. 22 августа отъ неосторожности при топкѣ печки произошелъ пожаръ, отъ котораго сгорѣло 3 глобуса, два ящика медалей, объясняющихъ русскую исторію, четыре изображенія костяной работы.

Преобразованіе гимназіи.

Рязанская гимназія была преобразована по новому уставу 1828 года въ 1833 году. 17, 18, и 19 августа 1833 г. въ гимназіи было торжественное годовое собраніе и вмѣстѣ открытіе по уставу 1828 г.

Существенныя стороны преобразованія гимназій.

Существенныя измѣненія, внесенныя уставомъ 1828 г. въ жизнь гимназій, заключались въ слѣдующемъ. Прежній четырехлѣтній курсъ гимназическій замѣненъ семилѣтнимъ, причемъ усилено было преподаваніе древнихъ языковъ и математики; преподаваніе же естественныхъ наукъ сократилось въ значительной степени.

Слѣдуетъ притомъ замѣтить, что для усиленія надзора за учениками введена была инспекція.

Новый методъ преподаванія.

Уставомъ 1828 г. указывался и новый методъ преподаванія въ противоположность прежнему. Въ § 160 устава говорилось: „соотвѣтственно возрасту учащихся руководство можетъ быть двухъ родовъ.

1) Въ нижнихъ классахъ учитель долженъ болѣе объяснять и часто повторять свои объясненія, но стараясь и тогда уже, посредствомъ вопросовъ и задачъ, пріучать дѣтей разсуждать, соображать, однимъ словомъ, дѣйствовать умомъ своимъ.

2) Въ классахъ высшихъ сія умственная дѣятельность учениковъ по указаніямъ учителя долженствуетъ еще быть усилена. Простое диктованіе уроковъ, служащее лишь къ механическому затверживанію наизусть, ни въ какомъ случаѣ не допускается“. Это было прямымъ указаніемъ на существенный недостатокъ преподаванія въ прежнее время.

Предметы преподаванія.

Кругъ преподаваемыхъ предметовъ по новому уставу состоялъ: изъ Закона Божія, логики и русской словесности, русской грамматики, географіи, исторіи и статистики, низшей и высшей математики и физики, латинскаго языка, греческаго языка, нѣмецкаго и французскаго языка, чистописанія, рисованія и черченія.

Новые штаты. Хотя греческій языкъ вводился не во всѣхъ мѣстахъ, но Рязанская гимназія не была исключеніемъ. Такимъ образомъ штаты въ ней образовались слѣдующіе.

Директоръ съ окладомъ 3000 р. (сюда входила сумма на разъѣзды и на канцелярію). Инспекторъ съ окладомъ 1600 руб., шесть старшихъ учителей 1375 р., три младшихъ (младшими считались учитель русскаго языка и географіи, учителя французскаго и нѣмецкаго языковъ) 1200 руб., законоучитель 1000 руб., учитель рисованія 900 рублей (серебромъ.)

При этихъ штатахъ предметы распредѣлялись слѣдующимъ образомъ.

Распредѣленіе предметовъ	классы.							Всѣхъ уроковъ.	Всѣхъ часовъ.
	1	2	3	4	5	6	7		
Законъ Божій . . .	2	2	2	2	1	1	1	11	16 ½
Русская словесность .	4	4	4	3	3	3	2	23	34 ½
Латинскій яз. . . .	4	4	4	4	4	3	3	26	39
Греческій яз.	—	—	—	5	5	5	5	20	30
Нѣмецкій яз.	2	2	2	3	3	3	3	18	27
Французскій яз. . .	—	—	—	3	3	3	3	12	18
Математика	4	4	4	1	1	1	—	15	22 ½
Географія	2	2	2	1	1	1	—	9	13 ½
Исторія	—	—	2	2	3	3	3	13	19 ½
Физика	—	—	—	—	—	2	2	4	6
Чистописаніе	4	4	2	—	—	—	—	10	15
Черченіе	2	2	2	1	1	1	1	10	15

Ежедневно было по 6-ти уроковъ, каждый въ 1 ½ часа. Въ четырехъ высшихъ классахъ въ среду уроки были только по утрамъ.

Срокъ ученія. Казеннокоштный ученикъ могъ пробыть въ классѣ 2 года, содержащійся на счетъ благотворителей 3 года, своекоштный 4 года.

Требованія отъ вступающихъ. Для поступленія въ первой классъ требовалось умѣть читать, писать и знать первыя четыре дѣйствія ариѳметики.

Права занимающихся греческимъ языкомъ. Занимавшійся греческимъ языкомъ оканчивалъ курсъ гимназіи съ чиномъ XIV класса.

Требованія объ улучшеніи учебнаго состава гимназіи. Значительное возвышеніе окладовъ позволяло болѣе строго относиться къ выбору преподавателей, и, дѣйствительно, на эту именно сторону были направлены всѣ усилія правительства. „Введеніемъ въ дѣйствіе новаго штата", говорится въ циркулярѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 7-го іюля 1833 г., „улучшается состояніе учителей; чрезъ то открывается возможность снабдить учебныя заведенія истинно достойными наставниками. Поэтому вмѣняется г. директору въ обязанность сдѣлать сообразно сему разборъ учителей и оклады по новымъ штатамъ назначить только дѣйствительно способнымъ и пріискать на мѣсто другихъ новыхъ, лучшихъ".

При этомъ рекомендовалось одному учителю 2-хъ предметовъ не поручать и жалованья по двумъ должностямъ не назначать. Сверхъ того, требовалось точно опредѣлить, какому классу долженъ соотвѣтствовать прежній 4-й классъ—5, 6, или 7-му.

Обсужденіе этихъ требованій въ гимназіи. Эти требованія были обсуждены въ педагогическомъ совѣтѣ подъ предсѣдательствомъ директора Н. Н. Семенова. Помѣщеніе гимназіи дозволяло устройство 7-ми классовъ, но при этомъ занято было временно зданіе гимназическаго пансіона, пожертвованное гимназіи незадолго передъ тѣмъ, о чемъ говорится ниже. Такимъ образомъ, при открытіи 7 классовъ прежній четвертый классъ становился седьмымъ.

Составъ преподавателей и количество учениковъ при введеніи новаго устава. Составъ преподавателей, съ преобразованіемъ по новому уставу, значительно измѣнился и вмѣстѣ обновился къ лучшему приливомъ новыхъ силъ.

Директоромъ оставался попрежнему Н. Н. Семеновъ.

Инспекторомъ былъ сдѣланъ преподаватель исторіи Ляликовъ, а его мѣсто занялъ преподаватель естественной исторіи—Воздвиженскій. Преподаватель латинскаго языка Величковскій принялъ на себя преподаваніе русскаго языка. Изъ прежнихъ остался еще преподаватель математики Ставровъ. Затѣмъ вновь были назначены: законоучитель Орестовъ, (который уже не преподавалъ греческаго языка совмѣстно съ Закономъ Божіимъ), преподаватели русской словесности и русскаго языка—Титовъ и Орфеновъ, латинскаго языка—Тарасовъ и Казанцевъ, а впослѣдствіи Янковскій; исторіи Панютинъ, съ 1834 г. занявшій мѣсто Воздвиженскаго. Только спустя нѣкоторое время мѣсто учителя греческаго яз. занято было преподавателемъ Волченскимъ. Преподаватель французскаго языка Тюрбертъ замѣненъ Барбе, а нѣмецкаго языка Боккъ—Гергеромъ.

Число учащихся. Выпуска учениковъ въ этомъ году не было; число ихъ распредѣлялось по классамъ слѣдующимъ образомъ: въ VII кл. 13; VI кл.—20; V кл.—29; IV—40; III—41; II—56; I—62, итого 261; изъ нихъ дворянъ—168; оберъ-офицерскихъ дѣтей—59; купцовъ и мѣщанъ—22; разночинцевъ—12.

Заботы объ открытіи пансіона. Вмѣстѣ съ преобразованіемъ гимназій правительствомъ настоятельно рекомендовалось открытіе пансіоновъ. Мы видѣли, какъ неудачно окончились въ этомъ отношеніи попытки директора Татаринова. По желанію попечителя, директоръ Семеновъ вошелъ съ предложеніемъ о томъ же къ рязанскому благородному дворянству. Онъ рекомендовалъ установить сборъ по 71 к. съ ревизской души въ теченіе 3-хъ лѣтъ, чрезъ что должно было получиться слишкомъ 200 тыс., и указывалъ на примѣръ псковскаго дворянства. Но дворянство рязанское въ собраніи 31-го января 1833 года предлагало свои условія, между прочимъ сборъ въ теченіе 5-ти лѣтъ по 1 рублю, при чемъ оно требовало передачи себѣ стараго дома гимназіи. Дѣло затянулось бы, если бы не принялъ его на себя почетный попечитель Рязанской гимназіи Н. Г. Рюминъ. Подробности о жизни этого замѣчательнаго благотворителя по

учебному дѣлу можно найти въ „Словарѣ замѣчательныхъ людей“ Бантышъ-Каменскаго. Онъ былъ избранъ почетнымъ попечителемъ въ 1833 году 22 февраля. Когда учебное начальство находилось въ затрудненіи относительно открытія пансіона при гимназіи, Николай Гавриловичъ убѣдилъ своего брата уступить ему домъ, гдѣ нынѣ помѣщается гимназическій пансіонъ. Н. Г. заплатилъ за домъ 100 тысячъ и, сверхъ того, пожертвовалъ 10 тысячъ на первоначальное обзаведеніе. Высочайшая признательность и Орденъ Св. Анны 2 степени были знакомъ Высочайшаго вниманія къ нему. Директоръ также удостоился Высочайшаго благоволенія за свои труды по открытію пансіона.

Открытіе пансіона. Такимъ образомъ, пансіонъ былъ открытъ 6-го декабря 1833 г. Сюда потомъ были переведены и нѣкоторые классы, изъ коихъ 1-й и 2-й помѣщались въ немъ до 1873 года.

Открытіе произошло слѣдующимъ образомъ:

„Наканунѣ торжества, 5-го декабря, въ домѣ пансіона въ присутствіи почетнаго попечителя, начальства и учителей гимназіи, родителей пансіонеровъ и публики отправлено всенощное бдѣніе. Въ самый же день торжества, 6 декабря, по окончаніи Божественной литургіи въ каѳедральномъ соборѣ, чиновники, дворянство, почетнѣйшіе жители города и родители собрались въ залъ пансіона. По прибытіи Высокопреосвященнаго Евгенія началось молебствіе съ водоосвященіемъ, по окончаніи коего провозглашено многолѣтіе Государю Императору, начальствующимъ лицамъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и основателю благодѣтельнаго сего заведенія, почетному попечителю Н. Г. Рюмину. Послѣ молебствія старшій учитель гимназіи Титовъ читалъ утвержденное положеніе о благородномъ пансіонѣ, экземпляры коего тутъ же были розданы посѣтителямъ. Потомъ прочтенъ списокъ новопоступившихъ пансіонеровъ. За симъ инспекторомъ Ляликовымъ произнесена приличная сему случаю рѣчь. По окончаніи акта посѣтители обозрѣвали зданіе пансіона и уст-

ройство онаго, вполнѣ соотвѣтствующее назначенію. При посѣщеніи столовой, Высокопреосвященный благословилъ приготовленныя яства для учениковъ и сказалъ имъ слово. Посѣтители оставлены были обѣдать. Вечеромъ домъ былъ иллюминованъ".

Пожертвованія въ день открытія пансіона.

День открытія благороднаго пансіона основатель ознаменовалъ новыми приношеніями, принявъ на свое содержаніе въ пансіонѣ одного изъ бѣднѣйшихъ дворянскихъ дѣтей, и вмѣсто предположенныхъ 10 тысячъ ассигновалъ 25 тысячъ на первоначальное устройство пансіонскаго дома и обзаведеніе онаго всѣми необходимыми потребностями для 50 пансіонеровъ.

Штатъ пансіона.

Рязанскій благородный пансіонъ открытъ по штату на 50 человѣкъ. Плата за каждаго пансіонера установлена въ 500 руб. ассигнаціями. Плата за первоначальное обзаведеніе долгое время не была взимаема, такъ какъ она была обезпечена значительнымъ пожертвованіемъ Н. Гавр. при первоначальномъ устройствѣ пансіона. На обязанности инспектора лежалъ надзоръ по пансіону; въ помощь ему назначались три надзирателя. Сверхъ того, съ 1837 г. опредѣлены были особые надзиратели—комнатный и больничный.

Положеніе гимназіи послѣ устройства при ней благороднаго пансіона.

Съ основаніемъ при гимназіи благороднаго пансіона она получила тотъ внѣшній видъ, въ которомъ существовала и до 1890 г. Но что касается до внутренняго характера учебной жизни, то въ этомъ отношеніи впослѣдствіи пришлось ей испытать нѣсколько видоизмѣненій сообразно съ перемѣнами въ учебномъ уставѣ.

Мѣры къ усиленію успѣховъ по классическимъ языкамъ.

Уставъ 1828 г. полагалъ въ основаніе учебнаго строя гимназіи изученіе древнихъ языковъ, но принципъ этотъ на дѣлѣ не вполнѣ осуществлялся. Дѣло въ томъ, что по уставу 1828 г. греческій языкъ начинался лишь съ 4-го класса и на него назначено было всего 20 уроковъ, а на латинскій языкъ 26 уроковъ, т. е. тремя уроками

болѣе, чѣмъ на русскую словесность. Вслѣдствіе этого успѣхи по классическимъ языкамъ были не вполнѣ удовлетворительны и не соотвѣтствовали желанію начальства. Въ Рязанской гимназіи къ этому присоединилась частая смѣна преподавателей латинскаго и греческаго языковъ, причемъ ихъ уроки часто никѣмъ не занимались. Вслѣдствіе неоднократныхъ указаній Попечителя Округа на недостаточность успѣховъ по классическимъ языкамъ, директоръ Семеновъ въ 1837 г. рѣшилъ назначить приватные уроки „для возвышенія уровня знаній“ по латинскому языку, войдя для этого въ соглашеніе съ его преподавателями. Уроки эти были устроены по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 4 до 6-ти часовъ для 6-го и 7-го классовъ.

Программы преподавателей латинскаго и греческаго языковъ, относящіяся къ тому же 1837 г.

Объемъ знаній, которыя давала гимназія по древнимъ языкамъ лучше всего можно увидать изъ программъ латинскаго и греческаго языковъ за 1837 г. При составленіи этихъ программъ, по объясненію ихъ авторовъ, спеціально имѣлось въ виду расположить курсъ такимъ образомъ, чтобы онъ оказалъ замѣтное вліяніе на успѣхи учениковъ. Вотъ что пишетъ въ съ своей программѣ преподаватель Тарасовъ.

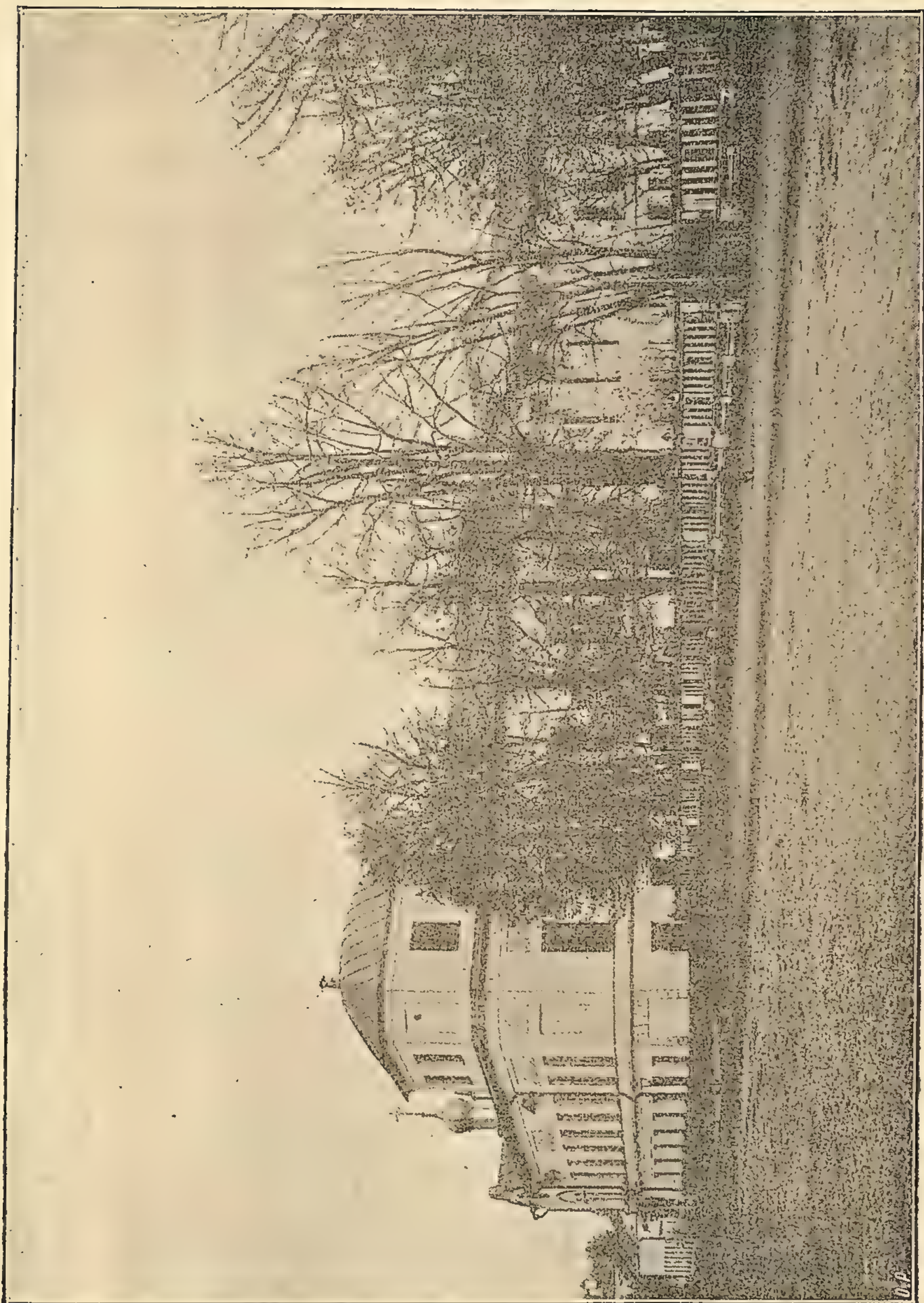
Конспектъ преподавателя Тарасова.

Классъ I-й.

„Руководствуясь вообще конспектомъ, составленнымъ по распоряженію начальства Московскаго учебнаго округа, я надѣюсь пройти этимологію правильныхъ формъ въ полномъ объемѣ. Сверхъ того, задавая по 15 вокабулъ къ каждому классу, я успѣю заучить болѣе 2000 словъ. Переводы съ русскаго языка на латинскій и обратно начнутся послѣ полнаго усвоенія формъ склоненій и спряженій. Разобраны будутъ съ обратнымъ переводомъ статьи: о небѣ, землѣ, человѣкѣ.

Классъ II-й.

Окончить этимологію во II классѣ считаю невозможнымъ въ полномъ объемѣ, такъ какъ однихъ неправильныхъ глаголовъ болѣе 1200, а съ словами и частицами (нарѣчіями, предлогами и союзами) будетъ болѣе 3000 словъ. Впрочемъ, сообщивъ кратко правила о долготѣ и

краткости и пройдя неправильные глаголы въ видѣ вокабулъ, я надѣюсь пройти этимологію и важнѣйшія правила синтаксиса. При этомъ будетъ переведено 59 басенъ и часть краткихъ повѣстей изъ книги Белюстина съ обратнымъ переводомъ.

Классъ III-й. Одинъ урокъ будетъ употребленъ на изложеніе главныхъ правилъ синтаксиса по учебнику Кошанскаго, причемъ повторено будетъ пройденное изъ синтаксиса во II-мъ классѣ. Примѣры съ русскимъ переводомъ заучиваются наизусть. Другой урокъ назначается на переводы съ русскаго на латинскій яз. по книгѣ Дронке. Переведенное заучивается наизусть. 2 урока отдѣляются на чтеніе авторовъ. Изъ Корнелія Непота (за неимѣніемъ книги De viris illustribus) будутъ прочитаны: Мильтіадъ, Ѳемистоклъ, Аристидъ, Павзаній, Кимонъ, Лизандръ, Алкивіадъ, Тразибулъ и Эпаминондъ. Всего 58 главъ. Тѣ же авторы будутъ читаться и въ IV-мъ классѣ, гдѣ учитель низшихъ классовъ имѣетъ всего одинъ урокъ. Обороты и выраженія, болѣе уклоняющіеся отъ русскаго словосочиненія (идіотизмы), выучиваются наизусть."

Программа учителя латинскаго языка Янковскаго IV классъ. Старшій учитель Янковскій расположилъ свои уроки слѣдующимъ образомъ: „Въ IV классѣ одинъ часъ употребляется на Цезаря. Читается De bello gallico съ необходимыми грамматическими объясненіями и съ замѣчаніями по исторіи, географіи и филологіи. Слова и фразы, какъ матеріалъ языка, а равно и лучшія мѣста, для пріобрѣтенія навыка въ латинской конструкціи и теченіи рѣчи, заучиваются наизусть; замѣчанія на автора записываются на бумагѣ и выслушиваются авдиторами, которые назначаются изъ отличнѣйшихъ учениковъ; со второй половины года будетъ читаться Федръ съ объясненіями, какъ классическій поэтъ.

Два урока на упражненія въ переводѣ съ русскаго по книгѣ Дронке, причемъ выбираются мѣста на менѣе извѣстныя правила синтаксиса. По исправленіи, переводы заучи-

ваются. Предъ переводомъ разсказываются самыя правила своими словами. Въ то же время проходится латинская просодія.

Одинъ урокъ на чтеніе Корнелія Непота. При этомъ безпрестанно задаются locutiones extemporaneae.

Классъ V. Одинъ урокъ посвящается переводу De bello Gallico и De bello Jugurthino попеременно, съ разборомъ и комментаріями, причемъ указывается на древнюю исторію и географію по отношенію къ новой и на древніе римскіе обычаи. Одинъ урокъ посвящается переводу изъ метаморфозъ Овидія съ литературнымъ и аллегорическимъ объясненіемъ миѳовъ. Здѣсь также не упускается ничего, что касается особенно языка поэтическаго. Лучшіе стихи, содержащіе мудрыя изреченія или правила нравственности и патріотизма, заучиваются наизусть. О размѣрѣ читаемаго можно судить по предыдущимъ классамъ. Одинъ урокъ употребляется на переводы съ русскаго на латинскій (по книгѣ Белюстина), и постоянно обращается вниманіе учениковъ на внутреннее значеніе конструкціи и на особенности латинскаго языка, дабы они могли со временемъ, такъ сказать, думать по-латини. Статьи заучиваются и къ переводамъ приготовляются дома. Въ классѣ переводы исправляются.

Одинъ разъ въ недѣлю даются ученикамъ для перевода съ русскаго мѣста, заранѣе переведенныя самимъ преподавателемъ съ латинскаго. Посредствомъ locutiones extemporaneas ученики будутъ пріучены объясняться по-латини. Они пріучаются тотчасъ же переводить сущность и содержаніе перевода на латинскомъ языкѣ. Ошибки въ языкѣ и грамматикѣ тутъ же исправляются.

VI классъ. Одинъ урокъ идетъ на бѣглое чтеніе Кв. Курція и Юстина лишь съ самонужнѣйшими объясненіями; ученики занимаются extemporaneis speciminibus и заучиваютъ особыя фразы. Изъясненіе происходитъ на русскомъ языкѣ и тутъ же перифразъ на латинскій языкъ.

Во второе полугодіе переводится Титъ Ливій. Домашніе переводы попеременно съ сочиненіями дѣлаются ежемѣсячно.

Въ другой урокъ переводится Oratio Ciceronis pro lege Manilia съ разборомъ.

Третій урокъ идетъ на приготовленіе и заучиваніе наизусть разныхъ отрывковъ историческаго и подобнаго содержанія послѣ перевода ихъ съ русскаго на латинскій (статьи переведены и выбраны самимъ преподавателемъ). Ученики при всякомъ случаѣ упражняются въ speciminibus extemporaneis. Правила синтаксиса указываются при переводахъ.

VII классъ. Въ VII классѣ одинъ урокъ идетъ на чтеніе Tusculanae quaestiones, съ филологическими, археологическими, философскими и археографическими замѣчаніями. Лучшіе отрывки заучиваются наизусть; со второго полугодія эти отрывки будутъ заимствованы изъ Тацита и Тита Ливія; въ другой часъ будетъ переводиться изъ De officiis такимъ же образомъ. Періоды приводятся въ русскую конструкцію, по коей уже дѣлается самый переводъ. Въ сіи же часы кратко читается метрика и объясняется строеніе гекзаметра. Со 2-го полугодія переводится Энеида Вергилія. Третій часъ посвящается переводамъ съ русскаго языка на латинскій, какъ въ VI классѣ, но содержаніемъ соотвѣтственно VII классу. При этомъ указываются правила syntaxeos ornatae et figuratae, дѣлаются extemporanea specimina. По окончаніи все перефразируется на латинскій языкъ. Каждый мѣсяцъ ученики пишутъ по одному большому латинскому разсужденію, послѣ предварительнаго разсмотрѣнія матеріи разсужденія и расположенія оной въ классѣ.

Программа преподавателя греческаго языка Волченскаго. Классъ IV. Греческій языкъ начинался только въ IV классѣ. Здѣсь проходилась (три урока въ недѣлю) этимологія, по книгѣ Шода, съ примѣненіемъ греческихъ формъ къ формамъ латинскаго и рус-

скаго яз., и дѣлались краткія extemporalia изъ перевода съ греческаго на русскій для успѣшнаго ознакомленія съ произношеніемъ греческихъ словъ. Два урока занимались разборомъ легкихъ статей изъ хрестоматіи съ переводомъ на русскій языкъ. Къ концу года этимологія по учебнику оканчивалась и переводилась вся первая часть хрестоматіи.

Классъ V. Три урока въ недѣлю посвящались повторенію этимологіи, съ объясненіемъ правильныхъ и діалектныхъ формъ, и прохожденію главныхъ правилъ синтаксиса по новому учебнику (Бутмана); одинъ урокъ предназначался для переводовъ съ греческаго изъ хрестоматіи Каченовскаго (переводилась вся 2-я часть) и одинъ же урокъ для письменныхъ переводовъ съ русскаго на греческій.

Классъ VI. Въ VI классѣ 2 урока посвящались переводамъ изъ хрестоматіи (Каченовскаго), которая вся оканчивалась; два урока изученію синтаксиса и переводамъ съ латинскаго на греческій pro lege Manilia; одинъ урокъ отдѣлялся на чтеніе Гомера съ разборомъ діалектическихъ формъ и правилъ синтаксиса; прочитывались 3 пѣсни Одиссеи.

Классъ VII. Въ VII классѣ при двухъ урокахъ проходился синтаксисъ съ изустными упражненіями. Вмѣсто переводовъ съ русскаго ученики писали сочиненія на выбранныя ими самими темы съ одобренія преподавателя; три урока шли на чтеніе Гомера. Къ концу года предполагалось прочесть 6-ть пѣсенъ Одиссеи (изд. Ежовскаго) и нѣсколько главъ изъ Меморабилій Ксенофонта.

Замѣчаніе г. директора. Не лишено интереса замѣчаніе, которымъ сопровождаетъ эти программы директоръ Семеновъ. „Не могу скрыть, пишетъ онъ графу Строганову, опасенія моего касательно усиленнаго изученія древнихъ языковъ: оно, по мнѣнію моему, можетъ ослабить вниманіе учащихся къ математикѣ, между тѣмъ какъ до сихъ поръ не мало воспитанниковъ поступало на физико-математическій факультетъ. Впрочемъ, по достиженіи должнаго совершенства

въ языкѣ латинскомъ я приму мѣры, чтобы и изученіе математики не было упущено“.

Улучшеніе успѣшности учениковъ гимназіи.

Благодаря совмѣстнымъ усиліямъ преподавателей, гимназія достигла отличнаго состоянія и получила въ 1842 г., на ряду съ тремя другими по Московскому Округу, съ разрѣшенія Министра Народнаго Просвѣщенія (предложеніемъ отъ 26 марта, за № 3178), лестное право выпускать учениковъ въ университетъ безъ повѣрочнаго испытанія. Эти гимназіи были: Тверская, Ярославская, Калужская и Рязанская. По выраженію циркуляра графа Строганова, „онѣ доведены до той степени совершенства, которая предназначена имъ по уставу, и успѣхами своихъ учениковъ пріобрѣли вполнѣ довѣріе начальства“. Въ награду и поощреніе трудовъ и заботливости учащихъ и учащихся ученики поступали въ университетъ безъ вторичнаго испытанія, по предварительному представленію начальства и съ разрѣшенія Попечителя, доводящаго о томъ до свѣдѣнія Министра Народнаго Просвѣщенія.

Чтобы представить болѣе ясное, подробное описаніе состоянія гимназіи за разсматриваемый періодъ, мы приведемъ выдержку изъ отчета ревизовавшаго гимназію въ 1838 г. инспектора казенныхъ училищъ г. Бѣлякова. Вотъ какъ онъ описываетъ состояніе гимназіи въ это время.

„По священной исторіи и Закону Божію успѣхи учащихся вообще по всѣмъ классамъ хороши. Учащіеся ясно и отчетисто отвѣчаютъ своими словами не только въ высшихъ, но и въ низшихъ классахъ. Законоучитель выражается языкомъ простымъ и удобопонятнымъ; при преподаваніи не оставляетъ ничего сколь-нибудь труднаго безъ объясненія, дѣлаетъ, гдѣ нужно, изустныя дополненія, которыя учащимися не забываются. Тексты, приводимые изъ Свящ. Писанія, переводятся на русскій языкъ.

По предмету русской словесности. Грамматика преподается въ двухъ низшихъ классахъ г. Орфеновымъ, который, объяснивъ урокъ, диктуетъ коротенькія фразы на доскѣ и

заставляетъ учащихся отыскивать объясненныя имъ части рѣчи или предложеній и означать грамматическія формы, въ какихъ онѣ поставлены. Изъ отвѣтовъ учащихся касательно разбора этимологическаго и синтаксическаго, рѣдко невѣрныхъ, можно заключить, что преподаваніе русской грамматики идетъ съ удовлетворительнымъ успѣхомъ. Въ III классѣ оканчивается правописаніе и повторяется синтаксисъ съ большею подробностію; учащихся занимаютъ письмомъ подъ диктовку на правила правописанія и составленіемъ предложеній и періодовъ, чтобы исподволь пріучить ихъ къ разнымъ формамъ рѣчи періодической. Ученики III класса, хотя и погрѣшаютъ еще противу правописанія, но не столько отъ незнанія правилъ, сколько отъ разсѣянности и невниманія при письмѣ. Въ IV классѣ правописаніе гораздо менѣе ошибочно, составленіе періодовъ, коихъ логическое основаніе здѣсь объясняется съ надлежащею подробностію, отчетистѣе, изложеніе правильнѣе и со свойствами русскаго языка сообразнѣе. Въ этомъ же классѣ преподается славянскій языкъ, съ котораго дѣлаются переводы на русскій. Въ V классѣ преподается логика, которую учащіеся понимаютъ хорошо; объясняются правила риторики, и на пройденныя правила даются учащимся темы для сочиненій, которыя по большей части бываютъ довольно хороши. Въ VI классѣ сочиненія учениковъ заслуживаютъ вниманіе не только правильностью, свободностью, чистотой, даже красотой выраженія, но и послѣдовательностью мыслей.

При изученіи правилъ риторическихъ, учащіеся приводятъ примѣры изъ отечественныхъ, иногда изъ древнихъ классическихъ писателей, выучивая оные наизусть или только излагая содержаніе ихъ и расположеніе. Въ VII кл. объясняются правила стихотворныхъ произведеній съ разборомъ образцовыхъ отечественныхъ писателей и продолжаются сочиненія на русскомъ языкѣ. Кромѣ сочиненій, учащимся задаются переводы съ иностранныхъ языковъ. Вообще успѣхи учащихся въ русской словесности заслуживаютъ

полное одобреніе какъ относительно знанія ими теоріи, такъ и по сочиненіямъ.

По латинскому языку. Въ I кл. объясняются правильныя грамматическія формы; для лучшаго затверживанія ихъ задаютъ ученикамъ писать склоненія и спряженія не только на доскѣ во время класса, но и внѣ класса на бумагѣ; и учитель, замѣтивъ ошибки, заставляетъ самихъ учениковъ поправлять оныя. Во II классѣ повторяется этимологія со включеніемъ всѣхъ неправильныхъ формъ, объясняются главныя правила синтаксиса и переводятся статьи съ латинскаго на русскій изъ книги Белюстина, изъ котораго переведено болѣе 20 страницъ; при переводѣ разбираются всѣ грамматическія формы и дѣлается конструкція. Въ III кл. синтаксисъ оканчивается и, кромѣ того, переводятъ Корнелія Непота, причемъ не только указываются правила синтаксиса, но и повторяется этимологія. Большая часть учащихся хорошо знаютъ склоненія и спряженія, очень порядочно дѣлаютъ разборъ грамматическій и довольно твердо помнятъ переведенное; все это довольно доказываетъ усердіе и старательность г. Тарасова. Въ IV классѣ для утвержденія учащихся въ правилахъ синтаксиса переводятся съ русскаго яз. на латинскій темы Дронке по книгѣ г. Кубарева; съ латинскаго на русскій переводятъ Юлія Цезаря De bello gallico и изъ Непота тѣ жизнеописанія, которыя не были переводимы въ III кл. Тѣ и другіе переводы учениками приготовляются внѣ класса. Въ V кл. переводятъ съ русскаго на латинскій книгу Белюстина, а съ латинскаго на русскій Метаморфозы Овидія, Юлія Цезаря De bello civili и Саллюстія De bello Iugurthino, попеременно. Въ VI классѣ для перевода съ русскаго на латинскій, что дѣлается одинъ разъ въ недѣлю, задаются ученикамъ разные отрывки, переводимые г. учителемъ изъ латинскихъ писателей, а съ латинскаго на русскій переводятся избранныя рѣчи Цицерона и нѣкоторыя книги Тита Ливія; для бѣглаго перевода употребляются Юстинъ и Квинтъ Курцій. Въ VII

классѣ разъ въ мѣсяцъ задаются учащимся темы для сочиненій на латинск. языкѣ; съ русскаго на латинскій переводятъ разныя статьи, приготовляясь внѣ класса, и безъ приготовленія—въ классѣ; съ латинскаго на русскій переводили Цицерона De officiis и, какъ это сочиненіе уже переведено, то г. учитель, почитая за полезное познакомить учащихся и съ другими латинскими писателями, занимаетъ ихъ переводомъ Тацита De Germania, Светонія, избранныхъ писемъ Цицерона и младшаго Плинія. Specimina extemporanea начинаются съ V класса, въ которомъ бываютъ они не такъ часто, но въ VI и VII классахъ гораздо чаще. При переводахъ съ латинскаго г. учитель заставляетъ учащихся дѣлать конструкцію, безпрестанно обращаетъ вниманіе ихъ на этимологію и синтаксисъ и, въ случаѣ забытаго ими правила, заставляетъ ихъ пріискивать оное и снова объясняетъ; дѣлаетъ грамматическіе и риторическіе анализы; слова и выраженія даетъ выучивать наизусть, равно какъ и лучшія мѣста изъ переводимыхъ классиковъ; въ нужныхъ случаяхъ дѣлаетъ объясненія филологическія, миѳологическія и относящіяся до древностей, какъ въ гражданскомъ, военномъ, такъ и въ судебномъ устройствѣ. Успѣхи учащихся въ 4 высшихъ классахъ тѣмъ замѣчательнѣе, что немногіе изъ нихъ слабо занимаются лат. яз. Ученики IV, V и VI классовъ твердо знаютъ грамматическія формы и правила синтаксиса; ученики VII кл. въ этомъ отношеніи нѣсколько слабы, болѣе оттого, что прежними учителями упущено было изъ виду повтореніе этимологіи и синтаксиса. Что касается до переводовъ съ латинскаго на русскій, учащіеся столько пріобрѣли въ нихъ навыку, что, напр., въ VI кл. довольно хорошо и скоро переводили безъ всякаго приготовленія латинскую книгу историческаго содержанія, въ первый разъ имъ данную; въ переводѣ съ русскаго на латинскій успѣхъ также довольно значительный; но къ сочиненіямъ на латинск. языкѣ учащіеся еще не довольно привыкли. Нельзя не отдать справедливости знанію, тру-

дамъ и усердію г. Янковскаго, который въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ успѣлъ вселить въ учащихся охоту къ латинскому языку и успѣхи ихъ въ немъ, бывшіе при предмѣстникахъ его значительно слабыми, довести до настоящей степени. Въ IV классѣ назначено по конспекту пройти вкратцѣ метрику и читать Федра, что г. учитель надѣется исполнить во 2-й половинѣ года. Вмѣсто перевода изъ Тацита, котораго предположено оставить, г. учитель будетъ занимать учениковъ VII кл. переводомъ Овидіевыхъ превращеній и во второй половинѣ начнетъ Энеиду и повторитъ метрику.

Объ успѣхахъ учащихся въ математикѣ и физикѣ нельзя ничего сказать положительнаго по той причинѣ, что оба преподавателя, во время обозрѣнія гимназіи, одержимы были тяжелыми болѣзнями и классовъ не посѣщали. О старшемъ изъ нихъ, г. Ставровѣ, говорятъ врачи, что онъ не можетъ выздоровѣть.

Преподаваніе исторіи раздѣлено между г.г. учителями Янковскимъ, Волченскимъ, Титовымъ и Орфеновымъ и идетъ довольно успѣшно.—

По предмету греческаго языка успѣхи учащихся удовлетворительны: грамматическія формы учащимся столько знакомы, что они, даже въ IV классѣ, могутъ, хотя и не совсѣмъ безошибочно, переводить легкія предложенія съ русскаго на греческій; въ высшихъ классахъ переводы сіи усиливаются и дѣлаются съ гораздо большею отчетностью и правильностью; при переводахъ съ греческаго на русскій обыкновенно дѣлается разборъ грамматическій, обращается постоянное вниманіе на неправильныя и коренныя формы и объясняются правила синтаксиса. Въ VII классѣ переводятъ Одиссею, приготовляясь внѣ класса; изъ отвѣтовъ учащихся можно было видѣть, что они довольно тверды въ знаніи этимологіи и правилъ синтаксиса. Учащихся греческому яз. въ VII кл.—8, въ VI—7, въ V—8, въ IV—14, всего 37.

По классу географіи учащіеся довольно ознакомлены съ ландкартами обыкновенными и нѣмыми, съ точностью показываютъ положеніе государствъ и примѣчательныя мѣста, не затрудняясь въ отыскиваніи оныхъ; разсказываютъ о физическихъ достопримѣчательностяхъ, хорошо понимая всѣ географическіе термины и довольно пріучены къ тому, чтобы дѣлать очерки государствъ на доскѣ и на бумагѣ.

По классу франц. яз. Въ I классѣ занимаются чтеніемъ и выучиваніемъ словъ наизусть, которыя, при выслушиваніи урока, учащіеся должны писать на доскѣ; во II—чтеніемъ, письмомъ на доскѣ подъ диктовку и переводомъ анекдотовъ съ франц. яз. на русскій, причемъ выучиваются слова и объясняются начальныя грамматическія формы; въ III и IV оканчивается этимологія и начинается синтаксисъ; продолжаются переводы съ франц. на русскій и небольшихъ фразъ съ русскаго на французскій; переводимыя статьи пишутся на доскѣ для доставленія учащимся навыка въ правописаніи; при переводахъ повторяется этимологія; ученики менѣе успѣвшіе учатъ спряженія неправильныхъ глаголовъ. Въ высшихъ классахъ занятія тѣ же, только статьи для переводовъ съ франц. на русскій и обратно избираются потруднѣе; для переводовъ съ франц. употребляется Телемакъ, а съ русскаго письма Карамзина. Произношеніе въ низшихъ классахъ не совсѣмъ хорошо; хорошо успѣвающихъ не болѣе третьей части во всѣхъ классахъ, кромѣ VII.

По нѣмецкому яз. та же послѣдовательность въ преподаваніи и тѣ же занятія; произношеніе также не совсѣмъ правильно, особенно въ словахъ сложныхъ; но хорошо успѣвающихъ въ нѣкоторыхъ классахъ меньше третьей части всѣхъ учащихся.

Рисованіемъ и черченіемъ занимаются съ довольно хорошимъ успѣхомъ; чистописаніе также весьма порядочно.

За выучиваніемъ уроковъ воспитанниками пансіона низшихъ классовъ имѣютъ надзоръ дежурные надзиратели, на

которыхъ возложено выслушивать ихъ и отмѣчать знаніе ихъ или незнаніе въ особой книгѣ.—

Не смотря на обширность дома, занимаемаго гимназіею и благороднымъ пансіономъ, есть въ немъ нѣкоторыя неудобства: для пансіонеровъ одна только есть зала, въ которой они должны заниматься и выучиваніемъ уроковъ и дѣтскими играми въ свободное время; два низшіе класса, помѣщенные въ нижнемъ этажѣ, слишкомъ низки и по многочисленности учащихся воздухъ имѣютъ спертый и душный; ретирадъ для воспитанниковъ благороднаго пансіона, находясь въ близкомъ разстояніи отъ нѣкоторыхъ комнатъ, распространяетъ нѣсколько непріятный запахъ; больница тѣсна; кладовая для храненія припасовъ также очень мала.—

Воспитанниковъ въ благородномъ пансіонѣ 68, и это число можетъ быть увеличено развѣ двумя пансіонерами. Содержаніе воспитанниковъ вообще хорошее; обѣденный столъ состоитъ изъ 3 блюдъ, хорошо и въ достаточномъ количествѣ приготовляемыхъ; хлѣбъ и квасъ хорошаго качества; въ праздничные дни прибавляется одно блюдо. Съѣстные припасы: мука ржаная и крупичатая, крупа гречневая и манная, масло коровье, капуста и огурцы, запасенные въ прокъ, равно и коренья, найдены хорошими въ качествѣ и содержатся съ надлежащею опрятностію; въ кухнѣ наблюдается также должная чистота. Одеждою снабжены воспитанники въ достаточномъ количествѣ; въ будни носятъ они хотя и старыя починенныя курточки, но ни на одномъ воспитанникѣ не было замѣчено изорванной курточки или безъ пуговицъ; въ обыкновенные праздничные дни пансіонеры носятъ старые еще крѣпкіе мундиры, а въ большіе и торжественные дни выдаютъ имъ новые: бѣлье на пансіонерахъ и постельное перемѣняется въ предписанное время. За опрятностью въ одеждѣ имѣетъ особенное наблюденіе надзиратель Боссъ, почти безотлучно находящійся при воспитанникахъ, которые имѣютъ къ нему любовь и уваженіе.

Классныя комнаты, репетирная зала и дортуаръ содер-

жатся въ должной опрятности; впрочемъ, стѣны и потолки нѣсколько потемнѣли отъ копоти лампъ и свѣчей, а въ нѣкоторыхъ комнатахъ отстали стѣнные бумажные обои.—

Во время ночи въ спальняхъ воспитанниковъ дежуритъ одинъ изъ надзирателей, который и спитъ тутъ же; а одинъ изъ дядекъ поочереди обязанъ всю ночь не спать и ходить по спальнямъ.—

Учебныя и воспитательныя мѣры. Замѣчательно, что уставъ 1828 г. далъ новое направленіе гимназіямъ не только въ учебномъ отношеніи. По крайней мѣрѣ, это слѣдуетъ сказать о Рязанской гимназіи. Прежде всего нужно замѣтить, что только со введеніемъ этого устава въ засѣданіяхъ педагогическихъ совѣтовъ начинаютъ обсуждаться мѣры по учебной и воспитательной части, прежде же дѣло ограничивалось одной хозяйственной стороной жизни гимназіи.

Протекторатъ. Изъ воспитательныхъ мѣръ, принятыхъ въ это время, слѣдуетъ обратить вниманіе на одну, напоминающую собою институтъ классныхъ наставниковъ, именно на такъ называвшійся тогда протекторатъ. Вотъ постановленіе объ этомъ совѣта гимназіи отъ 5-го апрѣля 1845 г.: „Всѣмъ вольно-приходящимъ предписывается избрать, каждому по желанію, одного изъ г. г. учителей протекторомъ, котораго главное назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы быть посредникомъ между начальниками гимназіи и учащимся и его родственниками. Такимъ образомъ, всѣ г. г. преподаватели принимаютъ на себя обязанности преимущественно наблюдать за успѣшностію и нравственностію своихъ кліентовъ; для того время отъ времени они посѣщаютъ ихъ на квартирахъ, узнаютъ домашній бытъ каждаго и, смотря по надобности, бываютъ ходатаями предъ совѣтомъ, сообщаютъ родственникамъ, что представляется нужнымъ и пр.

Мѣра эта сохранялась долго. Уцѣлѣлъ списокъ протекторовъ отъ 1850 г. Для VII класса протекторомъ назначается преподаватель математики Мацѣіовскій; для VI—Ральгинъ, преподаватель законовѣдѣнія; для V—Родзевичъ, препода-

ватель латинскаго языка; для IV-го Крастелевъ, преподаватель русской словесности; для III-го Васильевъ, учитель исторіи; для III-го параллельнаго Фабриціусъ, учитель греческаго языка, въ то же время преподававшій новые языки; для II класса Боголѣповъ, учитель русскаго языка; для параллельнаго II-го Чемолосовъ, учитель математики; для I-го обоихъ отдѣленій учитель рисованія Ивановъ.

Другія педагогическія мѣры.

Изъ другихъ мѣръ слѣдуетъ отмѣтить раздѣленіе преподаванія математики между двумя преподавателями; замѣну уроковъ статистики уроками географіи; новое распредѣленіе учебнаго времени, причемъ общее число уроковъ (20) не уменьшалось.

По этому распредѣленію ежедневно было 3 урока по $1^1/_2$ часа отъ 8 до $12^1/_2$ часовъ; сверхъ того, по понедѣльникамъ и четвергамъ былъ урокъ отъ 3-хъ до $4^1/_2$. Разрѣшая это (Цирк. за № 2913-мъ, 4 сентября 1843 года), Попечитель опредѣлилъ, чтобы первая перемѣна была не менѣе 10, а вторая не менѣе 20 мин., и чтобы въ послѣобѣденное время назначалось рисованіе, для чего требовалось образовать слитные классы; съ 1844 года назначенъ былъ особый надзиратель для приходящихъ: 1) чтобы знать домашній бытъ каждаго изъ вольно-приходящихъ и доносить начальству о потребностяхъ и нуждахъ учащихся и 2) неослабно смотрѣть за неопустительнымъ посѣщеніемъ классовъ и за поведеніемъ какъ во время перемѣнъ, такъ и, по возможности, внѣ класса. Первымъ такимъ надзирателемъ былъ Петръ Альгельдъ изъ пансіонскихъ надзирателей.

Чтобы усилить рвеніе учениковъ, учреждена третная цензура, которая состояла въ томъ, что предъ отпускомъ на святки, святую и лѣтнюю вакацію „объявлялись въ общемъ собраніи учащихъ и учащихся мнѣнія преподавателей о классѣ вообще и объ ученикахъ, заслуживающихъ особой похвалы или порицанія“.

Съ 1845 г. положено имѣть въ каждомъ классѣ классную доску для записыванія именъ отличившихся учениковъ, а

въ актовомъ залѣ гимназіи золотую доску для записыванія учениковъ „въ память и примѣръ настоящимъ и будущимъ ученикамъ гимназіи“.

Въ 1845 году былъ учрежденъ субботній классъ чтенія для учениковъ двухъ высшихъ классовъ: здѣсь ученики, подъ руководствомъ учителя словесности, „собираютъ себѣ невещественныя сокровища изъ твореній нашихъ писателей и восполняютъ недостатокъ идей, который до того времени былъ очень замѣтенъ въ нихъ“.

Что касается пансіона, то при немъ съ 1845 г. былъ открытъ классъ музыки; учителю музыки платили 120 р. въ годъ. Въ 1849 г., очевидно, для этой цѣли было пріобрѣтено двое фортепіанъ.

Увеличеніе числа классовъ. Постоянно увеличивавшійся наплывъ учениковъ заставилъ директора въ 1836 уже году просить Попечителя о разрѣшеніи открыть три параллельныхъ отдѣленія низшихъ классовъ, которыя и были открыты—I-го и II-го кл. въ 1845 г., а III-го въ 1846 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ былъ и новый преподаватель—Шереметевскій.

Паралельные классы были оставлены въ пансіонѣ, а всѣ остальные помѣщены въ старомъ зданіи гимназіи, которое передъ этимъ было значительно ремонтировано. До этого времени съ 1833 г. въ старомъ зданіи помѣщались библіотека, физическій, минералогическій кабинеты и квартиры учителей.

Въ 1843 г., съ разрѣшенія Министра Народнаго Просвѣщенія, былъ открытъ приготовительный классъ гимназіи въ квартирѣ младшаго учителя Орфенова.

Публичныя испытанія и актъ. Публичныя испытанія учениковъ кончились лишь съ начала 40-хъ годовъ, и только на экзаменѣ учениковъ VII кл. изъ Закона Божія присутствовалъ мѣстный архіерей. Въ гимназическомъ архивѣ сохранилось приглашеніе на испытанія 1833 г. Это листъ сѣрой бумаги съ рамкой. Самое приглашеніе напечатано въ

началѣ листа; на первомъ листѣ—порядокъ публичныхъ испытаній, на второмъ—порядокъ акта.

„Директоръ учебныхъ заведеній Рязанской губерніи симъ имѣетъ честь извѣстить о публичныхъ испытаніяхъ, имѣющихъ быть въ гимназіи сего 1833 г. въ слѣдующемъ порядкѣ:

Августа 17 пополудни. Ученики гимназіи будутъ испытываемы въ Законѣ Божіемъ.

Августа 18 утромъ. Въ политической всеобщей исторіи и географіи, статистикѣ Россійской имперіи и знатнѣйшихъ европейскихъ государствъ и латинской словесности.

Августа 18 пополудни. Въ начальной и высшей алгебрѣ, геометріи, плоской тригонометріи и физикѣ.

Августа 19 утромъ. Въ нѣмецкой и французской словесности и греческомъ языкѣ.

Августа 19 пополудни. Въ россійской словесности и логикѣ.

Августа 20. Актъ гимназіи и открытіе оной по Высочайшему, дарованному 8 декабря прошлаго 1828 г., уставу.

Примѣчаніе. Испытаніе производится утромъ отъ 8 до 12, а пополудни отъ 5 до 7 часовъ въ залѣ гимназіи, на которое любители просвѣщенія симъ почтительнѣйше приглашаются“.

Порядокъ акта гимназіи.

А) Музыка.

1) Господинъ инспекторъ гимназіи Ляликовъ произнесетъ рѣчь „О преимуществѣ воспитанія юношества въ публичныхъ государственныхъ заведеніяхъ предъ частнымъ или домашнимъ“.

В) Музыка.

2) Чтеніе главныхъ основаній устава о гимназіяхъ Высочайше въ 8-й день декабря прошлаго 1828 года утвержденнаго.

3) Чтеніе исторической записки гимназіи за истекшій академическій годъ.

С) Музыка.

4) Провозглашеніе именъ и прозваній учениковъ, размѣщенныхъ, сообразно ихъ успѣхамъ и поведенію, въ 7 классахъ вновь образованной гимназіи, и награды подарками, книгами и похвальными листами.

D. Музыка.

5) Г-нъ младшій учитель гимназіи Орфеновъ произнесетъ благодарственную рѣчь. *)

E) Музыка.

Примѣчаніе. Во время акта выставлены будутъ ученическія упражненія въ рисованіи, а по окончаніи онаго кабинеты гимназіи будутъ открыты для посѣтителей. Начало акта послѣдуетъ по окончаніи Божественной литургіи въ каѳедральномъ соборѣ.

Число учащихся. Число учащихся, начиная съ 1831 г., было слѣдующее.

Въ 1831 г. 115 человѣкъ, въ 1832 г. 176 ч., въ 1833 г. 318 ч., въ 1834 г. 328 ч., въ 1835 году 312 ч., въ 1836 г. 283 ч., въ 1837 г. 306 ч., въ 1838 г. 294 ч., въ 1839 г. 238 ч., въ 1840 г. 192 ч., въ 1841 г. 210 ч., въ 1842 г. 198 ч., въ

---

*) Во время акта учителя и ученики произносили не только благодарственныя рѣчи, но и затрогивали иногда вопросы науки и литературы. Такъ, въ 1836 г. учитель Егоровъ произнесъ рѣчь: „О пользѣ и важности космографіи“; на этомъ же актѣ были пропѣты стихи, сочиненные ученикомъ VI кл. Я. Полонскимъ; въ 1845 г. инспекторъ Егоровъ произнесъ рѣчь: „О двоякомъ движеніи земли“, ученикъ VII кл. Горловъ: „Abhandlung über das Erlehrnen fremder Sprechen“, ученикъ VII кл. Воронихинъ—разсужденіе: „О вліяніи природы на человѣка“; въ 1846 г. учитель Аппельротъ произнесъ рѣчь: „О духѣ воспитанія, соотвѣтствующаго природѣ и назначенію человѣка“, а ученикъ Собчаковъ: „Abhandlung über Plato's und Aristoteles Lehren von der Poesie; въ 1847 г. учитель Родзевичъ произнесъ рѣчь: „О значеніи, какое можетъ имѣть въ настоящее время преподаваніе древнихъ языковъ“, а ученикъ Васильевъ—рѣчь на нѣм. яз.: „Ueber den Begriff Bildung“; въ 1849 г. учитель Крастелевъ произнесъ рѣчь: „Объ основахъ русскаго образованія“; въ 1850 г. ученикъ V кл. Гурьевъ прочелъ свое сочиненіе: „Corneille et l'art dramatique au comencement du XVII siècle“, а ученикъ VII кл. Рудневъ свое сочиненіе: „Шекспиръ и его вліяніе на новую драму“; въ 1853 г. учитель Іосифъ Вишневскій произнесъ рѣчь: „Ломоносовъ, какъ естествоиспытатель, ученикъ VII кл. Живаго рѣчь на нѣм. яз.: „Баллады Жуковскаго въ сличеніи съ балладами Шиллера“, а ученикъ VII кл. Найденовъ свое сочиненіе о Державинѣ.

1843 г. 202 ч., въ 1844 г. 189 ч., въ 1845 г. 259 ч., въ 1846 г. 276 ч., въ 1847 г. 284 ч., въ 1849 г. 277 человѣкъ.

Библіотека и кабинеты.

За текущее время библіотека постоянно пополнялась новыми книгами; число ихъ съ 730 экземпляровъ, какъ было въ 1832 г., возрасло до 1111 названій и 2781 тома. Изъ пожертвованій, сдѣланныхъ за это время въ пользу библіотеки, слѣдуетъ отмѣтить пожертвованіе г. Князевой, отъ которой гимназія получила книгъ 928 названій, а кромѣ того, еще ландкарты, атласы и чертежи. Постановка библіотечнаго дѣла въ Рязанской гимназіи въ этотъ періодъ значительно улучшилась; особенно много потрудились надъ этимъ проподаватели Ральгинъ, Крастелевъ и Янышевъ, составившіе историческій каталогъ книгамъ библіотеки; такой каталогъ былъ и ранѣе, составленный преподавателями Елатомскимъ и Гаретовскимъ; но онъ былъ потерянъ, и всю работу пришлось производить вновь.

При гимназіи постоянно существовали физическій *) и минералогическій кабинеты, а также минцъ-кабинетъ.

Въ физическомъ кабинетѣ въ 1848 г. было физическихъ инструментовъ 119. Пополненію его много способствовалъ почетный смотритель Пронскаго уѣзднаго училища г. Барыковъ, пожертвовавшій гимназіи 2000 р.

Въ минералогическомъ: минераловъ 338.

Въ кабинетѣ естественной исторіи: растеній 192, ископаемыхъ и костей 242.

Въ минцъ-кабинетѣ: монетъ и медалей 370.

Въ 1833 г. минералогическій и естественный кабинеты были обширнѣе, но другіе меньше, а именно:

физическихъ инструментовъ. . . .	66
земель и камней	655
солей	4
горючихъ тѣлъ	11

*) Слѣдуетъ отмѣтить, что при гимназіи производились метеорологическія наблюденія, объ нихъ упоминается уже въ 1835 г.

	металловъ	137
	окаменѣлостей	18
	раковинъ	83
	монетъ и медалей	598; изъ нихъ:
монетъ	1) русскихъ золотыхъ	2
	серебряныхъ	50
	мѣдныхъ	135
	2) грузинскихъ серебряныхъ	2
	мѣдныхъ	2
	3) польскихъ серебряныхъ	8
	мѣдныхъ	5
	4) прусскихъ серебряныхъ	5
	мѣдныхъ	4
	5) шведскихъ серебряныхъ	2
	мѣдныхъ	9
	6) датскихъ мѣдныхъ	2
	7) саксонскихъ серебряныхъ	6
	мѣдныхъ	4
	8) голландскихъ серебряныхъ	1
	мѣдныхъ	1
	9) англійскихъ серебряныхъ	1
	мѣдныхъ	3
	10) итальянскихъ серебряныхъ	2
	мѣдныхъ	4
	11) австрійскихъ серебряныхъ	1
	мѣдныхъ	6
	12) португальскихъ мѣдныхъ	1
	13) баварскихъ серебряныхъ	1
	14) французскихъ серебряныхъ	2
	мѣдныхъ	3
	15) разныхъ нѣмецкихъ мѣдныхъ	7
	16) восточныхъ серебряныхъ	23
	мѣдныхъ	9

Итого 301 монета.

Медалей:

1)	русскихъ золотыхъ	1
	серебряныхъ	4
	мѣдныхъ	10
2)	особая коллекція медалей, объясняющихъ русскую исторію	265
3)	польскихъ серебряныхъ	1
4)	шведскихъ.	1
5)	прусскихъ бронзовыхъ	1
6)	австрійскихъ.	1
7)	французскихъ мѣдныхъ.	6
8)	еврейскихъ оловянныхъ	1
9)	римскихъ особой композиціи	8
	Итого . .	299

Учебныя пособія. Учебныя пособія состояли изъ 15-ти математическихъ инструментовъ; 15-ти географическихъ картъ и атласовъ, 5 глобусовъ и планетаріевъ; 8 историческихъ и хронологическихъ таблицъ.

Содержаніе. Сверхъ штатной суммы, назначенной по уставу 1828 г., гимназія получала въ пособіе изъ Рязанскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія 854 р. 14¼ коп. и отъ дворянства по 138 руб. сер. на пансіонера.

Высочайшія посѣщенія 1832 г. сентября 19 и 1837 г. За этотъ періодъ времени гимназія была дважды осчастливлена Высочайшими посѣщеніями: въ 1832 г. ее посѣтилъ Государь Императоръ Николай Павловичъ и въ 1837 г. Государь Императоръ Александръ Николаевичъ. Такъ въ гимназіи были съ ея основанія три Монарха. Императоръ Николай I-й изволилъ прибыть въ сопровожденіи военной свиты, 19 сентября 1832 г. въ 8 часовъ утра, когда были уроки. Онъ изволилъ обойти всѣ классы и кабинеты и выразить благодарность за найденный порядокъ.

Въ 1836 г. Государь Императоръ Николай Павловичъ опять посѣтилъ Рязань, 12 сентября, и остановился въ домѣ почетнаго попечителя гимназіи Рюмина (противъ гимназіи и пансіона). При представленіи Государю состоящаго въ должности гражданскаго губернатора Государь сказалъ: „Я знаю, что гимназія и пансіонъ находятся въ хорошемъ состояніи, и сожалѣю, что не могу ихъ видѣть". (Болѣзнь помѣшала Государю посѣтить здѣшнія учебныя заведенія). Государь уѣхалъ изъ Рязани 13 сентября.

Его Величество Государь Императоръ Александръ II, бывшій тогда наслѣдникомъ престола, изволилъ прибыть въ гимназію со свитой, въ составѣ которой между прочими находился В. А. Жуковскій. Чрезъ него были представлены Августѣйшему посѣтителю стихи ученика Якова Полонскаго (извѣстнаго поэта), за что послѣдній отъ Его Величества былъ пожалованъ золотыми часами. Его Величество изволилъ осмотрѣть классы, кабинеты, залы пансіона, спальни и пробовать кушанье въ столовой. Онъ дважды милостиво сказалъ директору: „Я на пути своемъ не видалъ еще подобной гимназіи". На слѣдующій день въ полномъ собраніи совѣтъ постановилъ записать „въ свои лѣтописи объ этомъ счастливомъ событіи и просить о дозволеніи поставить въ залѣ совѣта портретъ Его Величества".

ГЛАВА IV.

1849—1864-й годъ.

Измѣненіе въ уставѣ въ 1849 г. и введеніе въ курсъ преподаванія законовѣдѣнія.

Въ 1849 г. введено было въ гимназіяхъ преподаваніе законовѣдѣнія. Съ цѣлью сообщенія гимназическому ученію наибольшей спеціальности, Государь Императоръ 21-го марта 1849 г. Высочайше повелѣть соизволилъ: распредѣлить курсъ гимназическій во всей Имперіи на 2 отдѣленія, соотвѣтственно двоякой цѣли гимназіи (§ 1344 ст.)—1) приготовлять слуша-

телей для университетовъ и 2) способныхъ людей для службы какъ военной, такъ и гражданской. Сообразно специальному назначенію гимназіи, курсъ гимназическій дѣлился на два отдѣленія: въ одномъ специальными предметами были языки латинскій и греческій, а въ другомъ русское законовѣдѣніе. Инструкція для преподаванія законовъ въ гимназіяхъ указывала двоякую цѣль этого преподаванія: 1) сообщить молодымъ людямъ ясныя и твердыя понятія о тѣхъ гражданскихъ обязанностяхъ, которыя они должны будутъ исполнять, какъ члены государства вообще и какъ русскіе въ особенности, 2) приготовить ихъ, въ частности, къ достойному прохожденію различныхъ должностей губернской службы, по назначенію отъ правительства или по выборамъ сословій. Къ симъ двумъ цѣлямъ должно быть направлено обученіе законамъ въ гимназіяхъ, какъ въ общемъ его духѣ и объемѣ, такъ и во всѣхъ его подробностяхъ (Сборникъ распоряженій по Министерству Народнаго Просвѣщенія, т. II, стр. 1084). Преподаваніе законовъ вводилось въ трехъ высшихъ классахъ по программѣ отъ Министерства и на него употреблялось въ каждомъ классѣ по 4-е продолжающихся часъ съ четвертью (2 урока до 12 часовъ и 2 урока отъ 12 до 2½ часовъ) урока въ недѣлю, что составляло для трехъ классовъ 360 уроковъ въ годъ. Преподаваніе разныхъ частей законодательства располагалось по классамъ слѣдующимъ образомъ.

Въ V классѣ 1) россійскіе основные законы (сводъ 1842 г., т. 1 закон. основ.), 2) учрежденія съ уставами о службѣ гражданской (сводъ 1842 г., т. I, II, III учреж. и уст. судеб.), 3) законы о состояніяхъ (сводъ 1842 г., т. IX зак. о сост.).

Въ VI классѣ 4) законы гражданскіе опредѣлительные (сводъ 1842 г., т. X закон. граж., кн. I, II, III, IV), 5) законы о гражданскомъ судопроизводствѣ (сводъ 1842 г., т. X зак. гражд., кн. V, VI, VII).

Въ VII 6) законы полицейскіе и уголовные съ судопроизводствомъ уголовнымъ (улож. о наказ. 15 августа 1845 г. и

сводъ 1842 г., т. XV закон. уголов., кн. II) (Сборн. распор. по Министерству Народ. Просв., т. II, стр. 1083).

Отличные успѣхи по законовѣдѣнію при хорошихъ успѣхахъ въ другихъ предметахъ опредѣлено награждать при выпускѣ чиномъ XIV класса (прежде за изученіе греческаго яз.), а воспитанниковъ изъ купцовъ и мѣщанъ званіемъ личнаго почетнаго гражданина. Греческій языкъ оставлялся для желающихъ поступить на филологическій факультетъ.

Затрудненія при введеніи въ курсъ наукъ законовѣдѣнія.

Когда былъ присланъ Попечителемъ Округа циркуляръ о немедленномъ введеніи въ дѣйствіе означенныхъ измѣненій, то гимназія была поставлена въ большое затрудненіе. 1) Куда было дѣваться съ преподавателями латинскаго языка? 2) Предметъ вводился новый и за преподаваніе его не брался никто изъ преподавателей. 3) Количество уроковъ французскаго и нѣмецкаго языковъ значительно расширилось, такъ какъ три низшихъ класса имѣли паралельныя отдѣленія. Директоръ Шиллингъ представилъ Попечителю 2 распредѣленія уроковъ, но ни то ни другое не было утверждено. Требовалось остаться при томъ же составѣ преподавателей, каково бы ни было количество уроковъ (учитель латинскаго языка Габріельсъ, оставшійся за штатомъ, просилъ назначить его младшимъ учителемъ новыхъ языковъ). По новымъ языкамъ разрѣшено было устроить сводные классы изъ нормальныхъ и паралельныхъ отдѣленій. Въ назначеніи новаго преподавателя законовѣдѣнія рѣшительно отказывали. Наконецъ, распредѣленіе составилось слѣдующимъ образомъ:

Предметы.	Общіе классы			Для готовящихся на службу.				Въ университетъ.				Преподаватели.
	1	2	3	4	5	6	7	4	5	6	7	
Законъ Божій.	2	2	2	2	1	1	1	2	1	1	1	Алешинскій.
Русскій яз. .	4	4	4	5	3	3	3	3	3	3	3	Крастелевъ.
Математика. . .	4	4	4	5	3	3	3	3	3	3	3	Вишневскій.
Физика и математическая географія	—	—	—	—	2	2	2	1	2	2	2	Филипповъ и Мацѣіевскій.
Исторія . . .	—	—	—	4	3	3	3	4	3	3	3	Васильевъ.
Географія . .	3	3	5	—	—	—	—	—	—	—	—	Шереметевскій.
Нѣмецкій яз. .	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	Аппельротъ.
Французскій яз.	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	Барбей.
Чистописаніе .	4	4	2	—	—	—	—	—	—	—	—	Ивановъ.
Черченіе. . .	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	Ивановъ.
Законовѣдѣніе				—	4	4	4	—	—	—	—	Ральгинъ, препод. истор.
Латинскій яз. . . .				—	—	—	—	4	4	4	4	Родзевичъ.
Греческій яз				—	—	—	—	2	2	2	2	Фабриціусъ.

Преподаваніе законовѣдѣнія.

Итакъ, мы видимъ, что первымъ преподавателемъ законовѣдѣнія сталъ бывшій учитель исторіи А. А. Ральгинъ. Послѣ него законовѣдѣніе преподавали Стефановскій, Анджеевскій и Савиновъ, всѣ трое кандидаты правъ. Въ первый годъ законовѣдѣніе было введено въ VI классѣ, а въ VII назначено было вмѣсто

4-хъ 6-ть уроковъ, чтобы указанный курсъ успѣть пройти вполнѣ. Руководствомъ во всѣхъ классахъ служила книга Рождественскаго: „Руководство къ законамъ“. Кромѣ того, книги свода законовъ при преподаваніи всегда находились подъ руками, и ученики сами отыскивали узаконенія, относящіяся къ излагаемому предмету. Изъ окончившихъ полный гимназическій курсъ за время отъ 1851 по 1861 годъ училось: латинскому языку—121, законовѣдѣнію 53 человѣка.

Въ годъ введенія въ число преподаваемыхъ въ гимназіи предметовъ курса законовѣдѣнія, въ концѣ мая и началѣ іюня 1850 г., Рязанскую гимназію ревизовалъ инспекторъ казенныхъ училищъ Протопоповъ. Въ отчетѣ, представленномъ имъ Попечителю Округа, есть нѣкоторыя указанія, довольно хорошо характеризующія какъ учебный, такъ и воспитательный строй гимназіи того времени.

„Вообще—говоритъ отчетъ Протопопова—курсъ ученія въ Рязанской гимназіи при естественной разницѣ въ степени успѣховъ по каждому предмету въ отдѣльности, отличается стройностью и полнотою и по большей части находится въ состояніи удовлетворительномъ. Судя по отвѣтамъ учениковъ на произведенномъ мною по всѣмъ предметамъ ученія испытаніи, ихъ можно поименовать въ слѣдующемъ порядкѣ.

Преподается съ успѣхомъ вполнѣ удовлетворительнымъ	Законъ Божій, русскій яз. и словесность, математ. и физика, законовѣдѣніе, латинск. яз.,

съ хорошимъ—космографія,
довольно хорошимъ—исторія и географія,
хорошимъ—французск. яз.,
порядочнымъ—греческ. яз.,
средственнымъ—нѣмецк. яз.,

Чистописаніе, рисованіе и черченіе преподаются съ успѣхомъ хорошимъ. Способъ преподаванія большей части наукъ, дѣйствуя болѣе на развитіе умственныхъ способно-

стей учащихся нежели на пробужденіе одной только памяти, по возможности удовлетворяетъ современному требованію педагогики.“

Въ 1850 г. въ старомъ домѣ помѣщались: 7 классовъ, библіотека и физич. кабинетъ, квартиры учителей, 3 отдѣленія трехъ низшихъ классовъ—въ пансіонѣ.

Размѣщеніе классовъ найдено г. Протопоповымъ удобнымъ; внѣшность дома, отдѣлка половъ требовали, по его словамъ, поновленія, также и классная мебель. Исправность и опрятность замѣчена въ физич. кабинетѣ и библіотекѣ (находившейся въ торжеств. залѣ гимназіи). „Менѣе чистоты и опрятности замѣтно въ классахъ, а особенно это касается до содержанія ученическихъ столовъ, на которыхъ мелькаютъ разныя надписи и начертанія, а въ нихъ лежитъ множество надранныхъ въ комки свернутыхъ бумажекъ и прочаго класснаго сора“,

Архивъ и канцелярія гимназіи помѣщались въ двухъ комнатахъ мезонина при деревянномъ флигелѣ, занимаемомъ директоромъ.

Въ пансіонѣ—въ нижнемъ этажѣ тогда помѣщались квартиры инспектора, эконома, надзирателей и нѣкоторыхъ учителей.

„Что касается, говоритъ г. Протопоповъ, до наблюденія за порядкомъ относительно держанія носильнаго и постельнаго бѣлья, то въ этомъ отношеніи желательно бы видѣть болѣе порядка и опрятности. Содержаніе кроватей воспитанниковъ также требуетъ болѣе чистоты и опрятности, потому что въ рѣдкой изъ кроватей нѣтъ клоповъ“.

„Наружный видъ пансіонеровъ большею частью удовлетворительный, движенія и всѣ ихъ пріемы довольно живы и неneприличны. Остается только въ этомъ отношеніи пожелать имъ поболѣе смѣлости и менѣе застѣнчивости, особенно при объясненіи съ людьми посторонними для пансіона.

Недовольно бдительный надзоръ за воспитанниками пансіона замѣтенъ: 1) по несоблюденію ими чистоты и оп-

рятности въ книгахъ и тетрадяхъ; 2) по довольно небрежному стоянію на молитвѣ, именно: рѣдкій изъ нихъ не отставляетъ (и въ пансіонѣ и въ церкви) ноги и не складываетъ рукъ, стоя на молитвѣ.

Въ дополненіе... не могу не прибавить, что нѣкоторые изъ вольноприходящихъ учениковъ, по моему личному наблюденію, не отличаются внѣ классовъ ни соблюденіемъ полной гимназической формы, ни должнымъ, приличнымъ держаніемъ себя въ прогулкахъ по городу. Одни—гимназическій костюмъ пестрятъ примѣсью неформенной одежды, а другіе при соблюденіи полной формы держатъ себя не совсѣмъ прилично благовоспитаннымъ гимназистамъ, а именно: ходятъ нерѣдко обнявшись или взапуски сбѣгаютъ съ высокихъ мѣстъ, не говоря уже о разстежкѣ притомъ вицемундировъ и крайне помятыхъ на нихъ фуражкахъ. Вообще учебная часть въ Рязанской гимназіи стоитъ выше, нежели воспитательная“.

Что же касается учебной части, то изъ всѣхъ губернскихъ гимназій, по наблюденіямъ г. Протопопова, по успѣшному ходу ученія выше прочихъ стоитъ Рязанская.

Введеніе въ гимназическій курсъ естественныхъ наукъ съ исключеніемъ изъ него классическихъ языковъ.

Съ 1852 г. въ Рязанской гимназіи введено преподаваніе естественныхъ наукъ. „Съ этихъ поръ, сказано въ запискѣ Министра Народнаго Просвѣщенія (Сборникъ распор., т. II, 864 стр.), когда классическое образованіе укоренилось, будетъ согласно съ современною потребностію съ большею опредѣлительностію перейти отъ общаго образованія къ спеціальному“. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Министра Народнаго Просвѣщенія (12 октября 1851 г., Сборн. распор. по Министерству Народнаго Просвѣщенія, ст. 227) положено было: „оставить греческій яз. только а) въ городахъ, гдѣ находятся университеты, съ назначеніемъ по одной въ каждомъ для приготовленія молодыхъ людей въ университетъ по историко-филологическому факультету, въ который никто не принимается безъ знанія греческаго языка, б) въ нѣсколь-

кихъ южныхъ губерніяхъ, в) и въ главныхъ городахъ Остзейскихъ губерній, по уваженію къ особому уставу гимназій Дерптскаго округа, имѣющихъ преимущественною цѣлью филологическое приготовленіе молодыхъ людей къ высшему образованію, по каковой причинѣ эти заведенія оставлены на прежнемъ основаніи и въ 1849 г., когда было введено преподаваніе законовѣдѣнія во всѣхъ прочихъ гимназіяхъ. Затѣмъ: „замѣнить греческій языкъ введеніемъ въ гимназическій курсъ наукъ естественныхъ.“ „Съ допущеніемъ этой мѣры, не только довершилась бы полнота образованія учениковъ, намѣревающихся прямо изъ гимназіи поступать въ гражданскую службу, но и ощутительно облегчилось бы подробное и основательное изученіе естественныхъ наукъ для студентовъ физико-математическаго и медицинскаго факультетовъ“.

Преподаваніе естественныхъ наукъ принялъ на себя старшій учитель математики Вишневскій, а учителю греческаго языка Фабриціусу было поручено преподаваніе новыхъ языковъ въ низшихъ классахъ.

Преподаваніе естественныхъ наукъ по классамъ располагалось такимъ образомъ.

Въ I—общія и доступныя дѣтскимъ понятіямъ свѣдѣнія о тѣлахъ природы въ видѣ разговоровъ. Во II-мъ—зоологія: главныя понятія о строеніи тѣла животныхъ, раздѣленіе животнаго царства на отдѣленія, классы и разряды и описаніе важнѣйшихъ относящихся къ нимъ животныхъ. Въ III продолжалась зоологія. Въ IV—общая ботаника, т. е. объ органахъ растеній и ихъ отправленіяхъ. Въ V описательная часть ботаники, т. е. раздѣленіе растительнаго царства на отдѣленія, классы, семейства и описаніе важнѣйшихъ растеній, къ онымъ относящихся. Въ VI—общая и частная минералогія. Въ VII анатомія и физіологія человѣка, болѣе подробное развитіе главнѣйшихъ жизненныхъ явленій и повтореніе всего пройденнаго въ предшествовавшихъ классахъ.

Заботы гимназіи о физическомъ развитіи учащихся и объ ихъ эстетическомъ воспитаніи выразились въ слѣдующихъ мѣрахъ. Въ 1851 г. въ гимназіи введена была военная гимнастика; гимназистовъ обучалъ пріемамъ фронтовой военной службы гвардейскій унтеръ-офицеръ, получавшій за это въ годъ 60 р. Въ томъ же году началось обученіе церковному пѣнію; занятія эти поручены были регенту архіерейскаго хора, Хупотскому, которому за это полагалось вознагражденія 60 р. въ годъ. Что же касается обученія пансіонеровъ музыкѣ, которое началось въ 1845 г., то въ 1852 г. оно прекратилось, деньги же, которыя платились учителю музыки, пошли на учителей пѣнія и фронта, такъ какъ Рюминъ прекратилъ выдачу пособій на вознагражденіе этихъ учителей и предложилъ директору обратить на это содержаніе учителя музыки.

Землемѣро-таксаторскіе классы. Въ $18^{51}/_{52}$ году дворянское собраніе предполагало открыть реальные классы сельскаго хозяйства и землемѣрія въ видѣ опыта на 6-ть лѣтъ, для чего собрать капиталъ въ 9000 руб. Но это предположеніе состоялось только въ 1860 г., когда были открыты при гимназіи землемѣро-таксаторскіе классы подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ директора и въ главномъ вѣдѣніи управленія межевымъ корпусомъ. Сумма, ассигнованная на нихъ, простиралась до 5977 руб. 44 к.; отъ казны же получалось 4999 руб. 92 коп. Всего было два класса; при открытіи I-го класса принято по экзамену изъ стороннихъ лицъ 5 и изъ учениковъ гимназіи 4-е человѣка; сверхъ того, безъ испытанія учениковъ V и VI класса гимназіи 22 человѣка; итого 31 человѣкъ. Изъ нихъ выбыло трое; 20 переведено во II-й классъ и 8 оставлено въ томъ же классѣ за непосѣщеніе полевыхъ работъ.

Полевыя занятія съ учениками производились съ 15 іюня по 1-е августа, причемъ употреблено 16 дней на эккерную, астролябную и мензульную съёмку въ полѣ; остальное время для чертежныхъ работъ бѣловыхъ плановъ

съ вычисленіями. Участвовало въ этихъ работахъ 21 человѣкъ.

1) Эккерною съёмкой въ 4 дня сняты границы г. Рязани мѣрою въ 7 верстъ 427 саженъ.

2) Астролябною въ 21 день Троицкая слобода и Павловка, 308 десят. 800 саж., и дача Рюмина, 139 десятинъ.

3) Мензульной съёмкой въ 21 день a) тріангуляціею село Борки и часть выгона г. Рязани, 417 десят. 600 квад. саж., b) обходомъ—части села Песочнаго, деревни Кальной и Ямской слободы, 271 десят. 1000 кв. с., всего 1136 и эккерной 7 в. 427 саж.

Година Севастопольской войны. Въ годину 1852—1855 г., ознаменованную Крымской кампаніей и обороной Севастополя, когда и старъ и младъ несли жизнь свою на защиту святой родины, учебное начальство нашло нужнымъ удовлетворить охватившему всѣхъ патріотическому энтузіазму. Въ первый годъ войны разрѣшено было молодымъ людямъ, желавшимъ немедленно поступить въ военную службу, ранѣе сдать экзамены (въ мартѣ). Такихъ оказалось въ VII классѣ шестеро: Николай Никитинъ (съ прав. на 14 кл), Андрей Тимковскій (съ прав. на 14 кл.), Эдуардъ Гофманъ, Павелъ Полиловъ (съ прав. на 14 кл), Матвей Острецовъ (съ прав. на 14 кл.), Владиміръ Клевезаль; безъ экзамена поступило въ воен: службу 2: Павелъ Гурьевъ и Густавъ Гофманъ. Вообще всѣхъ въ этотъ годъ выпило 59 человѣкъ. Начальство гимназіи получило нижеслѣдующія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Матвей Острецовъ (юнкеръ—раненъ), Владиміръ Клевезаль (юнкеръ—раненъ), Андрей Беклемишевъ (юнкеръ въ охотникахъ), Алексѣй Константиновскій (убитъ), Павелъ Полянскій (юнкеръ—раненъ), Иванъ Ступинъ (юнкеръ—убитъ), Аѳанасій Востросаблинъ (юнкеръ въ резервѣ); Иванъ Чарыковъ (также), Сергѣй Максутинъ (прапорщикъ—раненъ), Сергѣй и Дмитрій Тютчевы (прапорщики—ранены), Михаилъ Трубниковъ (раненъ и умеръ подъ Севастополемъ), Евграфъ Токаревъ (юнкеръ въ охотникахъ), Филипповъ (юнкеръ въ

резервѣ). Вотъ имена остальныхъ учениковъ, поступившихъ въ то время въ военную службу: VI кл.—Александръ Сивцовъ, Юліанъ Гофманъ, Степанъ Емельяновъ; V кл.—Василій Тверцынъ Виссаріонъ Карандеевъ, Петръ Замовъ, Михаилъ Чаплыгинъ; IV кл.—Николай Трунинъ, Александръ Богдановъ, Сергѣй Стародубскій, Өедоръ Тверитиновъ, Капитонъ Аөанасьевъ, Николай Макѣевъ, Анатолій и Александръ Лагвеновы, Леонидъ Мясоѣдовъ, Николай Кобяковъ, Александръ Емельяновъ, Александръ Лихачевъ, Илья Яцыневъ, Өедоръ Измаиловъ, Василій Логвеновъ, Василій Измаиловъ, Сергѣй Сухановъ, Александръ Бурцевъ; III-го класса—Дмитрій Викулинъ, Иванъ Гололобовъ, Николай Васильевъ, Іона Арченовскій, Яковъ Зенинъ, Петръ Ржавскій, Николай Днѣпровъ, Владиміръ Стародубскій, Николай Яныневъ, Николай Доппельмейеръ, Михаилъ Зассъ, II класса —Николай Кутуковъ.

Особыя занятія педагогическаго совѣта. Къ концу этого періода (въ 1860 г.) педагогическій совѣтъ, съ присоединеніемъ къ нему смотрителей уѣздныхъ училищъ, занимался разсмотрѣніемъ разосланнаго отъ Министерства проекта преобразованія среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

Заботы объ открытіи церкви при пансіонѣ. Число пансіонеровъ постоянно возрастало, и были годы, когда оно доходило до 100 человѣкъ. Между тѣмъ при пансіонѣ не существовало домовой церкви, что было крайне ощутительно. Почетный попечитель успѣлъ привлечь къ пожертвованію мѣстнаго купца Фролова, который жертвовалъ церковное помѣщеніе, находившееся въ зданіи торговыхъ рядовъ, отдѣляемое отъ пансіона только садомъ, и церковную утварь, но высшее начальство не нашло этого удобнымъ, и дѣло, начавшись въ 1853 г., окончилось въ 1855 г. ничѣмъ.

Библіотека при пансіонѣ. Съ начала 1850 г.г. была открыта на средства Рюмина отдѣльная библіотека для пансіонеровъ; число книгъ въ ней къ $18^{58}/_{59}$ г. возрасло до 400 томовъ.

Библіотека при гимназіи. Между тѣмъ гимназическая библіотека въ 1857 и 1858 г.г. была увеличена присоединеніемъ къ ней, по распоряженію Министерства, библіотеки уѣзднаго училища, гдѣ были оставлены только учебныя книги; приэтомъ предписывалось сдѣлать гимназическую библіотеку доступную всѣмъ преподавателямъ губернскаго города. Къ 1850 г. относится и начало библіотеки для вольноприходящихъ учениковъ, эта библіотека пріобрѣтена была на деньги, пожертвованныя учениками.

Перемѣны въ составѣ преподавателей. Въ 1845 г. назначенъ былъ новый директоръ Ѳ. И Шиллингъ, который оставался въ этой должности въ теченіе 20 лѣтъ. Инспекторовъ смѣнилось нѣсколько. То были Егоровъ, Коссовичъ, Окатовъ, Шумаровскій, Мацѣіовскій, Кудряшовъ, и Скандовскій. Законоучитель одинъ—о. Алешинскій. Преподаватели законовѣдѣнія названы выше. Послѣдними преподавателями древнихъ языковъ до устава 1864 г. были: Родзевичъ, Габріельсъ и Фабриціусъ. Русской словесности—Крастелевъ и Качевскій. Математики —Мацѣіовскій, Филипповъ, Вишневскій и Чемолосовъ. Естественную исторію, кромѣ Вишневскаго, преподавалъ Алексѣевъ. Исторіи—Ральгинъ, Рагозинниковъ, Васильевъ, и Д. И. Иловайскій (съ 1854 г.). Географіи Шереметевскій, Ивановъ, Златовратскій и Дьяковъ. Французскій языкъ—Барбей; нѣмецкій яз.—Аппельротъ и Шталь.

Учащіеся. Среднимъ числомъ обучавшихся было въ годъ по 325 человѣкъ. Кончило курсъ 198 человѣкъ. Среднимъ числомъ по 16 человѣкъ. Изъ числа переводимыхъ ежегодно удостоивались награды около 33 человѣкъ; переводилось изъ класса въ классъ около 190 человѣкъ.

Содержаніе гимназіи. Гимназія содержалась на штатную сумму, которой изъ Государственнаго Казначейства отпускалось 12445 руб. 56 к.; сверхъ того, изъ Приказа Общественнаго Призрѣнія получалось 857 руб. На таксаторскіе классы ассигновалась особая сумма—5977 руб. 44 коп.

Плата за ученіе. Сначала ученики обучались безплатно. Затѣмъ въ 1820 г. была введена плата по 8 руб., причемъ было собрано: въ 1821 г. 536 руб. 45 коп., въ 1822 году 485 руб. 20 коп., въ 1823 г. 690 руб. 29 коп., въ 1824 г. 500 руб., въ 1825 г. 320 руб.

Въ 1844 г. съ учащихся взималось только по 6 руб. съ начала 1860 г. плата за ученіе была увеличена до 10 руб., и собрано было 1680 рублей.

Говоря о средствахъ содержанія гимназіи, слѣдуетъ упомянуть и о пожертвованіи, сдѣланномъ Рюминымъ, который былъ почетнымъ попечителемъ гимназіи и въ это время. Въ 1850 г. онъ пожертвовалъ 7000 р.; эту сумму онъ положилъ въ пользу пансіона въ кредитное установленіе на вѣчныя времена. Одна часть %—142 р. 86 к.—должна, согласно его распоряженію, поступать на содержаніе воспитанника пансіона, избираемаго имъ или, послѣ его смерти его, старшимъ сыномъ, съ присвоеніемъ этому воспитаннику названія „пансіонеръ Рюмина"; остальная часть %—137 руб. 14 к.—должна идти на поддержаніе и украшеніе зданія пансіона, пожертвованнаго Рюминымъ въ 1833 г., по усмотрѣнію директора и почетнаго попечителя гимназіи.

Библіотека и кабинетъ. Въ фундаментальной библіотекѣ находилось 1994 названія въ 4393 томахъ, въ пансіонской 271 названіе въ 537 томахъ. Въ физическомъ кабинетѣ инструментовъ: физическихъ 177, математическихъ 17; въ минералогическомъ: минераловъ 784, раковинъ 46, полиповъ 6, окаменѣлостей 23, костей 50, насѣкомыхъ 38, моделей 194, птичьихъ чучелъ 66, кристалловъ 100, гербаріевъ было 2; атласовъ, глобусовъ и картъ 47; прописей и рисунковъ 650. Нумизматическій кабинетъ состоялъ изъ 370 монетъ и медалей.

Глава V.

1864—1871 годъ.

Уставъ 1864 года. Высочайше утвержденный уставъ 1864 г. вносилъ слѣдующія измѣненія въ жизнь гимназій.

1) Вмѣсто 4-хъ ежедневныхъ уроковъ въ каждомъ классѣ по 1 часу и 10 минутъ введены часовые уроки: въ I-мъ классѣ—24; во II—25, а въ прочихъ по 27 въ недѣлю. 2) Уроки начинались съ 9 часовъ и оканчивались или въ 2 часа пополудни, если въ классѣ назначены только 4 урока въ день, или въ 3¼ при 5 урокахъ. Для отдыха между 1 и 2, 2 и 3, 4 и 5 уроками назначены промежутки по 15 минутъ; между 3 и 4 полчаса.

3) По Закону Божію въ V и VI классахъ вмѣсто одного назначено по два урока въ недѣлю.

4) По русскому языку общее количество уроковъ осталось то же; но вмѣсто 4 уроковъ въ III классѣ назначено 3 урока, а въ IV вмѣсто трехъ 4 урока въ недѣлю.

5) Значительно усилено преподаваніе латинскаго языка, который положено начинать не съ III, а съ I-го класса.

6) Отмѣнено преподаваніе географіи въ 3-хъ высшихъ классахъ; впрочемъ, вскорѣ былъ назначенъ одинъ урокъ географіи для повторенія въ III классѣ.

7) Установлено обязательное обученіе только одному новѣйшему языку по выбору.

8) Преподаваніе естественныхъ наукъ ограничено 3-мя низшими классами.

9) Введено преподаваніе черченія и рисованія въ IV классѣ.

Главныя положенія устава ясно указывали на обращеніе къ классической системѣ образованія „сообразно современнымъ потребностямъ" (Сборникъ постанов. по Министерству Н. Просв., т. III, стр. 1300), хотя и предоставлялось „ближайшему усмотрѣнію Министерства Народнаго Про-

свѣщенія учрежденіе гимназій съ классическимъ или реальнымъ курсомъ, смотря по мѣстнымъ потребностямъ и учебнымъ средствамъ" (1302 стр.). Введеніе устава должно было производиться постепенно съ 1866 г.. Рязанская гимназія, по распоряженію г. Министра Народнаго Просвѣщенія, становилась теперь классическою съ двумя древними языками и тѣмъ самымъ возвращалась къ своимъ исконнымъ традиціямъ. Припомнимъ, что еще до введенія устава 1828 г. ученики добровольно занимались греческимъ языкомъ у законоучителей, которые безплатно давали эти необязательные уроки.

Введеніе устава 1864 г. въ Рязанской гимназіи.

Уже въ 1865 г. директоръ нашелъ возможнымъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ преподаваніи, дабы сдѣлать возможнымъ полное введеніе новаго устава съ 1866 г. Съ этою цѣлью, съ разрѣшенія Попечителя (циркуляръ за май мѣсяцъ 1865 г.), имъ приняты были слѣдующія мѣры: введено преподаваніе латинскаго языка во II классѣ 2 урока; затѣмъ прекращено преподаваніе естественной исторіи въ IV, V, VI, и VII классахъ, и освободившіеся уроки въ IV и по одному въ остальныхъ классахъ заняты латинскимъ языкомъ; учителю географіи поручено закончить свой предметъ въ первыхъ четырехъ классахъ. Сверхъ того, директоръ находилъ возможнымъ съ будущаго года вполнѣ организовать 4 низшихъ класса по новому уставу. Три же высшіе классы оставались пока съ латинскимъ языкомъ и съ двумя обязательными новыми языками, причемъ изъятіе относительно преподаванія греческаго языка должно было каждогодно уничтожаться само собою съ переходомъ учащихся этому языку изъ IV въ V, изъ V въ VI и т. д., такъ что чрезъ три года оканчивающіе курсъ ученія въ Рязанской гимназіи могли быть подвергнуты испытанію въ знаніи греческаго языка, хотя и не полномъ по общему числу уроковъ. Одновременное введеніе греческаго языка и въ высшіе классы директоръ находилъ неудобнымъ какъ по невозможности требованія въ такомъ случаѣ отъ окан-

чивающихъ курсъ ученія зрѣлыхъ знаній языка, такъ и по несоотвѣтствію степени развитія учениковъ высшихъ классовъ занятій греческимъ букваремъ и почти механическимъ заучиваніемъ языка. При этомъ требовались преподаватели греческаго и латинскаго языковъ; въ то же время одинъ изъ преподавателей математики оставался за штатомъ.

Мнѣніе директора и педагогическаго совѣта о новомъ уставѣ.

Едва былъ введенъ въ 1866 г. новый уставъ, какъ Министерствомъ былъ затребованъ отзывъ о вліяніи этого устава на ходъ ученія. Отзывъ педагогическаго совѣта и директора сходны между собою. Не признавая возможнымъ сдѣлать общее заключеніе о дѣйствіи устава, отзывъ ограничился разсмотрѣніемъ частностей, „которыя дали себя почувствовать тотчасъ по введеніи новаго устава". Совѣтъ высказался противъ необязательности обоихъ новыхъ языковъ, препятствовавшей поступленію на филологическій факультетъ. Естественную исторію всѣ члены совѣта считали нужнымъ исключить изъ числа предметовъ гимназическаго курса или перенести въ высшіе классы; уроки рисованія въ IV классѣ признать безполезными. Одного урока географіи въ VII классѣ признано было недостаточнымъ для повторенія этого предмета. Но особенно совѣтъ вооружался противъ 5 уроковъ въ сутки. Въ своемъ отдѣльномъ мнѣніи директоръ писалъ объ этомъ слѣдующее: „просидѣвъ въ классѣ съ 9 часовъ утра до 3¼ пополудни, ученикъ не можетъ добросовѣстно приготовиться вечеромъ ко всѣмъ урокамъ, въ особенности же къ ежедневнымъ урокамъ изъ древнихъ языковъ. Почему въ будущемъ почти положительно можно предвидѣть или слабые, не достигающіе цѣли успѣхи по всѣмъ вообще предметамъ, за исключеніемъ только весьма немногихъ, особенно даровитыхъ учениковъ, или то, что ученики будутъ успѣвать готовиться только изъ двухъ—трехъ предметовъ, а остальные два ежедневныхъ урока, съ которыми они не успѣютъ справиться дома, будутъ оставляемы ими всякій разъ безъ приготовленія, что́, конечно, послужитъ въ край-

ній ущербъ тѣмъ предметамъ на долю которыхъ выпадетъ эта физическая невозможность, даже и для добросовѣстнаго ученика, удѣлить время на занятіе ими.

Програмы преподаванія латинскаго и греческаго языковъ.

Для установленія единообразія въ распредѣленіи учебныхъ предметовъ и въ самомъ ихъ преподаваніи Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія требовалъ, чтобы были выработаны педагогическимъ совѣтомъ общія программы. Здѣсь приводятся программы латинскаго и греческаго языковъ, какъ самыя интересныя для сравненія съ нынѣ дѣйствующими учебными планами по этимъ предметамъ.

Програма греческаго языка.

III классъ. Чтеніе. Склоненіе именъ существительныхъ. Степени сравненія. Имена числительныя. Спряженіе правильныхъ глаголовъ. Переводы изъ Якобсовой христоматіи до глаголовъ сокращенныхъ. IV классъ. Спряженіе глаголовъ сокращенныхъ на αω, εω, οω и глаголовъ на μι. Первая часть Якобсовой христоматіи будетъ кончена, а изъ второй переведено, по крайней мѣрѣ, 10 анекдотовъ. V классъ. Переводъ 50 главъ изъ Ксенофонта (Anabasis, или Cyropaedia, или Memorabilia), а изъ Гомеровой Одиссеи, по крайней мѣрѣ, двѣ пѣсни. Изложеніе главныхъ правилъ синтаксиса. VI классъ. Полное изложеніе греческаго синтаксиса. Переводы: изъ Гомеровой Иліады двѣ пѣсни, а изъ Плутарха и Геродота по 50 главъ избранныхъ мѣстъ. VII классъ. 50 главъ избранныхъ мѣстъ изъ Ѳукидида или изъ рѣчей Лисія, Исократа или Демосѳена (Orationes selectae Demosthenis. Ed. Bremi), легкіе dialogi Платона, по изданію Штальбаума, и 300 стиховъ одной изъ трагедій Софокла или Эврипида. Въ VI и VII классѣ иногда письменные переводы съ русскаго на греческій языкъ.

Програма латинскаго языка.

Въ I классѣ при 4-хъ урокахъ должно пройти краткую этимологію до неправильныхъ глаголовъ въ томъ объемѣ, въ какомъ она изложена въ руководствѣ, составленномъ Смирновымъ для трехъ низшихъ

классовъ гимназіи, съ необходимыми для твердаго заучиванія формъ практическими упражненіями въ переводахъ съ латинскаго языка на русскій и обратно. Для большаго успѣха, преподаваніе латинскаго языка въ этомъ классѣ должно идти параллельно съ изученіемъ грамматики отечественнаго языка; поэтому на преподавателѣ латинскаго языка въ этомъ классѣ лежитъ обязанность ознакомить учениковъ: а) съ значеніемъ всѣхъ частей рѣчи и грамматическихъ формъ и б) съ самыми формами.

Въ концѣ учебнаго года одинъ урокъ опредѣляется на переводы съ латинскаго языка на русскій статей изъ книги „Epitome historiae sacrae."

Во II классѣ изъ 5-ти уроковъ 4 нужно опредѣлить на окончаніе краткой и потомъ подробной этимологіи по руководству латинскаго языка, составленному Я. Смирновымъ съ упражненіями въ обратныхъ переводахъ. Пятый урокъ нужно употребить на чтеніе De viris illustribus.

Для облегченія учениковъ при переводахъ съ латинскаго языка на русскій въ этомъ классѣ можно мало по малу знакомить учениковъ и съ правилами латинскаго синтаксиса, но только не въ систематическомъ порядкѣ, а по мѣрѣ того, какъ они будутъ встрѣчаться при переводахъ, и въ томъ объемѣ, въ какомъ изложены въ руководствѣ для 3 низшихъ классовъ гимназіи.

Въ III классѣ изъ 5-ти уроковъ 3 должно отдѣлить на преподаваніе краткаго синтаксиса съ упражненіями въ переводахъ съ русскаго языка на латинскій; остальные 2 урока должно посвятить чтенію Корнелія Непота, съ которымъ должно быть связано повтореніе этимологіи и синтаксиса по мѣрѣ его изученія.

Въ V классѣ изъ 5 уроковъ три опредѣляются на преподаваніе подробнаго синтаксиса, причемъ должны быть дѣлаемы устные и письменные переводы съ русскаго языка на латинскій, одинъ на чтеніе Саллюстія, и одинъ, послѣ

краткаго обзора латинской просодіи и метрики, употребляется на чтеніе Овидія.

Въ VI классѣ изъ 5 уроковъ одинъ назначается для продолженія упражненій въ переводахъ на латинскій языкъ; изъ остальныхъ 4-хъ уроковъ два опредѣляются на чтеніе Тита Ливія и два для чтенія Виргиліевой Энеиды.

Въ VII классѣ изъ 5-ти уроковъ 1-й назначается на продолженіе упражненій въ переводахъ на латинскій яз. или въ легкихъ сочиненіяхъ; изъ остальныхъ 4-хъ уроковъ два назначаются на чтеніе избранныхъ рѣчей Цицерона или менѣе трудныхъ его философскихъ сочиненій (каковы: De officiis, De amicitia, De senectute), два на чтеніе Горація (оды). Чтеніе авторовъ во всѣхъ классахъ надлежитъ сопровождать необходимыми лингвистическими и историческими замѣчаніями. При чтеніи этихъ программъ нельзя не замѣтить одной особенности: это отнесеніе письменныхъ упражненій на задній планъ, отведеніе имъ второстепеннаго мѣста.

Перемѣны въ личномъ учебномъ составѣ. Приведеніе новаго устава въ дѣйствіе принадлежитъ всецѣло новому преподавательскому составу. Вмѣсто Ѳ. И. Шиллинга директоромъ назначенъ С. Н. Оранскій. Преподавателями древнихъ языковъ были: Фабриціусъ и Громанъ; математики—И. М. Кученевъ и Н. Я. Толмачевъ; французскаго языка—Шарль и Турне; нѣмецкаго языка —В. И. Вернеръ; русской словесности—нѣсколько; исторіи—Д. Н. Григоровъ.

Ревизіи и посѣщенія. Къ этому времени относятся частыя ревизіи и посѣщенія гимназіи лицами, принадлежащими къ составу Учебнаго Округа. Такъ, въ 1865 г. ревизовалъ гимназію окружный инспекторъ Де-Витте, а на экзаменахъ присутствовали профессоры университета Н. С. Тихонравовъ и Любимовъ.

Въ 1866 г. въ гимназіи былъ помощникъ попечителя князь П. П. Мещерскій, а на экзаменахъ присутствовалъ профессоръ В. И. Герье. Въ 1867 г. гимназію ревизовали попечитель

князь Ширинскій-Шихматовъ и окр. инсп. Де-Витте. Наконецъ, въ 1868 г. были г. попечитель округа князь А. П. Ширинскій Шихматовъ, его помощникъ князь Н. П. Мещерскій и окружные инспекторы Гаяринъ и Де-Витте, а на экзаменахъ 1869 года присутствовали профессоры Г. А. Ивановъ и Цингеръ.

Къ внѣшнимъ событіямъ за это время относятся закрытіе таксаторскихъ классовъ, устроеніе церкви при пансіонѣ и посѣщеніе гимназіи Его Высочествомъ принцемъ Петромъ Георгіевичемъ Ольденбургскимъ.

Закрытіе таксаторскихъ классовъ.

Въ 1868 г. были закрыты, послѣ непродолжительнаго существованія, землемѣро-таксаторскіе классы, не оставивъ по себѣ почти никакого слѣда.

Устроеніе церкви при пансіонѣ.

Со времени открытія пансіона до 1869 года при немъ не было своей церкви. Это не мало озабочивало начальство округа, и его усиліями подвигнутъ былъ къ этому высокому дѣлу почетный попечитель гимназіи Н. Г. Рюминъ. Своимъ вліяніемъ онъ склонилъ къ значительному пожертвованію почетнаго гражданина А. В. Антонова, а самъ устроилъ иконостасъ для церкви и частію снабдилъ ее ризницей. Для помѣщенія церкви необходимо было сдѣлать только небольшую пристройку, которая и была окончена къ осени, такъ что освященіе церкви во имя Святителя и Чудотворца Николая происходило 4 декабря 1869 г. На ея содержаніе было ассигновано 400 руб.

Н. Г. Рюминъ.

Николай Гавриловичъ скончался въ слѣдующемъ, 1870 г., и съ тѣхъ поръ гимназія не имѣла почетнаго попечителя до 1887 г. Добрыя дѣла Николая Гавриловича, состоящія въ пожертвованіяхъ значительныхъ суммъ, останутся навсегда памятны гимназіи. Домъ гимназическаго пансіона, пожертвованный Николаемъ Гавриловичемъ, служитъ и будетъ служить вѣчнымъ памятникомъ его участія къ дѣлу образованія.

Посѣщеніе гимназіи Его Высочествомъ принцемъ Ольденбургскимъ.

Прибывъ въ 1866 г. въ Рязань для осмотра женской гимназіи вѣдомства Императрицы Маріи, Его Высочество изволилъ быть и въ мужской гимназіи, гдѣ посѣтилъ нѣкоторые классы.

Глава VI.

1871—1904 годъ.

Перемѣны въ уставѣ 1864 г.

Существенныя перемѣны, внесенныя въ образованіе русскаго юношества уставомъ 1871 г., главнымъ образомъ заключаются въ слѣдующемъ: 1) въ сосредоточеніи ученія на главныхъ предметахъ гимназическаго курса -древнихъ языкахъ и математикѣ, съ цѣлью придать этому курсу большую серьезность и послѣдовательность; 2) въ учрежденіи при гимназіи приготовительнаго класса, вмѣстѣ съ тѣмъ въ усиленіи требованій относительно подготовки поступающихъ въ I классъ и въ открытіи VIII кл.*): 3) въ возстановленіи прежняго количества уроковъ по Закону Божію въ двухъ старшихъ классахъ; 4) въ уменьшеніи числа уроковъ по русскому языку въ старшихъ классахъ и увеличеніи въ младшихъ; 5) въ введеніи курса логики въ VIII классѣ; 6) въ уменьшеніи числа уроковъ по исторіи; 7) въ усиленіи преподаванія математики; 8) въ ограниченіи преподаванія физики двумя старшими классами; 9) въ отмѣнѣ преподаванія космографіи и замѣнѣ ея математической географіей; 10) въ отмѣнѣ преподаванія естественной исторіи; 11) въ перемѣщеніи начала обученія новымъ языкамъ во II классъ; 12) въ уменьшеніи числа уроковъ чистописанія и рисованія, причемъ преподаваніе перваго предмета ограни-

---

*) До 1875 г. VII кл. дѣлился на два отдѣленія: старшее и младшее; въ 1875 г. старшее отдѣленіе VII кл. было переименовано въ VIII кл.

чено двумя низшими классами, а второй сдѣланъ необязательнымъ; 13) въ введеніи института классныхъ наставниковъ; 14) въ соединеніи преподаванія нѣкоторыхъ предметовъ въ рукахъ одного учителя; 15) въ привлеченіи къ преподавательской дѣятельности директоровъ и инспекторовъ, и проч.

Объемъ преподаванія каждаго предмета и распредѣленіе курса гимназіи по классамъ были точно установлены изданными въ 1872 г. и пересмотрѣнными въ 1877 г. учебными планами; ими же устанавливалось и направленіе, въ которомъ должно было идти преподаваніе, и давались указанія относительно методовъ преподаванія.

Вмѣстѣ съ измѣненіемъ программъ гимназій измѣненъ былъ и порядокъ испытаній. По этому новому порядку, введенному съ 1873 г., въ трехъ низшихъ классахъ и въ V классѣ производились одни письменныя испытанія по языкамъ и математикѣ; въ IV и V классахъ производились и письменныя и устныя испытанія—въ IV кл. по прогимназическому курсу, а въ VI по пройденному въ V и VI кл. Готовившимся къ поступленію въ университетъ ученикамъ старшаго отдѣленія VII класса (преобразованнаго въ отдѣльный VIII кл.) производились испытанія зрѣлости: письменныя—по русск. и древнимъ яз. и математикѣ и устныя—по Закону Б., обоимъ древнимъ языкамъ, математикѣ и исторіи. Порядокъ испытаній зрѣлости былъ опредѣленъ особыми правилами до мельчайшихъ подробностей, темы назначались Округомъ.

Реформа 1890 г. Гимназическій строй, установленный уставомъ гимназій 1871 г., держался твердо въ теченіе почти 20 лѣтъ, до 1890 г. Въ іюнѣ этого года М. Н. Просв. издало новые учебные планы, внесшіе въ гимназическую жизнь нѣкоторыя измѣненія. По этимъ планамъ уменьшено было число уроковъ по древнимъ языкамъ на 10, по математикѣ на 2, увеличено число уроковъ по Зак. Б., по исторіи, по физикѣ; уроки географіи въ VII и VIII кл. были отмѣнены; въ трехъ низшихъ классахъ введены обязательные уроки

рисованія. По Зак. Б. въ V классѣ положено начинать курсъ исторіи христіанской православной церкви, а въ VII и VIII классахъ, при повтореніи катехизиса, проходить краткій курсъ догматическаго и нравственнаго богословія. При изученіи русскаго яз., по учебнымъ планамъ 1890 г., слѣдовало имѣть главной цѣлью пріобрѣтеніе учащимися навыка выражаться и писать правильно въ грамматическомъ и стилистическомъ отношеніяхъ. Курсъ теоріи словесности изъ V класса перенесенъ былъ въ VIII. Но особенно значительныя измѣненія были внесены въ преподаваніе древнихъ языковъ. Изученіе грамматики этихъ языковъ въ объемѣ элементарныхъ формъ и правилъ было сосредоточено въ первыхъ шести классахъ, причемъ знакомство съ грамматикой ученики должны были показать на письменномъ экзаменѣ при переходѣ въ VII классъ; въ двухъ высшихъ классахъ занятія должны были сосредоточиваться на чтеніи древнихъ авторовъ. Тотъ же самый принципъ служебнаго, второстепеннаго значенія грамматическихъ знаній положенъ былъ и въ основу преподаванія новыхъ языковъ: цѣлью этого преподаванія поставлено было подготовить учащихся настолько, чтобы они по окончаніи курса могли безъ затрудненія пользоваться въ подлинникѣ произведеніями нѣмецкихъ и французскихъ ученыхъ и писателей. Внесены были измѣненія и въ преподаваніе исторіи: въ III классѣ, гдѣ начиналось ея изученія, должно было проходить элементарный курсъ отечественной исторіи; въ четырехъ слѣдующихъ классахъ—систематическіе курсы древней, средней и новой исторіи; систематическій курсъ русской исторіи слѣдовало начинать съ V класса. VIII классъ предназначался на повтореніе русской исторіи и подробное изложеніе исторіи Греціи и Рима.

Вслѣдъ за измѣненіями въ учебныхъ планахъ были внесены измѣненія и въ порядокъ испытаній. Правилами объ испытаніяхъ, утвержденными министромъ 12 марта

1896 года, устныя испытанія были распредѣлены во всѣхъ классахъ и пріурочены къ законченнымъ предметамъ или къ законченнымъ ихъ отдѣламъ. Въ четырехъ низшихъ классахъ всѣ ученики пользовались правомъ допущенія къ экзаменамъ, въ старшихъ же классахъ допускались только тѣ ученики, которые проявляли удовлетворительную успѣшность по главнымъ предметамъ, въ число которыхъ были также отнесены Законъ Божій и русскій языкъ. Письменныя испытанія по древнимъ языкамъ въ шести классахъ должны были производиться съ русскаго яз. на древніе, а въ V съ латинскаго на русскій. Въ VII классѣ и на испытаніи зрѣлости письменныя испытанія слѣдовало производить съ обоихъ древнихъ языковъ на русскій. На письменномъ экзаменѣ по математикѣ положено было давать двѣ задачи: алгебраическую и геометрическую съ присоединеніемъ къ ней тригонометрическихъ функцій. На устномъ испытаніи зрѣлости къ прежнимъ предметамъ прибавленъ былъ русскій языкъ и одинъ изъ новыхъ языковъ.

Реформы послѣднихъ лѣтъ.

Таковы, въ общихъ чертахъ, измѣненія, внесенныя въ строй гимназической жизни преобразованіями 1890—91 г. Въ такомъ видѣ гимназія просуществовала однако не долго. Жизнь все болѣе и болѣе выдвигала настоятельную потребность въ болѣе существенныхъ измѣненіяхъ строя гимназіи. Въ министерство Н. П. Боголѣпова эта задача была поставлена на первую очередь, и въ 1900 г. были начаты работы по преобразованію средней школы; работы эти продолжаются до настоящаго времени. Но еще до окончанія ихъ и до законодательнаго рѣшенія вопроса о преобразованіи средней школы, въ строй ея и Н. П. Боголѣповымъ и послѣдующими министрами, П. С. Ванновскимъ и Г. Э. Зенгеромъ, внесены были нѣкоторыя измѣненія. Сущность ихъ заключается въ слѣдующемъ.

1) Въ 1900 г. отмѣнены были въ гимназіяхъ письменныя испытанія по древнимъ языкамъ и составлены новые

учебные планы по этимъ предметамъ, обратившіе главное вниманіе на чтеніе авторовъ и значительно сократившіе изученіе грамматики. Педагогическимъ совѣтамъ предоставлено право переводить изъ класса въ классъ хорошо успѣвающихъ учениковъ безъ экзаменовъ. Обязательныя лѣтнія работы отмѣнены; ихъ рекомендовано было замѣнить такими необязательными работами или занятіями, которыя имѣли бы въ виду развитіе индивидуальныхъ склонностей учащихся и пробужденіе въ нихъ самодѣятельности; особенное вниманіе обращено было на образовательныя прогулки и путешествія.

2) Въ 1901 г., въ видѣ временной мѣры, въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ прекращено было преподаваніе латинскаго языка въ первыхъ двухъ классахъ и греческаго въ III и IV; вмѣстѣ съ этимъ преподаваніе русскаго языка и географіи было усилено, въ курсъ I и II класса введены русская исторія, одинъ новый языкъ и естествовѣдѣніе. Въ 1902 г. установлено было переводить въ слѣдующій классъ безъ экзамена учениковъ, получившихъ удовлетворительныя годовыя отмѣтки по всѣмъ предметамъ.

3) 20 іюля 1902 г., согласно Высочайшему повелѣнію о временномъ устройствѣ учебной части въ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, всѣ гимназіи были раздѣлены на два разряда: однѣ гимназіи сохраняли программу 1890 г., другія получали измѣненную программу, устанавливавшую начало изученія лат. яз. въ III классѣ, а греческаго въ V. Къ числу послѣднихъ принадлежала и Рязанская гимназія. Въ то же время приняты были мѣры къ охраненію здоровья воспитанниковъ гимназіи: для устраненія чрезмѣрнаго утомленія ихъ разрѣшено было педагогическимъ совѣтамъ въ видѣ опыта на одинъ годъ въ тѣ недѣли, въ которыя не приходится праздничныхъ дней, давать учащимся по одному дню отдыха, съ тѣмъ, чтобы эти дни посвящались разумнымъ развлеченіямъ учащихся; число такихъ дней не должно было превышать семи въ теченіе учебна-

го года. Гимназическіе врачи сдѣланы были постоянными членами педагогическихъ совѣтовъ; циркуляръ отъ 15 авг. 1902 г. давалъ подробныя указанія о физическомъ воспитаніи учащихся.

4) Въ 1903 г. 28 марта послѣдовало Высочайшее повелѣніе, по которому въ тѣхъ гимназіяхъ, въ которыхъ начало изученія греческаго языка отнесено было къ V классу, слѣдовало приступить къ постепенному введенію необязательности греческаго языка, причемъ часть времени, освобождавшагося такимъ образомъ, должна быть посвящена изученію отечествовѣдѣнія и усиленію занятій математикой. Въ Рязанской гимназіи, среди учениковъ V класса которой не нашлось желающихъ изучать греческій языкъ, въ послѣдній изъ годовъ ея столѣтняго существованія, примѣнялась такая таблица уроковъ.

Учебные предметы.	I	II	III	IV	V
Законъ Божій	2	2	2	2	2
Русскій языкъ	5	5	4	4	4
Латинскій языкъ	—	—	5	5	5
Греческій языкъ	—	—	—	—	—
Математика	4	4	4	4	5
Исторія	2	2	2	3	4
Географія	2	2	2	2	2
Нѣмецкій языкъ	5	3	3	3	3
Французскій языкъ	—	6	3	4	3
Природовѣдѣніе	2	2	2	—	—
Рисованіе	2	2	1	—	—
Чистописаніе	2	—	—	—	—

Тѣ измѣненія въ программахъ гимназій и въ ихъ строѣ, которыя въ краткихъ чертахъ указаны выше, пережила и Рязанская гимназія; жизнь ея въ своемъ теченіи, конечно, точно слѣдовала тѣмъ указаніямъ, которыя преподаны были предписаніями начальства, и въ общемъ своемъ строѣ ничѣмъ не отличается отъ всѣхъ классическихъ гимназій Имперіи. Посмотримъ же теперь тѣ мѣры, которыя педагогическій совѣтъ принималъ въ своихъ заботахъ о поднятіи успѣшности учащихся, объ ихъ умственномъ, нравственномъ, эстетическомъ и физическомъ развитіи, проявляя въ этомъ свою личную инициативу, внося въ жизнь Рязанской гимназіи то, что отличаетъ ее отъ другихъ такихъ же учебныхъ заведеній.

Мѣры совѣта для поднятія успѣшности воспитанниковъ.

Остановимся прежде всего на тѣхъ мѣрахъ, которыя принимались совѣтомъ съ цѣлью поднятія успѣшности воспитанниковъ гимназіи.

а) Древніе языки.

Первое мѣсто среди этихъ мѣръ, конечно, занимаютъ мѣры къ поднятію успѣшности по древнимъ языкамъ, лежащимъ въ основѣ всего гимназическаго курса. Такъ, еще въ началѣ 70-хъ годовъ въ гимназіи выдавались особыя награды для учениковъ старшихъ классовъ, занимавшихся въ каникулярное время необязательнымъ для нихъ чтеніемъ греческихъ и римскихъ писателей, по выбору преподавателя. Въ тѣ же годы, т. е. съ самаго почти начала дѣйствія классической системы, педагогическій совѣтъ обращаетъ серьезное вниманіе на письменныя работы по древнимъ языкамъ, заботясь всячески объ улучшеніи ихъ. Такъ, въ 1874—75 уч. г. для улучшенія письменныхъ работъ по древнимъ языкамъ учениковъ IV, V, VI и обоихъ отдѣленій (старшаго и младшаго) VII кл., совѣтъ рѣшилъ назначить занятія по воскрес-

нымъ и праздничнымъ днямъ, состоявшія: 1) въ повтореніи грамматики съ упражненіемъ въ этимологическомъ и стилистическомъ разборѣ; 2) въ письменныхъ упражненіяхъ, заключавшихся въ переводѣ съ русск. яз. на лат.; 3) въ просмотрѣ и провѣркѣ домашнихъ письменныхъ работъ учениковъ VII VI кл., заключавшихся въ слѣдующемъ: въ началѣ недѣли назначалось мѣсто изъ того или другого римскаго историка; это мѣсто ученики должны были перевести сначала на русскій яз., затѣмъ, подъ конецъ недѣли, сдѣлать обратный переводъ; въ слѣдующій воскресный день, или праздничный, ученики должны были это мѣсто выучить наизусть. Въ отдѣльныхъ случаяхъ неуспѣшности по древнимъ языкамъ совѣтъ принималъ мѣры къ особенно усиленнымъ занятіямъ по этимъ предметамъ. Такъ, въ 1882—83 г., когда въ V классѣ, въ двухъ его отдѣленіяхъ, изъ 53 учениковъ оказалось 33 неудовлетворительныхъ по древнимъ языкамъ, совѣтъ опредѣлилъ: 1) ввести усиленныя занятія для повторенія грамматики латинскаго и греческаго языковъ впредь до надлежащаго повышенія уровня ученическихъ познаній; 2) за неимѣніемъ другого времени для дополнительныхъ уроковъ, заниматься съ учениками сказанными предметами во время уроковъ новѣйшихъ языковъ, именно: во время уроковъ нѣмецкаго языка съ свободными въ то время учениками, обучающимися французскому языку, во время же уроковъ языка французскаго—съ учениками, изучающими нѣмецкій языкъ; 3) назначить для занятій по латинскому яз. 3 урока въ недѣлю, изъ нихъ 2 урока для обучающихся французскому языку, число которыхъ значительно больше, и 1 урокъ для обучающихся языку нѣмецкому; для занятій же языкомъ греческимъ—2 раза въ недѣлю, по одному уроку для тѣхъ и другихъ.—Въ другихъ подобныхъ же случаяхъ совѣтъ тоже прибѣгалъ къ назначенію добавочныхъ уроковъ: такъ, въ 1883—84 г., для устраненія малоуспѣшности I класса по латинскому языку, совѣтъ увеличиваетъ число уроковъ по

этому предмету, прибавляя 3 недѣльныхъ урока. Такую же мѣру мы встрѣчаемъ по отношенію къ греческому яз. въ IV кл. въ 1891—92, 1892—93, 1893—94, 1894—95, 1895—96, 1896—97, 1901—2.

Наконецъ, вопросъ о мѣрахъ къ улучшенію преподаванія древнихъ языковъ былъ предметомъ особаго сужденія педагогическаго совѣта въ 1886—87 г. по предписанію г. Попечителя М. Уч. Окр. Для обсужденія этого вопроса была избрана особая коммиссія преподавателей древнихъ языковъ, выработавшая правила для улучшенія постановки древнихъ языковъ, касавшіяся чтенія авторовъ безъ приготовленія и письменныхъ переводовъ съ древнихъ языковъ на отечественный.

в) Русскій языкъ. Успѣшность учениковъ гимназіи по русскому языку также привлекала къ себѣ вниманіе педагогическаго совѣта. Такъ, въ 1871-72 уч. г. совѣтъ опредѣлилъ „чтобы классные наставники ежемѣсячно, одинъ разъ, во время, для нихъ свободное, дѣлали повѣрочный диктантъ по русскому языку въ классахъ, ввѣренныхъ ихъ надзору, съ цѣлью наблюденія за успѣхами учениковъ въ правописаніи и усиленія ихъ вниманія къ этому важному дѣлу ихъ обученія.“ Въ 1874-75 г. вопросъ о постановкѣ письменныхъ работъ по русскому языку—диктантовъ и сочиненій—былъ предметомъ продолжительнаго обсужденія со стороны педагогическаго совѣта, причемъ, по предложенію директора С. В. Гулевича, преподаватели русскаго языка изъявили готовность заниматься особенно со слабыми учениками своихъ классовъ во время, свободное отъ классныхъ занятій,—съ учениками I класса во время пятаго урока, съ учениками другихъ классовъ по воскреснымъ днямъ. Способъ поправленія диктантовъ и сочиненій былъ точно установленъ, при чемъ предлагалось, чтобы ученики на всякую сдѣланную ими ошибку, указанную преподавателемъ, излагали на поляхъ вкратцѣ самое правило, которому эти ошибки противорѣ-

чать; чтобы заставить учениковъ относиться какъ можно добросовѣстнѣе и серьезнѣе къ сочиненіямъ, признано было необходимымъ, въ случаѣ неудовлетворительности сочиненія, заставлять ученика передѣлывать его до тѣхъ поръ, пока оно не будетъ признано удовлетворительнымъ. Какъ сочиненія, такъ и письменныя работы по древнимъ языкамъ, послѣ провѣрки ихъ преподавателемъ, передавались директору; ему же слѣдовало сообщать о случаяхъ несвоевременной подачи ученикомъ заданной письменной работы. Вообще вопросъ о постановкѣ письменныхъ упражненій по русскому яз., особенно сочиненій, былъ не разъ предметомъ обсужденія на совѣтѣ и всякій разъ вызывалъ продолжительныя пренія, каждый почти преподаватель русскаго языка проводилъ свой взглядъ на дѣло и устанавливалъ свой методъ. Такъ, вопросъ этотъ долго обсуждался совѣтомъ въ 1871—72 г., причемъ принято было къ руководству мнѣнія, высказанныя преподавателями Виноградовымъ и Сыроѣчковскимъ. Въ 1885-86 г. онъ тоже долго обсуждался, причемъ принято было рѣшеніе при исправленіи письменныхъ работъ по русскому яз. принимать во вниманіе пріемы, указанные преподавателемъ Вербицкимъ. Особенно часто вопросъ о сочиненіяхъ подымался при обсужденіи темъ сочиненій; надо замѣтить, что этотъ обычай, т. е. обсужденіе темъ для сочиненій въ совѣтѣ, прочно укоренился въ Рязанской гимназіи, причемъ къ темамъ преподаватели присоединяли иногда и подробное изъясненіе расположенія частей сочиненія. Темы эти, безъ сомнѣнія, представляютъ значительный интересъ и даютъ много данныхъ для характеристики какъ преподавателей, такъ и тѣхъ теченій, которыя преобладали въ жизни гимназіи въ то или другое время; но, къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста не даетъ возможности привесть ихъ. Можно только то сказать, что семидесятые годы характерны по обилію темъ, касающихся древняго міра, таковы, напр. темы: „ изложеніе

содержанія гл. I, кн. II, „Memorabilia“, „основная идея Софокловой трагедіи „Филоктетъ“, „заимствованія Виргилія изъ Иліады и Одиссеи, замѣчаемыя въ первой половинѣ 3-ей книги Энеиды“ и пр.

Слѣдуетъ замѣтить притомъ, что письменныя работы, въ видѣ сочиненій, давались ученикамъ не одними только преподавателями русск. языка. Такъ, преподаватель исторіи Григоровъ предлагалъ ученикамъ составлять конспекты на основаніи тѣхъ или другихъ замѣчательныхъ памятниковъ и источниковъ по исторіи. Кромѣ того, онъ упражнялъ учениковъ и въ устномъ изложеніи содержанія прочитанныхъ историческихъ книгъ, съ цѣлью повѣрки, прочитаны ли онѣ ими со вниманіемъ.

Говоря о мѣрахъ къ поднятію успѣшности учениковъ по языкамъ, отмѣтимъ еще двѣ мѣры, относящіяся къ началу разсматриваемаго періода. Одна мѣра представляетъ попытку внести единство въ обученіе языкамъ. Въ 1871—72 г. совѣтъ опредѣлилъ при преподаваніи языковъ отечественнаго, древнихъ и новыхъ по возможности держаться однообразія въ грамматической терминологіи и по возможности стараться соблюдать единство въ грамматическихъ опредѣленіяхъ и разъясненіяхъ, достигая того посредствомъ взаимнаго соглашенія по этому вопросу.

c) Новые языки. Другая мѣра касается постановки преподаванія новыхъ языковъ: для привлеченія учениковъ къ занятію обоими новыми языками совѣтъ рѣшилъ, кромѣ уроковъ, назначенныхъ по уставу, устроить сводные классы французскаго и нѣмецкаго языковъ по два раза въ недѣлю для каждаго изъ этихъ предметовъ. Эти классы предназначались для учениковъ всѣхъ классовъ, только еще начинающихъ свои занятія по тому или другому языку.

d) Математика. Не менѣе, чѣмъ вопросомъ объ успѣшности учениковъ по языкамъ, занимался совѣтъ вопросомъ объ успѣшности по математикѣ, особенно въ старшихъ

классахъ. Такъ, въ 1875—76 г., по заявленію преподавателя математики Каменскаго, совѣтъ постановилъ принять слѣдующія мѣры: 1) увеличить количество задаваемыхъ на домъ задачъ не только въ VIII, но и въ другихъ классахъ; 2) дѣлать письменныя классныя упражненія по математикѣ не одинъ разъ, какъ было прежде, а два раза въ мѣсяцъ, и 3) заниматься съ учениками VIII кл. по воскреснымъ днямъ послѣ литургіи (2 раза въ мѣсяцъ), въ теченіе одного часа, алгебраическими и геометрическими задачами.

Стремленіе поднять уровень познаній по математикѣ побудило совѣтъ увеличить число уроковъ математики сверхъ нормы: мы видимъ, что въ Рязанской гимназіи установился прочный обычай въ VIII классѣ назначать добавочный урокъ математики, о чемъ совѣтъ вотъ уже болѣе двадцати лѣтъ изъ года въ годъ ходатайствуетъ передъ г. Попечителемъ, относя расходы по оплатѣ этихъ уроковъ на спеціальныя средства гимназіи. Въ 90-хъ годахъ такой же добавочный урокъ вводится и въ III классѣ, въ виду того, что въ этомъ классѣ заканчивается курсъ ариѳметики и даются первыя, основныя понятія по алгебрѣ.

е) Другія мѣры. Помимо изложенныхъ мѣръ, совѣтъ гимназіи прибѣгалъ и къ другимъ средствамъ борьбы съ малоуспѣшностью учениковъ. Такъ, въ 70-хъ годахъ введены были особыя занятія подъ руководствомъ преподавателей отъ $2^1/_2$ до $3^1/_2$ часовъ пополудни для учениковъ, не приготовившихъ своего урока по нерадѣнію; опредѣлено было производить въ концѣ каждаго срочнаго періода повѣрочныя письменныя упражненія по древнимъ языкамъ, математикѣ и русскому языку. Для того, чтобы постороннія занятія не мѣшали успѣшному ходу ученія, опредѣлено было не разрѣшать репетировать тѣмъ ученикамъ старшихъ классовъ, которые мало успѣвали. Наконецъ, понимая, что успѣшность преподаванія зависитъ отъ равномѣрнаго распредѣленія работъ,

задаваемыхъ ученикамъ по отдѣльнымъ предметамъ, совѣтъ ежегодно въ классныхъ коммиссіяхъ и въ общихъ своихъ засѣданіяхъ вырабатывалъ нормы задаваемыхъ уроковъ и распредѣлялъ дни недѣли для классныхъ письменныхъ упражненій. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ также намѣчалъ методы преподаванія и устанавливалъ общіе принципы, какимъ желательно слѣдовать для достиженія большей успѣшности, не обременяя учениковъ работой (таково, напр., засѣданіе 15 сент. 1894 г., въ которомъ совѣтъ принялъ къ свѣдѣнію и руководству цѣлый рядъ общихъ соображеній директора Сергѣева о постановкѣ преподаванія въ интересахъ общаго развитія учениковъ и правильнаго усвоенія ими преподаваемыхъ предметовъ и въ видахъ облегченія учениковъ въ ихъ занятіяхъ). Въ концѣ каждой четверти, въ концѣ каждаго учебнаго года при обсужденіи успѣховъ учениковъ совѣтъ, выслушивая отчеты классныхъ наставниковъ, постоянно входилъ въ обсужденіе случаевъ слабыхъ успѣховъ, обнаруживаемыхъ отдѣльными учениками; къ той же цѣли, наконецъ, направлена была и дѣятельность классныхъ наставниковъ, старавшихся учениковъ, малоспособныхъ или отставшихъ отъ товарищей вслѣдствіе болѣзни, довесть, при содѣйствіи преподавателей, до общаго уровня успѣшности класса, чаще ихъ спрашивая и объясняя имъ уроки, или же пріискивая для нихъ репетиторовъ; въ случаяхъ лѣности и разсѣянности малоуспѣвающихъ, классные наставники, по возможности, исправляли ихъ соотвѣтственными мѣрами. Чтобы устранить накопленіе къ одному дню слишкомъ трудной работы и неравномѣрное распредѣленіе уроковъ по предметамъ курса, классные наставники (съ 1872 г.) просматривали дневники учениковъ, въ которыхъ записываются заданные уроки. Много усилій и весь совѣтъ и классные наставники, въ частности, употребляли на борьбу съ манкировками учениковъ, весьма неблагопріятно всегда отражавшимися на общемъ уровнѣ успѣшности клас-

совъ. Средствомъ этой борьбы былъ самый бдительный контроль надъ отсутствіями учениковъ, который организованъ былъ такимъ образомъ. Родители или завѣдующіе воспитаніемъ учениковъ должны въ тотъ же день увѣдомить классная наставника о причинѣ отсутствія; если же это не было исполнено и причина отсутствія оставалась неизвѣстной, классный наставникъ письменно освѣдомлялся о причинѣ отсутствія въ тотъ же или на другой день, о нѣкоторыхъ же ученикахъ освѣдомлялся лично или черезъ своихъ помощниковъ. Если манкировка оказывалась неуважительной, то ученикъ подвергался взысканію. Вмѣстѣ съ вопросомъ о манкировкахъ учениковъ, совѣтъ занимался также и вопросомъ объ отказахъ учениковъ отъ уроковъ, значительно отражающихся на пониженіи успѣшности и задерживающихъ правильное теченіе преподаванія. Вопросъ о мѣрахъ борьбы съ этимъ явленіемъ, между прочимъ, былъ предметомъ сужденія совѣта въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ, 1902—3, причемъ совѣтъ, принимая во вниманіе, что нѣкоторые изъ учениковъ прямо злоупотребляютъ отказами и, не приготовя урока по лѣности или другой неуважительной причинѣ, отказываются отвѣчать, ссылаясь на домашнія обстоятельства или же приводя другія болѣе или менѣе уважительныя, но выдуманныя причины, пришелъ къ заключенію, что бороться съ этимъ зломъ можно только при содѣйствіи родителей, а потому постановилъ признавать отказъ ученика уважительнымъ только въ томъ случаѣ, если онъ представитъ классному наставнику или инспектору записку отъ родителей съ удостовѣреніемъ, что онъ дѣйствительно по той или другой уважительной причинѣ не могъ приготовить урока.

Учебныя пособія. Слѣдуетъ сказать однако, что совѣтъ стремился поднять уровень познаній учениковъ не однѣми, такъ сказать, дисциплинарными мѣрами, онъ заботился и о томъ, чтобы само преподаваніе было обставлено учеб-

ными пособіями настолько, насколько это необходимо для достиженія возможно большихъ результатовъ. Сюда относятся его заботы о пополненіи физическаго кабинета, естественноисторическаго и другихъ наглядныхъ пособій. Какъ развивалась эта дѣятельность совѣта, лучше всего можно видѣть изъ слѣдующей таблицы.

Физическій кабинетъ.

1875	1876	1877	1878	1879	1880	1881	1882	1883	1884	1885	Годы.
224	239	239	244	253	253	273	273	280	289	303 *)	Число приборовъ.
1886	1887	1888	1889	1890	1891	1892	1893	1894	1895	1896	Годы.
306	306	337	337	337	337	342	342	342	342	266	Число приборовъ
1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903	—	—	—	—	Годы.
278	278	275	285	286	286	286	—	—	—	—	Число приборовъ.

Естественноисторическій кабинетъ.

1875	1876	1877	1878	1879	1880	1881	1882	1883	Годы.
2357	2357	2357	2357	2357	2357	2357	2357	2357	Число пособій.
1884	1885	1886	1887	1888	1889	1890	1891	1892	Годы.
2357	2357	2357	2357	2357	2357	2357	2357	2357	Число пособій.
1893	1894	1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901	Годы.
2357	2357	2357	2357	2357	2357	2357	2357	2357	Число пособій.
1902	1903	—	—	—	—	—	—	—	Годы.
2405	2557	—	—	—	—	—	—	—	Число пособій.

*) Количество приборовъ уменьшилось вслѣдствіе исключенія нѣкоторыхъ приборовъ за ветхостью.

Другія учебныя пособія.

Годы.	1875	1876	1877	1878	1879	1880	1881	1882	1883
Число пособій.	272	276	284	284	284	284	287	287	237
Годы.	1884	1885	1886	1887	1888	1889	1890	1891	1892
Число пособій.	239	239	258	258	278	285	285	285	293
Годы	1893	1894	1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901
Число пособій.	307	311	315	315	319	319	319	319	319
Годы.	1902	1903	—	—	—	—	—	—	—
Число пособій.	374	374	—	—	—	—	—	—	—

Фундаментальная библіотека.

Признавая, наконецъ, безусловнымъ то положеніе, что для того, чтобы преподаватель могъ дать ученикамъ возможно большую сумму познаній, ему необходимо самому постоянно пополнять свой запасъ научныхъ свѣдѣній, быть всегда въ курсѣ своей науки. совѣтъ заботился и объ этой сторонѣ дѣла, пополняя фундаментальную библіотеку, постепенный ростъ которой можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

Годы.		1875	1876	1877	1878	1879	1880
Состояло	названій	2894	2955	3056	2856[1])	3816[2])	3861
	томовъ.	5762	5864	6061	5667	7059	7202
Годы.		1881	1882	1883	1884	1885	1886
Состояло	названій	3888	3914	2153	2284	2321	2354
	томовъ.	7338	7399	6019	6077	6203	6287
Годы.		1887	1888	1889	1890	1891	1892
Состояло	названій	2296	2327	2331	2345	2355	2361
	томовъ.	6242	6377	6461	6540	6663	6740

[1]) 15 сентября 1878 г. въ зданіи гимназіи былъ пожаръ, во время котораго утрачено и испорчено при переноскѣ 202 №№ фундаментальной библіотеки.

[2]) Въ этомъ году библіотека гимназіи обогатилась крупнымъ пожертвованіемъ вдовы Тайнаго Совѣтника А. Н. Попова, принесшей въ даръ гимназіи 2320 назв. въ 4470 томахъ. Среди этихъ книгъ есть много рѣдкихъ и цѣнныхъ экземпляровъ.

Годы.		1893	1894	1895	1896	1897	1898
Состояло	названій	2366	2373	2378	2380	2382	2389
	томовъ.	6872	6957	7067	7158	7243	7369
Годы.		1899	1900[3])	1901	1902	1903	—
Состояло	названій	2397	3015	3045	3084	3152	—
	томовъ.	7440	9727	9866	10259	10259	—

Успѣшность учениковъ.

Вотъ каковы, въ общихъ чертахъ, мѣры, къ которымъ прибѣгалъ совѣтъ гимназіи въ своемъ постоянномъ, настойчивомъ стремленіи поднять уровень знаній учащихся; что же касается результатовъ, то, намъ кажется, объ этомъ лучше всего можно судить по числу учениковъ, переведенныхъ изъ одного класса въ другой.

Вотъ эти данныя:

	1875	1876	1877	1878	1879	1880	1881	1882	1883	1884	1885	1886	1887	1888	1889	1890	1891	1892	1893	1894	1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903
Переведено %всего числа учениковъ	79,2	75,1	78,1	78	76,5	78,9	81	77,5	77,2	81,7	65,2	76,2	76,1	72,1	74,5	76,4	80,7	66,2	71,3	70,5	71,1	84,4	75,5	79.	80,4	84,8	84,5	89,2	87,3

Заботы объ умственномъ развитіи учениковъ.

Педагогическій совѣтъ гимназіи заботился, однако, не только объ одной успѣшности учениковъ, онъ стремился также поднять и общее ихъ умственное развитіе. Къ мѣрамъ, преслѣдовавшимъ эту цѣль, думается намъ, можно отнести слѣдующій практиковавшійся въ 70-хъ годахъ обычай. Въ воскресные и праздничные дни, въ присутствіи учениковъ своего класса и желающихъ учениковъ изъ другихъ классовъ, а также преподавателей, тотъ или другой ученикъ произносилъ ex cathedra какое-либо разученное имъ въ свободное отъ занятій время стихотвореніе или свое собственное сочиненіе, написанное для этой

[3]) Въ этомъ году въ фундаментальную библіотеку поступили книги изъ упраздненной Касимовской прогимназіи.

цѣли и разрѣшенное для произнесенія директоромъ. Чтобы дать возможность ученикамъ слѣдить съ большею отчетливостью за развитіемъ и изложеніемъ мыслей въ сочиненіи ихъ товарища, оно передавалось нѣкоторымъ ученикамъ, по назначенію преподавателя, для предварительнаго ознакомленія съ нимъ. Передъ чтеніемъ читающій обязанъ былъ предварительно устно сообщить вкратцѣ содержаніе своего сочиненія. Думаемъ, что не лишнимъ будетъ привесть здѣсь нѣкоторыя подробности этого любопытнаго явленія гимназической жизни 70-хъ годовъ. Вотъ, напр., на какіе дни намѣчены были эти устныя упражненія въ 1874—75 г.

26 сентября—VII классъ обоихъ отдѣленій
по греческому языку.
29 сентября VI классъ
по русскому и нѣмецкому яз.
1 октября V классъ
по русскому и нѣмецкому яз.
6 октября IV классъ
по русскому, французскому и нѣмецк. яз.
13 октября III классъ
по русскому, французскому и нѣмецк. яз.
20 октября II классъ
по русскому, французскому и нѣмецк. яз.
22 октября I классъ
по русскому яз.
27 октября VII классъ (обоихъ отдѣленій)
по русскому яз.
3 ноября VI классъ
по латинскому яз.
10 ноября V классъ
по латинскому яз.
14 ноября IV классъ
по русскому, французск. и нѣмецк. яз.
17 ноября III классъ
по русскому, французск. и нѣмецк. яз.

21 ноября II классъ
по русскому, французск. и нѣмецк. яз.
24 ноября I классъ
по русскому яз.
6 декабря VII классъ обоихъ отдѣленій
по латинскому яз.
8 декабря VI классъ
по греческому и французск. яз.
15 декабря V классъ
по греческому и французскому яз.

Статьи назначены были для устныхъ упражненій слѣдующія.

По русскому яз. I классъ: Полевой цвѣтокъ. Завтра. Воробьи и овсянка. Соловей и чижъ. Ворона и кувшинъ. Ворона и лисица. Ларчикъ. Демьянова уха. Прохожіе и собаки. Слонъ и моська. II классъ. Бородино. Что ты спишь мужичекъ? Казачья колыбельная пѣсня. Двѣ собаки. О правдѣ и кривдѣ. Смерть Олега. Святославъ. Единоборство русскаго богатыря съ печенѣжскимъ. III классъ. Конь. Христіанская любовь. Москва (Пушкина). Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ. О Суворовѣ. Бѣжинъ лугъ. Бедуинъ. Крещеніе вел. князя Владимира. IV классъ. Конь (Языкова). Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ. Ночь (Жуковскаго). Горцы (Пушкина). V классъ. О счастливѣйшемъ времени жизни. Пріамъ у Ахиллеса. Графъ Габсбургскій. VI классъ. О пользѣ книгъ церковныхъ. Разныя опредѣленія исторіи. VII кл. младш. отд. Поѣздка Ильи Муромца въ Кіевъ. Былина о Садкѣ. Изъ „Слова о полку Игоревѣ: вступленіе; вторая битва; плачъ пѣвца о погибшемъ; плачъ Ярославны. VII кл. старш. отд. Ивиковы журавли. Торжество побѣдителей. Жалоба Цереры. Пророкъ (Пушкина). Памятникъ (Пушкина).

По латинскому яз. V классъ. О Гельветской войнѣ (1 кн. 1—29. Цезарь De bello gallico). Осада Аварика. Осада Алезіи. Осада Герговіи (VII кн. De bello gall). Niobe (Ovid. Metam. VI). VI классъ. Заговоръ Катилины по Саллю-

стію. Фаэтонъ. Наизусть: 1) двѣ первыя главы рѣчи Цицерона Pro Milone; 2) пять первыхъ главъ 1-ой рѣчи Цицерона противъ Катилины. Содержаніе нѣкоторыхъ главъ изъ „Олимпа“ Петискуса. Содержаніе нѣкоторыхъ главъ изъ „Рима“ Вегнера.

По греческому яз. V классъ. Анабазисъ Ксен. III кн. 1—3 гл. (Ксенофонтъ-предводитель грековъ). Анабазисъ VII кн. 5 гл. VI классъ. Одиссей у Циклоповъ. IX, VI и VII пѣсни Одиссеи. VII классъ (младш. отд.) Телемакъ отправляется въ Пилосъ (Од. III). Телемакъ въ Спартѣ (Од. IV). VII классъ. (старш. отд.). I пѣснь Иліады. II—до каталога, III пѣснь, 1-я филиппика Демосѳена.

По нѣмецкому яз. III классъ. Die Biene (наизусть). Im Vertranen (наизусть). IV классъ. Der genissenhafte Indianer (содержаніе). Der Greis und die Söhne (наизусть). V классъ. Die Olive (содержаніе). Des Knaben Berglied v. Uhland (наизусть). VI классъ. Der Negerhandel (содержаніе). Die reichste Fürste v. Uhland (наизусть).

По французскому яз. II классъ. Le corbeau et le renard. L'enfant et l'oiseau. La noix. Esope et le voyageur. IV классъ. Le dernier pigement. Hymne de l'enfant à son reveil. Des deux fréres. Trait d'un devoucment. V классъ. Двѣ первыя части изъ статьи Paul et Virginie. IV классъ. L'Abénaki (христом. Фену).

Математическій кружокъ.

До нѣкоторой степени аналогичныя сейчасъ описаннымъ устнымъ упражненіямъ были организованы занятія по математикѣ и физикѣ въ 1903—04 г. преподавателемъ И. И. Смирновымъ. Подъ его руководствомъ наиболѣе успѣвающіе по математикѣ и физикѣ ученики старшихъ классовъ образовали родъ кружка, который собирался въ зданіи гимназіи, въ физическомъ кабинетѣ обыкновенно послѣ всенощной, подъ праздникъ. Здѣсь кто-либо изъ учениковъ, входившихъ въ составъ этого кружка дѣлалъ сообщеніе на тему, имъ избранную и одобренную

преподавателемъ. Дѣло это очень заинтересовало воспитанниковъ, и бывали случаи, когда нѣкоторыя сообщенія привлекали и учениковъ постороннихъ кружку и многихъ преподавателей. Преподаватель г. Смирновъ, руководившій этими занятіями, велъ и протоколъ сообщеній. Всѣхъ сообщеній было сдѣлано 12: о сокращенномъ умноженіи и дѣленіи непрерывныхъ дробей; математическій софизмъ: прямой уголъ равенъ тупому; солнечный треугольникъ; ученіе о кругѣ независимо отъ понятія о предѣлѣ; о лучахъ Рентгена; основы приближеннаго вычисленія; о предсказаніи погоды; о перемѣнныхъ токахъ высокаго напряженія; филантъ—пчелиный волкъ; рѣшеніе уравненій высшихъ степеней; рѣшеніе кубическихъ уравненій; рѣшеніе геометрическихъ задачъ на построеніе. Занятія этого кружка не прекратились и въ 1904—05 г. Теперь они происходятъ подъ руководствомъ замѣстителя И. И. Смирнова преподавателя П. И. Постникова. Съ начала учебнаго года по октябрь было сдѣлано три сообщенія: теорія о неподвижности земли; признаки дѣлимости на числа ряда 10 n—1 и 10 n+1; простѣйшіе химическіе опыты.

Чтенія. Какъ выше было сказано, въ 1902 г. министерствомъ, въ видѣ опыта, разрѣшено было педагогическимъ совѣтамъ устроить для учащихся свободные отъ обязательныхъ занятій дни. Педагогическій совѣтъ Рязанской гимназіи воспользовался разрѣшеніемъ министерства и намѣтилъ въ 1902—03 г. семь такихъ свободныхъ дней, причемъ развлеченія для воспитанниковъ организованы имъ были такъ, что имѣли цѣлью послужить и къ поднятію умственнаго развитія учащихся. Такъ, имъ устроена была поѣздка учениковъ VII и VIII кл. въ Коломну для осмотра машиностроительнаго завода, осмотръ находящихся въ Рязани завода сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій, водочнаго завода при складѣ казенной продажи вина, губернской типографіи; учениками были осмотрѣны также коллекціи музея Рязанской

Ученой Архивной Коммиссіи. Кромѣ того, для учениковъ устроены были въ эти дни въ гимназіи чтенія по исторіи (день въ римскомъ циркѣ, о каменномъ вѣкѣ, біографіи Ушинскаго, Глинки), по географіи (о киргизахъ, поѣздка изъ Москвы въ Крымъ, о святой землѣ), по беллетристикѣ (Куцый, Махмудкины дѣти), по общей химіи. Среди нихъ особеннымъ успѣхомъ пользовались и заинтересовали слушателей чтенія по общей химіи преподавателя естествознанія В. І. Радушкевича. Эти чтенія сопровождались опытами, а другія—туманными картинами. Чтенія съ картинами были устроены въ 1902—03 г. и въ другіе дни, не въ одни только, такъ называемые, министерскіе праздники. Для содѣйствія этому дѣлу совѣтъ пріобрѣлъ прекрасный фонарь съ эѳиро-кислор. освѣщеніемъ и экранъ.

Ученическая библіотека. Заботясь о возможно большемъ умственномъ развитіи воспитанниковъ, совѣтъ не забывалъ и о томъ могучемъ вліяніи, которое можетъ оказать въ этомъ отношеніи книга, и много стараній положилъ на правильную организацію домашняго чтенія учениковъ. Прежде всего, конечно, его заботы были направлены къ тому, чтобы существующая при гимназіи ученическая библіотека по возможности удовлетворяла запросамъ юныхъ читателей; поэтому онъ, по мѣрѣ средствъ, находившихся въ его распоряженіи, пополнялъ ее. Какъ производилось это пополненіе, можно видѣть изъ слѣдующей таблицы.

Годы.		1875	1876	1877	1878	1879	1880
Число	названій	361	371	384	386	388	389
	томовъ.	963	973	986	1001	1053	1077
Годы.		1881	1882	1883	1884	1885	1886
Число	названій	390	391	393	394	397	399
	томовъ.	1101	1125	1141	1153	1189	1213
Годы.		1887	1888	1889	1890	1891	1892
Число	названій	401	403	405	408	411	414
	томовъ.	1237	1261	1286	1311	1336	1361

Годы.		1893	1894	1895	1896	1897	1898
Число	названій	430	459	557	629	774	869
	томовъ.	1490	1565	1687	1796	1982	2098
Годы.		1899	1900*)	1901	1902	1903	—
Число	названій	869	675	675	893	949	—
	томовъ.	2098	1512	1537	1813	1916	—

Систематическое чтеніе учениковъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтъ заботился и о томъ, чтобы домашнее чтеніе шло въ извѣстномъ порядкѣ, въ системѣ. Въ этомъ отношеніи любопытна мѣра, принятая совѣтомъ въ 1876 г. Въ одномъ изъ засѣданіи этого года директоръ С. В. Гулевичъ, указавъ на связь между чтеніемъ и письменными работами учениковъ по русскому языку, высказалъ мнѣніе, что преподаваніе словесности, удовлетворяющее даже самымъ строгимъ требованіямъ, помогаетъ, но не даетъ достаточно матеріала для формированія мысли. На этомъ основаніи онъ полагалъ полезнымъ вмѣнить въ обязанность ученикамъ чтеніе цѣлаго ряда книгъ съ тѣмъ, чтобы это чтеніе контролировалось преподавателями русскаго языка и исторіи; провѣрка должна производиться двоякимъ способомъ: или пересказомъ прочитаннаго или письменнымъ краткимъ изложеніемъ содержанія книги. Книги, которыя рекомендовано было прочитать ученикамъ, вотъ какія.

Для VIII кл. Пропилеи Леонтьева. Соч. Грановскаго. Греческія древности—Страмоевича. Благовѣщенскаго—Горацій и его время и Ювеналъ. Шиллеръ и его время—Миллера. Шекспиръ въ изд. Гербеля. Плутархъ пер. подъ ред. Герье. Для VII кл. Кони—исторія Фридриха Вел. Соловьева—исторія паденія Польши. Данилевскаго—исторія отечественной войны. Ермолова—записки 1812 года. Рукописи о Севастопольской

*) Въ этомъ году за ветхостью исключено 196 названій 610 томовъ.

оборонѣ, изд. подъ ред. Цесаревича. Жизнь графа Сперанскаго—Корфа. Записки гр. Сегюра о пребываніи его въ Россіи. Соч. Державина, Жуковскаго, Ломоносова и Бѣлинскаго первые 10 томовъ. Вяземскаго—Фонвизинъ. Шевырева—исторія поэзіи. Соч. Гете. Для VI кл. Соч. Маколея (9 том.). Исторія царствованія Филиппа II—Прескотта. Исторія Россіи—Соловьева (отъ царств. Бориса Годунова и Дмитрія Самозванца). Щебальского—разсказы о Западной Руси. Сказанія кн. Курбскаго, изд. Устрялова. Костомарова—Богданъ Хмѣльницкій. Устрялова—исторія царствованія Петра Вел. Щебальскій—чтенія изъ русской исторіи съ XVIII вѣка. Гербеля—Игорь кн. Сѣверскій. Соч. Кантемира. Пѣсни Киреевскаго и Рыбникова. Соч. Шиллера. Для V кл. Тьерри—разсказы о временахъ Меровинговъ. Тьерри—исторія завоеванія Англіи норманнами. Вашингтонъ-Ирвингъ—жизнь Магомета. Руа—исторія рыцарства. Исторія Государства Россійскаго—Карамзина. Исторія Россіи—Соловьева (до Бориса Годунова). Бѣляевъ—разсказы изъ русской исторіи. Иловайскій—исторія Рязанскаго княжества. Соч. Гоголя, Грибоѣдова, Фонвизина, Пушкина. Князь Серебряный—А. Толстого. Соч. Вальтеръ-Скотта, перев. Краевскаго: Гай Майнергингъ, Айвенго, Антикварій Квентинъ Дорвардъ. Адъ—Данте, пер. Мика. Вильгельмъ Тель—Шиллера. Для IV кл. Вегнера—Римъ и Эллада. Чудеса древняго и новаго міра—Гремпна. Петрушевскій—разсказы про старое время на Руси. Шуффъ—разсказы и біографическіе очерки изъ русской исторіи. Мининъ и Пожарскій—изд. общ. распространенія полез. книгъ. Ремезовъ—Иванъ Сусанинъ. Севастополь и доблестные его защитники. Новаковскаго—Суворовъ. Царь Іоаннъ Грозный—изд. общ. распростр. полез. книгъ. Костомарова—повѣсть объ освобожденіи Москвы отъ поляковъ. Бестужевъ-Рюминъ—Владимиръ Мономахъ и какъ расло Московск. княж. и какъ сдѣлалось оно царствомъ, Ермакъ Тимофеевичъ—покоритель Сибири. Гончарова—12 годъ. Чистякова—русскіе историческ. разсказы. Соч. Даля. Юрій Милославскій—Загоскина. Соломонія—Обуховой. Романы

Вальтеръ-Скотта, изд. Вальера: Эдинбургская темница, Пертская красавица, Ивангое, Монастырь, Вудстокъ, Пуритане, Легенда о Монтрозѣ. Для III кл. Штоля—герои Греціи и миѳы классич. древности. Чистякова—жизнь древнихъ. Петискуса—Олимпъ. Фелье—жизнь знамен. грековъ по Плутарху и жизнь знамен. римлянъ. Водовозова—разсказы изъ русск. исторіи. Щебальскаго—начало Руси. Бестужева-Рюмина—о крещеніи Руси и Владиміръ Святой. Аксакова—Семейная хроника и воспомин. Вышеславцева—разсказы изъ Одиссеи. Для II кл. Дѣтство и отрочество—Толстого. Записки охотника—Тургенева. Фурмана—Потемкинъ, Саардамскій плотникъ, Бояринъ Матвѣевъ. Новаковскаго—Ломоносовъ и Пушкинъ. Для I кл. Ершова—Конекъ-Горбунокъ. Сказка объ Ильѣ Муромцѣ, изд. комитета грамотности. Сказка о царѣ Салтанѣ—Пушкина. Картины изъ быта русскихъ дѣтей—Даля.

Въ полѣднее время вопросъ о систематическомъ чтеніи учениковъ все болѣе и болѣе обращаетъ на себя вниманіе совѣта, и въ его засѣданіяхъ не разъ уже заходила рѣчь о составленіи списка книгъ, аналогичнаго описанному сейчасъ.

Такъ какъ въ городѣ, кромѣ гимназической библіотеки, находится также большая библіотека Рязанскаго Благороднаго Собранія, которой воспитанники, дѣти членовъ этого Собранія, также могутъ пользоваться, то совѣтъ призналъ необходимымъ взять подъ свой контроль и это дѣло. Такъ, въ 1891—92 г. онъ нашелъ необходимымъ разрѣшить ученикамъ пользованіе книгами изъ этой библіотеки не иначе, какъ по письменному разрѣшенію преподавателей на прочтеніе каждой отдѣльной книги, причемъ посѣщеніе библіотеки для полученія книги давалось ученикамъ только днемъ до 4-хъ часовъ.—

Заботы объ эстетическомъ развитіи учащихся.

Перейдемъ теперь къ тому, что дѣлалъ совѣтъ гимназіи для эстетическаго развитія учащихся. Изъ предметовъ, преподаваемыхъ въ гимназіи, на эту сторону учениковъ дѣйствуютъ главнымъ образомъ рисованіе, черченіе и пѣніе, и дѣйствія совѣта, направленныя на под-

нятіе эстетическаго развитія учащихся, прежде всего, конечно, должны быть направлены на улучшеніе постановки этихъ предметовъ. Изъ нихъ рисованіе и пѣніе въ теченіе почти всего разсматриваемаго періода были необязательны, рисованіе сдѣлано обязательнымъ предметомъ въ младшихъ классахъ лишь съ 1890 г., а пѣніе съ 1902 г., черченіе же и въ настоящее время является предметомъ необязательнымъ.

Въ періодъ необязательности искусствъ, обученіе имъ происходило или передъ уроками или послѣ нихъ. Вотъ, напр., расписаніе уроковъ искусствъ за 1880 г.

	Понед.	Втор.	Среда	Четвергъ	Пятница	Суббота
Пѣніе въ $8^1/_4$ ч.	I основ. I парал.	II основ. II парал.	приготов.	III, IV, V основ. V паралл.	VI основ. VI парал. VII и VIII.	—
Рисованіе послѣ уроковъ						

Самый способъ преподаванія мы не станемъ излагать, полагая, что онъ ничѣмъ не отличается отъ тѣхъ способовъ, которые приняты въ другихъ гимназіяхъ. Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ болѣе интереса представляетъ то, въ чемъ проявилась инцціатива совѣта. Въ отношеніи къ графическимъ искусствамъ она проявилась почти исключительно только въ пріобрѣтеніи пособій,—оригиналовъ, проволочныхъ моделей, гипсовыхъ слѣпковъ. Такъ, въ 1877 г. пріобрѣтены были гипсовыя модели—головы Геркулеса, Александра Македонскаго, Помпея, Сократа, Гомера, а также модель моста; въ 1886 г.—два экземпляра ботаническаго альбома: „Съ нашихъ полей“ и пр.

Занятія музыкой. Болѣе инициативы проявлено было совѣтомъ въ отношеніи преподаванія музыки и пѣнія. Здѣсь дѣло не ограничивалось однимъ преподаваніемъ: воспитанники образовали хоръ, который выступалъ въ концертахъ, устраиваемыхъ въ пользу общества вспомоществованія бѣднымъ ученикамъ

гимназіи и прогимназіи, а также пѣлъ въ гимназической церкви. Кромѣ того, во второй половинѣ 1880 г. былъ сдѣланъ опытъ привлечь воспитанниковъ гимназіи къ изученію инструментальной музыки. По предложенію г. директора Л. С. Кульчицкаго, преподаватели гимназіи Рейнеръ и Вернеръ взяли на себя трудъ обучать безплатно игрѣ на скрипкѣ, віолончели и альтѣ, въ 1881 г. къ нимъ присоединился и преподаватель мѣстной прогимназіи г. Мейеръ, заявившій готовность обучать игрѣ на кларнетѣ и контрабасѣ. Опытъ этотъ удался довольно хорошо, такъ что музыкальные классы стали привлекать довольно значительное число желающихъ учиться музыкѣ. Въ 1881 г., напр., ихъ было 12 человѣкъ въ первомъ полугодіи и 15 во второмъ. Бѣднымъ, но способнымъ и прилежнымъ ученикамъ предоставлялись въ пользованіе казенные инструменты, ноты и струны, на что гимназіей было израсходовано въ 1881 г.—60 р. Впослѣдствіи однако эти занятія прекратились. Возобновились они въ 1890 г., когда совѣтъ пошелъ навстрѣчу желанію нѣкоторыхъ учениковъ учиться музыкѣ. И въ это время дѣло обученія музыкѣ вели тѣ же преподаватели—г.г. Рейнеръ, Мейеръ и Вернеръ, гимназія же опять оказала матеріальное содѣйствіе, ассигновавъ нѣкоторую сумму на пріобрѣтеніе музыкальныхъ инструментовъ и разныхъ музыкальныхъ принадлежностей. Занятія пошли успѣшно. Въ 1891 г. число обучающихся музыкѣ воспитанниковъ возрасло до 26 человѣкъ. Кромѣ, собственно, уроковъ, музыкальныя занятія состояли еще въ исполненіи квартетовъ, квинтетовъ и оркестровыхъ сочиненій. Для доставленія ученикамъ возможности ознакомиться съ игрою въ полномъ оркестрѣ, нѣкоторые учителя гимназіи и прогимназіи и посторонніе лица, преимущественно изъ бывшихъ воспитанниковъ гимназіи, выразили готовность принять на себя исполненіе тѣхъ оркестровыхъ партій, для которыхъ еще не было вполнѣ подготовленныхъ исполнителей изъ учениковъ. Такимъ образомъ, съ разрѣшенія г. директора А. Ѳ. Сергѣева, составил-

ся почти полный оркестръ, которымъ руководилъ г. Громовъ, бывшій товарищъ прокурора Ряз. Окр. Суда и который съ успѣхомъ участвовалъ въ музыкальныхъ вечерахъ. Тѣмъ не менѣе, обученіе музыкѣ и на этотъ разъ не долго продолжалось. Послѣ 1892 г. только въ 1898 мы встрѣчаемъ указанія на то, что преп. Вернеръ безплатно обучалъ игрѣ на скрипкѣ два раза въ недѣлю 8 учениковъ II кл. и одного—IV; но любовь къ музыкѣ, проявившаяся въ ученикахъ, не замерла и нашла себѣ удовлетвореніе въ томъ, что они организовали свой оркестръ сами, пригласивъ себѣ въ руководители музыканта изъ полкового оркестра. Оркестръ этотъ былъ духовой; кромѣ него, у воспитанниковъ такъ же самостоятельно возникъ хоръ балалаечниковъ. И тотъ и другой оркестры были поставлены такъ хорошо, что не разъ выступали въ концертахъ въ пользу недостаточныхъ учениковъ гимназіи и прогимназіи. Въ 1903—04 уч. г. совѣтъ гимназіи рѣшилъ въ третій разъ возобновить обученіе музыкѣ гимназистовъ и пригласилъ для этого капельмейстера одного изъ мѣстныхъ полковыхъ оркестровъ г. Райтманъ, лицо съ консерваторскимъ образованіемъ, были пріобрѣтены также и инструменты; такъ какъ рѣшеніе совѣта состоялось лишь въ концѣ учебнаго года, то занятія только еще начались и не успѣли, конечно, принесть никакихъ замѣтныхъ результатовъ.

Воздѣйствіе на нравственную сторону учащихся. Обращаясь къ мѣрамъ чисто педагогическимъ, имѣющимъ цѣлью воздѣйствіе на нравственную сторону воспитанниковъ, замѣтимъ, что уставомъ 1871 г. въ гимназіяхъ былъ созданъ спеціальный, такъ сказать, органъ такого воздѣйствія—институтъ классныхъ наставниковъ съ ихъ помощниками.

Классные наставники. Дѣятельность ихъ опредѣляется особой инструкціей, точно намѣчающей какъ цѣль этой дѣятельности, такъ и средства ея достиженія. Педагогическій персоналъ Рязанской гимназіи въ лицѣ тѣхъ своихъ членовъ, которые облечены были функціей класснаго наставничества, по мѣрѣ своихъ силъ и средствъ

старался по возможности добросовѣстно выполнить свою миссію, проводя тѣ мѣры, какія указаны инструкціей и циркулярами, изданными въ дополненіе ея. Считая излишнимъ излагать здѣсь правила, которыми опредѣлялась дѣятельность классныхъ наставниковъ, мы укажемъ только ту ея особенность, которая присуща была ей въ теченіе нѣкоторой части разсматриваемаго періода. Въ 1877 г., по предложенію директора Л. С. Кульчицкаго, между классными наставниками была установлена очередь по наблюденію за учениками во время перемѣнъ. Такимъ образомъ классные наставники были поставлены въ соприкосновеніе съ учениками не только своего, но и другихъ классовъ, получили возможность обмѣниваться другъ съ другомъ наблюденіями надъ характеромъ учениковъ, проявляющимся во время игръ въ рекреаціонное время, и такимъ образомъ помогать другъ другу въ общемъ дѣлѣ воспитанія дѣтей, ввѣренныхъ ихъ надзору. Этотъ обычай просуществовалъ около 10 лѣтъ и прекратился, такъ какъ условія гимназической жизни вообще таковы, что учительскому персоналу очень трудно брать на себя наблюденіе за учениками въ рекреаціонное время: этому препятствуетъ и вполнѣ естественная потребность въ отдыхѣ и необходимость подготовлять пособія къ слѣдующему уроку и то, наконецъ, обстоятельство, что въ большую перемѣну, когда наблюденіе за учениками особенно необходимо, учителя завтракаютъ. На это же время большею частью назначаются ими и пріемные часы для родителей и лицъ, завѣдующихъ воспитаніемъ учениковъ гимназіи. Если бы условія учительскаго труда были иныя, еслибы учителямъ не приходилось обременять себя уроками иногда въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ, конечно, наблюденіе за учениками въ рекреаціонное время, наблюденіе за ихъ чтеніемъ и много другихъ полезныхъ начинаній существовали бы и до настоящаго времени и не замирали бы, иной разъ на первыхъ же шагахъ.

Въ 1896 г. наблюденіе классныхъ наставниковъ за учениками возобновилось, но скоро опять прекратилось, и въ настоящее время надзоръ за учениками во время перемѣнъ лежитъ всецѣло на г. инспекторѣ и г.г. помощникахъ классныхъ наставниковъ.

Помощники классныхъ наставниковъ. Въ 70-хъ годахъ помощниковъ классныхъ наставниковъ было 2; кромѣ нихъ, за учениками наблюдалъ также и дежурный воспитатель пансіона; ученики приготовительнаго класса были подъ наблюденіемъ преподавателя этого класса (такъ это ведется и теперь). Въ началѣ 70-хъ годовъ приготовительный, I и II классы помѣщались въ пансіонѣ. Это, конечно, много вредило правильному надзору за учениками. Поэтому совѣтъ, для установленія большаго сосредоточенія надзора, нашелъ необходимымъ перевести эти классы въ зданіе гимназіи. Въ 1880 г., однако, пришлось опять помѣстить второе отдѣленіе I класса и приготовительный классъ въ пансіонъ; наблюденіе за ними тогда было поручено преподавателямъ и особому надзирателю. Когда, затѣмъ, всѣ классы опять соединились въ одномъ зданіи, явилась необходимость увеличить число надзирающихъ за учениками лицъ, такъ какъ нѣкоторые классы помѣщались въ отдѣльномъ коридорѣ. Для этого совѣтомъ приглашаемо было особое лицо изъ платы по найму. Въ настоящее время число помощниковъ классныхъ наставниковъ увеличено до 4; изъ нихъ 3 штатныхъ, а одинъ служитъ изъ платы по найму. Надо замѣтить, что на помощниковъ классныхъ наставниковъ возлагался и возлагается надзоръ за учениками не только въ стѣнахъ гимназіи, но и внѣ ея. Дѣло это организовано такъ. Въ послѣобѣденное время одинъ изъ помощниковъ классныхъ наставниковъ посѣщаетъ всѣ мѣста гуляній, по возможности бываетъ на вокзалѣ и объѣзжаетъ прочія улицы города. Въ мѣста вечернихъ увеселеній командируется другой помощникъ классныхъ наставниковъ; если въ одинъ день есть нѣсколько увеселеній, то наблюденіе за учениками поручает-

ся и одному изъ воспитателей пансіона. Помощники классныхъ наставниковъ, находясь на улицахъ, на гуляньяхъ и въ мѣстахъ увеселеній, хотя бы и не состояли дежурными, обязаны имѣть строгое наблюденіе за поведеніемъ учащихся. Все, замѣченное помощниками классныхъ наставниковъ въ уклоненіи учащихся отъ существующихъ правилъ, должно быть на другой день сообщено инспектору для свѣдѣнія и зависящихъ распоряженій.

Мы говоримъ объ организаціи надзора за учащимися, описывая мѣры совѣта къ воздѣйствію на нравственную сторону ихъ, по той весьма понятной причинѣ, что надзоръ имѣетъ цѣлью оградить учащихся отъ вредныхъ вліяній, отъ увлеченія дурными привычками и отвлечь ихъ отъ такого образа жизни, который мѣшаетъ правильному теченію учебныхъ занятій и наноситъ вредъ ихъ еще не окрѣпшимъ организмамъ. Изъ мѣръ, которыя принимались совѣтомъ въ этомъ же направленіи, мы укажемъ еще двѣ.

Наблюденіе за прогулками учениковъ. Первая касается прогулокъ учащихся и имѣетъ цѣлью предупредить неумѣренное увлеченіе гуляньемъ, наносящее вредъ ихъ успѣхамъ. Мѣра эта принята въ 1896—97 г. и состоитъ въ томъ, что совѣтъ опредѣлилъ назначить предѣльные часы, до которыхъ дозволяется ученикамъ гимназіи въ учебное время гулять по улицамъ города: въ августѣ и сентябрѣ—до 8 часовъ вечера, въ октябрѣ, ноябрѣ, декабрѣ, январѣ и февралѣ—до 7 часовъ, въ мартѣ, апрѣлѣ до 8 часовъ, въ маѣ—до 9 часовъ.

Мѣры, касающіяся посѣщенія театра. Другая мѣра относится къ посѣщенію театра, цирка и другихъ зрѣлищъ. Вопросъ о посѣщеніи учениками театра—вопросъ старый. Еще въ 1872—73 г. директоръ С. В. Гулевичъ предложилъ совѣту просить содержателя театра выдать безплатный билетъ помощнику классснаго наставника для наблюденія за поведеніемъ учениковъ во время посѣщенія ими театра. Педагогическій совѣтъ согласился съ этимъ предложеніемъ и, кромѣ того, опредѣлилъ: 1) чтобы ученики во всякомъ случаѣ

заявляли своему классному наставнику о желаніи своемъ быть въ театрѣ въ извѣстный день; 2) чтобы посѣщеніе театра было воспрещено ученикамъ, въ случаѣ если антрепренеръ не доставитъ безплатнаго билета надзирателю гимназіи.—Въ 1882—83 г., по поводу циркуляра Попечителя М. У. О. отъ 31 декабря 1882 г., совѣтъ постановилъ: 1) воспретить ученикамъ посѣщеніе земскихъ, городскихъ и другихъ подобнаго рода собраній; 2) посѣщеніе театровъ, концертовъ, литературныхъ вечеровъ допустить не иначе, какъ съ разрѣшенія классного наставника и съ его письменнымъ удостовѣреніемъ; это удостовѣреніе долженъ ученикъ имѣть при себѣ и представлять по востребованію; 3) посѣщеніе танцовальныхъ и семейныхъ вечеровъ въ публичныхъ собраніяхъ вообще воспрещается, за исключеніемъ дѣтскихъ и благотворительныхъ вечеровъ, каждый разъ съ особаго на то разрѣшенія класснаго наставника, причемъ срокъ пребыванія ученика на такомъ вечерѣ каждый разъ долженъ быть обозначенъ на разрѣшительномъ билетѣ; 4) посѣщеніе балагановъ воспретить, звѣринцевъ и цирковъ дозволять съ особаго разрѣшенія.

Въ 1883—84 г. совѣтъ опять обсуждаетъ вопросъ о разрѣшеніи ученикамъ посѣщать концерты, танцовальные и иные вечера въ частныхъ домахъ и казенныхъ заведеніяхъ, устраиваемые съ благотворительной цѣлью и имѣющіе публичный характеръ. Постановленіе совѣта было таково: въ виду невозможности надлежащаго надзора разрѣшать посѣщеніе сказанныхъ вечеровъ только тѣмъ ученикамъ, которыми будетъ представлена отъ ихъ родителей или заступающихъ ихъ мѣсто записка съ обозначеніемъ, что сказанные ученики будутъ на вечерѣ вмѣстѣ съ ними и подъ ихъ непосредственнымъ наблюденіемъ, ученикамъ же, не представившимъ такой записки, посѣщеніе сихъ вечеровъ безусловно воспрещается.

Въ 1900—901 г. совѣтъ нашелъ необходимымъ допустить посѣщеніе мѣстнаго театра учениками гимназіи толь-

ко въ праздничные дни; посѣщеніе театра въ учебные дни можетъ быть разрѣшаемо не иначе, какъ въ исключительныхъ случаяхъ.

Въ 1902—03 г., наконецъ, по поводу предложенія г. Попечителя М. У. О. по вопросу о разрѣшеніи учащимся православнаго исповѣданія посѣщать спектакли, циркъ, концерты и прочія увеселенія наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, совѣтъ постановилъ не разрѣшать ученикамъ Рязанской гимназіи посѣщеніе спектаклей и концертовъ наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ по усмотрѣнію ближайшаго начальства.

Воздѣйствіе на религіозное чувство воспитанниковъ.

Говоря о мѣрахъ, имѣющихъ цѣлью воздѣйствовать на нравственную сторону учащихся, считаемъ необходимымъ отмѣтить заботы совѣта о поддержаніи религіознаго чувства въ ученикахъ. Такъ, еще съ начала 70-хъ годовъ въ Рязанской гимназіи заведенъ былъ обычай пѣнія всѣми учениками молитвы передъ ученіемъ и ежедневнаго чтенія Евангелія съ объясненіемъ его законоучителемъ. Обычай этотъ продолжалъ существовать до 90-хъ годовъ; послѣ нѣкотораго перерыва, вызваннаго, отчасти, болѣзнью законоучителя о. И. Е. Любимова, а отчасти опасеніемъ за прочность пола залы, онъ возобновился въ 1902—03 г., съ тѣмъ только измѣненіемъ, что молитвы частью поются хоромъ воспитанниковъ, частью читаются очереднымъ воспитанникомъ, въ присутствіи всѣхъ остальныхъ; Евангеліе читается и теперь, но чтеніе его не сопровождается объясненіемъ.

Въ 70-хъ же годахъ совѣтъ установилъ также такой порядокъ, чтобы ученики въ праздничные дни слушали литургію или въ церкви гимназическаго пансіона или въ одной изъ приходскихъ церквей, избранной для того педагогическимъ совѣтомъ, именно въ церкви Николы Дворянскаго. Ученики должны были собираться въ гимназію къ половинѣ девятаго часа утра и отсюда, послѣ переклички, по-

парно, подъ наблюденіемъ г. помощника классныхъ наставниковъ, идти въ церковь, гдѣ обязаны были стоять въ порядкѣ на назначенномъ для нихъ мѣстѣ. Ученики, не явившіеся къ обѣднѣ, какъ въ приходскую, такъ и въ пансіонскую церковь безъ уважительныхъ причинъ, подвергались взысканіямъ. Впослѣдствіи, однако, педагогическій совѣтъ прекратилъ этотъ обычай и предоставилъ посѣщеніе богослуженія учениками на благоусмотрѣніе ихъ родителей; къ этому побудило его то обстоятельство, что обязательное посѣщеніе опредѣленныхъ двухъ церквей было трудно осуществить, при разбросанности учениковъ по разнымъ концамъ Рязани. Обязательное посѣщеніе пансіонской церкви, однако, оставлено было за пансіонерами и учениками, живущими не у родителей. Установлено было также, чтобы ученики въ пансіонской церкви, по назначенію законоучителя, подавали кадило, выносили свѣчи, читали каѳизмы, шестопсалміе, часы и апостолъ.

Заботы совѣта о физическомъ развитіи учащихся.

Остановимся теперь на тѣхъ мѣрахъ совѣта, въ которыхъ выразились его заботы о физическомъ развитіи учащихся. Обстановка преподаванія, классныя помѣщенія, число учениковъ, классная мебель, играющія такую важную роль въ развитіи дѣтскихъ организмовъ, конечно, должны были бы занимать одно изъ первыхъ мѣстъ въ заботахъ совѣта о физическомъ развитіи учениковъ; но эта сторона дѣла какъ разъ такова, что для совѣта очень трудно, если почти не невозможно, провесть какія-либо значительныя мѣры улучшенія въ этомъ отношеніи, такъ какъ всѣ эти мѣры сопряжены съ большими расходами, а между тѣмъ, какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія, матеріальное положеніе гимназіи далеко не благопріятно.

Совѣтъ, конечно, заботился о чистотѣ классныхъ помѣщеній, о лучшей вентиляціи ихъ, наблюдалъ за состояніемъ классной мебели, дѣлая все это постольку, поскольку дозволяютъ средства гимназіи. Говоря объ этомъ, считаемъ долгомъ упомянуть о крупномъ пожертвованіи

почетнаго попечителя гимназіи С. П. Фонъ-Дервиза, давшемъ возможность расширить помѣщеніе гимназіи и тѣмъ устранить тѣсноту классовъ. Подробнѣе мы скажемъ объ этомъ пожертвованіи въ одномъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ. Къ мѣрамъ, касающимся улучшенія условій гимназической жизни, отнесемъ мы также заботу объ ученическихъ завтракахъ. Этотъ вопросъ былъ поставленъ совѣтомъ въ 1902—03 г., когда вообще заботы о физическомъ развитіи учащихся замѣтно усилились, и разрѣшенъ было постановленіемъ войти въ соглашеніе съ какимъ-нибудь частнымъ лицомъ о поставкѣ въ гимназію во время большой перемѣны молока для продажи приходящимъ ученикамъ по возможно умѣренной цѣнѣ; шла рѣчь въ этомъ засѣданіи и о горячихъ завтракахъ, но, въ виду отсутствія свободнаго помѣщенія, ихъ устройство найдено было совершенно невозможнымъ. Въ то же время былъ сдѣланъ рядъ постановленій, касающихся физическихъ упражненій учащихся.

Занятія гимнастикой и физическими упражненіями.

Изъ этихъ упражненій первое мѣсто, конечно, занимаетъ гимнастика. Гимнастика давно практикуется въ Рязанской гимназіи. Въ 70-хъ и 80-хъ годахъ эти занятія производились на дворѣ гимназіи, на особо устроенныхъ снарядахъ, ежедневно по 1 часу до начала уроковъ а также и въ большую перемѣну. Въ зимнее время обученіе происходило въ рекреаціонномъ залѣ до начала уроковъ, по 2 класса вмѣстѣ. Обученіе шло по методу Линча (Ухова). Въ 1889 г., какъ извѣстно, преподаваніе гимнастики было поставлено Министерствомъ Народнаго Просв. на новыхъ началахъ. Въ Рязанской гимназіи это дѣло было устроено такъ. Ученики были разбиты по возрасту на 6 группъ, причемъ въ виду того, что въ группахъ I (I-й и приготовительный классъ) и пятой (V и VI классъ) число учениковъ превышало 60, а помѣщеніе для занятій имѣлось только одно, для помощи учителю гимнастики былъ приглашенъ мониторъ. Уроки гимнастики были включены въ число другихъ уроковъ; при этомъ продолжительность каждаго урока

сокращена была съ 55 минутъ до 50. Приведемъ здѣсь кстати и распредѣленіе учебнаго времени, установленное тогда.

I урокъ—отъ	8 ч. 45 м.—	9 ч. 35 м.
II „ „	9 ч. 40 м.—	10 ч. 30 м.
III „ „	10 ч. 40 м.—	11 ч. 30 м.
завтракъ	11 ч. 30 м.—	11 ч. 50 м.
IV „ „	11 ч. 50 м.—	12 ч. 40 м.
V „ „	12 ч. 45 м.—	1 ч. 35 м.
VI „ „	1 ч. 45 м.—	2 ч. 35 м.

Для развлеченія учащихся, а также для того, чтобы дать имъ возможность въ учебное время побывать за городомъ, въ 90-хъ годахъ устраивались прогулки всей гимназіей за городъ, съ хоромъ военной музыки.

Вопросъ о занятіи гимнастикой и вообще о физическихъ упражненіяхъ учащихся особенно много привлекаетъ къ себѣ вниманія въ послѣднее время, вмѣстѣ съ вопросомъ о реформѣ средней школы на новыхъ основаніяхъ. И въ Рязанской гимназіи, конечно, этотъ вопросъ поднимался въ засѣданіяхъ совѣта, причемъ въ 1902—03 уч. г. приняты были слѣдующія мѣры, содѣйствующія физическимъ упражненіямъ учащихся. Для начала ежедневныхъ уроковъ было оставлено то время, съ котораго они начинались прежде, т. е. 8 час. 50 мин. утра, а большая перемѣна была продлена до 40 минутъ, съ тѣмъ чтобы она была посвящена пѣнію, музыкѣ и физическимъ упражненіямъ: занятію гимнастикой, играмъ на открытомъ воздухѣ (въ низшихъ пяти классахъ), фехтованію (въ трехъ старшихъ классахъ), катанью на конькахъ и т. п. Для устройства фехтованья въ старшихъ классахъ были пріобрѣтены снаряды. Въ то же время рѣшено было пригласить учителя для обученія танцамъ.

Заботы совѣта о физическомъ здоровьѣ учащихся выразились также въ томъ, что онъ, по мѣрѣ возможности, стремился усилить врачебный надзоръ за учащимися и приблизить къ нимъ врачебную помощь. Дѣятельность гимнази-

ческаго врача обыкновенно заключается въ слѣдующемъ. Врачъ еженедѣльно, раза два и больше, посѣщаетъ гимназію и во время большой перемѣны занимается амбулаторнымъ пріемомъ воспитанниковъ, давая совѣты въ случаяхъ болѣе легкаго заболѣванія. Кромѣ того, по приглашенію начальства, въ какихъ-либо экстренныхъ случаяхъ, онъ посѣщаетъ гимназію и въ другіе дни; такъ, напр., было въ 1892 году, когда по случаю холерной эпидеміи врачъ посѣщалъ гимназію ежедневно. Для подачи первой медицинской помощи въ 1902—3 г. при гимназіи заведена маленькая аптечка. Кромѣ посѣщенія гимназіи, на обязанности врача лежитъ также и посѣщеніе больныхъ бѣдныхъ воспитанниковъ. Послѣ лѣтнихъ каникулъ врачъ дѣлаетъ подробный поголовный осмотръ воспитанниковъ. Результаты осмотра съ обозначеніемъ роста, вѣса, объема груди, состоянія органовъ зрѣнія и слуха и тѣхъ болѣзненыхъ явленій, которыя были усмотрѣны при этомъ, заносятся въ особую книгу.

Вслѣдствіе осмотра нѣкоторые изъ воспитанниковъ увольняются отъ уроковъ гимнастики и пѣнія или на цѣлый годъ или на болѣе короткій срокъ, смотря по найденнымъ болѣзненнымъ явленіямъ.

Въ 1902—3 г. совѣтъ рѣшилъ войти въ переговоры съ глазнымъ и зубнымъ врачами объ условіяхъ, на которыхъ они согласились бы принять на себя надзоръ за состояніемъ зрѣнія и зубного аппарата у учащихся.

Переговоры эти привели къ тому, что глазной врачъ былъ приглашенъ. Скоро послѣдовавшая его смерть пріостановила на нѣкоторое время надзоръ за зрѣніемъ учащихся со стороны спеціалиста, въ настоящее же время онъ возобновился, такъ какъ врачъ гимназіи—спеціалистъ по глазнымъ болѣзнямъ.

Что касается состоянія здоровья воспитанниковъ, то, намъ кажется, понятіе объ этомъ дадутъ слѣдующія прилагаемыя здѣсь таблицы.

Годы.	Число уроковъ, пропущенныхъ по болѣзни, приходившееся на каждаго ученика.	Число смертныхъ случаевъ.
1875	34,13	0
1876	34,05	1
1877	55,11	0
1878	41,04	0
1879	31,1	2
1880	36,5	0
1881	34,9	1
1882	51,2	1
1883	48,9	1
1884	44,4	1
1885	42,5	1
1886	47,1	1
1887	46,1	0
1888	56,9	0
1889	59,2	2
1890	64,4	2
1891	76,36	2
1892	65,4	2
1893	70,67	0
1894	70,15	3
1895	78,6	0
1896	54,2	1
1897	57,3	1
1898	55,2	2
1899	59,9	2
1900	55,5	0
1901	54,3	1
1902	77,4	2
1903	65,9	1

Характернымъ показателемъ здоровья воспитанниковъ служитъ и % занимающихся гимнастикой, такъ какъ, очевидно, воспитанники, освобожденные отъ этихъ

занятій, обладаютъ какими-либо разстройствами въ своемъ организмѣ. Вотъ таблица съ этими данными.

1874 98	1875 98	1876 94	1877 95	1878 97,7	1879 97,9	1880 97,6
1881 93,7	1882 97,2	1883 90,3	1884 95,7	1885 95,2	1886 97,8	1887 98,2
1888 98,8	1889 98,6	1890 98,7	1891 97,7	1892 97,9	1893 97,8	1894 97,7
1895 98,8	1896 95,6	1897 90,8	1898 92,0	1899 94,1	1900 92,9	1901 93,7
1902 87,3	1903 97,4					

Число учениковъ. Теперь обратимся къ внѣшней сторонѣ гимназической жизни и остановимся прежде всего на обозрѣніи числа учащихся въ гимназіи за разсматриваемый періодъ. Ихъ было:

Годы.	1871	1872	1873	1874
Число учениковъ.	300	304	278	258
Годы.	1875	1876	1877	1878
Число учениковъ.	274	293	321	355
Годы.	1879	1880	1881	1882
Число учениковъ.	384	423	430	437
Годы.	1883	1884	1885	1886
Число учениковъ.	415	396	376	379
Годы.	1887	1888	1889	1890
Число учениковъ.	344	354	358	381
Годы.	1891	1892	1893	1894
Число учениковъ.	399	388	362	353

Годы.	1895	1896	1897	1898
Число учениковъ.	328	343	379	414
Годы.	1899	1900	1901	1902
Число учениковъ.	444	456	475	475
Годы.	1903	—	—	—
Число учениковъ.	461	—	—	—

Уже при первомъ взглядѣ на эту таблицу можно видѣть, что число учениковъ гимназіи постепенно увеличивается: съ 300, бывшихъ въ 1871 г., число учениковъ къ 1903 г. возрасло до 461 *). Правда, при этомъ постепенномъ ростѣ были колебанія: число учениковъ спускалось до 258, поднималось до 437, потомъ опять понижалось почти до 300, но тенденція къ возрастанію тѣмъ не менѣе очевидна, классы переполняются, число выдержавшихъ пріемныя испытанія, особенно въ послѣдніе годы, далеко превышаетъ возможную норму состава I класса. Такое явленіе повторилось и въ настоящемъ году и, можно считать несомнѣннымъ, будетъ повторяться и далѣе. Объясняется оно, съ одной стороны, возрастающей потребностью мѣстнаго населенія въ среднемъ образованіи, а съ другой—далеко не соотвѣтствующимъ этой потребности числомъ среднихъ учебныхъ заведеній какъ въ г. Рязани, такъ и въ Рязанской губ. Переполненіе классовъ заставляло совѣтъ для нѣкоторыхъ классовъ, особенно переполненныхъ, устанав-

*) Любопытно сравнить составъ учениковъ гимназіи въ первый и послѣдній годы ея существованія. Въ 1804 г. въ гимназіи было 51 уч., изъ нихъ дворянъ 27 (52,8%), дѣтей оберъ-офицерскихъ 6 (11,7%), купцовъ—7 (13,7%), солдатскихъ дѣтей 5 (9.9%) дѣтей экономическихъ крестьянъ и вольноотпущенныхъ—2 (3,9%), почтальоновъ и приказныхъ—4 (7,8%). Въ 1903 г. изъ 461 уч. дѣтей дворянъ и чиновниковъ было 262 (56,84%), духовнаго званія 15 (3,25%), городскихъ сословій 134 (29,07%), сельскихъ сословій 47 (10,19%) и иностранныхъ подданныхъ 3 (0,65%).

ливать или полное раздѣленіе на два отдѣленія или только по нѣкоторымъ предметамъ, успѣшному усвоенію которыхъ особенно вредило большое число учениковъ. Въ 1871—72 г. въ Рязани была открыта прогимназія, образовавшаяся, собственно говоря, изъ параллельныхъ классовъ гимназіи, которые были закрыты съ основаніемъ прогимназіи. Тѣмъ не менѣе, въ этомъ же году гимназіи пришлось открыть параллельное отдѣленіе V класса.

Въ 1876 г. пришлось раздѣлить на 2 отдѣленія I классъ, въ 1877 г.—II, въ 1878 г. параллели открыты были въ I, II, V классахъ, въ 1879 полная параллель въ I классѣ, въ V классѣ по всѣмъ предметамъ, кромѣ новыхъ языковъ, въ VI по Закону Божьему, русскому яз., древнимъ яз. и математикѣ; въ 1880 г.—полныя параллели въ I, II классахъ, въ V и VI по Закону Б., русскому и древнимъ языкамъ и математикѣ, въ VI классѣ, кромѣ того, и по исторіи; въ 1882 г. въ I, II, III, IV и V классахъ, въ 1883 г. во II, III, V кл. полныя параллели, въ IV классѣ для всѣхъ предметовъ, кромѣ новыхъ языковъ, а въ VIII—кромѣ новыхъ языковъ и географіи, въ 1884—85—въ I, II, III, IV, V, VI, причемъ во II, IV и VI классахъ параллели открыты для всѣхъ предметовъ, кромѣ новыхъ языковъ, въ 1885—въ IV полная параллель, а въ III, V и VI по всѣмъ предметамъ, кромѣ новыхъ языковъ, въ 1886—въ I, IV, V и VII кл., въ 1887—въ I, II, V и VIII, въ 1888—въ I, II, V и VI, въ 1889—въ I, III, IV и V, въ 1890—въ I, III, V и VI, въ 1891—въ I, IV, V и VI, въ 1892—I, III, V и VI, въ 1893—въ I, II, V и VI; въ 1894—во II, III и V; въ 1895—во II, III и V, въ 1896—въ I, III и VI, въ 1897—во II, III и V, въ 1898—въ III, V и VI, въ 1899—полная паралл. въ III, IV, VI и VIII, по всѣмъ предметамъ, кромѣ новыхъ языковъ; въ 1900—въ V, VI и VIII, въ 1901—въ IV, V, VI и VII; въ въ 1902—въ V, VI, VII и VIII; въ 1903—въ VI, VII и VIII.

Такъ какъ содержаніе параллельныхъ отдѣленій слишкомъ тяжело отзывалось на спеціальныхъ средствахъ гимназіи, то

совѣтъ нѣсколько разъ вынужденъ былъ отказывать въ пріемѣ въ нѣкоторые классы, гдѣ наплывъ учениковъ былъ слишкомъ великъ и велъ къ открытію новыхъ параллельныхъ отдѣленій. Такъ, въ 1883—4 г. въ іюнѣ мѣсяцѣ прекращенъ былъ пріемъ въ I классъ. Въ 1892 г. былъ закрытъ пріемъ въ III, IV и VII классы въ виду ихъ многолюдства, въ 1901 г. та же мѣра была принята по отношенію къ I, II, III, IV и VIII классамъ; то же было сдѣлано и въ 1902 г. Исключенія дѣлались только для поступающихъ въ пансіонъ.

Приготовительный классъ. Говоря о числѣ учениковъ и классовъ гимназіи, замѣтимъ, кстати, что приготовительный классъ существовалъ при гимназіи въ теченіе всего разсматриваемяго періода. Въ 1888 г. послѣдовало распоряженіе г. Министра Н. Пр. о закрытіи этихъ классовъ, но Рязанская гимназія ходатайствовала объ оставленіи его съ тѣмъ, чтобы содержаніе его отнесено было на сборъ платы съ дѣтей, въ немъ обучающихся.

Помѣщеніе гимназіи. Постоянный ростъ числа учениковъ гимназіи и образованіе паралл. классовъ конечно должны были ставить совѣту большія затрудненія въ размѣщеніи этихъ классовъ. Мы уже раньше говорили, что до начала новаго періода часть классовъ помѣщалась въ зданіи пансіона, и что для большаго сосредоточенія надзора ихъ всѣ перевели въ зданіе гимназіи. Въ 1880 г. приготовительн. классъ и второе отдѣленіе перваго класса пришлось опять помѣстить въ пансіонѣ, но это было только временной мѣрой, такъ какъ послѣ этого всѣ классы сосредоточены были въ одномъ зданіи гимназіи. Надо сказать, что это зданіе, равно какъ и зданіе пансіона, зданія не новыя и требуютъ постояннаго ремонта, а гимназія, кромѣ того, и тѣсна для того числа воспитанниковъ, которое въ ней обучается. Особенно эти затрудненія испытывались до 1887 г. Дѣло въ томъ, что съ 1870 г., послѣ смерти Н. Г. Рюмина, гимназія не имѣла почетнаго попечителя, который бы могъ

оказать ей матеріальную помощь въ ея многочисленныхъ нуждахъ.

Дѣятельность С. П. Фонъ-Дервизъ. Въ 1887 же году С. П. Фонъ-Дервизъ, согласившійся принять на себя званіе почетнаго попечителя гимназіи, выручилъ ее изъ затруднительнаго положенія, выказавъ большую заботливость о благосостояніи ея и пансіона при ней, продолжающуюся неослабно и по настоящее время. Уже въ 1887 г. на средства С. П. Фонъ-Дервизъ сдѣланъ былъ крупный ремонтъ гимназіи и пансіона, обошедшійся въ 13200 р. Едва были окончены эти работы, С. П., ознакомившись съ тѣмъ, что зданіе гимназіи по своимъ размѣрамъ не соотвѣтствуетъ числу учениковъ, тотчасъ же заявилъ о своей готовности расширить зданіе, сдѣлавъ къ нему пристройку, а затѣмъ, узнавъ, что при гимназіи нѣтъ также квартиры для директора и что послѣдній занимаетъ квартиру инспектора въ помѣщеніи пансіона, а инспектору выдается изъ крайне ограниченныхъ средствъ гимназіи 600 р. въ годъ квартирныхъ денегъ, выразилъ желаніе помочь гимназіи и въ этой нуждѣ, взявъ на себя стоимость пристройки для необходимаго расширенія зданія гимназіи и, кромѣ того, постройки отдѣльнаго каменнаго дома подъ квартиру директора гимназіи. Стоимость этихъ работъ выразилась въ суммѣ 62858 р. 29 к.; къ ихъ исполненію приступлено было съ начала весны 1889 г., а къ 1 сентября 1890 г. онѣ были закончены.

Пристройка къ гимназіи возведена была въ два этажа, изъ которыхъ верхній заключаетъ въ себѣ 5 большихъ, соотвѣтствующихъ всѣмъ правиламъ школьной гигіены, классовъ, комнату для инспектора гимназіи, большой коридоръ и большое помѣщеніе для ученическихъ клозетовъ; нижній этажъ заключаетъ въ себѣ одинъ большой классъ, обширный сборный залъ, квартиру для воспитателя, въ 4 комнаты съ кухней, и, наконецъ, просторное помѣщеніе для служителей гимназіи. Домъ, содержащій въ себѣ квартиру директора, каменный, одноэтажный, состоитъ изъ 8 боль-

шихъ и свѣтлыхъ комнатъ съ передней, коридоромъ, кухней и необходимыми принадлежностями и соединенъ съ гимназіей ходомъ.

Средства содержанія гимназіи.

Въ предыдущемъ изложеніи намъ не разъ приходилось упоминать о средствахъ содержанія гимназіи. Теперь остановимся подробнѣе па этомъ вопросѣ. Средства содержанія гимназіи составляютъ: а) суммы, отпускаемыя изъ Государственнаго Казначейства, и в) суммы сбора за ученье. Первыхъ отпускается на содержаніе гимназіи 25716 р. 15 к., вторыхъ въ 1903 г. поступило 18095 р. На содержаніе пансіона изъ Государственнаго Казначейства поступаетъ всего 1599 р. 95 к.; изъ нихъ 600 р.—на содержаніе двухъ пансіонеровъ Имени Государя Императора и 999 р. 95 к.—на содержаніе 5 казеннокоштныхъ пансіонеровъ. Въ 1903 г. платы съ частныхъ воспитанниковъ за содержаніе въ пансіонѣ поступило 24316 р. 32 к.; % съ пожертвованныхъ капиталовъ и другихъ поступленій—646 руб. 80 к. Отпускаемая изъ Государственнаго Казначейства на содержаніе гимназіи сумма расходуется: 22160 р.—на содержаніе личнаго состава и 3556 р. 15 к.—на хозяйственные расходы; послѣднихъ ежегодно недостаетъ, и этотъ недостатокъ пополняется изъ спеціальныхъ средствъ гимназіи. Плата, поступающая за право ученія въ гимназіи, ежегодно расходуется на содержаніе параллельныхъ отдѣленій, на пополненіе фундаментальней и ученической библіотекъ, на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій, на покупку и ремонтъ мебели, на содержаніе дома гимназіи (отопленіе, освѣщеніе, прислуга, ремонтъ) и пр. Въ настоящее время нужды гимназіи покрываются собственными средствами; но было время, когда этихъ средствъ не хватало. Въ 1881—82 г., напр., въ виду недостатка спеціальныхъ средствъ, совѣтъ постановилъ ходатайствовать о сокращеніи поурочной платы преподавателямъ параллельныхъ классовъ на 90 к. за уроки въ мѣсяцъ, т. е. вмѣсто 4 р. 90 к. оплачивать урокъ по 4 р., съ тѣмъ, чтобы при увеличеніи специ-

альныхъ средствъ гимназіи восполнить этотъ недостатокъ платы преподавателямъ въ будущемъ году.

Плата за ученіе.

Понятны также при такомъ положеніи матеріальныхъ средствъ гимназіи и ходатайства совѣта о повышеніи платы за ученіе. Въ началѣ разсматриваемаго періода за обученіе въ гимназіи взималось въ гимназическихъ классахъ по 20 р. съ ученика, а въ приготовительномъ классѣ—12 р. въ годъ; въ 1879—80 г. плата въ гимназическихъ классахъ была повышена до 30 р., а въ приготовительномъ классѣ—до 20 р. въ годъ; въ 1882—83 въ гимназическихъ классахъ плата повышена до 50 р., въ приготовительномъ—до 40 р., въ 1888 г. въ приготовительномъ классѣ плата повышена до 50 р.; въ 1901—2 г. во всѣхъ классахъ плата повышена до 60 р. въ годъ съ ученика.

Пособія отъ земства и города.

Говоря о средствахъ гимназіи, считаемъ необходимымъ упомянуть также и о тѣхъ пособіяхъ, которыя оказывали гимназіи одно время рязанскія общественныя учрежденія. Въ засѣданіи 15 декабря 1880 г. Рязанское Губернское Земское Собраніе постановило выдать въ единовременное пособіе гимназіи на содержаніе параллельныхъ классовъ 3000 р., но съ тѣмъ, однако же, условіемъ, чтобы плата за ученіе не была возвышаема въ будущемъ, 1881—82 году. Тогда же было оказано гимназіи пособіе и городомъ въ суммѣ 2000 руб. Въ слѣдующіе годы, однако, этихъ пособій болѣе не оказывалось.

Укажемъ, въ заключеніе, тѣ изъ пожертвованныхъ капиталовъ, которые поступили въ гимназію въ разсматриваемый періодъ. Это 1) капиталъ въ 3000 р. пожертвованный въ 1876 г. Тайнымъ Совѣтникомъ Н. Ѳ. Малининымъ на учрежденіе стипендіи его имени; 2) капиталъ въ 3600 р., пожертвованный въ 1891 г. К. А. Ковалевой для учрежденія стипендіи имени Коллежск. Ассессора Ивана Ивановича Дикъ; 3) капиталъ въ 11100 р., пожертвованный въ 1895 г. Надв. Совѣт. Ив. В. Михайловымъ для учрежденія стипендіи его имени; 4) капиталъ въ 6000 р., пожертвованный въ 1901 г.

Коллеж. Секр. Михаиломъ Степ. Ижевскимъ для учрежденія стипендіи его имени; 5) капиталъ въ 12000 р., пожертвованный полковникомъ Суляковымъ на взносъ платы за обученіе въ гимназіи и прогимназіи, на пособія для пріобрѣтенія учебниковъ и для выдачи единовременныхъ пособій; 6) пожертвованныя дворяниномъ П. И. Измайловымъ 201½ десят. въ Спасскомъ уѣздѣ Ряз. губ. Рясской волости при деревнѣ Наземовѣ и с. Запольѣ на учрежденіе стипендіи его имени—для хорошихъ учениковъ дворянскаго происхожденія, живущихъ на общей квартирѣ.

Выдающіяся событія въ жизни гимназіи. Такова внутренняя и внѣшняя стороны гимназической жизни за разсматриваемый періодъ. Намъ остается упомянуть теперь о такихъ событіяхъ, которыя нарушали обычное теченіе этой жизни. Къ такимъ событіямъ прежде всего нужно, конечно, отнесть происшедшее въ послѣдній годъ столѣтія Рязанской гимназіи. 8 мая 1904 г. Рязанская гимназія, въ лицѣ всѣхъ своихъ воспитанниковъ и педагогическаго персонала, вмѣстѣ съ другими учебными заведеніями Рязани имѣла счастье привѣтствовать нашего обожаемаго Монарха Императора Николая Александровича и Наслѣдника Престола Михаила Александровича, пріѣзжавшихъ въ Рязань для напутствованія войскъ, отправлявшихся на Дальній Востокъ. Вмѣстѣ съ другими учебными заведеніями и Рязанская гимназія удостоилась тогда быть освобожденной Государемъ отъ учебныхъ занятій на 3 дня.

Выдающимися событіями въ жизни гимназіи можно признать также празднованіе годовщины знаменательныхъ событій нашей исторіи, таковы напр., празднованіе юбилея рожденія Императора Александра I въ 1877 г., празднованіе 25-лѣтняго юбилея царствованія Императора Александра II, и 500-лѣтія Кулик. битвы въ 1880 г., празднованіе тысячелѣтія Св. Кирилла и Меѳодія въ 1885 г., празднованіе 800-лѣтія Рязани—въ 1896 г.; празднованіе столѣтія со дня рожденія Пушкина въ 1899 г., въ 1902 г.—чествованіе Го-

голя по случаю 50-лѣтія со дня смерти его, чествованіе Жуковскаго—въ томъ же году, Хомякова—въ 1904 г.; гимназія также участвовала въ погребеніи своего ученика поэта Я. Полонскаго въ 1898 г. Всѣ эти торжества были ознаменованы торжественными собраніями педагогическаго совѣта или же публичными актами, на которыхъ были произносимы преподавателями, въ иныхъ случаяхъ также и учениками, рѣчи. Вообще же на актахъ гимназіи рѣчи въ этомъ періодѣ не произносились. Обычай этотъ возобновился лишь въ 1903—04 г., когда на актѣ была произнесена рѣчь препод. В. І. Радушкевичемъ: „О симбіозѣ и паразитизмѣ".

Въ ряду выдающихся событій гимназической жизни отмѣтимъ также посѣщенія ея гг. окружными инспекторами, попечителями округа и гг. министрами. Такъ, въ 1871 г. гимназію обозрѣвалъ г. попечитель округа съ окружнымъ инспекторомъ Вейнбергомъ, въ томъ же году обозрѣвалъ ее окружный инспекторъ Де-Витте. Въ 1872 г. гимназію посѣтилъ помощникъ попечителя князь Мещерскій, въ 1875 г.—М. Нар. Просв. А. Толстой, въ 1882 г.—окружный инспекторъ Лаврентьевъ, въ 1884 г.—окружный инспекторъ Киндлеръ, въ 1886 г.—окружный инспекторъ Исаенковъ, въ 1887 г.—помощникъ попечителя Садоковъ, въ 1888 г. 9 сентября М. Нар. Пр. Собуровъ, 1890—окружные инспектора Исаенковъ и Вейнбергъ, въ 1891 г.—попечитель У. О. гр. Капнистъ и помощникъ его Садоковъ, въ 1896 г. попеч. У. О. Н. П. Боголѣповъ, въ 1898 г.—помощникъ попечителя Исаенковъ, въ 1901 г.—гимназію посѣтилъ Министръ Народнаго Просвѣщенія П. С. Ванновскій, въ 1902 г.—Министръ Народ. Просв. Зенгеръ и попечитель У. О. П. А. Некрасовъ, въ 1903 г. окружный инспекторъ А. А. Флеровъ, товарищъ Министра С. М. Лукьяновъ, попечитель У. О. П. А. Некрасовъ и окружный инспекторъ Р. И. Державинъ и, наконецъ, въ 1904 г.—окружный инспекторъ. Р. И. Державинъ.

Лица, стоявшія во главѣ гимназіи. Во главѣ гимназіи въ началѣ разсматриваемаго періода стоялъ до 1872 г. директоръ С. Н. Оранскій, въ 1872 г. его смѣнилъ С. В. Гулевичъ *), пробывшій въ Рязанской гимназіи до 1877, затѣмъ слѣдовали директоры Л. С. Кульчицкій (1877—1887), А. Θ. Сергѣевъ (1887—1896), опять Л. С. Кульчицкій (1896—1902) и, наконецъ, состоящій нынѣ директоромъ Рязанской гимназіи Н. Я. Самойловичъ. Инспекторомъ гимназіи въ началѣ разсматриваемаго періода былъ Бодровъ, прослужившій въ ней до 1872г. Затѣмъ слѣдовали инспекторы: И. Е. Сыроѣчковскій (1873—1874), Л. С. Кульчицкій (1874—1877), Н. А. Павловъ (1877—1889), А. П. Истоминъ (1889—1896), Д. В. Дубовъ (1896—1900), Г. Θ. Марковъ (1900—1902) и, наконецъ, съ 1902 состоящій инспекторомъ и въ настоящее время Н. А. Веригинъ. Происходили значительныя перемѣны и въ составѣ педагогическаго персонала, что указано въ спискѣ лицъ служащихъ и служившихъ въ гимназіи, приложенномъ къ этой исторической запискѣ.

Пансіонъ. **Число пансіонеровъ.** При гимназіи, какъ извѣстно, съ 1833 г. находится пансіонъ. Число воспитанниковъ пансіона въ разсматриваемый періодъ было таково:

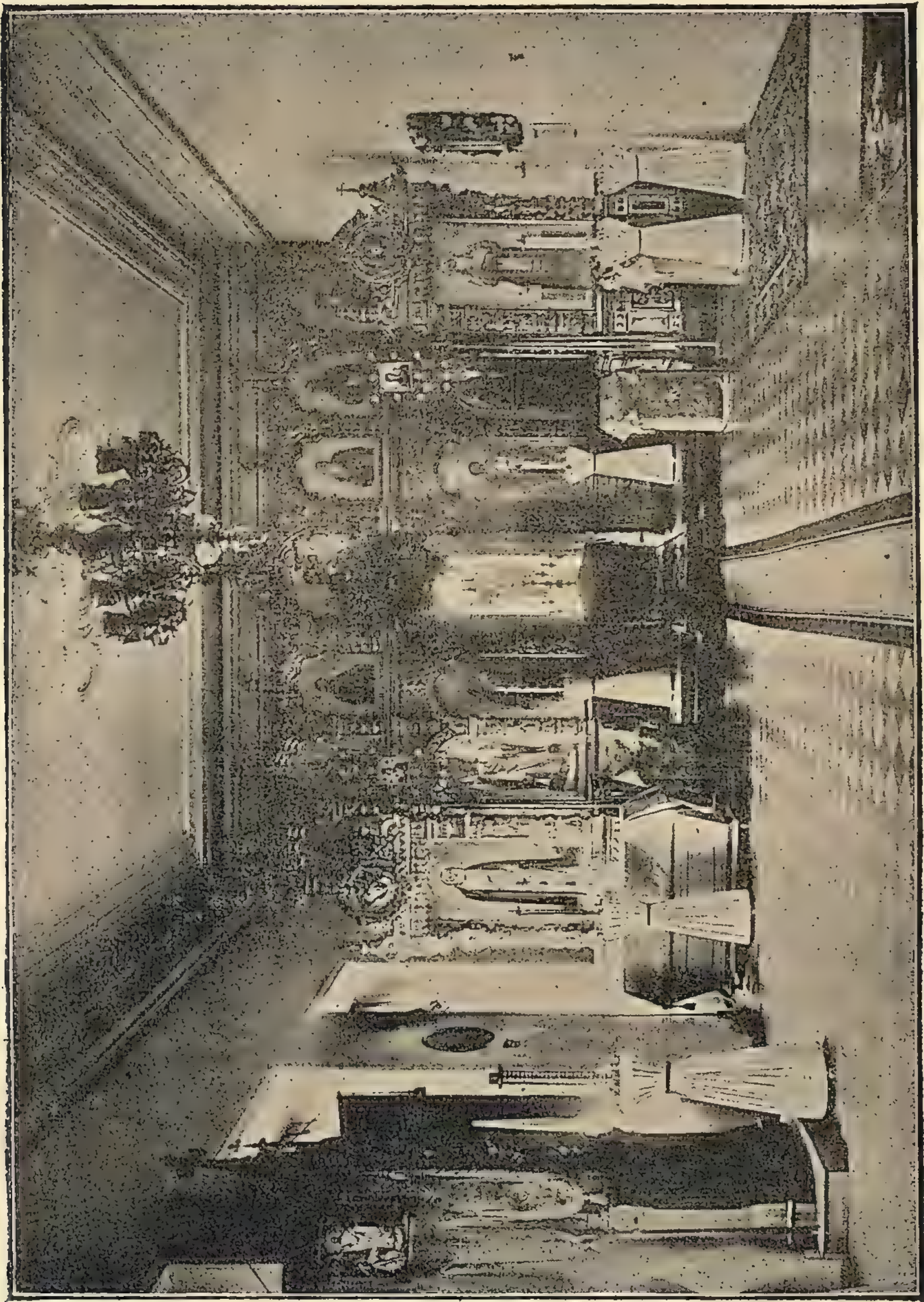
Годы.	1875	1876	1877	1878
Число пансіонеровъ.	76	77	75	72
Годы.	1879	1880	1881	1882
Число пансіонеровъ.	84	84	108	95
Годы.	1883	1884	1885	1886
Число пансіонеровъ.	86	87	80	84
Годы.	1887	1888	1889	1890
Число пансіонеровъ.	85	76	72	61

*) При С. В. Гулевичѣ въ 1874 г. должность директора гимназіи перестала соединяться съ должностью директора училищъ.

Годы.	1891	1892	1893	1894
Число пансіонеровъ.	65	67	61	60
Годы.	1895	1896	1897	1898
Число пансіонеровъ.	51	51	84	65
Годы.	1899	1900	1901	1902
Число пансіонеровъ.	73	86	90	79
Годы.	1903			
Число пансіонеровъ.	70			

Улучшенія въ пансіонской жизни.

Жизнь пансіона за разсматриваемый періодъ въ общемъ шла такъ же, какъ и раньше; совѣтъ гимназіи, конечно, заботился объ улучшеніи пансіонскихъ порядковъ и вносилъ въ нихъ измѣненія, вводилъ нѣкоторыя новшества. Такъ, въ 70 годахъ совѣтъ призналъ необходимымъ назначеніе репетиторовъ для занятій съ пансіонерами по древнимъ языкамъ и математикѣ и установленіе особыхъ занятій подъ наблюденіемъ репетиторовъ въ рекреаціонное время (не болѣе 1-го часа) съ неуспѣвающими воспитанниками. Сначала этихъ репетиторовъ было 3, а впослѣдствіи, въ 1888 г. ихъ число доведено было до 4. Тогда же, въ 70-хъ годахъ, въ саду пансіона устроено весьма значительное число гимнастическихъ аппаратовъ для упражненія воспитанниковъ въ лѣтнее время, а зимой устроенъ катокъ; введено было для пансіонеровъ занятіе переплетнымъ мастерствомъ; въ 1881 г. для дѣтей младшаго возраста введены были игры, способствующія ихъ развитію и легчайшему и наглядному изученію предметовъ, ариѳметики и географіи; кромѣ того, въ 1886 г. упоминаются игры въ крокетъ, кегли. Въ 1902 г. было устроено для пансіонеровъ нѣсколько чтеній съ туманными картинами. Кромѣ того, время отъ времени устраивались спектакли, въ которыхъ исполнителями являлись сами пансіонеры. Наконецъ, въ 1903—04 г. зна-

чительно пополнена была библіотека при пансіонѣ, а въ послѣднее время устроена читальня.

Плата съ пансіонеровъ. Плата съ пансіонеровъ въ началѣ разсматриваемаго періода взималась въ размѣрѣ 200 р., въ 1872 г. она была повышена до 230 р., въ 1880 г.—до 260 р., въ 1886 г.—до 300 р., въ 1902 г.—до 360 р.

Помѣщеніе пансіона. Помѣщался пансіонъ въ теченіе разсматриваемаго періода въ пожертвованномъ Н. Г. Рюминымъ зданіи. Мы уже раньше упоминали, что зданіе это значительно обветшало и требуетъ постояннаго ремонта, указали и на то, что большую помощь въ этомъ отношеніи оказалъ гимназіи почетный попечитель ея С. П. Фонъ-Дервизъ, пожертвовавшій значительную сумму на ремонтъ зданій гимназіи и пансіона.

Гимназическій храмъ. Въ зданіи пансіона, какъ сказано было раньше, устроена была въ 1869 г. церковь во имя Св. Николая Чудотворца. Первымъ ктиторомъ этой церкви былъ А. В. Антоновъ, послѣ нѣкотораго перерыва его мѣсто занялъ Г. М. Ѳедотовъ; онъ прослужилъ на этомъ посту около 17 лѣтъ и въ 1903 г. ходатайствовалъ о снятіи съ него обязанностей ктитора. Въ томъ же году эти обязанности согласился принять на себя А. К. Москвинъ. За время съ 1869 по 1903 г. гимназическая церковь, конечно, обветшала, и многое въ ней требовало значительнаго ремонта, но, по неимѣнію средствъ, ремонтъ этотъ не могъ быть произведенъ. Принявъ на себя званіе ктитора, А. К. Москвинъ немедленно приступилъ къ переустройству храма. Ремонтъ былъ настолько великъ, что отъ прежняго храма остались однѣ стѣны: вмѣсто уничтоженныхъ арки и внутренней стѣны, на которыхъ лежали продольныя балки, положены новыя поперечныя балки, и весь потолокъ приподнятъ на 1¼ арш., вслѣдствіе чего увеличилось количество свѣта и вмѣстимость воздуха. Старая штукатурка отбита, стѣны и потолокъ вновь оштукатурены и покрыты масляной краской, сдѣланы новыя рамы и мра-

морные подоконники, откосы оконъ и дверей облицованы подъ мраморъ, положены новые паркетные полы. Устроенъ новый, изящной работы, иконостасъ; престолъ новый, и за горнимъ мѣстомъ пробито окно, въ которое вставлена икона Спасителя на стеклѣ. Хоругви, люстры, подсвѣчники и облаченія пріобрѣтены новыя. Вообще, весь храмъ отдѣланъ заново, на что А. К. Москвинымъ потрачено изъ своихъ средствъ до 20 т. р.; освященъ храмъ былъ 4 декабря 1903 г. Чинъ освященія совершалъ мѣстный епископъ Аркадій. На торжествѣ присутствовали Попечитель М. У. О. П. А. Некрасовъ, окружный инспекторъ Р. И. Державинъ, начальникъ губерніи Н. С. Брянчаниновъ, Вице-Губернаторъ, Губернскій и Уѣздный Предводители дворянства, Городской голова и многіе другіе представители правительственныхъ учрежденій и учебныхъ заведеній Рязани. Послѣ богослуженія присутствующимъ на торжествѣ предложена была А. К. Москвинымъ трапеза, во время которой, послѣ покрытаго громкимъ и долго не смолкавшимъ ура тоста за Государя Императора, была послана на имя г. Министра Н. Пр. телеграмма съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ, слѣд. содержанія: „Сегодня, четвертаго декабря, при пансіонѣ Рязанской первой гимназіи, въ присутствіи Губернатора, Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, мѣстной администраціи, всего педагогическаго персонала гимназіи, учащихся и гражданъ города совершено было мѣстнымъ Преосвященнымъ, съ многочисленнымъ духовенствомъ, освященіе храма во имя Святителя Николая Чудотворца. Сердечно радуясь, что раздавшійся съ высоты престола призывъ къ усиленію религіознаго воспитанія юношества нашелъ откликъ въ самомъ городскомъ обществѣ, въ лицѣ гражданина города Рязани, ремесленнаго головы Москвина, обновившаго и щедро украсившаго храмъ, и исполненные искренняго желанія всѣми силами содѣйствовать укрѣпленію основного начала воспитанія юношества, того начала, на которомъ зиждется мощь и благоденствіе

нашего отечества, мы, всѣ присутствующіе на торжествѣ, просимъ Ваше Высокопревосходительство повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества выраженіе нашихъ вѣрноподданническихъ чувствъ и безпредѣльной любви и преданности къ нему, какъ къ возлюбленному Отцу всѣмъ намъ дорогого отечества". На всеподданнѣйшемъ докладѣ Министра Нар. Просв. о выраженныхъ въ этой телеграммѣ вѣрноподданническихъ чувствахъ Государь Императоръ, въ 20 день декабря 1903 г., Высочайше соизволилъ собственноручно начертать: **„Прочелъ съ удовольствіемъ"**.

Общественная квартира.

Кромѣ пансіона, ученики гимназіи, живущіе не у родителей и родственниковъ, помѣщаются на общественной квартирѣ, содержимой обществомъ вспомоществованія бѣднымъ воспитанникамъ Рязанской гимназіи, основаннымъ въ 1873 г. Квартира эта находится подъ наблюденіемъ одного изъ преподавателей по выбору Педаг. Совѣта.

Общежитіе для дѣтей сельскихъ учителей.

Въ 1903—4 уч. г. открыто въ Рязани Ряз. Уѣзд. Земствомъ общежитіе для учащихся дѣтей начальныхъ учителей Рязанскаго уѣзда, находящееся такъ же, какъ и первое общежитіе, подъ наблюденіемъ одного изъ преподавателей.

Ученическія квартиры.

Кромѣ того, есть и ученическія квартиры, за которыми устроенъ бдительный надзоръ со стороны классныхъ наставниковъ.

Число учениковъ, окончившихъ гимназію за 100 лѣтъ.

Заканчивая обозрѣніе столѣтняго существованія Рязанской гимназіи, укажемъ результаты ея работы, выражающіеся въ числѣ воспитанниковъ, окончившихъ курсъ гимназіи, и въ ихъ послѣдующей дѣятельности. Замѣтимъ, приэтомъ, что, къ сожалѣнію, число окончившихъ гимназію учениковъ можно указать только приблизительно, такъ какъ для установленія нѣкоторыхъ выпусковъ не нашлось данныхъ. За 70 лѣтъ, данныя о которыхъ сохранились, гимназіей выпущено было около 1336 учениковъ. По годамъ это чис-

ло распредѣляется такъ: 1806—12, 1809—4, 1822—8, 1823—10, 1832—6, 1834—2, 1835—3, 1836—6, 1837—16, 1839—11, 1840—9, 1841—10, 1842—12, 1843—6, 1844—6, 1845—7, 1846—10, 1847—10, 1848—10, 1849—16, 1850—13, 1851—15, 1852—18, 1853—16, 1854—11, 1855—10, 1856—17, 1857—18, 1858,—8, 1859—15, 1860—16, 1861—20, 1862—13, 1863—25, 1864—19, 1865—19, 1866—18, 1867—13, 1868—16, 1869—31, 1870—27, 1871—22, 1873—5, 1874—2, 1875—8, 1876—6, 1877—10, 1878—12, 1879—21, 1880—23, 1881—25, 1882—35, 1883—30, 1884—35, 1885—25, 1886—30, 1887—24, 1888—31, 1889—22, 1890—19, 1891—25, 1892—19, 1893—27, 1894—21, 1895—22, 1896—28, 1897—18, 1898—22, 1899—22, 1900—28, 1901—45, 1902—41, 1903—50, 1904—51. Въ среднемъ гимназія выпускала около 18 учениковъ ежегодно.

Среди фамилій окончившихъ гимназію учениковъ есть и такія, которыми гимназія гордится, которыя являются красой ея столѣтней работы: имена поэта Я. П. Полонскаго, историковъ: А. Н. Попова, П. И. Бартенева, Д. И. Иловайскаго, историка литературы В. И. Шенрока, знатока финансовой науки И. И. Янжула, свѣтилъ медицины А. Я. Кожевникова и А. И. Поспѣлова, мѣстныхъ земскихъ дѣятелей А. Д. Повалишина и А. Н. Левашова, труженика врача-священника Мурашова и много другихъ именъ показываютъ, что гимназія, положившая первыя сѣмена просвѣщенія въ юныя души этихъ славныхъ работниковъ родной страны, не даромъ работала столѣтіе.

Отъ души желая, чтобы наступающее второе столѣтіе гимназіи оказалось столь же и даже болѣе еще плодотворнымъ, считаемъ долгомъ съ благодарностію вспомнить тѣхъ, которымъ обязана Рязанская гимназія и вся средняя русская школа своимъ началомъ и развитіемъ, великія имена Екатерины Великой и Александра I.

Приложеніе I.

СПИСОКЪ

лицъ, служившихъ въ Рязанской 1-ой гимназіи съ 1804 по 1904 г.

Почетные попечители.

Николай Гавриловичъ Рюминъ . .	1833—1870
Сергѣй Павловичъ Фонъ-Дервизъ .	1887—состоитъ и въ настоящее время.

Директора.

Андрей Ивановичъ Толстой . . .	1804—1805
Михаилъ Ивановичъ Клечановскій .	1805—1814
Василій Егоровичъ Воскресенскій .	1814—1819
Иванъ Михайловичъ Татариновъ .	1819—1827
Николай Николаевичъ Семеновъ. .	1827—1845
Ѳедоръ Ивановичъ Шиллингъ . .	1845—1865
Сергѣй Николаевичъ Оранскій . .	1865—1872
Сергѣй Викентьевичъ Гулевичъ . .	1872—1877
Левъ Станиславовичъ Кульчицкій .	1877—1887
Александръ Ѳедосеевичъ Сергѣевъ.	1887—1896
Левъ Станиславовичъ Кульчицкій .	1896—1902
Николай Яковлевичъ Самойловичъ.	1902 состоитъ и въ настоящее время.

Инспектора.

Филиппъ Иларіоновичъ Ляликовъ .	1833—1838
Ѳедоръ Ивановичъ Шиллингъ . .	1838—1845
Ефимъ Егоровичъ Егоровъ. . . .	1845—1849
Игнатій Андреевичъ Коссовичъ . .	1849—1850
Александръ Ѳедоровичъ Окатовъ .	1850—1854
Александръ Шумаровскій	1854—1855

Станиславъ Никодимов. Мацѣіовскій	1855—1860
Петръ Николаевичъ Кудряшовъ . .	1860—1861
Скандовскій.	1861—1862
Сергѣй Николаевичъ Оранскій . .	1862—1865
Дорофей Ивановичъ Азаркевичъ. .	1865—1868
Николай Николаевичъ Бодровъ . .	1868—1872
Иванъ Егоровичъ Сыроѣчковскій .	1873—1874
Левъ Станиславовичъ Кульчицкій .	1874—1877
Николай Александровичъ Павловъ .	1877—1889
Андрей Петровичъ Истоминъ. . .	1889—1896
Дмитрій Васильевичъ Дубовъ. . .	1896—1900
Гурій Θедосеевичъ Марковъ . . .	1900—1902
Николай Алексѣевичъ Веригинъ. .	1902 состоитъ и въ настоящее время.

Законоучители.

Катехизаторъ протоіерей Іоаннъ Стефановъ	1804—
Исправляющій должность Петръ Ибердусовъ	около 1818 г.
Учитель словесности Иванъ Алексѣевичъ Гаретовскій	1820—1827
Протоіерей Поспѣловъ	—
Протоіерей Полотебновъ.	1833
„ Стефанъ Орестовъ. . .	1833—1841
Яковъ Павловичъ Алешинскій . .	1841—1860
Иванъ Ефимовичъ Любимовъ . . .	1860—1893
Михаилъ Павловичъ Сушковъ. . .	1893—1899
Сергѣй Алексѣевичъ Соколовъ . .	1899 состоитъ и въ настоящее время.
Ксендзъ Владиславъ Θомичъ Стефановскій	1898—состоитъ и въ настоящее время.
Петръ Алексѣевичъ Орловъ (приготовит. кл.).	1901—1903

Преподаватели русскаго языка (философіи и изящныхъ наукъ).

Иванъ Даниловичъ Елатомскій . . 1804—1807
Степанъ Филипповичъ Свистовскій. 1805—1814
Иванъ Алексѣевичъ Гаретовскій. . 1814—1832
Порфирій Ивановичъ Величковскій . 1832—1833
Николай Николаевичъ Титовъ. . . 1833—1844
Андрей Яковлевичъ Орфеновъ. . . 1844—1844
Александръ Григорьевичъ Крастелевъ 1844—1853
Андрей Михайловичъ Янышевъ . . . 1844—1847
Николай Григорьевичъ Золотаревъ . 1847—1848
Петръ Ивановичъ Боголѣповъ . . 1848
Василій Ивановичъ Качевскій . . 1853
Александръ Ѳедоровичъ Шольцъ . 1856
Александръ Филипповичъ Рябининъ 1856—1868
Александръ Златовратскій . . . . — 1868
Гавріилъ Степановичъ Квіетинскій . 1862—1865
Ивановъ. . . . . 1865—1866
Сергѣй Викентьевичъ Гулевичъ . . 1866—1868
Возницинъ . . . . 1868—1869
Алексѣй Ивановичъ Виноградовъ . 1869—1872
Илья Макаровичъ Владимирскій . . 1869—1872
Михаилъ Николаевичъ Поповъ . . 1871—1873
Алексѣй Руфовичъ Ржаницинъ . . 1872—1874
Василій Алексѣевичъ Лебедевъ . . 1872—1875
Иванъ Ермолаевичъ Соснецкій . . 1873—1876
Николай Преображенскій . . . . 1874—1875
Николай Андреевичъ Вербицкій-Антіоховъ . . . . 1875—1886
Дмитрій Степановичъ Лебедевъ . . 1876—1888
И. Д. Вишневскій (воспитатель). . 1882—1892
Павелъ Ѳедоровичъ Коцевольскій . 1886—1896
Евгеній Ивановичъ Воскресенскій . 1888—1896
А. П. Истоминъ (инспекторъ). . . 1889—1896

Н. Л. Масленниковъ (преп. др. яз.)	1891—1893
Александръ Васильевичъ Лебедевъ .	1896—1903
П. А. Васильевъ (преп. др. яз.) . .	1896—1897
Николай Николаевичъ Тереховъ . .	1897—1904
Нилъ Григорьевичъ Первухинъ . .	1903—состоитъ и въ настоящее время.
Борисъ Васильевичъ Дамовъ . . .	1904—состоитъ и въ настоящее время.

Преподаватели латинскаго языка.

Карлъ Лингъ	1804—1810
Иванъ Алексѣевичъ Гаретовскій . .	1810—1814
Степанъ Филипповичъ Свистовскій . .	1814—1824
Хламовъ.	1825—1825
Семеновъ	1825—1826
Надеждинъ	1826—1826
Николай Васильевичъ Вознесенскій	1826—1827
Порфирій Ивановичъ Величковскій.	1827—1832
Мокій Григорьевичъ Тарасовъ . .	1832—1841
Алексѣй Алексѣевичъ Казанцевъ .	1833—1834
Иванъ Богоявленскій	1834—1836
Карпъ Янковскій	1836—
Морицъ Карлъ Боркумъ.	1839—1842
Константинъ Александровичъ Габріельсъ.	1841—1850
Игнатій Михайловичъ Родзевичъ .	1842—1851
Альбертъ Карловичъ Фабриціусъ .	1847—1849
Василій Павловичъ Павловъ . . .	1851—1868
Гавріилъ Степановичъ Квіетинскій.	1865—1871
Карлъ Христіановичъ Краузе. . .	1866—
Малевичъ	1868—
Ипполитъ Яковлевичъ Сюлькъ . .	1869—1874
Илья Макаровичъ Владимирскій . .	1869—1872

Шлихтингъ.	1870—
Василій Алексѣевичъ Лебедевъ . .	1872—1875
С. В. Гулевичъ (директоръ) . . .	1872—1877
Вячеславъ Ивановичъ Рейнеръ . .	1872—состоитъ и въ настоящее время.
Л. С. Кульчицкій (1874—1877 инспекторъ, 1877—1887 директоръ) . . .	1874—1887
Іосифъ Іосифовичъ Янушка. . . .	1875—1876
Осипъ Игнатьевичъ Гордіевичъ . .	1875—1876
Юлій Фердинандовичъ Гирлингъ. .	1876—1877
Андрей Андреевичъ Климко . . .	1877—1885
Густавъ Ивановичъ Веркгауптъ . .	1877—1879
Григорій Строгановъ	1877—1879
Николай Евграфовичъ Псищевъ . .	1877—1884
Исидоръ Саввовичъ Проданъ . . .	1879—1880
Дмитрій Васильевичъ Дубовъ. . .	1880—1888
Сергѣй Пусковъ	1881—1881
Кириллъ Васильевичъ Бродскій . .	1881—1886
Александръ Павловичъ Стефановъ .	1884—1886
Отто Августовичъ Дрейеръ. . . .	1885—1887
Игнатій Ивановичъ Мейеръ . . .	1886 состоитъ и въ настоящее время.
Павелъ Александровичъ Васильевъ	1886—1902
Николай Михайловичъ Покровскій	1887—1888
А. Ѳ. Сергѣевъ (директоръ). . . .	1887—1896
Александръ Осиповичъ Добровольскій	1888—1891
Михаилъ Мартыновичъ Сессоровъ .	1888—1889
Артуръ Августовичъ Грунау . . .	1889—1899
П. Ѳ. Коцевольскій (препод. рус. яз.)	1890—1895
Е. И. Воскресенскій (препод. русс. яз.)	1890—1895
Николай Леонидовичъ Масленниковъ	1891—1893
Д. В. Дубовъ (инспекторъ)	1896—1900
А. В. Лебедевъ (препод. русс. яз.) .	1896

Л. С. Кульчицкій (директоръ). . . 1896—1902
Павелъ Романовичъ Биттъ. . . . 1899 состоитъ и въ настоящее время
Н. Я. Самойловичъ (директоръ) . . 1902 состоитъ и въ настоящее время

(временно) Андрей Гавриловичъ Пугачевъ . . . . 1902—1903
Н. Н. Тереховъ (препод. русс. яз.). 1903—1904
Н. Н. Зелятровъ (воспитатель) . . 1904 состоитъ и въ настоящее время

Преподаватели греческаго языка.

Законоучитель Поспѣловъ
Законоучитель Полотебновъ
Иванъ Климентовичъ Волченскій 1834—1845

Янышевъ
Крастелевъ
Габріельсъ
Игнатій Михайловичъ Родзевичъ } 1845—1848

Андрей Дмитріевичъ Рудневъ . . 1848—1849
Альбертъ Карловичъ Фабриціусъ . 1849—1852
Онъ же . . . . 1866—1868
Густавъ Громанъ . . . . 1868—1872
Иванъ Егоровичъ Сыроѣчковскій . 1868—1874
В. А. Лебедевъ . . . . 1872—1875
В. И. Рейнеръ . . . . 1872 состоитъ и въ настоящее время.

Іос. Іос. Янушка. . . . . 1875—1876
О. И. Гордіевичъ . . . . , , . . 1875—1876
Ю. Ф. Гирлингъ . . . . 1876—1877
Г. Ив. Веркгауптъ . . . . 1877—1879
Алексѣй Григорьевичъ Строгановъ . 1877—1879

А. А. Климко.	1877—1885
Н. Е. Псищевъ	1879—1884
И. С. Проданъ	1879—1880
Д. В. Дубовъ.	1880—1888
С. Пусковъ.	1881—1881
К. В. Бродскій	1881—1886
А. П. Стефановъ.	1884—1886
О. А. Дрейеръ	1885—1887
И. И. Мейеръ.	1886 состоитъ и въ настоящее время.
П. А. Васильевъ.	1886—1902
Н. М. Покровскій	1887—1888
А. Ѳ. Сергѣевъ (директоръ). . . .	1887—1896
А. О. Добровольскій	1888—1891
М. М. Сессоровъ.	1888—1889
А. А. Грунау.	1889—1899
Н. Л. Масленниковъ	1891—1893
Д. В. Дубовъ (инспекторъ). . . .	1896—1900
П. Р. Биттъ	1899 состоитъ и въ настоящее время
Н. Я. Самойловичъ (директоръ). . .	1902—03

Преподаватели законовѣдѣнія.

Аполлонъ Александровичъ Ральгинъ	1849—1851
Ѳаддей Игнатьевичъ Стефановичъ .	1851—1852
Францъ Францевичъ Андржевскій .	1852
Михаилъ Савиновъ	1861

Преподаватели математики и физики.

Иванъ Даниловичъ Елатомскій . .	1804—1821
Николай Васильевичъ Ставровъ . .	1822—1839

Ефимъ Егоровичъ Егоровъ	1833—1845
Станиславъ Николаевичъ Мацѣіовскій	1839—1855
Іосифъ Петровичъ Вишневскій . .	1845—1852
Петръ Тимофеевичъ Филипповъ . .	1847—1849
Ѳедоръ Ѳедоровичъ Чемолосовъ. .	1849—1860
Сергѣй Александровичъ Марковъ .	1852—1856
Иванъ Михаиловичъ Кученевъ . .	1856—1870
Николай Яковлевичъ Толмачевъ . .	1858—1873
Николай Ѳедоровичъ Макаровъ . .	1860—1862
Глѣбъ Михайловичъ Сидоровъ . .	1862—1864
Константинъ Ивановичъ Висневскій	1864—1866
Василій Николаевичъ Никулинъ . .	1863—1869
Николай Гавриловичъ Урусовъ . .	1870—1873
Михаилъ Федоровичъ Дроздовъ . .	1873—1880
Леонидъ Николаевичъ Каменскій .	1873—1877
Николай Александровичъ Павловъ .	1877—
Михаилъ Махоновъ.	1878—1880
Владимиръ Ивановичъ Мироновъ .	1879—1880
Анатолій Александровичъ Флеровъ .	1880—1893
Василій Евгеніевичъ Богословскій .	1880—1896
Владимиръ Фердинандовичъ Гирлингъ	1885—1887
Сергѣй Ильичъ Кузисъ	1887—1895
Александръ Васильевичъ Петровъ .	1893—1895
Иванъ Ивановичъ Демидовъ . . .	1895—1900
Георгій Александровичъ Попперэкъ	1895—1895
Иванъ Ивановичъ Юрасовъ . . .	1896—1904
Петръ Ивановичъ Постниковъ (воспит.)	1897—1900
Г. Ѳ. Марковъ (инспекторъ) . . .	1900—1902
Иванъ Ивановичъ Смирновъ . . .	1900—1904
В. І. Радушкевичъ (препод. естествознанія)	1902 состоитъ и въ настоящее время.
Александръ Васильевичъ Соловьевъ	1904—1904

Петръ Ивановичъ Постниковъ. . . 1904 состоитъ и въ настоящее время
Яковъ Васильевичъ Кетковичъ . . 1904 состоитъ и въ настоящее время

Преподаватели исторіи и географіи (и статистики).

Николай Степановичъ Чупровъ. . 1804—1805
Алексѣй Ѳедоровичъ Побѣдинскій. 1808—1814
Богородицкій . . . . 1814—1815
Иванъ Ивановичъ Милашевичъ. . 1815—1825
Филиппъ Иларіоновичъ Ляликовъ 1825—1833
(исторіи) Дмитрій Тихоновичъ Воздвиженскій 1833—1834
(географіи) Андрей Яковлевичъ Орфеновъ . 1833—1844
(исторіи) Алексѣй Панютинъ . . . . 1834—1838
(исторіи и статистики) Афанасій Степановичъ Делицынъ. . . . . 1839—1840
(исторіи) Аполлонъ Александровичъ Ральгинъ 1840—1849
(географіи) Андрей Михайловичъ Янышевъ 1844—1848
(географіи) Павелъ Александровичъ Шереметевскій . . . . 1846—1849
(исторіи) Лавръ Ивановичъ Васильевъ . . 1849—1850
(исторіи) Александръ Васильевичъ Рагозинниковъ . . . . 1850—1854
(географіи) Иванъ Николаевичъ Ивановъ . 1850—
Дмитрій Ивановичъ Иловайскій . 1851—1858
(географіи) Златовратскій . . . . —1862
(исторіи) Александръ Васильевичъ Зданевичъ 1858—1859
(исторіи) Дмитрій Николаевичъ Григоровъ 1859—1875
(географіи) Иларіонъ Ивановичъ Дьяковъ 1859—1861
(географіи) Генрихъ Андреевичъ Лимбергъ 1861—1863
(географіи) Малининъ
(географіи) Петрушевскій . . . . 1863—1864
(географіи) И. А. Андреевъ

(географіи) Михаилъ Ивановичъ Захаровъ . 1866—1869
(географіи) Н. Г. Урусовъ (препод. мат.) . 1869—1870
(исторіи) Иванъ Ивановичъ Филоматитскій 1875—1877
Поповъ.
(исторіи и географіи) Павелъ Петровичъ Залѣсовъ . . . . 1877—1896
(географіи) С. И. Кузисъ (препод. мат.) . . 1877—1895
(географіи) А. А. Флеровъ (препод. мат.) . 1890—1891
(исторіи) А. А. Грунау (препод. древн. яз.) 1896—1899
(исторіи и географіи) Алексѣй Венедиктовичъ Булатовъ . . . . 1896—1902
(географіи) П. И. Постниковъ (воспитатель) 1899—1900
(исторіи) П. А. Васильевъ (препод. древн. яз.) 1899—1902
(исторіи) Н. Н. Тереховъ (препод. рус. яз.) 1899—1902
(географіи) Г. Ѳ. Марковъ (инспекторъ) . . 1900—1902
(исторіи и географіи) Дмитрій Дмитріевичъ Солодовниковъ . . . . . . 1902—состоитъ и въ настоящее время.
(исторіи и географіи) Н. А. Веригинъ (инспекторъ). . . . . 1902—состоитъ и въ настоящее время.

Преподаватели естествознанія (технологіи и коммерческихъ наукъ).

Тихонъ Яковлевичъ Воздвиженскій. . . 1804—1816
Дмитрій Тихоновичъ Воздвиженскій . . 1816—1833
Іосифъ Петровичъ Вишневскій . . . . 1852—1856
Николай Павловичъ Веселовскій. . . . 1856—1858
Семенъ Алексѣевъ . . . . 1856—1862
Александръ Чугаевъ . . . . 1862—1863
Василій Николаевичъ Никулинъ. . . . 1863—1869
Николай Александровичъ Павловъ . . . 1870—1871
Г. Ѳ. Марковъ (инспекторъ) . . . . . 1901—1902
Викторъ Іосифовичъ Радушкевичъ 1902—состоитъ и въ настоящее время.

Преподаватели нѣмецкаго языка.

Иванъ Богдановичъ Эрлихъ . . . . . . 1804—1825
Карлъ Антоновичъ Бокъ . . . . 1825—1837
Фридрихъ Карловичъ Гергеръ . . . . 1837—1839
Константинъ Хемницъ . . . . 1839—1842
Германъ Яковлевичъ Аппельротъ . . . 1842—1849
Оттонъ Оттоновичъ Шталь . . . . 1849—1860
Альбертъ Карловичъ Фабриціусъ. . . . 1852—1854
Василій Ивановичъ Вернеръ . . . 1860—состоитъ и въ настоящее время.
(временно) Густавъ Густавовичъ Зинтенисъ 1891—1891
И. И. Мейеръ (препод. древн. яз.) . . . 1890—1896
В. И. Рейнеръ (препод. древн. яз.) . . 1893—1897; 1900 состоитъ въ настоящее время.

Преподаватели французскаго языка.

Карлъ Лингъ . . . . 1804—1805
Іосифъ Жоли . . . . 1805—1807
Иванъ Дюбюкъ . . . . 1807—1812
Иванъ Павловичъ Пелузъ . . . . . . 1814—1820
Іосифъ Ивановичъ Мюллеръ . . . . . 1821—1822
Антонъ Николаевичъ Тюрбертъ . . . . 1822—1834
Яковъ Васильевичъ Барбей. . . . . . 1834—1861
Альбертъ Карловичъ Фабриціусъ . . . 1852—1854
Егоръ Карловичъ Шарль . . . . 1861—1869
Карлъ Карловичъ Турнэ. . . . . 1863—1867
Гиберъ . . . . 1867—1868
Георгій Ивановичъ Бессонъ . . . . . 1868—1874
Константинъ Ружи . . . . 1870—1870
Бертоле . . . . 1870—
Яковъ Абрамовичъ Амстуцъ . . . . . 1870—1871
Карлъ Филипповичъ Матте-Гене . . . . 1876—1881
Петръ Львовичъ Шуляковичъ. . . . . 1881—1884
Иванъ Антоновичъ Давидъ. . . . . . 1884—1890

В. И. Вернеръ (препод. нѣм. яз.) . 1890—1893—1898
Степанъ Петровичъ Клоде . . . . 1890 состоитъ и въ настоящее время.
Екатерина Владимировна Варварина 1901 состоитъ и въ настоящее время.

Преподаватели чистописанія, рисованія и черченія.

Петръ Трифоновичъ Клементьевъ . 1804—1820
Карлъ Ивановичъ Боссъ . . . . 1820—1841
Николай Степановичъ Ивановъ . . 1841—1878
Константинъ Дмитріевичъ Одинцовъ-Феклистовъ . . . . 1878—1888
Викторъ Андреевичъ Кантаржи . . 1888 состоитъ и въ настоящее время.

Преподаватели пѣнія и музыки.

Карлъ Краузе (музыки) . . . . . 1844—1852
Михаилъ Александровичъ Виноградовъ (музыки).
Діаконъ Сергѣй Алексѣевичъ Хупотскій (пѣнія).
Митрофанъ Васильевичъ Ушаковъ (пѣнія).
И. Д. Вишневскій (пѣнія, воспитатель) 1873—1879
П. К. Любимовъ (пѣнія, воспитатель) 1879—1895
Александръ Васильевичъ Чернышовъ (пѣнія) . . . . 1895—1902
М. П. Сперанскій (пѣнія, помощ. кл. наст.). . . . . 1902 состоитъ и въ настоящее время.
Райтманъ (музыки) . . . . 1904 состоитъ и въ настоящее время.

Преподаватели гимнастики.

Пчелка . . . . 1888—
Павловскій
Александръ Павловичъ Асѣевъ

Капитанъ Кассіанъ Рафаиловичъ Шавровъ	1888
Поручикъ Евгеній Николаевичъ Фиксенъ	1891—
Поруч. Алексѣй Павловичъ Васильевъ	1893—1895
Капитанъ Дмитрій Петровичъ Козловскій	1895 состоитъ и въ настоящее время.

Учителя приготовительнаго класса.

Федотьевъ	
Иванъ Михайловичъ Унксовъ	1872—1890
Николай Михайловичъ Карабиновъ	1890—1903
И. И. Панкратьевъ (воспитатель)	1903—1903
Иванъ Ивановичъ Докукинъ	1903—состоитъ и въ настоящее время.

Секретари совѣта.

К. Янковскій	1837
Е. Е. Егоровъ.	
И. К. Волченскій.	
К. А. Габріельсъ	1845—1849
И. М. Родзевичъ	1849—1851
А. В. Рагозинниковъ	1851—1854
Д. И. Иловайскій	1854—1858
В. П. Павловъ	1858—1859
Д. Н. Григоровъ	1859—1862
Г. С. Квіетинскій	1862—1866
Висьневскій	1866—1866
Д. Н. Григоровъ	1866—1868
Возницинъ	1868—1869
Г. С. Квіетинскій	1869—1871
А. И. Виноградовъ	1871—1872
Д. Н. Григоровъ	1872—1874
И. Е. Соснецкій	1874—1876
Н. А. Вербицкій	1876—1886

Д. С. Лебедевъ	1886—1888
А. А. Флеровъ	1888—1893
В. Е. Богословскій	1893—1896
П. А. Васильевъ.	1896—1902
А. В. Лебедевъ	1902—1903
И. И. Смирновъ	1903—1904
Н. Г. Первухинъ	1904—1904
П. Р. Биттъ	1904—состоитъ и въ настоящее время.

Библіотекари

И. Д. Елатомскій	1804—1820
И. А. Гаретовскій	1820—1829
Н. Н. Титовъ П. И. Величковскій }	1829—1843
А. А. Ральгинъ	1843—
А. Г. Крастелевъ	около 1850
В. П. Павловъ	—1864
Г. С. Квіетинскій	1864—1866
ученической библ. Никулинъ . . .	1866—1868
ученической библ. Возницинъ. . .	1868
фундамент. библ. И. Е. Сыроѣчковскій.	1869—1871
ученической библ. И. М. Владимирскій.	1869—1872
фундамент. библ. В. И. Вернеръ .	1871—1883
учении. библ. Н. Н. Бодровъ (инспект.)	1872—
фундамент. и ученической библ. { Д. В. Дубовъ .	1883—1888
С. И. Кузисъ .	1888—1895
А. А. Грунау .	1895—1899
П. Р. Биттъ .	1899—1903
фундамент. библ. П. Р. Биттъ. .	1903 состоитъ и въ настоящее время.
ученической библ. Д. Д. Солодовниковъ.	1903 состоитъ и въ настоящее время.

Надзиратели (а съ 1871 г. помощники классныхъ наставниковъ).

Петръ Ивановичъ Альгельдъ . . . 1845—1860
Николай Ивановичъ Безсоновъ . . 1860—1860
Аполлонъ Петровичъ Авалишинъ . 1860—1863
Василій Никулинъ . . . . 1863—1869
Евгеній Петровичъ Горчаковъ . . 1869 состоитъ и въ настоящее время.
Романъ Васильевичъ Моррисонъ. . 1871—1890
П. К. Любимовъ (восп.) . . . . . . 1882—1891
В. И. Вернеръ (пр. нѣм. я.) . . . 1884—1888
Николай Ивановичъ Морозовъ . . 1888—1896
Александръ Александровичъ Ивановъ 1890 состоитъ и въ настоящее время.
Николай Петровичъ Павловъ . . . 1896—состоитъ и въ настоящее время.
Михаилъ Петровичъ Сперанскій . . 1901—состоитъ и въ настоящее время.

Врачи.

Өедоръ Өедоровичъ Грегоріусъ . . 1837—1846
Серафимъ Петровичъ Гацисскій . . 1846—1848
Тимофей Васильевичъ Хитровъ . . 1848—1850
Петръ Өедоровичъ Малининъ . . . 1850—1871
Иванъ Алексѣевичъ Поспѣловъ . . 1871—1872
Константинъ Павловичъ Асѣевъ. . 1872—1891
Борисъ Михайловичъ Ганнушкинъ . 1891—1901
Василій Павловичъ Кравковъ . . . 1901—1904
Михаилъ Петровичъ Лебедевъ (глазн. вр.) 1902—1903
Тихонъ Ивановичъ Өедоровъ . . . 1904 состоитъ и въ настоящее время.

Надзиратели и воспитатели пансіона.

Карлъ Ивановичъ Боссъ. . . . . . 1833—1845
Фридрихъ Рутчъ. . . . . 1833—1834
Августъ Лутерманъ. . . . . 1833—1836
Иванъ Михайловичъ Пелли. . . . 1835—1851

Сергѣй Филипповичъ Пановъ. . .	1836—
Генрихъ Францисковичъ Жако . .	1837—1839
Петръ Ивановичъ Боголѣповъ . .	1839—1843
Карлъ Карловичъ Гесперъ	1840—1843
И. М. Родзевичъ (препод. др. яз.) .	1843—1845
Андрей Ивановичъ Лазеръ	1843—1846
Василій Амбургеръ.	1845—1845
Викторъ Павловичъ Патти	1845—1847
І. П. Вишневскій (препод. матем.) .	1845—1848
Александръ Михайловичъ Родзевичъ	1845—1849
Карлъ Христіановичъ Краузе . . .	1846—1881
Фридрихъ Леопольдъ дю Питръ . .	1847—
Константинъ Мутти	—1848
Николай Васильевичъ Закревскій .	1849—1850
І. П. Вишневскій (препод. матем.) .	1850—1851
Генрихъ Савостьяновичъ Капеллеръ	1850—1852
Иванъ Заарманъ	—1850
А. И. Рагозинниковъ (препод. ист.).	1852—1852
Александръ Өедоровичъ Шольцъ .	1852—1852
Битонъ Карловичъ Гофманъ . . .	1852—1870
Ф. Ф. Андржеевскій (препод. законов.)	1852—1853
Иванъ Васильевичъ Іевлевъ . . .	1853—1853
Г. Я. Аппельротъ (препод. нѣм. яз.)	1853—
Романъ Васильевичъ Моррисонъ. .	1856—1871
Димитрій Васильевичъ Болотниковъ	1858—1862
Генрихъ Леонардовичъ Лимбергъ .	1860—1861
Михаилъ Дузарскій	1866—1868
Ад. Ив. Мейеръ.	1868—1877
Г. И. Бессонъ (препод. фр. яз.) . .	1868—1870
Иванъ Дмитріевичъ Вишневскій . .	1873—1892
Федоръ Ивановичъ Дергачевъ. . .	1877—1879
Петръ Клавдіевичъ Любимовъ. . .	1879—состоитъ и въ настоящее время.
И. М. Унксовъ (препод. пр. кл.). .	1879—1893
Владим. Фердинандов. Гирлингъ . .	1880—1885
Ив. Ант. Давидъ (препод. фр. яз.) .	1885—1890

Н. М. Карабиновъ (преп. пр. кл.) .	1892—1903
Александръ Васильевичъ Петровъ .	1893—1895
Петръ Ивановичъ Постниковъ . .	1897—1900
Дмитрій Николаевичъ Щеголевъ. .	1900—1902 *)
Евгеній Ивановичъ Смирновъ. . .	1901—1901
А. А. Ивановъ (помощ. кл. н.) . .	—1903
М. П. Сперанскій (пом. кл. н.) . .	1901—1903
Н. П. Павловъ (пом. кл. н.) . . .	1896—1897
Иванъ Ивановичъ Панкратьевъ . .	1903—1903
И. И. Докукинъ (преп. пр. кл. . .	1903—состоитъ и въ настоящее время.
Николай Николаевичъ Зелятровъ .	1903—состоитъ и въ настоящее время.
Иванъ Алексѣевичъ Масленниковъ .	1903—1904
М. П. Сперанскій (помощ. кл. наст.)	1904—состоитъ и въ настоящее время.

Учителя танцевъ.

Брукъ	около 1820 г.
Аркадій Вас. Горожанскій	1835—1861
Францъ Павловскій.	
Повалишинъ	1903—1904

Врачи.

Василій Ѳедоровичъ Гернетъ . . .	1837—
Иванъ Алексѣевичъ Поспѣловъ . .	—1872
К. П. Асѣевъ.	1872—1891
Б. М. Ганнушкинъ	1891—1901
В. П. Кравковъ	1901—1904
М. П. Лебедевъ (глазной)	1902—1903
Т. И. Ѳедоровъ	1904—состоитъ и въ настоящее время.

*) Онъ также преподавалъ греческій яз.

Надзиратели больницы.

Аркадій Васильевичъ Горожанскій . 1840—1845
Александръ Крюгеръ . . . . . . 1845—1852
Иванъ Васильевичъ Іевлевъ . . . 1852—1855
Николай Виноградовъ . . . . . 1855—1859
Дмитрій Васильевичъ Болотниковъ. 1859—1859
Петръ Ивановичъ Альгельдъ . . . 1860—
Иванъ Яковлевичъ Барановскій
Глафира Семеновна Еремина . . . 1873—1878
Зинаида Павловна Меньщикова . . 1878—1903
Марья Игнатьевна Хитрова . . . 1903—состоитъ и въ настоящее время.

Экономы.

Николай Ивановичъ Эдельсонъ . . 1836—1847
Василій Аѳанасьевичъ Кутуковъ. . 1847—1857
Яковъ Красновъ. . . . . 1857—
Николай Ефимовичъ Герасимовъ. . 1860—1862
Дмитрій Ивановичъ Ширяевъ.
Василій Ивановичъ Кузнецовъ.
Василій Саввичъ Ѳедотовъ . . . . 1896—состоитъ и въ настоящее время.

Письмоводители.

Иванъ Ивановъ . . . . 1805—
Михаилъ Николаевичъ Сѣровъ . . 1811—1826
Алексѣй Павловичъ Соловкинъ . . 1826—1830
Иванъ Ильичъ Андреевъ . . . . 1830—1832
Петръ Алексѣевичъ Ждановъ. . . 1832—1833
Андрей Васильевичъ Лебедевъ . . 1833—1839
Викентій Николаевичъ Яблоковъ. . 1839—1843
Василій Васильевичъ Чичаговъ . . 1843—1844
Иванъ Степановичъ Михайловскій . 1844—1845
Василій Васильевичъ Чичаговъ . . 1845—1850

Иванъ Прокофьевичъ Ржевскій . .	1850—1854
Дмитрій Алексѣевичъ Спасскій . .	1854—
Михаилъ Ивановичъ Макаровъ . .	—1863
Петръ Васильевичъ Кипарисовъ. .	1863—1885
Иванъ Самсоновичъ Постниковъ. .	1885—1900
Митрофанъ Константиновичъ Соборовъ	1900 состоитъ и въ настоящее время

Бухгалтеры.

Мокій Григорьевичъ Тарасовъ . .	1828—1832
Андрей Васильевичъ Лебедевъ . .	1832—1833
Александръ Кутуковъ.	около 1834
Өедоръ Позняковъ	1835—1837
Василій Филипповичъ Семеновъ . .	1837—1844
Василій Ефимовичъ Радовицкій . .	1844—1855
Князь Вас. Семеновичъ Крапоткинъ	1855—
Иванъ Аристарховичъ Петропавловъ	
Никифоръ Константиновичъ Введенскій	1885—1887
Иванъ Самсоновичъ Постниковъ (письмовод.)	1887—1900
Митрофанъ Константиновичъ Соборовъ (письмовод.)	1900 состоитъ и въ настоящее время.

Писцы.

Андрей Васильевичъ Лебедевъ . .	1827—1832
Герасимъ Ивановичъ Мещеринъ . .	1832—
Александръ Павловъ	1835—
Семенъ Ивановичъ Кротковъ . . .	1836—1840
Петръ Осиповичъ Покуневичъ . .	1840—1845
Иванъ Прокофьевичъ Ржевскій . .	1845—1850
Андрей Карповичъ Милютинъ. . .	1850—

Василій Бѣльскій . . . . —1858
Александръ Аврамовъ. . . . . . 1858—1864
Василій Константиновичъ Луцкій . 1864—1898
Михайловъ
Игнатьевъ
Колоколовъ
Владиміръ Васильевичъ Агаповъ . 1902 состоитъ и въ настоящее время.
Всеволодъ Васильевичъ Агаповъ. . 1904 состоитъ и въ настоящее время.

Священно и церковно-служители.

Священники.

Иванъ Ефимовичъ Любимовъ . . . 1868—1893
Михаилъ Павловичъ Сушковъ. . . 1893—1899
Сергѣй Алексѣевичъ Соколовъ . . 1899 состоитъ и въ настоящее время.

Псаломщики.

Гаретовскій
На псаломщической вакансіи дьяконъ Сергѣй Николаевичъ Голицынъ состоитъ и въ настоящее время.

Ктиторы.

Александръ Васильевичъ Антоновъ
Гавріилъ Михайловичъ Ѳедотовъ . . 1903
Алексѣй Константиновичъ Москвинъ 1903 состоитъ и въ настоящее время.

Приложеніе II.

СПИСОКЪ УЧЕНИКОВЪ,

окончившихъ курсъ первой Рязанской мужской гимназіи *).

1804—05.

Выпуска не было.

1805—06.

(Данныя приблизительныя).

Воздвиженскій Дмитрій.
Заварзинъ Аммосъ.
Казначеевъ Александръ.
Кученевъ Филиппъ.
Лялинскій Иванъ.
Свистовскій Александръ.
Смирновъ Александръ.
Сукочевъ Кодратъ.
Татариновъ Александръ.
Татариновъ Кириллъ.
Улановъ Павелъ.

1808—09.

(Данныя приблизительныя).

Беклемишевъ Кузьма.
Григоровъ Василій.
Сныткинъ Иванъ.
Сѣровъ Яковъ.

---

*) Относительно выпусковъ 1806—07, 1807—08, 1809—10, 1810—11, 1811—12, 1814—15, 1815—16, 1816—17, 1817—18, 1818—19, 1819—20, 1820—21, 1823—24, 1824—25, 1825—26, 1826—27, 1827—28, 1828—29, 1829—30, 1830—31 годовъ данныхъ не сохранилось.

1812—1813, 1813—1814.

Выпуска не было, потому что ученики старшихъ классовъ ушли въ дѣйствующую армію.

1821—1822.

(Данныя приблизительныя).

Башкировъ Павелъ.
Галаховъ Алексѣй. Историкъ русской литературы.
Ефимовъ Степанъ.
Ивановъ Алексѣй.
Кузьминъ Илья.
Хлуденевъ Петръ.
Чеботаевъ Василій.
Щербаковъ Иванъ.

1822—1823.

(Данныя приблизительныя).

Галаховъ Николай.
Дубровскій Николай.
Курганскій Ардальонъ.
Любавскій Петръ.
Остросаблинъ Василій.
Остросаблинъ Дмитрій.
Романовъ Александръ.
Сергѣевъ Петръ.
Суворовъ Иванъ.
Сѣровъ Петръ.

1831—32.

(Данныя приблизительныя).

Григорьевъ Николай.
Ипатьевъ Иванъ.
Исаевъ Василій.

Казинъ Андрей.
Лукинъ Алексѣй.
Спекторскій Василій.

1832—33.

Выпуска не было по случаю преобразованія гимназіи по уставу 1828 г.

1833—34.

(Данныя приблизительныя).

Константинъ Короткій. *Серебр. мед.*
Аполлонъ Ральгинъ. Сначала преподав. Рязан. гимназ., потомъ управ. акц. сборами въ Рязан. губ.

1834—35.

(Данныя приблизительныя).

Александръ Ершовъ. *Золотая мед.*
Кн. Дмитрій Крапоткинъ. *Серебр. мед.*
Александръ Поповъ. *Серебр. мед.* Историкъ.

1835—36.

Съ правомъ на чинъ 14 класса. { Байковъ Дмитрій. *Признательность за разсужденіе.*
Долматовъ Өедоръ. }

Красницкій Іассонъ. *Признательность за разсужд.*

Съ правомъ на чинъ 14 кл. { Лаптевъ Андрей.
Николаевъ Николай.
Никитинъ Петръ. *Серебряная медаль за лучшее разсужденіе, заключающее въ себѣ критическій разборъ похвальнаго слова Императрицѣ Екат. II, соч. Карамзина.* }

1836—1837.

(Данныя приблизительныя).

Глушковъ Александръ.
Дембовскій Іеронимъ.
Егоровъ Андрей.
Ефимовъ Николай.
Кильханъ Валеріанъ.
Мартыновъ Василій.
Мертенсъ Иванъ. Упр. Харьков. Каз. Пал.
Повалишинъ Дмитрій.
Полонскій Яковъ. Поэтъ.
Поповъ Петръ.
Савостьяновъ Анурій. Смотритель училища для дѣтей канц. служит. въ Рязани.
Соколовъ Дмитрій.
Спекторскій Иванъ.
Ушаковъ Александръ.
Чернышовъ Иванъ.
Чернышовъ Николай.

1838—1839.

Аврамовъ Иванъ.
Съ аттест. Афанасьевъ Александръ.
Борятинскій Александръ.
Викулинъ Павелъ. Врачъ.
Виноградовъ Николай.
Еропкинъ Петръ.
Кобызевъ Михаилъ.
Крыловъ Александръ.
Съ аттест. { Кублицкій Михаилъ.
Сазоновъ Константинъ.
Урусовъ Гавріилъ. }

1839—1840.

Афанасьевъ Иванъ.
Съ правомъ на чинъ 14 кл. Васильевъ Вадимъ.
Гружевскій Андрей.
Ивановъ Константинъ. Акушеръ при Рязан. Врач. Управ.
Кузьминъ Петръ.
Мессершмидтъ Александръ.
Разводовскій Александръ.
Спекторскій Платонъ. Суд. слѣдов. Ряз. Окр. Суда.
Съ правомъ на чинъ 14 кл. Стародубскій Петръ. *Серебряная медаль.* Врачъ.

1840—41.

Съ аттест.:
Ануринъ Александръ.
Варсанофьевъ Василій.
Левашовъ Павелъ.
Орфеновъ Александръ. Шт.-Капит., городск. гол. въ Зарайскѣ.
Протопоповъ Константинъ.
Рославлевъ Яковъ. Подпоруч., Мир. Поср. Егор. у.
Русановъ Иванъ.
Смирновъ Петръ.
Эдельсонъ Евгеній.

1841—42.

Алексѣевъ Капитонъ.
Белелюбскій Егоръ.
Васильевъ Лавръ.
Гаревъ Константинъ.
Головинъ Михаилъ.
Рославлевъ Андрей.
Смирновъ Өедоръ.
Соколовъ Сергѣй.
Сухановъ Сергѣй,

Ушаковъ Викторъ.

Хомяковъ Александръ.

Щетининъ Алексѣй.

1842—1843 г.

Андреевъ Илья. Учитель въ Рязан. уѣздн. училищѣ.

Съ правомъ поступленія въ университетъ безъ экзамена.	Белелюбскій Егоръ.
	Вирязовъ Иванъ.
	Корчагинъ Александръ. Врачъ.
	Смольяниновъ Ѳедоръ.
	Хомяковъ Александръ.

1843—1844.

Съ правомъ поступленія въ университетъ безъ экзамена	Право на чинъ 14 кл.	Григоровъ Петръ.
		Давыдовъ Александръ. *Серебряная медаль.*
		Коновъ Василій.
		Мерчанскій Николай.
		Петровъ Николай.
	Право на чинъ 14 кл.	Хавскій Владимиръ.

1844—45.

Съ правомъ поступленія въ университетъ безъ экзамена.	Съ правомъ на чинъ 14 кл.	Виноградовъ Аркадій. *Серебряная медаль.*
		Живаго Павелъ. Врачъ.
	Съ правомъ на чинъ 14 кл.	Кашинъ Николай.
	Съ правомъ на чинъ 14 кл.	Марковъ Сергѣй. *Съ выставленіемъ его имени на золотой доскѣ.*
	Съ правомъ на чинъ 14 кл.	Терновскій Иванъ.
		Тимоховичъ Яковъ. Уѣзд. Казнач. въ Касимовѣ.
		Шумовъ Василій.

1845—46.

Съ правомъ поступленія въ университетъ безъ экзамена:

Права	Имя	Примѣчаніе
	Бабинъ Михаилъ.	
Съ правомъ поступленія въ университетъ безъ экзамена	Воронихинъ Андрей,	*Записанъ на золотой доскѣ.* Служилъ въ М. В. Д. по земскому отдѣлу.
Съ правомъ поступленія въ университетъ безъ экзамена	Галаховъ Гавріилъ.	
Съ правомъ поступленія въ университетъ безъ экзамена. Съ правомъ на чинъ 14 кл.	Голофеевъ Иванъ.	*Серебряная медаль.*
Съ правомъ поступленія въ университетъ безъ экзамена. Съ правомъ на чинъ 14 кл.	Горловъ Степанъ.	*Золотая медаль.*
Съ правомъ поступленія въ университетъ безъ экзамена	Гречиховъ Константинъ.	
	Меженинов Павелъ.	
	Пафомовъ Евграфъ.	
	Протопоповъ Алексѣй.	
Съ правомъ поступленія въ университ. безъ экзам.	Семеновъ Александръ.	*Благодарность совѣта.*

1846—47.

Права	Имя	Примѣчаніе
Съ правомъ поступленія въ университетъ безъ экзамена. Право на чинъ 14 кл.	Бартеневъ Петръ.	*Золотая медаль. Записанъ на золотой доскѣ.* Знаменит. историкъ. Изд. Рус. Архива.
Съ правомъ поступленія въ университетъ безъ экзамена	Батуринъ Дмитрій.	
Съ правомъ поступленія въ университетъ безъ экзамена. Право на чинъ 14 кл.	Беклемишевъ Аполлонъ.	
Съ правомъ поступленія въ университетъ безъ экзамена	Галаховъ Петръ.	Служилъ въ М. В. Д. по земскому отдѣлу.
Съ правомъ поступленія въ университетъ безъ экзамена	Ершовъ Степанъ.	
Съ правомъ поступленія въ университетъ безъ экзамена. Право на чинъ 14 кл.	Калугинъ Иванъ.	
Съ правомъ поступленія въ университетъ безъ экзамена. Право на чинъ 14 кл.	Орфеновъ Константинъ.	Военный врачъ.
	Петровъ Николай.	
	Плюсковъ Яковъ.	
Съ правомъ поступл. въ унив. безъ экзам. Право на чинъ 14 кл.	Собчаковъ Владиміръ.	*Серебрян. медаль. Записанъ на золотой доскѣ.*

1847—48.

Права	Имя	Примѣчаніе
Съ правомъ поступленія въ университетъ безъ экзамена. Право на чинъ 14 кл	Васильевъ Василій.	*Золотая медаль. Записанъ на золотой доскѣ.*
Съ правомъ поступленія въ университетъ безъ экзамена. Право на чинъ 14 кл.	Захаровъ Михаилъ.	
	Меженинов Алексѣй.	

Россинскій Иліодоръ. *(Съ прав. поступленія въ университетъ безъ экзам. — Право на чинъ 14 кл.)*

Собчаковъ Николай. *Серебряная медаль.* *(Съ прав. поступленія въ университетъ безъ экзам. — Право на чинъ 14 кл.)*

Сульменевъ Николай.

Хатунцевъ Петръ.
Хомяковъ Николай.
Чаплыгинъ Иванъ.
(Съ правомъ поступленія въ университетъ безъ экзамена.)

1848—49.

Бакулинъ Дмитрій. *Серебряная медаль.*
Вороновъ Николай.
(Съ правомъ поступ. въ универс. безъ экзам.)

Григоровъ Александръ.

Денисовъ Константинъ.

Екимецкій Василій. Директоръ Народн. Учил. въ Владимирской губ. *(Съ прав. поступ. въ универ. безъ экз. — Право на чинъ 14 кл.)*

Зиновьевъ Михаилъ.

Ивановъ Михаилъ.

Линицкій Михаилъ. Учит. въ Рязан. Уѣзд. Учил.
Ободовскій Сергѣй.
(Съ правомъ на чинъ 14 кл.)

Роботъ Александръ.
Сипягинъ Николай.
(Съ правомъ поступленія въ университетъ безъ экзам.)

Соколовъ Владимиръ. Врачъ. *(Съ правомъ поступленія въ универс. безъ экзам.)*

Стрекаловъ Василій. *(Право на чинъ 14 к.)*

Трофимовъ Павелъ.

Чевкинъ Николай. *(Съ правомъ поступленія въ университ. безъ экзам.)*

Эдельсонъ Аркадій.

1849—50.

Голиковъ Николай.

Григоровъ Василій.
Захаровъ Константинъ. Врачъ.
Иловайскій Дмитрій. Профессоръ Моск. Унив. *(Право на чинъ 14 кл.)*
Казинъ Александръ.
(Съ правомъ поступлен. въ универс. безъ экзам.)

Съ правомъ поступлен. въ универ. безъ экзам.	Право на чинъ 14 кл.	Карповъ Николай.
		Колюбакинъ Иванъ.
		Мясоѣдовъ Василій.
	Право на чинъ 14 кл.	Нестеровъ Дмитрій.
		Орфеновъ Михаилъ. Оконч. кур. въ Горыгорецк. землед учил. Былъ уполномоч. при Ряз. Палатѣ Госуд. Имущ.
		Орфеновъ Порфирій. Гражданскій врачъ.
		Ржавскій Константинъ.
Съ правомъ поступленія въ университетъ безъ экзамена	Право на чинъ 14 кл.	Сукочевъ Яковъ.

1850—51.

	Право на чинъ 14 кл.	Беклемишевъ Константинъ.
		Васильевъ Василій.
Съ правомъ поступленія въ университетъ безъ экзамена		Гернетъ Фердинандъ.
	Право на чинъ 14 кл.	Емельяновъ Николай.
		Звѣревъ Петръ.
Съ правомъ поступленія въ университетъ безъ экзамена		Ивановъ Алексѣй.
	Право на чинъ 14 кл.	Миловидовъ Иванъ.
		Натальинъ Николай. Врачъ. Мир. судья въ Рязан. уѣздѣ.
		Орловъ Дмитрій.
	Право на чинъ 14 кл.	Ржавскій Николай.
Право поступл. въ универс. безъ экзамена.		Рудневъ Евгеній. *Золотая медаль. Записанъ на золотую доску.*
	Право на чинъ 14 кл.	Устиновъ Иванъ.
	Право на чинъ 14 кл.	Чаплыгинъ Николай.
Право поступленія въ университетъ безъ экзамена	Право на чинъ 14 кл.	Шаховъ Николай. *Серебряная медаль.*
	Право на чинъ 14 кл.	Щипунинъ Василій.

1851—52.

Право поступленія въ университетъ безъ экзамена.	Барсуковъ Василій.
	Галдинскій Николай. *Серебряная медаль.* Чинов. особ. пор. при М-вѣ Внут. Дѣлъ
	Гальцовъ Иванъ.
	Гангартъ Карлъ.
Право поступл. въ унив. безъ экзамена.	Головнинъ Иванъ. *Серебряная медаль.*
	Григоровъ Дмитрій. Учитель Рязанской гимназіи.
Право на чинъ 14 кл.	Григорьевъ Гавріилъ.
Право поступл. въ унив. безъ экзамена.	Елагинъ Нилъ.
	Зерцевъ Иванъ. Врачъ въ Москвѣ.
Право на чинъ 14 кл.	Кожевниковъ Михаилъ. Врачъ.
	Коиленскій Александръ. Врачъ.
	Колосовъ Иванъ.
	Курганскій Николай.
Право поступл. въ унив. безъ экзамена.	Никифоровъ Павелъ.
	Камарскій Леонидъ.
	Пофомовъ Иванъ.
Право поступл. въ унив. безъ экзамена.	Полиловъ Иванъ.
	Трескинскій Иванъ

1852—53.

Право поступлен. въ унив. безъ экзамена.	Азначеевъ Михаилъ.
	Анцыферовъ Николай. Надзират. акциз. сбор. въ Рязан. губ.
	Болотниковъ Дмитрій Надзир. Рязан. гимназіи.
	Болотниковъ Николай. Врачъ.
Право на чинъ 14 кл.	Воскресенскій Ардальонъ.
Право поступлен. въ унив. безъ экзамена.	Гурьевъ Василій. *Серебряная медаль. Записанъ на золотую доску.* Чиновникъ Военнаго Министерства.
Съ правомъ на чинъ 14 кл.	Гененбергъ Николай.
Право поступлен. въ унив. безъ экзам.	Живаго Иванъ. *Золотая медаль. Записанъ на золотую доску.* Директоръ Московской Практической Академ. Коммерческихъ Наукъ.

Право на чинъ 14 кл.	Каменевъ Василій.	Врачебный инспекторъ въ Тамбовской губ
Право поступл. въ унив. безъ экзамена.	Кожевниковъ Алексѣй.	*Сереб. мед. Записанъ на золотую доску.* Профессоръ Моск. унив.
	Лихаревъ Константинъ.	Помощ. Управ Закавказ. акциз. управ.
Право поступл. въ унив безъ экзамена.	Муратовъ Павелъ.	Сначала товарищъ предсѣдателя Гражданской Палаты, потомъ мировой судья Пронскаго у.
	Найденовъ Дмитрій.	*Золотая медаль. Записанъ на золот. доску.*
	Персіаниновъ Левъ.	Врачъ.
	Соколовъ Михаилъ.	
	Шиллингъ Карлъ.	Врачъ.

1853—54.

Право поступл. въ унив. безъ экзамена.	Альбановъ Владиміръ.	*Золотая медаль. Записанъ на золотую доску* Врачъ. Помощникъ акцизн. надзир. Рязан. г.
Право на чинъ 14 кл.	Андреевъ Владиміръ.	
Право поступл. въ унив. безъ экзамена.	Голубевъ Степанъ.	
	Екимецкій Павелъ.	*Серебряная медаль. Записанъ на золотую доску.* Врачъ.
	Лагвеновъ Эсперъ.	Служилъ въ военной службѣ.
	Мясоѣдовъ Александръ.	
	Поповъ Василій.	
	Поповъ Николай.	
	Ржавскій Михаилъ.	Врачъ.
Право на чинъ 14 кл.	Семеновъ Дмитрій.	
Право поступл. въ унив. безъ экзамена.	Хлѣбниковъ Константинъ.	

1854—55.

Право поступл. въ унив. безъ экзамена.	Асѣевъ Константинъ.	Врачъ. Гор. судья въ Рязани.
	Барбей Леонидъ.	Врачъ. Миров. суд. въ Егорьев. уѣз.

Право поступл. въ унив. безъ экзамена.	Воробьевъ Дмитрій. *Серебр. мед.*
	Живаго Александръ.
	Константиновскій Иванъ. Главный врачъ Московской Преображенской больницы.
	Лихаревъ Николай. Врачъ.
	Мельгуновъ Николай. Врачъ, непрем. членъ Рязан. у по кр. дѣламъ прис.
Право на чинъ 14 кл.	Павловъ Николай. Служилъ по выборамъ отъ дворянства Рязанской губ.
	Пелепелкинъ Владиміръ. Помощ. акциз. надз. въ Рязанской губ.
Право поступл. въ унив. безъ экзамена.	Сатинскій Алексѣй.

1855—56.

	Алексѣевъ. *Золот. мед Записанъ на золотой доскѣ*
Право на чинъ 14 кл.	Антоновскій.
Право поступл. въ унив. безъ экзамена.	Барковъ.
	Бурцевъ Михаилъ. *Золот. мед. Записанъ на золот. доскѣ*
	Ганнушкинъ Борисъ. *Серебр. мед.* Врачъ.
	Гвоздевъ. *Золотая медаль. Записанъ на золотой доскѣ.*
	Грязновъ. Врачъ.
Право на чинъ 14 кл.	Каменевъ-Любавскій. Членъ Рязанск. Окр. Суда.
Право поступл. въ унив. безъ экзамена.	Корчагинъ. *Золот. мед. Записанъ на золотой доскѣ.* Врачъ.
Право на чинъ 14 кл.	Межениновъ. Инж неръ путей сообщенія.
	Никитинъ.
Право поступл. въ унив. безъ экзамена.	Поповъ Александръ.
	Поповъ Аполлинарій.
	Поповъ Петръ. *Серебр. мед.*
	Смирновъ.
Право на чинъ 14 кл.	Соловкинъ Николай. Членъ Окружнаго Суда.
Съ правомъ поступ. въ универс. безъ экзам.	Стрекаловъ.

1856—57.

Съ правомъ поступленія въ университетъ безъ экзам.	Азначеевъ Павелъ. *Серебряная мед.* Инспект. народн. учил.
Право на чинъ 14 кл.	Бурмакинъ Алексѣй. *Серебряная медаль.*
	Высотскій Николай. Директоръ земской учительск. семинар. въ Рязани.
Съ правомъ поступленія въ универс. безъ экзам.	Заіончковскій Иванъ. *Золот. мед. Записанъ на золотую доску.* Врачъ при Ряз. Губ. больн.
Право на чинъ 14 кл.	Казначеевъ Александръ.
Съ правомъ поступленія въ университетъ безъ экзамена.	Карповъ Леонидъ. *Золот. медаль. Записанъ на золотую доску.* Военный врачъ.
	Корчагинъ Алексѣй. *Серебрян. медаль.* Врачъ.
	Лактаевъ Леонидъ. Врачъ.
	Лихачевъ Петръ.
Право на чинъ 14 кл.	Лысцевъ Евграфъ.
	Писаревъ Николай. Земск. нач. Спасск. у. Ряз. г.
	Ракитинъ Леонидъ. Сначала служилъ въ арміи, потомъ былъ земскимъ начальник. въ Рязанской губ.
Съ правомъ поступленія въ университ. безъ экзам.	Ступинъ Петръ. *Золотая медаль. Записанъ на золотую доску.*
Съ правомъ поступлен. въ универс безъ экзам.	Тимешовъ Николай. Инспекторъ народн. училищъ Рязанск. губ.
	Ханыковъ Аполлонъ. Подпоручикъ, мировой посредникъ, предсѣд. Сапожковск. зем. упр.
	Шаховъ Иванъ.
Съ прав. поступ. въ унив. безъ экз.	Федутиновъ Иванъ. Служилъ въ Ряз. Губ. Правл.
	Фроловъ Михаилъ. Членъ Моск. Окружн. Суда

1857—58.

Съ прав. поступленія въ университетъ безъ экзам.	Альбановъ Ѳедоръ. Уѣздн. членъ Рязан. Окр. Суда по Скопин. уѣзду.
	Васильковъ Александръ. Врачъ при Воспитат. домѣ въ Москвѣ.
	Ведерниковъ Иванъ. *Золот. мед. Записанъ на золот. доскѣ.* Бухгалтеръ Ряз. акциз. упр.
	Геннингъ Вильгельмъ.

Право на чинъ 14 кл.	Евреиновъ Василій. *Золот. мед. Записанъ на золотой доскѣ.*
Съ правомъ поступленія въ университетъ безъ экз.	Ивановъ Николай.
	Левашовъ Александръ. Уѣздный членъ Ряз. Окр. Суда. Земскій дѣятель и литераторъ.
	Мартыновъ Василій. *Серебр. мед. Записанъ на золотой доскѣ.* Врачъ при Рязанской тюрьмѣ.

1858—59.

Съ правомъ поступленія въ университетъ безъ экзамена.	Безобразовъ Николай.
	Беклемишевъ Михаилъ. Врачъ.
	Бокъ Антонъ.
	Болотниковъ Петръ. Предсѣд. Варшав. Суд. Пал.
Право на чинъ 14 кл.	Лебедевъ Николай. Управляющій работнымъ домомъ въ Москвѣ.
	Левашовъ Дмитрій. Мировой судья въ Ряжск. у.
	Лихаревъ Михаилъ. Надзиратель при Александр. Дворянскомъ завед. въ Ряз.
	Мамаевъ Николай.
Съ правомъ поступлен. въ универс. безъ экзамена.	Печатинъ Николай.
Съ правомъ на чинъ 14 кл.	Праотцевъ Василій. Частный повѣрен. въ Рязани.
	Сивковъ Петръ.
Съ правомъ поступленія въ университ. безъ экзам.	Славутинскій Николай. *Серебр. мед.* Мировой судья въ округѣ Витебск. Окружнаго Суда.
	Соболевъ Николай.
Съ правомъ поступленія въ университетъ безъ экзамена.	Фроловъ Николай. Товарищъ прокурора, городской голова въ Саратовѣ.
	Шаровъ Иванъ. *Серебр. медаль.* Нотаріусъ въ Рязани.

1859—60.

Съ правомъ на чинъ 14 кл.	Богдановъ Николай. Судебный слѣдователь, присяжный повѣрен. при Рязан. Окруж. Судѣ.
Съ правомъ поступл. въ универс. безъ экзамена.	Воскресенскій Илья.
	Выжлевскій Виссаріонъ.
	Воронинъ Константинъ. Учитель Раненб уѣзд. училища, нотаріусъ въ Ряжскѣ.

Право на чинъ 14 кл.	Гостевъ Дмитрій. *Серебр. мед. Записанъ на золот. доскѣ.* Членъ Тамбовск. Окружн. Суда.
	Ивановскій Митрофанъ. Судебный приставъ Ряз. Окруж. Суда.
	Коробьинъ Павелъ. Членъ Пензенскаго Окр. Суда.
Съ правомъ поступл. въ унив. безъ экзамена.	Коржавинъ Николай. *Золот. мед. Записанъ на золот. доскѣ.* Врачъ.
	Поповъ Николай. Товарищъ Прок. Рязан. Окружн. Суда.
Право на чинъ 14 кл.	Рузскій Павелъ. *Золот. медаль. Записанъ на золотой доскѣ.*
Съ правомъ поступлен. въ университетъ безъ экзам.	Селивановъ Борисъ. Уѣздный Членъ Рязанскаго Окружнаго Суда.
	Сидоровъ Василій. Мировой судья въ Зарайскѣ.
Съ правомъ поступл. въ унив. безъ экзам	Ступинъ Василій.
	Троицкій Владиміръ. *Серебр. мед. Записанъ на золотой доскѣ.*
	Флота Александръ.
	Чулковъ Иванъ. Присяжный повѣренный въ Рязани.

1860—61.

Право поступл. въ унив. безъ экзам.	Александровъ Николай. Управляющій акцизными сборами въ Московск. губ.
	Анисимовъ Сергѣй.
	Анцыферовъ Константинъ. Членъ Москов. Суд. Палаты.
	Волченскій Николай.
Право на чинъ 14 кл.	Григоровъ Александръ. Миров. поср. въ Ряз. у.
Право поступл. безъ экз.	Захарьевъ Александръ. *Золот. мед. Запис. на золотой доскѣ.* Преподав. Рязан. гимн.
Съ правомъ на чинъ 14 кл.	Карповъ Александръ.
Право поступл. безъ экз.	Климовъ Василій. Городск. голова въ Екатеринб.
	Кноблохъ Константинъ. Присяж. пов. въ Москвѣ.
Право поступл. безъ экз.	Кобяковъ Ѳедоръ.
	Колеминъ Иванъ.

Съ правомъ поступ. въ унив. безъ экзам.	Кошкаровъ Николай. Врачъ.
	Кочетковъ Федоръ.
	Крапоткинъ Николай. Управляющій Костромской Контрольной Палатой.
	Любимовъ Александръ.
Право пост. безъ экз.	Никифоровъ Николай.
	Пафомовъ Михаилъ.
Право пост. безъ экз.	Рузскій Алексѣй.
	Тимешовъ Александръ.
	Хрущовъ Михаилъ.

1861—62.

Съ правомъ поступ. въ унив. безъ экзам.	Бѣльцовъ Михаилъ. Кассиръ Ряз. Отд. Госуд. Банка.
	Бѣльцовъ Николай. Врачъ.
	Варваринъ Владимиръ. *Похвальный листъ съ книгой.* Сенаторъ.
	Георгіевскій Александръ. Врачъ въ Зарайскѣ.
	Койленскій Павелъ. Предсѣд. Данковск. Зем. Упр.
Право пост. безъ экз.	Кондаковъ Григорій.
	Кочетковъ Александръ.
	Кутуковъ Леонидъ. Надз. акц. сбор. въ Костром. губ.
	Лызловъ Николай.
	Михайловскій Дмитрій.
Право пост. безъ экз.	Носакинъ Леонидъ. *Серебр. мед.* Предсѣдат. Кутаис. Окруж. Суда.
	Стахановъ Петръ.
	Хрущовъ Алексѣй.

1862—63.

	Александровъ Александръ.
	Асѣевъ Михаилъ. Старшій лѣсной ревизоръ Кіевск. г.
	Бурмакинъ Павелъ.
	Воронинъ Петръ.
	Глики Константинъ.
	Горчаковъ Евгеній. Помощ. классн. наст. Ряз. I гимн.
Право пост. безъ экз.	Григорьевъ Григорій.

Добродѣевъ Николай.

Жежеро Александръ. Членъ Харьковской Суд. Пал.

Право пост. безъ экз. { Корчагинъ Михаилъ. Кленинъ Николай. }

Микулинъ Павелъ.

Право пост. безъ экз. { Павловъ Николай. Повалишинъ Александръ. } Управляющ. Ряз. отдѣл. Дворянскаго и Крестьянскаго банковъ. Земскій дѣятель и изслѣдователь исторіи Рязанскаго края.

Поповъ Валеріанъ.

Пятницкій Егоръ.

Растовъ Николай. Членъ Рязанскаго Окружн. Суда.

Соколовъ Николай.

Право пост. безъ экз. Степановъ Александръ. Смотрит. Зарайск. уѣзд. уч.

Сѣровскій Василій. Репетиторъ въ Александровскомъ воспитательн. заведеніи въ Рязани.

Тайберъ Михаилъ.

Трескинскій Николай.

Право пост. безъ экз. { Урусовъ Николай. *Похвальн. листъ съ книгой.* Директоръ Зарайскагс реальн. учил. Филипповъ Петръ. Чистосердовъ Петръ. }

1863—64.

Съ правомъ поступ. въ универс. безъ экзам. {
Волковъ Иванъ.
Меркуловъ Михаилъ. Предсѣд. Житомірск. Окр. Суда.
Носакинъ Василій. Прокуроръ Череповецкаго Окр. С.
Поспѣловъ Алексѣй. Профессоръ Москов. Унив.
Постниковъ Порфирій. Судебный слѣдоват. Рязан. у.
Родзевичъ Николаій. Присяжный повѣр. въ Рязани.
Рождественскій Григорій. Товарищъ прокур. Варш. Округ. Суда.
Соколовъ Иванъ. Акцизный чиновникъ.
Шубинъ Николай. Прокуроръ Сарапульск. Окр. Суда.
Янжулъ Иванъ. Академикъ, б. профессоръ финансоваго права въ Московскомъ университетѣ.
}

Аттестатъ объ оконч. курса.
- Барышниковъ Алексѣй.
- Болотниковъ Алексѣй.
- Вырыпаевъ Николай.
- Гофманъ Владиміръ.
- Елчинъ Аркадій. Членъ Пронскаго Училищнаго Совѣта.
- Жемаиловъ Александръ.
- Ивановъ Александръ.
- Растовъ Владиміръ.
- Федоровскій Александръ.

1864—65.

Право пост. безъ экз.
- Алексѣевъ Николай.
- Алексѣевъ Семенъ. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

Антоновъ.

Гамбурцевъ Владиміръ. Мировой судья.

Голдерекеръ. Директоръ Кіевскаго реальнаго училища.

Гостевъ Александръ.

Право пост. безъ экз. — Захарьевъ Николай. *Серебр. мед.* Управляющій Томской Казенной Палатой.

Китловъ Николай. Непремѣнный Членъ Рязанскаго Губернскаго Присутствія.

Межениновъ.

Право пост. безъ экз.
- Осиповъ Петръ. Суд. слѣдов. при Московскомъ Окружномъ Судѣ.
- Соколовъ Константинъ. Земскій начальникъ въ Рязанскомъ уѣздѣ.
- Соколовъ Помпей. Инженеръ путей сообщенія.
- Чагинъ Алексѣй.
- Чагинъ Василій.

Ѳедюкинъ Евгеній.

Свидѣт. объ ученіи въ гимназіи.
- Гвоздевъ Евгеній.
- Никулинъ Николай.
- Радовицкій Александръ.
- Ѳедоровскій Константинъ.

1865—66.

Барковъ Николай. *Серебр. мед.* Врачъ.

Волковъ Алексѣй.

Кипарисовъ Николай. Врачъ.

Кочергинъ Владимиръ. Членъ Симфероп. Окр. Суда.

Кутуковъ Михаилъ. Судебный слѣдователь въ Екатеринославской губ.

Любарскій Николай. *Серебр. мед.* Председат. Ряз. уѣздной земской управы.

Павловъ Аполлонъ. Учитель Раненб. уѣздн. училища.

Слѣпцовъ Анатолій.

Федюкинъ Евгеній.

Свидѣтельство объ ученіи въ гимназіи.

Бѣловодскій Александръ.

Казинъ Семенъ. Начальникъ желѣзнодор. станціи.

Казинъ Сергѣй.

Максимовъ Михаилъ. Судебный слѣдователь Рязанскаго Окружнаго Суда.

Микулинъ Николай. Судебный Приставъ.

Моррисонъ Леонидъ. Былъ учителемъ француз. языка въ Елец. гимн., послѣ въ отстав.

Сутовичъ Альфонсъ.

Терновскій Николай. Членъ Тульскаго Окруж. Суда.

Томилинъ Александръ.

1866—67.

Аттестаты.

Берляковъ Василій. Военный врачъ.

Евдокимовъ Иванъ. Членъ Рязанскаго Окруж. Суда.

Жежеро Николай.

Климовъ Сергѣй. *Сереб. мед.* Присяж. повѣр. въ Ряз.

Липпоманъ Иванъ.

Наумовъ Михаилъ. Судебный слѣдователь при Рязанскомъ Окружномъ Судѣ.

Сатинскій Николай. Уѣзд. членъ Тамбов. Окруж. Суда.

Сивковъ Василій.

Свидѣтельство объ ученіи въ гимназіи:

Барковъ Владиміръ. Врачъ.
Богдановъ Владиміръ.
Денисовъ Митрофанъ.
Протопоповъ Александръ. Инженеръ.
Тимофеевъ Валеріанъ.

1867—68.

Бердниковъ Алексѣй. Директоръ Орловскаго реальнаго училища.
Воскресенскій Александръ.
Головинскій Владиміръ. Врачъ.
Голощаповъ Александръ. Былъ земскимъ начальн.
Загряжскій Иванъ. Умеръ студентомъ Моск. унив.
Кленинъ Дмитрій.
Кондаковъ Евграфъ. Врачъ при Петровско—Разумовской Сельскохоз. Академіи.
Лебедевъ Иванъ. Членъ Иркутской Суд. Палаты.
Лихаревъ Іосифъ. Уѣздн. Членъ Симбирскаго Окр. Суд.
Моррисонъ Аполлонъ Присяж. повѣр. въ Саратовѣ.
Соколовъ Вячеславъ.
Швецовъ Михаилъ.

Свидѣтельство объ ученіи въ гимназіи.

Петровъ Алексѣй.
Пятницкій Иванъ. Податный инспект. въ Орлов. губ.
Терскій Николай.
Ожидаевъ Николай.

1868—69.

Архангельскій Дмитрій. Учитель въ Шавельск. гим.
Воейковъ Александръ. Присяж. повѣр. въ Москвѣ.
Воскресенскій Николай.
Востросаблинъ Владиміръ. Судеб. слѣд. въ округѣ Минскаго Суда.
Ганскій Викторъ.
Гречишниковъ Николай. *Сереб. мед.*
Гусевъ Семенъ. Умеръ студентомъ Московскаго унив.

Ивановъ Алексѣй. *Золот. мед.* Членъ Тифл. Суд. Пал.
Каменевъ Валентинъ.
Карповъ Петръ.
Катинъ Владиміръ. Судеб. слѣд. при Ряз. Окр. Суд.
Климовъ Константинъ.
Корчагинъ Леонидъ.
Молчановъ Александръ. *Сереб. мед.* Судеб. слѣд. въ округѣ Рязан. Суда.
Новгородскій Дмитрій.
Ожидаевъ Николай.
Перепелкинъ Мартемьянъ. Управл. акциз. сборами въ Остзейскомъ краѣ.
Поповъ Валеріанъ. Судеб. слѣд. въ округѣ Сумск. Суда.
Рождественскій Иванъ.
Рутковскій Василій.
Рябининъ Александръ.
Тацитовъ Василій. Земскій врачъ въ Полтавск. губ.
Темнорусовъ Александръ. Преподаватель гимназіи.
Терскій Николай. Вице-дирек. Канц. М-ва Пут. Сообщ.
Шенрокъ Иванъ. Препод. математ. въ Нижегород. гимн.

Свидѣтельство объ ученіи въ гимназіи.
Барановскій Алексѣй.
Григоровъ Михаилъ. Судебный слѣдователь при Рязанскомъ Окружномъ Судѣ.
Дятловскій Викторъ. Врачъ при Голенчинской больн. Рязанск. Губерн. Земства.
Львовъ Александръ.
Львовъ Николай.
Петровъ Алексѣй.

1869—70.

Алешинскій Михаилъ. Начальникъ дистанціи по Закаспійской желѣзной дорогѣ.
Виноградскій Иванъ.
Воскресенскій Алексѣй.
Галферъ Константинъ.
Григоровъ Михаилъ. Судебный слѣдователь въ округѣ Рязанскаго Суда.

Загряжскій Василій. *Серебр. мед.* Учитель Калужской гимназіи.

Кудринъ Петръ. *Серебр. мед.*

Лебедевъ Дмитрій. *Золот. мед.* Хранитель Московскаго Румянцевскаго музея.

Любимовъ Григорій. Врачъ въ Александровск. военномъ училищѣ.

Медвѣдевъ Андрей.

Москалевъ Алексѣй.

Плетеневъ Дмитрій.

Порозовъ Ѳедоръ.

Ржевскій Сергѣй. Рязанскій губернаторъ.

Сатинъ Павелъ.

Сидоровъ Александръ.

Смирновъ Валеріанъ. Помощникъ надзирателя акцизн. сбор. въ Рязанской губ.

Холодковскій Андрей. *Золот. мед.*

Ѳедоровъ Иванъ. *Серебр. мед.*

Ѳедюкинъ Георгій.

Свидѣтельство объ ученіи въ гимназіи:

Барановскій Алексѣй.

Барбей Василій.

Вейденбаумъ Адольфъ.

Готовицкій Николай.

Ляминъ Александръ.

Успенскій Павелъ.

Ціолковскій Александръ.

1870—71.

Алякринскій Иванъ. Врачъ.

Бѣльцовъ Александръ. Врачъ.

Вейденбаумъ Адольфъ. Помощникъ Врачебнаго Инспектора въ Твери.

Ивановъ Павелъ.

Краузе Карлъ. Инженеръ, непремѣнный членъ отъ М—ва въ совѣтѣ Сызрано-Вяземской жел. дор.

Курочкинъ Александръ.

Лазаревскій Дмитрій. Умеръ студентомъ.

Латышевъ Сергѣй. *Серебр. мед.* Помощникъ Статсъ-Секретаря въ Государств. Совѣтѣ.

Мясниковъ Александръ.

Новогребельскій Альбинъ.

Поповъ Иванъ. Врачъ.

Смирнскій Леопольдъ.

Соловьевъ Николай. Умеръ студентомъ.

Шенрокъ Иванъ.

Фридрихсъ Леонидъ.

Яковлевъ Иванъ. *Серебр. мед.*

Ярцевъ Михаилъ.

Свидѣтельство объ ученіи въ гимназіи.

Миллеръ Михаилъ.

Модестовъ Александръ. Врачъ при Кіевск. арсеналѣ.

Преображенскій Дмитрій.

Прозоровъ Евгеній.

Щеткинъ Дмитрій. Старшій врачъ Пензенской земской больницы.

1871—72.

По разсмотрѣніи отмѣтокъ, полученныхъ на письменныхъ испытаніяхъ по русскому яз., по яз. латинскому, по математикѣ и новымъ языкамъ учениками VII класса гимназіи, изъявившими желаніе держать экзаменъ съ цѣлью пріобрѣсть право поступленія въ университетъ, оказалось, что никто изъ учениковъ VII кл., явившихся на испытанія, не удовлетворилъ требованіямъ, изложеннымъ въ распоряженіи Министра Народн. Просвѣщ. по поводу экзаменовъ учениковъ VII кл. гимназіи въ нынѣшнемъ учеб. году. Опредѣлено: не допускать къ устному испытанію учениковъ VII кл. гимназіи, по неудовлетворительности успѣховъ, оказанныхъ ими на письменныхъ испытаніяхъ.

1872—73.

Брюшковъ Василій. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

Дмитріевъ Николай. *Золот. мед.* Военный врачъ.

Родзевичъ Михаилъ. Членъ Нижегородскаго Окружнаго Суда.

Семеновъ Константинъ. Инж. путей сообщенія.

Тверитиновъ Николай. *Золот. мед.* Врачъ, помощникъ инспектора студентовъ въ Москов. университетѣ.

1873—74.

Овсянниковъ Василій. Военный врачъ.

Перцевъ Александръ. Уѣздный членъ Тульскаго Окружнаго Суда.

1874—75.

Васильковъ Григорій. *Золотая медаль.* Врачъ.

Карюковъ Павелъ. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

Котровцевъ Сергѣй. Учитель въ Иваново-Вознесенск. реальн. уч.

Лысцовъ Михаилъ. Директоръ реальнаго училища.

Пучковъ Венедиктъ.

Рихтеръ Николай.

Смирновъ Михаилъ.

Трофимовъ Николай. Врачъ въ Полтавской губ.

1875—76.

Мальшинъ Александръ. *Серебряная медаль.* Врачъ при больницѣ на Канатчиковой дачѣ въ Москвѣ.

Трейеровъ Алексѣй.

Украинцевъ Антонъ.

Узуновъ Алексѣй.

Фигуровъ Иванъ.

Шмаровъ Владиміръ.

1876—77.

Дмитріевъ Григорій. *Золотая медаль.*
Кравковъ Алексѣй. Врачъ, профессоръ медико-хирургич. академ.
Куминовъ Александръ.
Любимовъ Василій. Врачъ.
Михайловъ Алексѣй. Управляющій Тифлисской Казенной Палатой.
Окуневъ Сергѣй.
Петропавловъ Викторинъ. *Золотая медаль.* Врачъ.
Соколовъ Николай. Врачъ при Рязанск. губ. больницѣ.
Софроновъ Ѳедоръ.
Стародубскій Владиміръ.

1877—78.

Бѣльцовъ Сергѣй. Врачъ въ Рязани.
Вечесловъ Сергѣй.
Виноградовъ Сергѣй.
Захаровъ Владиміръ. Земскій врачъ въ Зарайскомъ у. Ряз. губ.
Кравковъ Василій. *Серебр. мед.* Старшій врачъ 35 пѣхотн. див.
Кругловъ Иванъ. Членъ Курскаго отдѣленія Крестьянскаго Банка.
Лего Петръ. *Золотая медаль.* Завѣдующій Страховымъ отд. Рязанской Губернской Земской Управы
Малининъ Дмитрій. Прокуроръ Иркутской Судебной Палаты
Рождественскій Алексѣй (Аѳиногеновъ). Помощ. врачеб. инспектора въ Полтавѣ.
Темяшовъ Леонъ. Земскій врачъ въ Зарайскомъ уѣздѣ.
Черепнинъ Евгеній.
Шмаровъ Евгеній.

1878—79.

Богоявленскій Дмитрій.
Бѣлкинъ Алексѣй. Врачъ въ Подольской губерніи.
Бѣляевъ Петръ. *Серебр. мед.*
Гордѣевъ Константинъ. *Серебр. мед.* Инспекторъ гимназіи въ Ярославлѣ.
Карпинскій Андрей.

Кулаковъ Хрисанфъ. Городской судья въ Егорьевскѣ.
Любимовъ Гавріилъ. Товарищъ прокурора при Тамбовскомъ Окруж. Судѣ.
Любомировъ Николай. Врачъ въ Спасскомъ уѣздѣ.
Матте-Гене Александръ.
Микулинъ Ѳедоръ. Военный врачъ.
Миллеръ Иванъ. Членъ Окружнаго Суда.
Наумовъ Владиміръ. *Золот. мед.* Земскій врачъ въ Михайл. у.
Орловъ Михаилъ. Преподаватель въ Кишиневской гимназіи.
Перепелкинъ Николай. Врачъ.
Правдолюбовъ Василій. *Золотая медаль.* Врачъ въ Екатеринославск. губ.
Рубцовъ Александръ. Врачъ.
Смирягинъ Иванъ. Товарищъ прокурора.
Соловкинъ Василій. Врачъ, окружный надзиратель Воспитательнаго дома.
Сульменевъ Николай. Черниговскій губерниск. врачебн. инспекторъ.
Тихоновъ Владиміръ. *Золотая медаль.* Старшій врачъ Рязанской губернской земской больн., лейбъ-медикъ.
Шульгинъ Павелъ. Врачъ при Голенчинской больницѣ Рязанскаго Губернскаго Земства.

1879—80.

Ахновъ Михаилъ.
Бодаевъ Венедиктъ. Пом. присяжн. повѣр. въ Баку.
Вакаръ Анатолій. *Золот. мед.* Членъ Судеб. Палаты.
Васильевъ Петръ.
Воскресенскій Ѳедоръ. *Серебр. мед.* Присяж пов. въ Москвѣ.
Ивановъ Александръ I. Присяж. повѣр. въ Рязани.
Ивановъ Александръ II. Земскій врачъ въ Зарайск. у. Рязан. г.
Ивановъ Иванъ. *Золот. мед.* Членъ Рязан. отд. Крестьян. Банка.
Кротковъ Владиміръ. Врачъ въ Тульской губ.
Купріяновъ Сергѣй.
Кученевъ Сергѣй. Кандидатъ правъ.
Мельниковъ Левъ. Судеб. слѣд. въ округѣ Рязан. Суда.
Мирославскій Александръ. Старш. нотаріусъ Тамб. Окр. Суда.
Михайловъ Нилъ. Членъ Тульскаго Окружн. Суда.

Павловъ Алексѣй. Судебн. слѣдов.
Поповъ Александръ. *Серебр. мед.* Бухгалтеръ Тульск. акц. упр.
Постниковъ Павелъ. Надзират. за акцизн. сборами въ Рязан. губ.
Рождественскій Степанъ. Членъ Тифлисскаго Окружн. Суда.
Салазкинъ Сергѣй. Профессоръ женск. мед. института.
Солодовъ Семенъ.
Узуновъ Андрей. *Золотая мед.* Товарищъ прокурора при Кіевскомъ Окружномъ Судѣ.
Флеровъ Николай.
Шульгинъ Евгеній. Электро-техникъ въ Москвѣ.

1881—82.

Алексѣевъ Евгеній. Инженеръ при Уральской желѣз. дор.
Волковъ Николай. Земскій врачъ въ Рязанской губ.
Горностаевъ Иванъ.
Замѣшаевъ Петръ. Военный врачъ.
Ивановъ Иванъ. Желѣзнодорожный врачъ въ Рязани.
Ижевскій Александръ. Профессоръ въ Кіевскомъ политехникумѣ,
Ижевскій Василій. Врачъ.
Камневъ Иванъ. Врачъ во Владимирской губ.
Королевъ Николай. Ординаторъ С.-Петерб. Воспитательн. дома.
Кравковъ Александръ. Умеръ студентомъ.
Кученевъ Михаилъ.
Лавровъ Константинъ. Инженеръ.
Лавровъ Михаилъ. Врачъ въ Москвѣ.
Львовъ Николай. Секретарь Курскаго акцизнаго управл.
Миловановъ Евгеній. Податной инспекторъ въ Калужской губ.
Мильковскій Годиславъ.
Ошанинъ Никифоръ. Непремѣнный членъ Рязан. Губ. Присутствія.
Поташовъ Дмитрій.
Пупынинъ Николай. *Золотая медаль.* Врачъ при Воспитател. домѣ въ Москвѣ.
Соколовъ Дмитрій. *Серебрян. медаль.*
Федутиновъ Евгеній. Старшій ординаторъ въ Портъ-Артурскомъ госпиталѣ.

Фроловъ Александръ. Инженеръ.
Хрущовъ Александръ. Врачъ въ Раненбургск. у.
Шелоумовъ Василій.
Яковицкій Рудольфъ. Податной инспекторъ въ Келецкой губ.

1881—82.

Бѣхтинъ Петръ. Старшій врачъ общины св. Георгія въ Петербургѣ.
Васильевъ Константинъ.
Вейшгормъ Александръ.
Вернеръ Гансъ. *Серебр. медаль.* Преподаватель Кутаисской гимназіи, въ настоящее время служитъ въ Волжско-Камскомъ банкѣ.
Зайцевскій Александръ. Врачъ въ Царицинѣ.
Копытовъ Василій. Врачъ.
Мироновъ Петръ.
Нестеровъ Алексѣй. *Золот. мед.* Судебный слѣдоват въ округѣ Кіевскаго суда.
Правдолюбовъ Павелъ. *Золот. мед.* Врачъ, помощникъ акцизнаго надзирателя въ Зарайскѣ.
Романовскій Михаилъ. Городск. судья въ Темниковѣ, Тамб. губ.
Русецкій Александръ. *Серебр. мед.*
Салазкинъ Василій.
Соколовъ Андрей. *Золот. медаль.*
Сѣрковъ Василій. Врачъ.
Филипповъ Владиміръ.
Чаевъ Сергѣй. *Серебр. мед.* Инженеръ при Ѳеодосійскомъ портѣ.
Шишкинъ Николай.
Шульгинъ Григорій. Присяжный повѣренный въ Рязани.
Александровъ Іовъ.
Аргамаковъ Александръ.
Богословскій Константинъ.
Бѣляевъ Павелъ.
Дмитріевъ Викторъ.
Краузе Эмилій. Судебный слѣдователь въ Калужской губерніи.
Мироновъ II Петръ. Земскій врачъ въ Егорьевскомъ уѣздѣ.
Мурашовъ Иванъ. Земскій врачъ, священникъ.

Никитинъ Александръ. Судебный слѣдователь при Радомскомъ Окружномъ Судѣ.

Пустоваловъ Павелъ. Земскій врачъ въ Касимовскомъ у.

Силинъ Павелъ. Судебный слѣдователь при Кишинев. Окруж. Судѣ.

Слетовъ Иванъ. *Серебр. мед.* Врачъ въ Касимовѣ.

Слетовъ Павелъ. Врачъ въ Серпуховѣ, Московск. губ.

Твердовъ Александръ. Мировой судья въ округѣ Сувалкскаго Окружн. Суда.

Усенинъ Владиміръ. Городской судья въ округѣ Самарскаго Окр. Суда.

Хомяковъ Павелъ. *Серебр. мед.*

Чистовъ Константинъ.

1882—83.

Баниге Евгеній.

Богоявленскій Евгеній. Старшій врачъ пограничной стражи въ Асхабадѣ.

Борятинъ Иванъ. Судебный слѣдователь въ Рязанск. губ.

Вернеръ Фридрихъ. Старшій помощникъ надзирателя акциз. сбор. въ Тульской губ.

Гедговдъ Леонардъ. Умеръ студентомъ.

Гедговдъ Тимонъ. Инженеръ въ Саратовѣ.

Губкинъ Исаакъ. Земскій врачъ въ Спасскомъ у.

Ивановъ Александръ. Предсѣдатель Скопинской уѣздн. земск. упр., мировой судья въ Запад. краѣ.

Кленовъ Александръ. Товарищъ прокурора при Оренб. Окр. Судѣ.

Коротаевъ Михаилъ.

Лихаревъ Александръ. Присяжный повѣренный.

Мазинъ Яковъ. Земск. врачъ въ Касимовѣ.

Чистовъ.

Некрасовъ Николай. Помощ. акцизн. надзират. въ Тульской губ.

Остроуховъ Алексѣй. Ординаторъ при городск. больницѣ въ Москвѣ.

Офицеровъ Александръ.

Первенцевъ Николай. Младшій контролеръ въ г. Ефремовѣ, Тульск. губ.

Перфильевъ Павелъ. Членъ губернск. распоряд. комит. въ Москвѣ.

Петровъ Гавріилъ. *Золотая медаль.* Инспекторъ Митавскаго реальн. учил.

Сабанинъ Андрей. *Серебряная медаль.* Помощн. акцизн. надз. въ Тульской губ.

Семеновъ Иванъ. Умеръ студентомъ Московск. ун.

Соколовъ Александръ. Врачъ.

Соколовъ Николай. Гор. судья въ Каширѣ, Тульской губ.

Соловкинъ Николай.

Степановъ Владиміръ. Судеб. слѣдов. при Казанск. Окр. Судѣ.

Тулиновъ Александръ. Врачъ.

Фудель Іосифъ. Священникъ.

Шведовъ Михаилъ.

Янчуровъ Викторъ. Земскій врачъ.

Ѳедоровъ Николай. Город. судья.

1883—84.

Алексѣевъ Николай. *Золотая медаль.*

Аннинскій Василій.

Вилковъ Георгій.

Гачинскій Борисъ.

Ивановъ Викторъ.

Кашкаровъ Иванъ.

Короткій Александръ. Предсѣдатель Симферопольскаго Окружнаго Суда.

Кравковъ Николай. Профессоръ.

Лихаревъ Петръ.

Наставинъ Михаилъ. Членъ Витебскаго Окр. Суда.

Никитинъ Александръ. Городской судья въ Рязани.

Пантелеевъ Павелъ. Судеб. слѣдоват. въ округѣ Рижскаго суда.

Перовъ Александръ. Присяжный повѣренный.

Слетовъ Николай. *Золот. медаль.* Врачъ въ Нижегор. губ.

Соколовъ Александръ. Инспекторъ гимназіи въ Варшавѣ.

Тулиновъ Николай.

Хлѣбниковъ Александръ.

Шелковъ Гавріилъ. *Серебр. мед.* Помощникъ акцизн. надзир. въ Калужской губ.

Шихуцкій Леонидъ.

Ястребовъ Иванъ. Врачъ.

Баклановскій Николай. Уѣздный членъ Окружнаго Суда по Мышкинскому у.

Бѣляевъ Сергѣй. Санитарный врачъ въ Москвѣ.

Головинскій Николай. Инспекторъ Комиссаровск. уч. въ Москвѣ.

Ключаревъ Александръ.

Матвѣевъ Константинъ. *Золотая мед.* Помощникъ акцизн. надзир. въ Тульск. губ.

Николаевъ Николай.

Ободовскій Михаилъ.

Прошляковъ Николай.

Раковъ Александръ. Помощникъ бухгалт. Рязанск. отд. Госуд. Банка.

Рюдманъ Николай. *Золотая медаль.* Старшій бухгалт. въ Контролѣ М—ва Двора.

Свенцицкій Михаилъ. Товарищъ прокурора Ряз. Окр. Суда.

Снѣгиревъ Петръ. Судебн. слѣдов. въ округѣ Витебск. Окр. Суда.

Соколовъ Михаилъ.

Трембовельскій Николай.

Шульгинъ Николай. Присяжный повѣренный.

1884—85.

Алексѣевъ Владиміръ. Умеръ студентомъ Московск. Унив.

Аннинъ Николай.

Вишневскій Михаилъ. Товарищъ прокурора Тамбовск. Окр. Суда.

Гловацкій Густавъ. Суд. слѣд. въ округѣ Новочеркасск. Окр. Суда.

Головинъ Николай I. Судебный слѣдоват. въ округѣ Рязан. губ.

Ивановъ Александръ. Земскій врачъ.

Ильинъ Ѳедоръ.

Каменецкій Михаилъ.

Кленовъ Дмитрій.

Калмыковъ Сергѣй. *Серебряная медаль.* Сверхштатный ординаторъ въ Софійской больницѣ въ Москвѣ.

Короткій Сергѣй. Ординаторъ при университ. клиникахъ въ Москвѣ.

Лукинскій Александръ. *Золотая медаль.* Секретарь Рязанскаго Губ. по зем. дѣламъ Присутствія.

Лукинскій Андрей. *Золотая медаль.* Секрет. Ряжской Городской Думы.

Лучининъ Алексѣй. Мировой судья въ округѣ Тамбовск. Окр. Суда.

Ненашевъ Константинъ. Судебный слѣдов. въ Полтавской губ.

Пажитновъ Петръ. *Серебряная медаль.* Старшій врачъ 9 Донского Казачьяго полка.

Первенцевъ Михаилъ. Врачъ въ Рязанской больницѣ.

Потуловъ Сергѣй. Судебный слѣдователь въ Рязани.

Рязановъ Аркадій. Присяжный повѣренный въ Тулѣ.

Салазкинъ Владиміръ.

Слетовъ Ѳедоръ. Товарищъ прокурора Рязанскаго Окружнаго Суда.

Суховъ Михаилъ.

Фефеловъ Дмитрій. Пом. бухгалт. въ Херсонскомъ отд. Госуд. Банка.

Харламовъ Сергѣй. Врачъ.

Яковицкій Эдмундъ. Преподаватель Брянской женской гимназіи.

1885—86.

Анцыферовъ Николай. Чиновникъ особ. поруч. при Хозяйствен. Д—тѣ М. В. Дѣлъ.

Балицкій Василій. *Золотая медаль.*

Баниге Константинъ. *Сереб. мед.* Податной инспекторъ въ Касимовскомъ уѣздѣ.

Головинъ Николай. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

Гусевъ Николай.

Добролюбовъ Владиміръ. Чиновникъ особ. поруч. при Омскомъ управл. Государств. имущ.

Добротворскій Василій. Ассистентъ при хирургической клиникѣ въ Москвѣ.

Ермонскій Василій. Ординаторъ Маріинской больницы въ Петерб.

Еропкинъ Аполлонъ. Начальникъ отдѣленія Рязан. Казен. Палаты.

Звѣринскій Николай. Секретарь Витеб. отд. Госуд. Банка.

Ивановъ Дмитрій.

Ижевскій Михаилъ. Присяжный повѣренный въ Ельцѣ.

Каютовъ Андрей. Помощникъ управляющ. Московскаго отд. страхов. общества „Россія“.

Кравковъ Константинъ. Умеръ студ. медико-хирургич. академіи.

Ларіоновъ Дмитрій.

Малютинъ Евгеній. Приватъ-доцентъ Моск. унив.

Мартыновъ Алексѣй. *Серебр. мед.* Профессоръ Харьков. унив.

Миротворцевъ Леонидъ.

Плотниковъ Петръ. Земскій врачъ въ Моршанск. у. Тамбовск. губ.

Рачинскій Михаилъ.
Рождественскій Александръ. Врачъ въ Пріамурской области.
Семеновъ Александръ. Городской судья въ Касимовѣ.
Силантьевъ Павелъ.
Слѣпородскій Николай. Мировой судья въ округѣ Архангельскаго суда.
Слюзъ Владиміръ. Служитъ въ Московской конторѣ Госуд. Банка.
Урняжъ Карлъ. Дѣлопроизводитель Елисаветоградской земской управы Херсонской губ.
Флеровъ Тихонъ.
Шариковъ Алексѣй. Товарищъ прокурора при Тамбовск. Ок Судѣ.
Яблоковъ Александръ Податный инспекторъ въ Ряж. у.
Ѳедоровъ Петръ.

1886—87.

Алексѣевъ Петръ.
Алексѣевъ Алексѣй. Бухгалтеръ Рязанской губерн. земск. управы.
Боголюбовъ Константинъ. Врачъ.
Брюховъ Иванъ. Податной инспекторъ Пронскаго уѣзда.
Головнинъ Матвей.
Гапнушкинъ Михаилъ. Помощникъ присяжн. повѣр. въ Москвѣ.
Ивановъ Сергѣй. Врачъ на соляныхъ копяхъ Бахмутскаго у. Екатеринославск. губ.
Кротковъ Александръ. Город. судья въ округѣ Тульск. Окр. Суда.
Корвинъ-Круковской Николай. Помощникъ акцизнаго надзирателя въ Таврич. губ.
Левинъ Куссіелъ.
Левицкій Владиміръ. Земскій начал. въ Острогож. у. Воронеж. губ.
Лукинскій Михаилъ.
Михальскій Николай. Податной инспекторъ въ Сапожковскомъ у.
Модестовъ Борисъ. *Серебр. мед.* Оставл. при Московск. универс. по каѳ. астрономіи
Нацевичъ Иванъ.
Нѣмчиновъ Дмитрій.
Половинкинъ Аркадій. Земскій врачъ въ Рязанской губ.
Сахаровъ Иванъ.
Стахановъ Павелъ. Земскій врачъ.

Суховъ Сергѣй. Гор. судья въ Зарайскѣ.

Третьяковъ Василій.

Хомяковъ Михаилъ. Оставленъ при Московск. университетѣ по каѳедрѣ сравнительной анатоміи.

Шелковъ Ѳедоръ. Секретарь при Черниговск. акцизн. управл.

Ѳедоровъ Иванъ. Врачъ, служитъ по акцизному вѣдомству.

1887—88.

Барсуковъ Владимиръ. Город. судья въ Рязан. губ.

Богдановъ Евгеній. Судебный слѣдов. въ Пензенской губ.

Богоявленскій Николай I. Ассистентъ при Московскомъ университетѣ по каѳедрѣ зоологіи.

Богоявленскій Николай II. Врачъ.

Болотниковъ Сергѣй.

Быстрицкій Александръ. Судеб. слѣдов. въ Смоленской губ.

Вагинъ Василій.

Вишневскій Сергѣй. Городской судья въ Екатеринославской губ.

Волынцевъ Гурій. Помощникъ прозектора при Москов. унив.

Ганнушкинъ Иванъ. Ординат. больницы Александра III въ Москвѣ.

Громовъ Николай. *Золотая медаль.* Товарищъ прокурора при Митавскомъ Окружномъ Судѣ.

Давыдовъ Іосифъ.

Денисовъ Иванъ.

Ждановъ Владимиръ. Присяж. повѣр. въ Вологдѣ

Каневскій Анатолій.

Купріяновъ Петръ.

Марковъ Борисъ. Товарищъ прокурора Калужск. Окруж. Суда.

Морозовъ Константинъ. Присяж. повѣрен. въ Москвѣ.

Надеждинъ Николай.

Николаевъ Александръ.

Никольскій Иванъ. *Серебряная медаль.*

Позняковъ Александръ. Присяж. повѣрен. въ Москвѣ.

Праотцевъ Аполлинарій.

Розановъ Доримедонтъ.

Силантьевъ Григорій.

Стерлиговъ Дмитрій. Зем. начальн. въ Ряжскомъ уѣзд. Рязан. губ.

Суховъ Александръ. Врачъ въ Раненбургѣ.

Трушниковъ Викторъ. Земскій страховой агентъ въ Ряз. губ.

Чуйковъ Николай. *Серебр. мед.* Окончилъ курсъ въ Петровской Академіи.

Чурилинъ Василій. Судебный слѣдователь.

Шелковъ Николай. Служитъ при казенномъ винномъ складѣ въ Бѣлевѣ.

1888—89.

Богоявленскій Александръ. Врачъ.

Бурговъ Иванъ. *Серебр. мед.* Контролеръ Люблинскаго отдѣленія Госуд. Банка.

Гедговдъ Эразмъ. Врачъ въ Москвѣ.

Грамзинъ Сергѣй. *Золот. мед.* Инженеръ въ Москвѣ.

Деревенскій Николай. *Серебр. мед.* Учитель въ Старобѣльской гимназіи.

Евстафьевъ Александръ. Помощ. присяж. повѣр. въ Москвѣ.

Емельяновъ Владимиръ. Сверхштатный ординаторъ при клиникахъ въ Москвѣ.

Жаворонковъ Алексѣй. Земскій врачъ въ Раненбург. уѣздѣ.

Ивановъ Георгій. Помощ. бухг. Ряз. отдѣл. Двор. Банка.

Ивановъ Степанъ. Врачъ въ Москвѣ.

Исаевъ Михаилъ.

Кашкаровъ Алексѣй. Податн. инспекторъ въ Сапожковск. у.

Кокинъ Алексѣй. Врачъ.

Мансуровъ Николай. Зем. врачъ въ Зарайск. у

Мино Николай. *Золот. мед.* Военный врачъ.

Пажитновъ Николай. *Серебр. мед.* Учитель въ Сосновицкомъ частномъ реальн. учил.

Плюсковъ Николай. Судебный слѣдователь.

Поповъ Василій.

Соболевъ Николай. Городской судья въ Рязанской губ.

Третьяковъ Николай. Надзиратель II округа акцизн. сбор. Ряз. г.

Харламовъ Леонидъ. Счетный чиновникъ при Д-тѣ военной и морской отчетности Госуд. контроля.

Ѳерапонтовъ Сергѣй. Врачъ.

1889—90.

Васильевъ Владиміръ. Дѣлопроизвод. I окружн. управл.
Васильевъ Николай. Врачъ.
Вишняковъ Михаилъ.
Воскресенскій Гавріилъ. *Серебр. мед.*
Духанинъ Александръ. Мировой судья въ округѣ Троицкаго Окр. Суда.
Кавалеровъ Иванъ. Врачъ на угольныхъ копяхъ въ Бахмутскомъ уѣздѣ Екатеринославской губ.
Комаровичъ Кириллъ.
Кученевъ Леонидъ. Членъ Рязанской уѣздной управы.
Мансуровъ Алексѣй. Земскій начальникъ въ Ряз. губ.
Мелешкинъ Владиміръ. Помощникъ акциз. надз. въ Тульск. губ.
Нечаевъ Иванъ. Земскій врачъ въ Данковскомъ у.
Ольховичъ Алексѣй. Податной инспекторъ Павлоград. у. Екатеринославской губ.
Повалишинъ Яковъ. Податн. инспект. въ Курской губ.
Порозовъ Владиміръ. Присяжный повѣренный въ Рязани.
Пугачевъ Иванъ. Служитъ по Государствен. Контролю.
Свѣтловъ Владиміръ.
Смирновъ Иванъ. Инспект. народн. учил. въ Гжатскѣ Смол. губ.
Суховъ Петръ. Врачъ.
Ширяевъ Александръ.

1890—91.

Алексѣевъ Иванъ.
Бойковъ Михаилъ.
Вагинъ Николай,
Виноградовъ Александръ. Завѣд. химической лабораторіей при Эстляндск. акциз. управл.
Виноградовъ Василій. Младш. помощ. акциз. надз. въ Эстляндск. г.
Виноградовъ Михаилъ. Врачъ.
Ганнушкинъ Николай. *Золотая медаль.*
Фонъ-Дервизъ Петръ.
Казанскій Александръ. *Серебряная медаль.*
Казанскій Василій. Врачъ въ Касимовскомъ у.

Кондаковъ Леонидъ. Податной инспекторъ Пермской губ.
Левъ Шмуэль. *Золотая медаль.*
Лебедевъ Владиміръ. Подат. инспекторъ въ г. Керенскѣ Иркут. г.
Новодережкинъ Сергѣй.
Полянскій Александръ.
Правдолюбовъ Николай. Преподаватель Касимовск. техн. учил.
Раевскій Вячеславъ.
Родзевичъ Левъ. Присяжный повѣренный въ Рязани.
Ряжскій Григорій. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.
Сапожковъ Василій. Врачъ.
Смагинъ Михаилъ.
Стржижовскій Ѳедоръ.
Титковъ Поликарпъ. *Золотая медаль.* Членъ Иркутскаго Окр. Суда.
Шацилло Владиміръ. Артиллерійскій офицеръ.
Штейертъ Павелъ. Нотаріусъ въ Рязани.

1891—92.

Бурейко Михаилъ. Врачъ въ Москвѣ.
Воскресенскій Борисъ. *Серебр. мед.* Инженеръ.
Гурчинъ Витольдъ. Судебн. слѣдов. въ округѣ Иркутск. Окр. Суда.
Жаворонковъ Василій. Судебный слѣдователь въ Кирсановск. у.
Карабиновъ Владиміръ.
Костинъ Василій. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.
Кравковъ Сергѣй. Магистръ сельскаго хозяйства, управ. имѣніями института сельск. хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи.
Кутковъ Борисъ Помощникъ акциз. надзир. въ Тульской г.
Лего Илья. Земскій начальникъ въ Московской губ.
Любимовъ Владиміръ. Врачъ въ Пронскѣ.
Максимовъ Николай. Электротехникъ.
Малышевъ Николай.
Надеждинъ Александръ.
Никитинъ Дмитрій. *Золотая мед.* Врачъ.
Ненюковъ Владиміръ.
Солотчинъ Алексѣй. Судебный слѣдов. въ Михайловѣ.

Сомовъ Александръ. Военный врачъ.
Суховъ Леонидъ. Судебный слѣдователь.
Яковицкій Николай. Врачъ.

1892—93.

Азархинъ Давидъ. Преподаватель.
Базинъ Михаилъ. Землевладѣлецъ въ Рязан. уѣздѣ.
Ганнушкинъ Петръ. *Золот. мед.* Ординат. при больницѣ имени Морозова въ Москвѣ.
Гобято Борисъ. Судебный слѣдователь въ Полт. губ.
Гобято Николай. Лейтенантъ флота (крейсеръ „Громобой").
Европинъ Сергѣй. Помощ. бухгалт. въ Д—тѣ Оклад. сбор. М. Ф.
Ѣмельяновъ Степанъ. Врачъ.
Збруевъ Евгеній. Земскій врачъ въ Егорьевск. уѣздѣ.
Іоновъ Автономъ. Городской судья.
Калабуховъ Петръ. Земскій врачъ въ Рязанскомъ уѣздѣ.
Клюковскій Казимиръ. Судебный слѣдов. въ Раненбургѣ.
Лихаревъ Михаилъ.
Межениновъ Иванъ. Кандидатъ на судеб. должности.
Натальинъ Борисъ. Агрономъ при Рязан. уѣзд. земствѣ.
Нацевичъ Викторъ. Преподав. Муромскаго реальн. учил.
Новиковъ Дмитрій. Врачъ.
Павловъ Сергѣй. Помощн. присяжн. повѣр. въ Москвѣ.
Первенцевъ Иванъ. Преподаватель Горыгорецкаго инстит.
Постниковъ Петръ. *Золотая медаль.* Препод. Ряз. I гимназіи.
Протопоповъ Николай. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.
Ракитинъ Николай. Земскій начальникъ въ Раненбургѣ.
Соколовъ Дмитрій. Врачъ.
Солововъ Петръ. Врачъ.
Соловьевъ Павелъ. *Серебр. мед.* Земскій врачъ въ Пронскомъ у.
Телепневъ Николай. Служитъ по акцизу.
Терпилинъ Николай. Помощникъ ревизора въ Московск. Контрол. Палатѣ.
Ушаковъ Николай. *Серебр. мед.* Преподаватель Кутаисской гим.

1893—94.

Беръ Георгій. Преподаватель Муромскаго реальнаго училища.

Бухало Николай. Секретарь въ Рязан. Губерн. Акцизн. Управ.

Вейссъ Николай. Штабсъ-капитанъ въ Манджуріи.

Головинъ Иванъ.

Громанъ Владиміръ. Чиновникъ Московской Контрольной Палаты.

Дамянскій Петръ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Рязани.

Дарковъ Владиміръ. Податной инспекторъ въ Скопинскомъ уѣздѣ, Рязанской губ.

Дунаевъ Владиміръ. *Золотая медаль.* Помощ. присяж. повѣр, въ Москвѣ.

Духанинъ Борисъ. Присяжный повѣренный въ Рязани.

Ждановъ Николай. Врачъ при земской больницѣ въ Костромѣ.

Жуковъ Петръ. Акцизный чиновникъ въ Симбирскѣ.

Карандинъ Михаилъ. Бухгалтеръ акцизн. упр. въ Симбирскѣ.

Колосовъ Александръ. Чиновникъ Мин. Фин. въ Петерб.

Орловъ Александръ.

Павловъ Николай. Секретарь въ Московск. Окр. Судѣ.

Поповъ Владиміръ. Врачъ въ Екатеринодарѣ.

Рудовскій Владиміръ.

Соколовъ Павелъ. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

Суховъ Николай. Суд. слѣдов. въ Рязанской губ.

Турбинъ Владиміръ. Служитъ при Пулковской обсерваторіи.

Хитровъ Николай. Врачъ въ Ряжскомъ уѣздѣ.

1894—95.

Антоновъ Михаилъ. Земскій врачъ въ Скопинск. уѣздѣ.

Бажановъ Николай. Служитъ въ правленіи Московско-Виндавской желѣзной дороги.

Воскресенскій Николай. Помощ. подат. инспект. въ Зарайск. у.

Грацинскій Николай. Военный врачъ.

Громовъ Александръ. Судебный слѣдователь.

Дитмаръ Сергѣй. Столоначальникъ въ Московской Казенной Палатѣ.

Елютинъ Михаилъ. Инженеръ.

Ивановъ Леонидъ.

Казанскій Сергѣй. Дѣлопроизводитель въ Департаментѣ М. Н. Пр.
Клюковскій Иванъ. Акцизный чиновникъ въ Курскѣ.
Кринскій Константинъ. *Серебрян. медаль.*
Куровъ Василій.
Малашкинъ Николай. Преподаватель Ряз. 2 гимназіи.
Небольсинъ Александръ. Земскій врачъ въ Михайловскомъ у.
Овчинниковъ Никифоръ.
Растовъ Александръ. Инженеръ.
Романовичъ Николай.
Смирновъ Евгеній. Преподаватель реальн. училища въ Юрьевѣ.
Тарасовъ Василій. Служитъ въ Симбирскомъ акцизномъ управ.
Ѳеоктистовъ Александръ. Контролеръ акциз. сбор.
Шаровъ Сергѣй. *Золот. мед.* Дѣлопроизв. въ Моск. Гор. Управѣ.
Шестовъ Николай.

1895—96.

Авдѣевъ Николай.
Антоновъ Иванъ. Почетный мировой судья по Ряз. у.
Бѣловъ Александръ. Агентъ желѣз. дор.
Вильневъ Николай Помощникъ секретаря при Тульскомъ Окр. Судѣ.
Волковъ Алексѣй.
Горкинъ Николай.
Дашковъ Николай. Присяжный повѣренный.
Зелятровъ Николай. Воспитатель Ряз. гимназич. пансіона.
Зельбаумъ Николай.
Каменскій Александръ.
Кашкаровъ Даніилъ. Оставленъ при университетѣ.
Красильниковъ Леонидъ. Препод. дух. семинаріи, нынѣ отбыв. воинскую повинность въ Манджуріи.
Логиновъ Константинъ. Помощ. присяж. повѣр. въ Москвѣ.
Никитинъ Александръ. Помощн. податн. инспект. въ Ряз. губ.
Никифоровъ Александръ.
Никифоровъ Владимиръ.
Поль Борисъ. Земскій врачъ въ Касимов. уѣздѣ Рязан. губ.

Поляковъ Владиміръ.

Поповскій Иванъ. Чиновникъ Московск. Коммерч. Суда.

Побѣдинъ Алексѣй. Преподаватель русскаго языка.

Правдолюбовъ Петръ. Чиновникъ Ряз. Казенной Палаты.

Пугачевъ Алексѣй. Офицеръ въ Манджуріи.

Ростовцевъ Дмитрій. Чиновникъ особыхъ порученій при Тамбовск. губернаторѣ.

Снегубкинъ Владиміръ. Земскій врачъ въ Рязанск. уѣздѣ.

Скопинскій Николай.

Худзинскій Николай. Студентъ Московскаго университета.

Шанявскій Дмитрій. Чиновникъ магистрата въ Ригѣ.

Шефферъ Николай. *Золотая медаль.* Инженеръ путей сообщ.

1896—97.

Алешинскій Сергѣй. Контролеръ Акцизн. Управл. въ Рязани.

Герасимовъ Иванъ.

Дворжакъ Николай.

Колесниковъ Владиміръ. Чиновникъ Рязан. Казен. Палаты.

Кондрашовъ Владиміръ.

Коноплевъ Михаилъ. Ветеринарный врачъ.

Костылевъ Николай. Помощн. присяж. повѣр.

Кутуковъ Анатолій. Врачъ въ Воронежской губ.

Львовъ Александръ. Кандидатъ на судебн. должн. при Ряз. Окр. Судѣ.

Мартыновъ Андрей. Оставл. при унив. по каѳедрѣ зоологіи, въ наст. время прапорщикъ запаса въ Манджурской арміи.

Масловъ Владиміръ. Служ. въ кабинетѣ Ея Величества.

Новопокровскій Николай. Акцизный контролеръ въ Мервѣ.

Плюсковъ Владиміръ. Старшій кандидатъ на судебныя должности при Рязанскомъ Окр. Судѣ.

Рождественскій Константинъ.

Шефферъ Александръ. *Серебр. мед.* Инженеръ путей сообщ.

Штернъ Сергѣй.

Шульманъ Евсей.

Яблоневъ Сергѣй. Земскій врачъ.

1897—98.

Архангельскій Андрей. *Золот. мед.*
Богословскій Сергѣй.
Журавлевъ Николай.
Квитко Сергѣй.
Кипарисовъ Петръ.
Костылевъ Павелъ. Кандидатъ на судебн. долж. при Ряз. Окр. Судѣ.
Кубицкій Александръ. *Золотая медаль.*
Кулешовъ Сергѣй.
Леоновъ Константинъ. Помощникъ присяж. повѣр. въ Рязани.
Орловъ Сергѣй.
Пажитновъ Константинъ. *Золот. мед.*
Постниковъ Георгій.
Пушкаревъ Николай. Городской врачъ въ г. Пронскѣ.
Семеновъ Сергѣй. Оконч. курсъ въ Моск. ун. по филолог. фак.
Твердинъ Михаилъ. Земскій врачъ.
Трусовъ Владимиръ.
Ушаковъ Алексѣй. *Серебряная медаль.* Ассистентъ при Моск. унив. по химіи.
Ушаковъ Владимиръ. Окончилъ курсъ въ Моск. унив. по истор.-филол. факульт.
Филимоновъ Өедоръ. Кандидатъ на суд. должн. при Рязан. Судѣ.
Черепнинъ Владимиръ. Окон. курсъ Моск. ун. по филол. фак.
Чистовъ Александръ. Помощ. присяж. повѣр. въ Рязани.
Яблоневъ Михаилъ. Преподаватель гимназіи.

1898—99.

Алексѣевъ Владимиръ.
Бурцевъ Александръ. Служитъ въ Рязан. отд. Госуд. Банка.
Бухало Александръ.
Гимновъ Константинъ. Студентъ военно-медиц. академіи.
Духанинъ Георгій. Студентъ Московск. универс. на юрид. факультет.
Каринскій Михаилъ. *Золотая мед.* Студентъ военно-медицин. академіи.
Кутуковъ Николай.

Мейеръ Константинъ. Оставленъ при Моск. унив. для приготовл. къ проф. званiю по ботаникѣ.

Морозовъ Сергѣй.

Новопокровскiй Иванъ. Оконч. Моск. унив. по естеств. фак.

Перренъ Александръ.

Постниковъ Дмитрiй. Оконч. Моск. унив. по медиц. факульт.

Раковъ Иванъ. Прап. запаса въ дѣйствующей армiи.

Рудневъ Степанъ. Кандидатъ на суд. долж. при Рязан. Окр. Судѣ.

Страховъ Пантелеймонъ. Студ. военно-медиц. академ.

Силинъ Николай. Офицеръ 137 Нѣжинскаго полка.

Солотчинъ Николай. Прап. запаса въ дѣйств. армiи.

Татариновъ Владимиръ.

Тихомировъ Владимиръ. Окон. курсъ Моск. у. по юрид. ф.

Троицкiй Иванъ. *Золотая медаль.* Окончилъ Лицей Цесар. Николая по юридич. фак.

Унксовъ Александръ.

Ярыгинъ Алексѣй.

1899—1900.

Борисовъ Николай. Студентъ Московск. унив. по математ. фак.

Бродскiй Николай. Оконч. курсъ филолог. ф. Моск. унив.

Бѣловъ Николай.

Веселовъ Михаилъ. Студентъ Моск. унив.

Вѣковъ Владимиръ. Ст. юрид. ф. Моск. у.

Говоровъ Николай. Ст. юрид. ф. Моск. у.

Головинъ Сергѣй. Канд. на судеб. должн. при Ряз. окр. судѣ.

Григорьевъ Иванъ.

Григорьевъ Михаилъ. Канд. на судебн. должн. при Ряз. окр. судѣ.

Дамовъ Борисъ. Преподаватель Рязанской 1 гимназiи.

Дмитревскiй Николай. Студентъ Московск. унив. филолог. ф.

Елютинъ Николай. Ст. Моск. ун. мед. ф.

Ереминъ Александръ. Ст. Моск. ун. мед. ф.

Кипарисовъ Николай. Студ. Моск. инст. путей сообщ.

Латышевъ Левъ. Студ. военно-медиц. акад.

Мавровскiй Петръ. Окон. курсъ юрид. ф. Моск. у.

Мякишевъ Владимиръ. *Сереб. мед.* Оконч. Моск. универс. по истор.-филол. фак.

Насиловъ Александръ. Ст. филолог. ф. Моск. у.

Перовъ Александръ. Окон. юрид. ф. Моск. у.

Прозоровскій Евгеній. Ст. мед. ф. Моск. у.

Пушкаревъ Владимиръ. Студ. Моск. ун. ист.-фил. фак.

Рубцовъ Николай. Студ. Моск. унив. юрид. ф.

Севриковъ Николай. Студ. мед. фак. Моск. унив.

Соколовъ Михаилъ. Студ. Моск. технич. уч.

Спиридовъ Георгій. Студ. Моск. унив. юрид. фак.

Шемаевъ Степанъ. Студ. Моск. технич. учил.

Шестаковъ Аркадій. Студ. Московъ. ун. мат. фак.

Шиловскій Константинъ.

1900—901.

Алфеевъ Николай. *Золотая медаль.*

Антикъ Вольдемаръ. Студ. Моск. унив.

Вильневъ Владимиръ. Студ. Моск. унив.

Гвоздевъ Иванъ.

Головинскій Иванъ.

Григорьевъ Владимиръ.

Григорьевъ Виссаріонъ. Чиновникъ особыхъ поруч. при Губер. Правленіи.

Злобинъ Павелъ.

Зміевъ Левъ.

Ивановъ Владимиръ.

Ивановъ Леонидъ.

Ижевскій Михаилъ.

Казаковъ Владимиръ.

Лебедевъ Константинъ. Студ. Моск. унив.

Михайловъ Сергѣй.

Морозовъ Петръ. Студ. Моск. технич. учил.

Невзоровъ Владимиръ. Студ. Моск. унив.

Подлазовъ Михаилъ.

Простовъ Михаилъ,

Протопоповъ Владиміръ.
Раковъ Павелъ.
Стрекаловъ Николай.
Богородицкій Сергѣй.
Викулинъ Владиміръ. Студенты Моск. унив.
Викулинъ Семенъ.
Горяиновъ Гавріилъ.
Григоровъ Александръ.
Гусевъ Николай.
Духанинъ Сергѣй.
Европинъ Иванъ. Студ. С.-Петерб. унив.
Ильинъ Николай.
Казинъ Николай. Студентъ Моск. унив.
Карандѣевъ Борисъ.
Кушнеренко Александръ. Студ. Москов. унив.
Лукинскій Сергѣй.
Папетинъ Александръ.
Повало-Швыйковскій Алексѣй. Студ. Моск. унив.
Поповъ Иванъ.
Радугинъ Александръ.
Сибиряковъ Владиміръ.
Соколовъ Николай. Студ. Московск. унив.
Счастневъ Владиміръ.
Твердинъ Василій.
Темнорусовъ Владиміръ. Студенты Моск. унив.
Трушниковъ Сергѣй.

1901—902.

Алабинъ Василій.
Барановъ Василій. Студенты Москов. унив.
Бергштрессеръ Петръ.
Виноградовъ Алексѣй.
Виноградовъ Василій.
Внуковъ Сергѣй.

Вѣковъ Леонидъ. Студ. Москов. унив

Гавриловъ Александръ. Студ. С.-Петерб. унив.

Гарфъ Арнольдъ.

Громовъ Иванъ. *Серебр. мед.* Студ. С.-Петерб. унив.

Елховскій Александръ. Студ. Моск. унив.

Залѣсовъ Александръ. Студ. Моск. унив.

Знаменскій Григорій.

Ивановъ Алексѣй. Студ. Моск. унив.

Ивановъ Сергѣй. *Серебр. мед.*

Ижевскій Левъ.

Калабуховъ Николай.

Кашкаровъ Георгій.

Козловъ Василій. Студ. Моск. унив.

Колесниковъ Николай. Студ. Моск. унив.

Кратъ Владиміръ.

Лебедевъ Дмитрій. Студ. Моск. унив.

Ликинъ Николай. Студ. Моск. унив.

Михайловъ Василій.

Морозовъ Михаилъ. Студентъ Лицея Цесаревича Николая.

Николаевъ Ѳедоръ. Студ. Моск. унив.

Обуховъ Матвей.

Одинцовъ-Феклистовъ Владиміръ.

Павловъ Николай.

Павловъ Порфирій.

Постниковъ Пантелеймонъ.

Ситковскій Петръ.

Сорокинъ Андрей. *Золот. медаль.* Студентъ Технологич. Инст.

Спиридовъ Алексѣй. Студ. Моск. унив.

Стебаевъ Сергѣй. Студ. Моск. унив.

Туривесъ Ѳедоръ.

Урываевъ Николай.

Черепнинъ Александръ.

Чернышевъ Константинъ.

Шустаревъ Валентинъ. Студ. Московск. технич. уч.

Яблоневъ Владиміръ.

1902—903.

Андреевъ Владиміръ.
Бажановъ Борисъ.
Быстровзоровъ Константинъ.
Верещагинъ Борисъ.
Викулинъ Алексѣй.
Кн. Волконскій Алексѣй.
Кн. Волконскій Сергѣй.
Вѣковъ Юлій.
Грацинскій Федоръ.
Дмитріевъ Николай.
Елагинъ Владиміръ.
Ефремовъ Аркадій.
Жаворонковъ Алексѣй.
Жирковъ Левъ.
Ивановъ Андрей.
Козловъ Петръ.
Королевъ Левъ.
Любимовъ Сергѣй.
Мельгуновъ Владиміръ.
Сибиряковъ Михаилъ.
Сперанскій Николай.
Стребулаевъ Василій.
Стребулаевъ Николай.
Турбинъ Николай.
Турбинъ Пантелеймонъ.
Федоровъ Владиміръ.
Якубовъ Константинъ.

Благонравовъ Сергѣй.
Воскресенскій Алексѣй. *Золотая медаль.*
Даниловъ Сергѣй.
Европинъ Александръ.

Завадіе Мееръ.
Костылевъ Алексѣй.
Кроминъ Владиміръ.
Ланцъ Николай.
Маликовъ Сергѣй.
Норманъ Левъ.
Орловъ Валеріанъ. *Золотая медаль.*
Папе Павелъ.
Плѣшивцевъ Владиміръ.
Полежаевъ Николай.
Поповскій Сергѣй.
Порозовъ Сергѣй.
Тимофеевъ Василій.
Унксовъ Михаилъ.
Чумаковъ Александръ. *Золотая медаль.*
Ширяевъ Василій.
Щеголевъ Владиміръ.
Щербаковъ Петръ.
Яхонтовъ Николай. *Серебрян. медаль.*

1903—904.

Акимовичъ Константинъ.
Архангельскій Борисъ.
Бѣляевъ Константинъ.
Бѣляевъ Михаилъ.
Венецкій Петръ.
Евелевъ Самуилъ.
Ефимовъ Пантелеймонъ. *Золотая медаль.*
Журавскій Сергѣй.
Ивановъ Владиміръ.
Де-Кейперъ Николай.
Колбасниковъ Сергѣй.
Красильниковъ Михаилъ.
Кузисъ Борисъ.

Кутуковъ Александръ.
Кульчицкій Владиміръ.
Левонтинъ Мешуламъ.
Лукинъ Николай. *Золотая медаль.*
Максимовъ Иванъ.
Маршъ Николай.
Михайловъ Владиміръ.
Небольсинъ Сергѣй.
Поповъ Николай. *Золотая медаль.*
Рихтеръ Константинъ.
Ростовцевъ Александръ.
Самуиловъ Анатолій.
Ушаковъ Василій.
Чесалинъ Семенъ.
Чистяковъ Евгеній. *Золотая медаль.*

Бекечъ Михаилъ.
Бируль Александръ.
Григоровъ Сергѣй.
Европинъ Левъ.
Завадіе Самуилъ.
Ивановъ Николай.
Іевскій Иванъ.
Кожинъ Иванъ.
Красновъ Анатолій. *Серебрян. медаль.*
Кузовлевъ Константинъ.
Кусовъ Іосифъ. *Золотая медаль.*
Левинъ Зельманъ.
Маловъ Федоръ.
Перельманъ Лейба.
Полотебновъ Алексѣй.
Правдолюбовъ Александръ.
Рождественскій Сергѣй.

Сиротенко Алексѣй.
Соколовъ Леонидъ.
Соколовъ Петръ.
Троицкій Борисъ.
Фортунинъ Сергѣй. *Золотая медаль.*
Чаплыгинъ Михаилъ.
Шмоткинъ Зальманъ.

ВОСПОМИНАНІЯ

о

РЯЗАНСКОЙ ГИМНАЗІИ

ея бывшихъ воспитанниковъ.

I.

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ.

(Начало грамотности и гимназія).

Я. П. ПОЛОНСКАГО.

I.

Годъ восшествія на престолъ Императора Николая I былъ чуть-ли не первымъ годомъ, когда я сталъ учиться грамотѣ. Купили мнѣ азбуку съ лубочными картинками, и вѣроятно, въ числѣ учениковъ, заканчивающихъ ученье свое въ Рязанской семинаріи, нашли учителя.

Къ моему немалому успокоенію, первый учитель мой, Иванъ Васильевичъ Волковъ, былъ нрава веселаго, очень ласковый и, сколько мнѣ помнится, началъ съ того, что притворно удивился, какъ это я, такой маленькій мальчуганъ, знаю уже названія буквъ: «Азъ», «Буки», «Вѣди», «Глаголь», «Добро», и т. д.

Я скоро пересталъ его бояться и такъ полюбилъ, что съ нетерпѣніемъ дожидался той минуты, когда онъ появится.

Уроки наши происходили въ гостиной. Я сидѣлъ на диванѣ, а Иванъ Васильевичъ возлѣ меня на краю большого овальнаго стола. Иногда тутъ присутствовала и мать моя, очень довольная моими успѣхами и моею, мало по малу развивающеюся, бойкостью.

Классной комнаты для дѣтей, я думаю, не было во всей Рязани, даже въ богатыхъ домахъ. Но почему я началъ учиться не въ дѣтской? А потому, полагаю, что въ дѣтскую надо было проходить или черезъ заднее крыльцо, или черезъ спальню моей матери. Допустить то или другое для юнаго семинариста, ставшаго моимъ наставникомъ, было не въ нравахъ тогдашняго времени.

О преподаваніи азбуки по звуковому методу тогда еще и вопроса не было. Учили по старинѣ. Старинное названіе буквъ, нынѣ всѣми забытое, можетъ быть, имѣло въ себѣ нѣкоторую силу дѣйствовать на воображеніе. Сужу по себѣ и, можетъ быть, ошибаюсь. Для меня, шестилѣтняго ребенка, каждая буква была чѣмъ-то живымъ, выхваченнымъ изъ жизни.

Стоять «фертомъ» (ф) значило стоять подбоченившись. Поставить на страницѣ большой «херъ» (х) значило ее похерить. Чтобы былъ «покой» (п), надо сверху накрыться; а иногда «покой» (п) казался мнѣ чѣмъ-то въ родѣ воротъ или дверки съ перекладинкой на верху, тогда какъ «нашъ» (н) былъ перегороженъ по самой серединкѣ, чтобъ къ нашимъ никто пройти не могъ.

Современная звуковая метода тѣмъ хороша, что дѣйствуетъ на умъ, каждое слово разлагаетъ на гласныя и согласныя и указываетъ на ихъ разницу въ произношеніи. А, б, в, г... гораздо проще и, такъ сказать, раціональнѣе, чѣмъ Азъ, Буки, Вѣди...; но современная метода уже ни одною лишнею поговоркой не уснаститъ русской народной рѣчи. «Это еще Буки», «онъ Мыслете пишетъ», «Ижеца—розга близится» и. т. п.

Еслибъ Пушкинъ не учился такъ же, какъ я, ему и въ голову не могло бы придти сравненіе виселицы съ глаголемъ. А въ моемъ «Кузнечикѣ»:

> Зналъ онъ твердо (т) слово (с) и не вѣрилъ въ Буки (б)

прямо вытекаетъ изъ стариннаго произношенія русскихъ буквъ, и всякій русскій пойметъ эту фразу, даже и не подозрѣвая, что это каламбуръ.

Но всему свое время, и тамъ, гдѣ старое преподаваніе не сумѣло отстоять себя, не слѣдуетъ къ нему возвращаться, а тамъ, гдѣ оно еще крѣпко держится, не слѣдуетъ порицать его.

Первые стихи, которые я затвердилъ наизусть съ восторгомъ и наслажденіемъ и потомъ долго забыть не могъ, были стишки, помѣщенные въ концѣ моей азбуки:

> Хоть весною и тепленько,
> А зимою холодненько,
> Но и въ стужѣ
> Намъ не хуже,
> Въ зимній холодъ
> Всякій молодъ,

Это были въ то время стишки такіе же неизбѣжные для каждой азбуки, какъ и

> Науки юношей питаютъ,
> Отраду въ старость подаютъ.

Затѣмъ помню себя уже на новой квартирѣ (въ домѣ купца Гордѣева на Воскресенской улицѣ) и новаго учителя—плотнаго, долбоносаго семинариста съ сѣрыми, выпуклыми глазами, которые всякій разъ, когда онъ краснѣлъ, почему-то щурились. Онъ училъ меня и подраставшаго брата грамматикѣ, ариѳметикѣ и Священной

исторіи. Мы уже и склоняли, и спрягали, и дѣлали уже задачи на первыя четыре правила Прежній же учитель мой Иванъ Васильевичь, вышедши изъ семинаріи, поступилъ на службу въ Рязанскую полицію, и я не разъ потомъ встрѣчалъ его въ формѣ квартальнаго надзирателя. Новый учитель, если не ошибаюсь, готовился быть діакономъ и, странное дѣло, онъ, кажется, былъ не глупъ, а все-таки однажды позволилъ намъ ввести его въ обманъ, и чѣмъ бы вы думали?—гортаннымъ гудѣньемъ, которое какъ-то умѣли мы дѣлать, не раскрывая рта и не показывая ни малѣйшаго вида, что это дѣлаемъ мы, подражая звону или гудѣнью далекаго колокола. Онъ вытянулся и сталъ прислушиваться. –„Я говѣю, сказалъ онъ, мнѣ пора .. Никакъ къ часамъ звонятъ". И ушелъ раньше времени къ немалому нашему удовольствію. Это я живо помню, такъ какъ я и до сихъ поръ не могу понять, какъ можно было такъ ловко горломъ подражать далекому гудѣнью благовѣста и какъ можно было не догадываться, что это наша хитрость,а вовсе не благовѣстъ. Этотъ учитель—прототипъ моего Глаголевскаго (въ романѣ „Признаніе Челыгина"). Не разъ, въ отсутствіе моей матери, разсказывалъ онъ нашимъ нянькамъ разныя легенды о святыхъ, иногда приносилъ намъ стихи про Венеру, Амура прочихъ боговъ, шествующихъ куда-то въ видѣ маскарадной процессіи, и стихи про сатану, адъ и прочія ужасающія диковины.

Все это не безъ впечатлѣній проходило по душѣ моей. Въ ранніе годы моего дѣтства я уже собирался бѣжать въ пустыню, вырыть пещеру и въ ней спасаться. Въ особенности мнѣ пріятно было воображать себя летящимъ въ Іерусалимъ верхомъ на чертѣ. „Господи! думалъ я: „какъ это будетъ поразительно, если я вдругъ войду, и всѣ, въ особенности няня, увидятъ вокругъ головы моей сіяніе"! Помнится мнѣ, иногда по вечерамъ я забирался въ уголъ заставлялъ себя стульями и, спрятавшись отъ всѣхъ, молился.

Учиться по-французски я еще началъ при матери. Учить меня взялась жена учителя французскаго языка при тогдашней четырехклассной Рязанской гимназіи, Александра Петровна Тюрбертъ.

Я сначала былъ ея единственнымъ ученикомъ, потомъ еще было двое, изъ которыхъ одинъ былъ по фамиліи Ржевскій. Всѣ были приходящіе. Въ то время я выходилъ изъ дому не иначе, какъ сопровождаемый нянькой Матреной, моей неразлучной спутницей по пустыннымъ улицамъ г. Рязани, рѣдко оглашаемымъ стукомъ экипажей. Иногда, напримѣръ, вдоль улицы видишь по утру два

три человѣка, булочника да еще кучку мальчишекъ, бѣгущихъ въ приходское училище,—и затѣмъ ни души.

Рязанская гимназія въ это время была еще на старомъ мѣстѣ, на Астраханской улицѣ, близь моста. Это было однимъ изъ самыхъ видныхъ каменныхъ зданій въ Рязани.

При гимназіи были два двора: одинъ большой квадратный дворъ, другой—задній, гдѣ я помню только какіе-то сараи и ретирадныя мѣста. При входѣ на дворъ, направо, былъ задній фасадъ гимназіи; прямо черезъ дворъ двухъэтажный деревянный флигель, гдѣ жилъ директоръ; налѣво длинная изба для сторожей, а въ самомъ углу по діагонали стоялъ небольшой домикъ съ двумя низенькими крыльцами подъ навѣсомъ.

И этотъ домикъ мнѣ особенно памятенъ. Съ одной стороны его, вдоль оконъ, шелъ небольшой цвѣтникъ, а съ другой (за квартирой учителя Ставрова) шелъ обрывъ или холмистый берегъ, спускающійся къ Лыбеди. Тутъ были разбросаны дорожки, кусты, клумбы и даже, какъ кажется, была небольшая бесѣдка. Мнѣ рѣдко удавалось заходить въ этотъ садикъ, и при этомъ я долженъ добавить, что и садикъ, и гористый берегъ, и все, что я видѣлъ, казалось мнѣ въ сильно преувеличенномъ видѣ: обширнѣе, выше, привольнѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ.

Къ Александрѣ Петровнѣ Тюрбертъ я являлся по утрамъ и оставался при ней около двухъ часовъ, съ 9 утра до 11, иногда до 12 часовъ.

Методъ ученія былъ самый простой и безхитростный. Выучили читать и тотчасъ же стали задавать нѣсколько французскихъ словъ для домашняго зазубриванія.

Тутъ впервые я пришелъ въ отчаяніе отъ своей памяти.

Все мною читанное по-русски или слышанное: сказки и былины, я, бывало, передавалъ съ такимъ одушевленіемъ и такими подробностями моей матери, что удивлялъ ее. Я зналъ уже наизусть множество стиховъ, по большей части старыхъ русскихъ романсовъ и пѣсенъ, записанныхъ рукой моей матери. У нея были цѣлые томы этихъ рукописныхъ сборниковъ этихъ народныхъ пѣсенъ и тогдашнихъ модныхъ романсовъ въ родѣ: „Звукъ унылый фортепьяно“, „Канареечка любезна“, „Я въ пустыню удаляюсь“, „Средн долины ровныя“ и пр.,—словомъ, весь репертуаръ этихъ, нынѣ забытыхъ, пѣсенъ, вся эта салонная старина съ дѣтства была уже извѣстна мнѣ и—можете себѣ вообразить!—очень мнѣ нравилась.

Но вотъ задали мнѣ выучить три французскихъ слова: Dieu Dieu le fils и Dieu le Saint Esprit, и эти три слова долбилъ я весь день, весь вечеръ и часть ночи, лежа въ постели рядомъ съ матерью. Въ особенности послѣднее слово казалось мнѣ совершенно неодолимымъ, такъ какъ безпрестанно ускользало изъ моей памяти.

Всякому способному къ языкамъ мальчику все это покажется смѣшно и невѣроятно. Но это было именно такъ, какъ я пишу, ибо я вовсе не намѣренъ хвастаться тѣмъ, чего не было. При первой же пробѣ изучить иностранные языки я оказался бездарнѣйшимъ изъ бездарнѣйшихъ и долженъ въ этомъ сознаться. Конечно у меня хватило на столько самолюбія и настойчивости, что кладовая для иностранныхъ словъ въ мозгу моемъ значительно раздвинулась. Но, какъ бы то ни было, я никогда безъ нѣкоторой зависти не могъ слышать, какъ инымъ стоитъ только разъ прочесть 30—40 словъ, на какомъ хотите языкѣ, и всѣ они сразу укладываются въ мозгу и остаются тамъ навсегда къ услугамъ владѣльца.

Упоминать же о степени моихъ способностей необходимо потому, что я описываю годы своего ученія.

Ученіе по-французски состояло сначала въ заучиваніи словъ, потомъ разговоровъ, въ диктовкѣ и писаніи французскихъ спряженій на заданные глаголы. Никакихъ объясненій—ни этимологическихъ, ни синтаксическихъ-не было. Все это я самъ долженъ былъ узнать изъ практики. Практика же постоянно была одна и та же: діалоги, диктовка и писаніе спряженій по всѣмъ наклоненіямъ и временамъ. За все это ставились отмѣтки въ небольшой тетрадкѣ въ осьмушку: parfaitément bien, très bien, bien, assez bien, mal и très mal.

Теперь перейду къ домашней характеристикѣ. Помню, что, когда я въ первый разъ вернулся съ урока домой, мать подарила мнѣ деревянное яйцо, облитое воскомъ и облѣпленное разноцвѣтнымъ бисеромъ... Боже мой! Какою драгоцѣнностью показался мнѣ этотъ подарокъ! Это было въ глазахъ моихъ такимъ сокровищемъ, что я долго не зналъ, куда мнѣ и положить его, гдѣ прятать и какъ сохранить.

Учить уроки помогала мнѣ мать: она знала по-французски, хотя и не говорила, по той простой причинѣ, что и говорить было не съ кѣмъ. Вообще въ тогдашней Рязани я не слыхалъ вокругъ себя—ни дома, ни у родныхъ, ни въ гостяхъ—ни нѣмецкаго, ни французскаго говора. Даже у нѣмца доктора, Григоріуса, въ семьѣ говорили только по-русски. Такъ тогдашняя Рязань отстала отъ

моды и такъ въ нѣкоторомъ отношеніи была непохожа на наши столичные города. Конечно, это продолжалось недолго. Воспитанницы Смольнаго монастыря, возвращаясь въ свои рязанскія семьи, скоро принесли съ собой французскій языкъ, а затѣмъ кое-гдѣ появилась и рождественская елка. По крайней мѣрѣ, до 6-го класса гимназіи я не видалъ ни одной подобной елки, даже понятія не имѣлъ о томъ, что это за штука.

Мадамъ Тюрбертъ была русская по происхожденію. Это была женщина красивая, строгая, очень домовитая и всю семью свою держала въ страхѣ и повиновеніи.

У нея были два сына и дочь, Софья Антоновна. Сыновья Александръ и Петръ уже были гимназистами. Дочь, шестнадцати или семнадцати лѣтъ, была очень милая, очень добрая блѣднолицая дѣвушка съ тонкимъ, нѣсколько французскимъ профилемъ и карими глазами. Это не мѣшало почтенной моей учительницѣ иногда таскать ее за косу. Сыновья тоже ея побаивались. Я тоже ликовалъ душой, когда Александра Петровна почему-либо не могла со мной заниматься и поручала своей Софи выслушать мой урокъ, продиктовать или задать спряженіе. Это необыкновенное счастье случалось со мною чаще всего наканунѣ большихъ праздниковъ, когда Александра Петровна отправлялась въ баню или уходила въ кухню печь куличи къ Пасхѣ или пряники къ Рождеству. Я по дѣтски очень любилъ эту Софи и ужъ зналъ напередъ, что у нея не хватитъ духу поставить мнѣ дурную отмѣтку въ журналѣ или пожаловаться на меня своей матери.

Эта Софи была такъ добра, что иногда позволяла мнѣ отворять свой шкапъ и рыться въ немъ. Что было на верхнихъ полкахъ этого шкапа—я не помню; но на двухъ нижнихъ помѣщались ея тетрадки и книги, все больше учебныя; были, однакожъ, и такія, которыя привлекали меня своими картинками; такъ, между ними помню я большую, въ четверть листа (in quarto) книгу, подъ заглавіемъ „Живописный міръ, или картины природы". Не помню заглавія, но до сихъ поръ помню какого-то извивающагося змѣя, окрашеннаго съ зеленовато-желтый цвѣтъ; да еще помню французскую книжку съ повѣстью для дѣтей подъ заглавіемъ „Croque-Mitaine". Этотъ Крокъ-Митень, человѣкъ очень злой и безжалостный къ дѣтямъ, которыхъ отдавали ему на исправленіе, сильно тревожилъ мое ребяческое воображеніе.

Однажды, кажется, въ отсутствіе Софи, я раскрылъ ея шкапикъ, присѣлъ къ полу и, перебирая книги, нашелъ тетрадку, не-

большую, въ восьмую долю листа, рукописную, съ оглавленіемъ: „Братья-разбойники“. Я сталъ читать:

Не стая вороновъ слеталась
На груды тлѣющихъ костей,
Удалыхъ шайка собиралась и пр.

Пораженный увлекательностью и новизной стиховъ я все забылъ.

Это было мое первое знакомство съ Пушкинымъ.

Пушкинъ въ тѣ далекіе годы считался поэтомъ не вполнѣ приличнымъ. Молодежи въ руки не давали стиховъ его. Но запрещенный плодъ казался дороже, какъ бы оправдывая стихи самого Пушкина:

Запретный плодъ намъ подавай,
А безъ того намъ рай не въ рай.

По рукамъ гимназистовъ ходило не мало рукописныхъ поэмъ Пушкина. Такъ, не въ печати, а въ рукописныхъ тетрадяхъ впервые удалось мнѣ прочесть и Графа Нулина, и Евгенія Онѣгина, и не ранѣе. какъ я уже самъ былъ гимназистомъ, и нерѣдко въ классахъ я читалъ постороннія книги, когда на черной доскѣ чертили мѣломъ задачу, или когда былъ я увѣренъ, что меня уже не вызовутъ.

Припоминая объ участіи молоденькой Софи въ моихъ французскихъ урокахъ, не могу не сказать, чѣмъ все это кончилось.

Однажды я сидѣлъ въ залѣ за урокомъ. Александра Петровна Тюрбертъ только что успѣла при мнѣ причесать свои густые волнистые волосы, сидя у окна передъ складнымъ зеркаломъ (любой діаконъ позавидовалъ бы изобилію темныхъ волосъ ея), какъ вдругъ въ залу вошелъ съ озабоченною миной директоръ (Николай Николаевичъ Семеновъ, недавно еще вступившій въ свою должность, человѣкъ еще холостой и не старый); вошелъ и, проговоривъ нѣсколько французскихъ фразъ, сказалъ ей, что желаетъ говорить съ нею наединѣ.

Александра Петровна встала и, поморщившись, пошла въ среднюю комнату, которая отдѣляла залу отъ комнатки ея дочери.

Что они говорили, конечно, я не слыхалъ, да и не слушалъ. Какъ вдругъ послышался вопль, который испугалъ меня. Я тотчасъ же догадался, что Софи вылетѣла изъ своей комнаты, упала передъ ними на колѣна и стала рыдать

Что она бормотала сквозь слезы—не знаю. Помню только, что мать стала за что-то стыдить и упрекать ее, но при этомъ го-

лось ея былъ тихъ, и вообще она была гораздо сдержаннѣе, чѣмъ бывало въ такія минуты, когда она гнѣвалась...

Кажется мнѣ, что въ это утро я кое-какъ дописалъ свои спряженія, что за мной пришла Матрена, и я ушелъ домой безъ всякой отмѣтки...

Затѣмъ я около недѣли не ходилъ на урокъ французскаго языка. Не помню, кто далъ намъ знать, что Софи опасно больна и что болѣзнь ея заразительна.

Говорили, что Софи на другой же день, послѣ описанной мною сцены, заболѣла горячкой. Черезъ недѣлю ея не стало—она умерла въ безпамятствѣ.

Какая душевная буря такъ внезапно и такъ страшно потрясла ее?

Я не былъ на ея похоронахъ; но весь этотъ день тосковалъ, не находилъ себѣ мѣста.

Когда я подросъ, я всячески старался объяснить себѣ, что бы такое могъ говорить директоръ моей учительницѣ. Думалъ, что милая Софи, вѣроятно, была въ кого-нибудь влюблена, или что директоръ засталъ ее въ саду на свиданьи,—думалъ, что ея переписка была перехвачена, и онъ счелъ своею обязанностью предупредить мать. Былъ даже слухъ, что директоръ самъ былъ неравнодушенъ къ Софи и намѣренъ былъ за нее свататься. Но, конечно, все это только догадки. Я привожу только фактъ, который оставилъ на мнѣ сильное впечатлѣніе.

II.

Мнѣ, я думаю, было не болѣе 11 лѣтъ, когда умерла мать моя. Здѣсь некстати описывать обстоятельства, сопровождавшія смерть ея. Я взялся разсказать только мои школьные годы или мои личныя воспоминанія о тогдашнихъ преподавателяхъ. Сожалѣю, что при этомъ память иногда измѣняетъ мнѣ, въ особенности годы и имена не даются ей.

Послѣ смерти моей матери отецъ мой собирался въ дальній путь на службу и отдалъ меня въ гимназію. Директоръ Н. Н. Семеновъ единолично экзаменовалъ меня, и плохо сдѣланная задача съ десятичными числами не помѣшала ему принять меня; ни о какихъ баллахъ или отмѣткахъ даже и рѣчи не было. Вскорѣ послѣ отъѣзда отца моего, я, братья и сестры переѣхали въ домъ моихъ родныхъ тетокъ Кафтыревыхъ.

Императоръ Николай I, проѣзжая черезъ Рязань, посѣтилъ гимназію въ ея старомъ помѣщеніи. Говорили, что при встрѣчѣ съ директоромъ Онъ воскликнулъ: „Ба! и ты, Семеновъ, попалъ въ ученые!..“ Я помню, это было или поздно осенью, или зимой. Меня разбудили утромъ въ седьмомъ часу, при свѣчахъ, я одѣвался по формѣ, и еще не разсвѣло, когда я прибѣжалъ въ гимназію. Государь пріѣхалъ къ намъ рано, кажется, не позднѣе 10 часовъ. Въ окно глядѣло тусклое утро,

Видъ молодого Государя, на привѣтствіе котораго мы отвѣчали: „Здравія желаемъ, Ваше Императорское Величество!“—произвела на меня глубокое впечатлѣніе. Точно полубогъ, что-то въ родѣ Марса и Аполлона, олицетвореніе красоты и могущества, прошло передъ моими глазами.

Помню, что мы не сбѣгали внизъ на лѣстницу провожать Его, а оставались на своихъ мѣстахъ, сидѣли смирно и не шумѣли до тѣхъ, пока крики „ура!“ на улицѣ не подсказали намъ, что Государь сѣлъ въ экипажъ и уѣхалъ.

Я лучше начинаю помнить съ тѣхъ поръ, когда гимназія наша, уже семиклассная, перекочевала въ домъ*), пожертвованный ей Н. Г. Рюминымъ, сыномъ рязанскаго откупщика, который, вѣроятно, добивался и добился званія попечителя Рязанской гимназіи.

Но прежде чѣмъ приступлю я къ очерку моихъ наставниковъ, скажу нѣсколько словъ о тогдашнихъ порядкахъ въ гимназіи.

Утромъ классы начинались съ 9 часовъ и кончались въ полдень. Послѣ обѣда съ 2 часовъ и до 5-ти. Далеко по городу разносился призывной звонокъ со двора гимназіи; былъ еще и другой звонокъ въ видѣ колокольчика изъ-подъ дуги, въ который звонилъ сторожъ, прохаживаясь между классами въ началѣ и концѣ каждаго урока (то же, что и теперь). Въ старой гимназіи передъ учителемъ стоялъ столикъ на небольшомъ возвышеніи; въ новой гимназіи—каѳедра. Въ каждомъ классѣ былъ надзиратель (изъ учениковъ). Онъ сидѣлъ первымъ на первой скамьѣ; на слѣдующихъ скамьяхъ до самой задней стѣны сидѣли тоже первыми съ правой стороны помощники надзирателя. Всѣ они были выбираемы или самимъ директоромъ или инспекторомъ, и выборъ этотъ вовсе не зависѣлъ отъ балловъ или отъ успѣховъ. Такъ, у того стола, гдѣ я очутился, помощникомъ былъ Кильхенъ

*) Гдѣ нынѣ пансіонъ.

(очень красивый мальчикъ) только потому, что директоръ зналъ семью его и, такъ сказать, былъ увѣренъ въ его благовоспитанности.

Какъ надзиратель, такъ и его помощники, обязаны были наблюдать за своими товарищами въ то время, когда ожидался учитель. Нарушающихъ тишину и порядокъ они должны были записывать и эти рапортички подавать или вошедшему учителю, или инспектору. Иногда на эти рапортички не обращалось никакого вниманія, иногда инспекторъ вызывалъ виноватыхъ, читалъ имъ нотацію и ставилъ въ уголъ.

Каждые полгода совершалась пересадка по счету балловъ; но эта пересадка не касалась ни надзирателя, ни его помощниковъ, хотя бы они по балламъ своимъ и были понижены, они оставались на тѣхъ же мѣстахъ.

Во время класса тотъ, кому нужно было выйти, поднималъ руку и, получивши дозволеніе, бѣжалъ на задній дворъ. Иногда въ трескучій двадцатипяти-градусный морозъ бѣгали мы туда безъ шинелей и возвращались, какъ ни въ чемъ не бывало. Ретирадныя мѣста не отличались своею опрятностью, и всѣ досчатыя стѣны ихъ были покрыты разными надписями—мѣломъ, углемъ и чѣмъ попало—самаго скабрезнаго свойства. Никто никогда туда не заходилъ; только разъ гимназическое начальство пришло въ великій конфузъ, когда кто-то изъ прибывшихъ ревизоровъ пожелалъ освидѣтельствовать и это, всѣми заброшенное, изъ барочныхъ досокъ сколоченное помѣщеніе. Нечего и говорить о томъ, что о теперешнихъ ватерклозетахъ во всей не только Рязани, но и въ Москвѣ никто не имѣлъ не малѣйшаго понятія.

Надзиратель самаго старшаго, седьмого класса назывался уже старшиной и былъ, такъ сказать, надзирателемъ надъ учениками всей гимназіи. Помню, какъ въ рекреацію проходилъ онъ по всѣмъ классамъ, а иногда и не одинъ, а со своими ассистентами, которые шли за нимъ, какъ адъютанты за генераломъ. Какъ нельзя лучше я помню повелительное лицо, поступь и осанку одного старшины К..., передъ которымъ мы разступались, прекращали драку и усаживались на мѣста... Боже мой! какое это было лицо!... Это былъ полководецъ, чѣмъ-то въ родѣ Наполеона. Я тогда такъ и воображалъ себѣ, что онъ будетъ великимъ человѣкомъ. Но К... обманулъ мои надежды: онъ, какъ кажется, всю жизнь свою провелъ въ московскомъ клубѣ и всю душу свою отдалъ картамъ. Такъ ли ему повиновались тузы, короли и валеты, какъ мы—для меня покрыто мракомъ неизвѣстности.

Въ гимназію, какъ и теперь, принимали дѣтей всѣхъ сословій, кромѣ крѣпостного. Я не помню ни одного мальчика, который былъ бы сыномъ лакея, кучера или повара. Ни одинъ помѣщикъ того времени или баринъ не могъ бы этого допустить по своимъ воззрѣніямъ. Что касается до насъ, учениковъ, то между нами не было никакого сословнаго антагонизма. Дворяне сходились съ мѣщанскими и купеческими дѣтьми, иногда дружились, и такъ какъ мальчики низшихъ сословій, въ особенности самые бѣдные, нерѣдко отличались своею памятью и прилежаніемъ, случалось, что бѣднѣйшіе изъ нихъ брали на время учебныя книжки у дворянскихъ сынковъ, а дворянскіе сынки ѣздили къ нимъ въ ихъ домишки готовить уроки или готовиться къ экзаменамъ. Товарищество вообще было недурное, хотя жалобу на товарища никто не считалъ чѣмъ-то вопіющимъ или достойнымъ порицанія. Помню, одинъ изъ учениковъ зажилилъ у другого старинные серебряные часы. Какъ тотъ ни добивался отъ него возврата этихъ часовъ, ничего не добился и пожаловался инспектору Ляликову. На другой день часы были возвращены. Ляликовъ былъ прекрасный инспекторъ, строгій умный и справедливый. Его и боялись, и уважали. Каждое слово его, нѣсколько рѣзкое, имѣло для насъ воспитательное значеніе. Какъ теперь помню, онъ увѣрялъ насъ, и, разумѣется, съ авторитетомъ, не допускающимъ ни малѣйшаго возраженія, что слово „болѣринъ" происходитъ отъ глагола „болѣть", т е. только тотъ и болѣринъ, кто болѣетъ душой по своемъ отечествѣ. Онъ былъ, между прочимъ, великій истолкователь извѣстной формулы—православія, самодержавія и народности. Онъ былъ средняго роста, широкоплечъ, черноволосъ, рябоватъ, съ проницательными черными глазами и такимъ голосомъ, къ которому трудно прибрать эпитетъ: въ немъ была и сила и, такъ сказать, участливая холодность. Со всѣми онъ былъ одинаковъ: у Ляликова не было ни любимчиковъ, ни антипатій; улыбки или смѣха я не помню на лицѣ его, но не помню и злости. Словомъ, это былъ человѣкъ, созданный для инспекторства. Ни на какомъ другомъ мѣстѣ нельзя бы было и вообразить его. На все обращалъ онъ свое вниманіе: на волоса, на чистоту рукъ и ногтей, на неряшливое платье. Я помню въ то время, когда я уже кончалъ гимназію, по приказанію ли свыше или по своему собственному побужденію, онъ внезапно (иногда довольно поздно вечеромъ) появлялся въ квартирѣ того или другого ученика (хотя бы онъ жилъ и у родителей). Разъ онъ меня засталъ у товарища Платонова

(мѣщанина), осмотрѣлъ книги, какія у насъ на столѣ, сказалъ, что въ комнатѣ душно, что ее нужно провѣтривать. Думаю, что не только ученики, но и отцы ихъ и матери побаивались Лялbackwardкова,—вѣдь онъ могъ застать у нихъ и раскупоренный штофъ водки, и пьяную компанію; хорошо еще, если при этомъ сынокъ ихъ не будетъ присутствовать, а будетъ сидѣть за перегородкой или у себя въ свѣтелкѣ; а что, если и онъ будетъ тутъ же, въ той же самой компаніи! Ни тогда, когда я былъ ученикомъ, ни послѣ, я не помню, чтобы кто-нибудь могъ упрекнуть его въ какомъ-нибудь безнравственномъ поступкѣ, или въ глупости, или даже въ напрасной придиркѣ. Не помню, былъ ли онъ женатъ и были-ли у него дѣти?—можетъ быть, и были; но въ его квартирѣ все было тихо и невозмутимо. Въ своемъ кабинетѣ онъ постоянно сидѣлъ за книгой или за тогдашними журналами. Низки были окна его квартиры; но, проходя мимо, я не видалъ ни разу подъ ея сводами ни ломбернаго стола, озареннаго двумя свѣчами, ни гостей.

Когда, позднѣе, пріѣзжая лѣтомъ изъ Москвы, я студентомъ навѣстилъ его, онъ былъ очень вѣжливъ, но говорилъ со мной такъ, какъ-бы я и не выходилъ изъ гимназіи.

Учитель математики Ставровъ былъ тоже своего рода феноменъ.

Когда входилъ онъ въ классъ, водворялась мертвая тишина. Высокій, худой, чахоточно-блѣдный, на тонкихъ ногахъ, въ узкихъ брюкахъ и постоянно въ одномъ и томъ же черномъ фракѣ, почти-что три четверти урока, а иногда весь урокъ, ни на кого не глядя, онъ ходилъ по классу отъ одной стѣны до другой. У него были черные злые глаза, и горе тому ученику, на котораго онъ бы уставился смотрѣть, такъ какъ за этимъ онъ бы непремѣнно за вихры оттрепалъ его. Онъ жилъ въ томъ же домикѣ, на дворѣ старой гимназіи, гдѣ жили и Тюрберты. Лѣтомъ въ открытыя окна я не разъ видалъ, какъ и дома онъ точно такъ же безпрерывно ходилъ изъ угла въ уголъ. О чемъ онъ тогда думалъ? Господь его вѣдаетъ! Въ классѣ онъ никогда не садился ни на стулъ, ни на каѳедру. Если кого-нибудь вызывалъ онъ къ доскѣ дѣлать задачу, то не иначе, какъ кивкомъ головы или мимоходомъ, маніемъ своего длиннаго, худого пальца. Заслыша звонокъ, онъ отмѣчалъ въ геометріи новую задачу или въ физикѣ новую страницу для выучки.

Ни у кого не было такъ легко ничего не знать и прекрасно

отвѣчать уроки, какъ у этого Ставрова. Ученикъ, вызванный къ доскѣ, могъ до самаго конца вырисовывать мѣломъ кругъ, стирать его и опять вырисовывать, словомъ медлить, или дѣлать задачу по записочкѣ, переданной ему кѣмъ-либо изъ товарищей. Ставровъ никогда не оборачивался. Бывало, изъ физики я такъ отвѣчалъ ему урокъ свой: держась обѣими руками за раскрытую книгу, я приподнималъ ее, когда онъ проходилъ мимо, и за его спиной читалъ по книгѣ то, что слѣдуетъ, слово въ слово. И всѣ такъ дѣлали, и онъ ни разу этого не замѣтилъ. Разъ я былъ виновникомъ его гнѣва и трепки одного изъ моихъ сотоварищей. Богъ знаетъ почему, вдругъ вздумалось мнѣ какъ бы скандировать шаги его, повторяя за каждымъ его шагомъ:

Ходи браво,
Ходи—ну!
Ну, ну, ну, ну, ну!
Ходи браво...
Ходи ну!

Это подслушалъ мой сосѣдъ, полякъ Дембинскій, сынъ рязанскаго почтмейстера, и, едва удерживая смѣхъ свой, сталъ за мной повторять: „ходи браво“. Смѣхъ постепенно сообщился всему классу. Я самъ чуть не умеръ со смѣху. Одинъ изъ насъ не утерпѣлъ и фыркнулъ. Ставровъ дрогнулъ, вытянулся, какъ журавль, подошелъ къ фыркнувшему и вцѣпился въ его волосы. „Ты чему, негодяй, ты чему, мерзавецъ, смѣешься, а! Какъ ты смѣешь смѣяться, а!“ Ставровъ блѣднѣлъ отъ гнѣва и глаза его сверкали, какъ угли.

Странный былъ это учитель. Казалось бы, при такомъ преподаваніи математики, изъ насъ никто бы не зналъ ее, но призванные къ ней, какъ, напримѣръ, Ершовъ, и послѣ такого ученья, въ университетѣ заявилъ себя такимъ сильнымъ математикомъ, что я не разъ во дни моего студенчества слыхалъ, что имъ гордится профессоръ Перевощиковъ и что ему прочатъ каѳедру высшей алгебры. Былъ ли онъ потомъ гдѣ-нибудь профессоромъ—не знаю.

Знаю только про себя, что когда Ставровъ стушевался (а можетъ быть и умеръ) и когда изъ Москвы явился новый учитель Егоровъ, я не былъ готовъ понимать его. Явились новые учебники (Перевощикова) и новый методъ преподаванія. Онъ самъ первый выходилъ къ доскѣ и съ мѣломъ въ рукѣ пояснялъ и писалъ тѣ формулы, которыя мы должны были запомнить.

Я былъ однимъ изъ самыхъ плохихъ учениковъ, хотя и умѣлъ рѣшать уравненія 1-й и 2-й степени, но меня выручала физическая географія. Егоровъ сталъ читать ее пространно и вдаваясь въ астрономію. Онъ читалъ этотъ предметъ, какъ читаютъ лекціи, и вмѣсто того, чтобъ спрашивать урокъ, задавалъ намъ письменную работу, т. е. мы должны были написать все выслушанное и на просмотръ подавать ему. Его замѣтно удивляло, что мои записки были самыя полныя. Этотъ предметъ интересовалъ меня, къ тому же, въ библіотекѣ дяди нашлась одна книга, довольно подробно излагающая науку о звѣздахъ; правда, книга стариннаго покроя, но все-же я могъ при ея посредствѣ пополнять мои свѣдѣнія. Чертить же карты сравнительной величины солнца и планетъ, ихъ разстоянія, фазисы луны, орбиты кометъ и т. п. было для меня наслажденіемъ. И не странно ли? Я забылъ тройное правило, я бы не могъ сдѣлать ни одной сколько-нибудь сложной ариѳметической задачи, а понималъ параллаксы, умѣлъ вычислять высоту треугольника по двумъ даннымъ угламъ и изъ математической географіи постоянно получалъ полный баллъ пять.

Между предметами гимназическаго преподаванія была и естественная исторія, т. е. краткая минералогія, ботаника и зоологія. Предметъ этотъ какъ-то появился и затѣмъ исчезъ. Можетъ быть, послѣ гимназической реформы онъ былъ устраненъ. Но такъ какъ я, вѣроятно, вступилъ въ гимназію еще за годъ или за два до реформы, то помню одного чудака учителя, пожилого, темнолицаго, съ торчащими вокругъ головы темными волосами, въ очкахъ, и въ классѣ сосущаго не то леденецъ, не то лакрицу отъ кашля. Очень хорошо помню его серьезную темную физіономію и не помню его фамиліи. Кажется, его фамилія была Воздвиженскій; но это только кажется.... въ этомъ я не увѣренъ... [1]). Заглавія книги съ разрисованными таблицами въ концѣ, которая служила намъ руководствомъ, я также не помню. Но разъ я подалъ учителю тетрадку съ своими собственными рисунками минераловъ и показалъ ему тетрадь съ сухими цвѣтами и травами, которые я собиралъ и вставлялъ въ прорѣзы бумаги, и съ тѣхъ

---

[1]) Дмитрій Тихоновичъ Воздвиженскій, учитель естественной исторіи, а также исторіи, былъ сынъ извѣстнаго автора „Исторіи Рязанской іерархіи“ и „Исторіи Рязанской губ.“, Тихона Яковлев. Воздвиженскаго, бывшаго учителя Рязанской гимназіи еще съ основанія главнаго народнаго училища въ 1786 г. Тих. Яковл. скончался 3 марта 1827 г.

поръ заслужилъ его особенное расположеніе. Онъ пригласилъ меня къ себѣ въ воскресенье и, когда я пришелъ къ нему, принесъ мнѣ какую-то книгу съ рисунками, приготовилъ мнѣ краски и кисти и заставилъ меня срисовывать, какъ теперь помню, фонтанъ минеральной воды, выбивавшійся изъ-подъ земли въ видѣ кипятка.

Моя попытка срисовать такой рисунокъ оказалась ниже всякой критики. Онъ самъ взялъ кисть и сталъ поправлять.

Затѣмъ я еще разъ или два былъ у него и что-то разсматривалъ, не то раковины, не то окаменѣлости, и что-то прочитывалъ по его рекомендаціи; но что именно—не помню.

Онъ немного тратилъ словъ, былъ порывисто-лакониченъ, нѣсколько даже грубоватъ; но почему-то очень полюбилъ меня. Если ему воображалось, что я со временемъ сдѣлаюсь отчаяннымъ натуралистомъ, то, къ сожалѣнію, я не оправдалъ надеждъ его.

Всеобщую исторію сначала читалъ у насъ нѣкто Тарасовъ [1]), старикъ сѣдой и плѣшивый, круглолицый, съ большимъ и мягкимъ подбородкомъ (всегда, конечно, выбритымъ), старикъ такой добродушный, что никто его не боялся. Весь классъ какъ-то сдержанно гудѣлъ, когда онъ садился на свое учительское мѣсто и начиналъ преподавать. Думаю, что еще никто такимъ сказочнымъ тономъ не читалъ исторію.

— Ну вотъ, говорилъ онъ приглаживая ладонью остатки волосъ своихъ, загнутыхъ въ видѣ тоненькихъ прядей съ висковъ и затылка на лоснящуюся середину лысины:—поѣхалъ Колумбъ открывать Америку. Ну вотъ, сѣлъ на корабль и поѣхалъ.... Ѣхалъ, ѣхалъ—много дней прошло—не видать земли... Ну вотъ, что дѣлать?—не видать да и только... Матросы бунтуютъ... дескать, вези насъ назадъ, не то мы всѣ погибнемъ... Что прикажете?.. Ну вотъ и говоритъ имъ Колумбъ: повремените маленько; коли черезъ трое сутокъ земля не покажется—дѣлайте со мною, что хотите.—А не прошло и сутокъ, какъ съ палубы раздался крикъ: Земля, земля!.. Ну, значитъ, радость,—кто Богу молится отъ радости, кто къ ногамъ Колумба припадаетъ, руки его цѣлуютъ.

Вотъ въ какомъ родѣ преподавалъ намъ старикъ всеобщую исторію.

---

[1]) Онъ былъ потомъ учителемъ латин. языка.

Я въ это время возымѣлъ привычку въ классѣ жевать бумагу. Замѣтилъ это Тарасовъ и разъ, прерывая разсказъ свой, проговорилъ:

— А подайте Полонскому клочекъ сѣна, а то, что это онъ все жвачку свою жуетъ. Весь классъ загудѣлъ отъ смѣха. Я покраснѣлъ, какъ ракъ, и перестать жевать бумагу.

Но съ переѣздомъ гимназіи въ другое помѣщеніе, кромѣ Егорова, появился и новый учитель исторіи. Это былъ нѣкто Панютинъ, человѣкъ уже далеко не молодой, болѣзненный, съ синеватыми жилками и сильною желтизной подъ большими выпуклыми глазами, и безъ ноги. Онъ ходилъ на костыляхъ и на деревяшкѣ. Когда мы его ожидали, далеко было слышно, какъ стучитъ въ полъ деревянная нога его. Отчего онъ былъ хромъ и имѣлъ такой жалостный видъ—этотъ вопросъ никому изъ насъ не приходилъ въ голову. Весьма вѣроятно, что Панютинъ былъ просто образованный человѣкъ, бѣдный раненый офицеръ въ отставкѣ и получилъ мѣсто учителя исторіи не столько ради его свѣдѣній, сколько ради его безпомощнаго положенія, по протекціи,—тогда это случалось.

Но какихъ бы онъ ни былъ свѣдѣній, преподаваніе исторіи пошло совершенно иначе, такъ какъ, замѣтно, онъ зналъ свой предметъ и занимался имъ. Конечно, уроки задавались по книгѣ, но разсказы его были серьезнѣе, такъ сказать, болѣе походили на исторію, чѣмъ росказни почтеннѣйшаго Тарасова. Онъ такъ же, какъ и Егоровъ, задавалъ намъ темы для писанья. Разъ я подалъ ему одно сочиненіе, которое почему-то заканчивалось восклицаніемъ: „и будетъ прахомъ прахъ!“ По какому поводу, какимъ логическимъ путемъ я дошелъ до такого восклицанія-ей-ей, не помню, не только не помню, но даже и вообразить себѣ не могу; помню только, что этою фразой я сильно огорчилъ Панютина. „Ахъ“! жаловался онъ мнѣ: „что это вы такое написали?! Помилуйте!.. Прахъ!—почему же прахъ? Откуда вамъ пришло это въ голову! Зачѣмъ такое разочарованіе? Помилуйте!!“

И право, слушая его, мнѣ было совѣстно и стыдно, что написалъ я такую неподходящую, дикую фразу. Ужъ не было ли это сочиненіе на тему: что такое исторія, и не показалось ли мнѣ, что современная намъ историческая жизнь народовъ когда-ни-

будь дождется участи древнихъ, полузабытыхъ восточныхъ царствъ, лежащихъ въ развалинахъ, и что вся наша земная жизнь черезъ тысячелѣтія окажется прахомъ. Не помню. Помню только одно: своимъ раннимъ пессимизмомъ я огорчилъ Панютина, какъ человѣка нервнаго, впечатлительнаго и несомнѣнно идеалиста.

Къ чести его я долженъ сказать, что мое нелѣпое сочиненіе нисколько мнѣ не повредило. Онъ продолжалъ относиться ко мнѣ съ прежнею добротой и прежнимъ вниманіемъ. Теперь въ гимназіи за такое сочиненіе навѣрно поставили бы единицу безъ всякихъ жалостныхъ словъ. Но Панютинъ, къ счастью моему, за такіе эксперименты никакихъ балловъ никому не ставилъ. Можетъ быть, онъ просто задавалъ свои темы только для того, чтобъ лучше уловить нравственную физіономію учениковъ и степень ихъ умственнаго развитія. Словомъ, поступалъ не какъ ученый, а какъ человѣкъ просто гуманный и образованный.

Пространный катехизисъ Филарета сталъ преподавать намъ старшій священникъ церкви „Николы Дворянскаго", отецъ Стефанъ. Уроки его почти ничѣмъ не отличались, но это былъ такой красавецъ, какихъ я рѣдко встрѣчалъ на вѣку своемъ, у него былъ такой пріятный тембръ голоса, что его заслушивались, когда въ церкви онъ читалъ Евангеліе или пѣлъ молитвы своимъ теноромъ. Его походка, его темные вьющіеся волосы, его щегольская ряса, его манеры, его улыбка—все изобличало въ немъ что-то въ высшей степени уравновѣшенное. Между всѣми рязанскими попами онъ былъ джентльменъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Во всей его натурѣ была какая-то своеобразная, неуловимая гармонія. Любой художникъ почелъ бы за великое счастье списать съ головы его голову пророка или апостола. Но тогда въ Рязани не было никакихъ художниковъ, а о фотографіи даже и не гадалъ никто. Прихожане не только любили отца Стефана—гордились имъ. Я тоже былъ его прихожаниномъ и въ то же время ученикомъ по гимназіи.

Разъ, въ 5-мъ классѣ онъ задалъ всему классу вопросъ: отчего бѣдному Лазарю не дозволено было съ лона Авраамова сойти во адъ и облегчить участь богатаго Лазаря, который взывалъ къ нему? Всѣ молчали.—„Ну что вы скажете?" спросилъ онъ меня. Я отвѣчалъ на удачу: „Если-бы всѣмъ святымъ дозволилъ Богъ помогать грѣшнымъ, всѣ бы они сошли въ адъ помогать имъ, и правосудіе Божіе было бы нарушено".

Отецъ Стефанъ выслушалъ отвѣтъ мой, подошелъ къ каѳедрѣ, гдѣ лежала книга для записыванія разныхъ учительскихъ замѣтокъ,

и написалъ, что я отвѣтомъ своимъ доказалъ ему свое остроуміе (или что-то въ этомъ родѣ). Цѣла ли эта книга? и, вообще, что такое писалось въ этой книгѣ? Кѣмъ она была заведена? Былъ ли какой-нибудь результатъ отъ этого нововведенія?—Не помню. Я бы и теперь забылъ о ней, еслибъ отецъ Стефанъ не польстилъ моему самолюбію. Можетъ быть, книга эта была придумана самимъ директоромъ, а потомъ раздумана. Въ 7-мъ, послѣднемъ, классѣ я уже не помню такой книги. Но при Семеновѣ было время какихъ-то внезапныхъ выдумокъ или педагогическихъ фантазій.

Разъ онъ вошелъ къ намъ въ 5-й классъ и обратился къ намъ съ такою рѣчью: „А умѣете ли вы, господа, хорошо говорить? Я задамъ вамъ тему, и вы тотчасъ начнете говорить, но такъ чтобъ это было складно и даже красиво. Поповъ, начните говорить на тему: „ученье—свѣтъ, неученье—тьма“. Поповъ былъ однимъ изъ первыхъ учениковъ, но оказался плохимъ импровизаторомъ рѣчей. Никѣмъ изъ насъ директоръ не остался доволенъ; но, какъ кажется, не шутя хотѣлъ заставить насъ упражняться въ краснорѣчіи, точно онъ предчувствовалъ, что мы доживемъ до адвокатскихъ, застольныхъ и юбилейныхъ рѣчей. Но въ то время и изъ этой попытки ровно ничего не вышло—никакого краснорѣчія!

Вскорѣ послѣ выхода моего изъ гимназіи отецъ Стефанъ заболѣлъ тифомъ и умеръ во цвѣтѣ лѣтъ своихъ. Чуть ли не вся Рязань была у него на похоронахъ, и не было такой барыни, не было такой нищей старухи, которая бы въ этотъ день не плакала. Это былъ человѣкъ, который никому не старался нравиться и всѣмъ нравился. Неотразимо привлекательна была библейская, молодая красота его, звучный голосъ, величавая простота, легкая, почти неслышная походка, не скажу и умъ, потому что не нужно было имѣть ума, чтобъ въ то время казаться умнымъ въ глазахъ рязанскаго обывателя.

Ни древніе, ни новые языки не процвѣтали въ то время въ Рязанской гимназіи.

Учитель нѣмецкаго языка Бокъ, серьезный и солидный нѣмецъ, превосходно говорившій по-русски, задавалъ намъ по главѣ изъ нѣмецкой этимологіи или изъ синтаксиса. Въ 6-мъ классѣ онъ заставлялъ насъ выучивать наизусть баллады Шиллера; въ 7-мъ классѣ давалъ переводить съ русскаго на нѣмецкій или перелагать нѣмецкіе стихи на нѣмецкую прозу. Въ классѣ онъ по двое вызывалъ къ каѳедрѣ и спрашивалъ урокъ.

Всѣ его уважали, боялись, но плохо учились. Кто раньше не

зналъ нѣмецкаго языка или не обладалъ замѣчательною памятью, ничему не выучился въ гимназіи.

Этотъ Бокъ былъ семейный человѣкъ и жилъ у насъ по сосѣдству.

Кажется, у Бока были взрослыя дочери, изъ которыхъ одна бѣжала и вышла за кого-то замужъ—такіе были тогда въ Рязани слухи, и я не ручаюсь за ихъ достовѣрность. Бокъ былъ человѣкъ мыслящій и, какъ кажется, глубоко презиралъ тогдашнюю крѣпостную Россію. Помню, какъ онъ язвительно хохоталъ, когда при немъ зашла рѣчь о какой-то реформѣ: „Возможно ли чего-либо подобнаго ждать для Россіи?... Ха, ха, ха!" Еще помню одно его выраженіе: „Россія—орелъ, который такъ наклевался всякой всячины, что у него отъ этого животъ заболитъ. Есть такое пророчество—это не я говорю..."

Вотъ все, что я помню объ этомъ строгомъ и прямодушномъ нѣмцѣ.

Антонъ Тюрбертъ, у жены котораго я бралъ уроки французскаго языка, скоро уѣхалъ въ Москву или Петербургъ съ женой своей. У него въ Рязани умеръ и меньшой сынъ его, Петръ; остался только старшій—Александръ, который въ это время, быть можетъ, уже кончалъ свое ученье въ Московскомъ университетѣ, а, можетъ быть, уже и кончилъ. Вѣроятно, старики не хотѣли жить съ нимъ врозь: Александръ остался у нихъ единственнымъ. Тюрберта впослѣдствіи замѣнило новое лицо, нѣкто Барбе—французъ, не успѣвшій еще выучиться по-русски. Это былъ маленькій, подвижной, среднихъ лѣтъ человѣчекъ, не блѣдный, а бѣлый, какъ молоко, съ черными блестящими глазками, по характеру добрый, но подозрительный и не столько вспыльчивый, сколько раздражительный. Ничего не стоило заставить его смѣяться и пустяками можно было разсердить его. Онъ пріѣхалъ въ Рязань съ семьей, и ему была отведена квартира въ зданіи старой гимназіи, (тамъ же, гдѣ были квартиры и прочихъ учителей). Прежде всего Барбе сталъ исправлять нашъ выговоръ. Сначала мы читали вслухъ Телемака, а потомъ того же Телемака стали пѣть. Весь классъ хоромъ долженъ былъ читать одно и то же, растягивая каждый слогъ, съ перерывами, т. е., начиная новый слогъ не иначе, какъ по мановенію руки учителя, который стоялъ посреди класса, точно дирижеръ, и въ тактъ махалъ рукой.

Можете сами вообразить, какъ далеко было слышно, когда

всѣ мы, человѣкъ 30 или 40, разомъ выкликивали: Ca-li-pso-ne pouvait..., или другую фразу.

Барбе былъ увѣренъ, что онъ тутъ-то и поймаетъ на мѣстѣ преступленія того изъ насъ, который не умѣетъ выговаривать по-французски, какъ слѣдуетъ, и дѣйствительно, онъ вдругъ останавливалъ хоръ и нападалъ на того или другого ученика, крича: „Э! ты, голюбчикъ, стой, стой! Ты что *таво-тутъ*. Repetez leur!—leur!—leur! Э, я все слышу... *таво-тутъ*“. Это „*таво-тутъ*“ онъ почему-то употреблялъ безпрестанно, особливо, когда горячился.

Добившись отъ виноватаго настоящаго произношенія „leur“, онъ опять начиналъ дирижировать, махая рукой, сгибаясь и распрямляясь, и прислушиваясь, и исподлобья поглядывая то направо, то налѣво, то на самую заднюю скамейку.

Не знаю, въ какой степени это было полезно, но это было оригинально. Въ сосѣднихъ классахъ такъ и раздавался этотъ членораздѣльный хоровой крикъ; такъ ужъ всѣ и знали, что это Барбе урокъ даетъ.

Вся задача тогдашняго преподаванія языковъ была только въ томъ, чтобы мы понимали то, что читаемъ по-латыни, по-нѣмецки или по-французски; о выговорѣ мало заботились и никогда не упражняли насъ въ переводѣ съ русскаго языка на латинскій, нѣмецкій или французскій. Барбе, я думаю, первый принялся за выговоръ. Не даромъ мы вышли изъ гимназіи, не имѣя никакого понятія объ исторіи французской литературы; много-много, что мы знали о Расинѣ, о Лафонтенѣ, да кое-что о Вольтерѣ. Конечо, кого интересовала французская литература и кто могъ читать по-французски, благодаря домашнему воспитанію, тотъ зналъ гораздо больше того, что у насъ успѣвали узнать, переводя Телемака на языкъ, почти-что непонятный нашему учителю, т. е. на русскій.

Внѣ классовъ, на улицѣ или у себя на квартирѣ, Барбе былъ очень любезенъ, даже веселъ, иногда даже, говоря съ какимъ-нибудь ученикомъ, лукаво ему подмигивалъ. Но въ гимназіи, оттого ли, что многаго онъ не понималъ, ему воображалось, что его не уважаютъ или надъ нимъ смѣются, и вотъ что разъ случилось: между нашими классами и заломъ были и пустыя комнаты и переходы, въ родѣ коротенькихъ коридоровъ. Въ одномъ изъ этихъ проходовъ топилась печка. Въ рекреацію товарищъ мой Кильхенъ, уже юноша очень серьезный и порядочно самолюбивый, проходя мимо печки, взялъ въ руки желѣзную кочергу и не замѣ-

тилъ, что въ это время проходилъ Барбе. Барбе шелъ къ намъ въ классъ, увидалъ его съ кочергой и убѣжалъ.

Поднялась исторія. Только что пріѣхалъ директоръ. Барбе пожаловался ему, что Кильхенъ, ученикъ 6-го класса, хотѣлъ ударить его кочергой.

Директоръ Семеновъ появился у насъ въ классѣ, разгнѣванный до-нельзя. Онъ кричалъ на Кильхена и весь классъ; онъ грозилъ намъ, что всѣхъ отдастъ подъ красную шапку, т. е. въ солдаты (что тогда считалось чѣмъ-то въ родѣ уголовнаго наказанія). Кильхенъ оправдывался.

— Нѣтъ! Э! нѣтъ! горячился Барбе:—нѣтъ, *таво-тутъ*, держалъ ти кочерга? держалъ?

— Держалъ, признавался Кильхенъ.

— А, держалъ! А зачѣмъ держалъ?

— Пробовалъ, тяжела ли она.

— А зачѣмъ пробовалъ?

— Да не за тѣмъ, конечно, чтобъ васъ бить. Ничего такого и въ голову мнѣ не приходило.

Не помню всей сцены до конца. Знаю только, что директоръ утихъ, Борбе успокоился, Кильхенъ нехотя передъ нимъ извинился за то, что такъ неумышленно причинилъ ему такое великое безпокойство, затѣмъ все пошло по старому.

Спрашивется: могъ-ли бы насъ въ то время директоръ отдать подъ красную шапку? Мы вѣрили, что могъ бы, если бы захотѣлъ: пожаловался бы на насъ министру, министръ доложилъ бы Царю, а Царь могъ бы наказать насъ, если бы мы дѣйствительно вздумали поколотить учителя. Но никому, кромѣ подозрительнаго и трусливаго Барбе, не могла-бы и въ голову притти такая напраслина. Думаю, что самъ директоръ скоро понялъ, что со стороны Барбе это было не что иное, какъ простое недоразумѣніе.

Что сказать еще о Барбе—не помню. Давно это было...

Припоминая своихъ гимназическихъ учителей, я вовсе не имѣю претензіи изобразить ихъ такими, какими они были въ дѣйствительности, или уяснить, почему именно учили насъ такъ, а не иначе. Въ моихъ воспоминаніяхъ я не творецъ и не художникъ, а только собиратель того, что мелькаетъ въ моей памяти. Въ ней, конечно, осталось немного, а то, что осталось, не изгладилось изъ моихъ воспоминаній только потому, что не разъ приходилось мнѣ припоминать то, что казалось мнѣ или очень дурнымъ, или очень хорошимъ, или то, что въ мои школьные годы повторялось часто,

какъ, напримѣръ, вѣчныя прогулки учителя Ставрова въ классѣ отъ стѣны до стѣны, или то, что сильно меня поразило, какъ напримѣръ, странный случай съ Софи и неожиданная смерть ея.

Вотъ еще учитель рисованія К. И. Боссъ. Я до сихъ поръ, спустя болѣе полувѣка, не забылъ ни лица его, ни фигуры, ни голоса: это былъ уже пожилой человѣкъ, почти старикъ, сѣроглазый блондинъ, съ нѣсколько отвислыми щеками, толстенькій, на двухъ проворныхъ ногахъ; не забылъ, что звукъ „э!“ слышался довольно часто, когда онъ говорилъ. Это „э!“ въ устахъ его было и вопросительною, и отрицательною, и пренебрежительною, и выражающею нетерпѣливую досаду частицей рѣчи. Я никогда не видалъ его ни улыбающимся, ни смѣющимся—онъ не шутилъ.

Самъ Боссъ никогда ничего не рисовалъ, но у него былъ порядочный глазомѣръ. Извѣстно, что въ юности своей былъ онъ ламповщикомъ—золотилъ лампы и чертилъ на нихъ узоры (вѣроятно, по жести) и разъ такъ угодилъ своимъ мастерствомъ рязанскому генералъ-губернатору Балашову, что тотъ тотчасъ же рекомендовалъ его гимназическому начальству, которое, конечно, не смѣло отказать такой особѣ и зачислило его въ гимназію въ качествѣ учителя рисованія.

Въ своей казенной небольшой квартирѣ, въ самомъ нижнемъ этажѣ старой гимназіи, съ дверью со двора и состоящей только изъ двухъ низенькихъ комнатокъ (исключая перегородки, за которою стояла кровать его), онъ содержалъ и маленькую школу рисованія, и маленькую лавочку. У него, помнится мнѣ, постоянно встрѣчалъ я двухъ учениковъ, двухъ не то мѣщанскихъ, не то крѣпостныхъ мальчиковъ, отданныхъ ему на выучку.

И онъ училъ своихъ мальчиковъ такъ, какъ никто теперь учить не умѣетъ. Онъ сначала выучивалъ ихъ владѣть циркулемъ, чертить круги и рѣшетки, потомъ тотчасъ же давалъ срисовывать очерки головъ, рукъ и ногъ и за малѣйшую ихъ ошибку въ контурѣ или неправильности билъ ихъ безпощадно. Они боялись его, какъ чорта, и мало по малу, изъ страха трепки, выучивались дѣлать хорошія копіи карандашомъ и акварелью. Мы, гимназисты, обязаны были брать у него оригиналъ (какую-нибудь литографированную голову, наклеенную на папку), покупать бумагу, карандаши, резины, растушевки и клей для наклеиванія подмоченной бумаги на доску. Иной лавочки или магазина, гдѣ бы можно было все это пріобрѣсти, мы не знали, да, можетъ быть, и не было такой лавки во всей Рязани, гдѣ бы продавались черные

итальянскіе карандаши или рисовальная бумага. Стало быть, за это торгашество и нѣтъ причины строго осуждать почтеннаго Босса. Вѣроятно, жалованье его было мизерное, и нужно было поневолѣ и учить крѣпостныхъ мальчишекъ писать копіи съ картинъ да плохіе портреты, и заниматься торговлей.

Еще ранѣе моего поступленія въ гимназію, мать моя, видя мою охоту къ рисованію, пригласила Босса и затѣмъ стала по воскресеньямъ посылать къ нему учиться, но, увидя, что я дальше линій и круговъ не подвигаюсь и что безъ побоевъ никакихъ успѣховъ не будетъ, велѣла мнѣ отнести Боссу 10 рублей ассигнаціями и перестать ходить къ нему.

Кто знаетъ, быть можетъ, это прекращеніе уроковъ было не понутру почтенному нѣмцу, и, когда я поступилъ въ гимназію, онъ этого не забылъ.

Несмотря на всю мою любовь и охоту къ рисованію, Боссъ нисколько не поощрялъ меня—задавалъ мнѣ очень трудныя, штрихами оттушеванныя головы и требовалъ, чтобы все было и вѣрно и хорошо.

Чтобъ не дѣлать абриса на глазъ, всѣ мы, прежде чѣмъ наклеить бумагу, клали ее на рисунокъ такъ, чтобъ она не сдвигалась, и, быстро отворачивая край бумаги, чертили на ней абрисъ подложеннаго подъ нее рисунка. Очень ловко мы эту штуку продѣлывали; смятая бумага тотчасъ же вытягивалась, высыхая на доскѣ. Рисовать же мы должны были дома, а въ классѣ только продолжать свою тушевку. Многіе изъ моихъ сотоварищей были великіе мастера передавать тушевку перекрещенными линіями, снимать хлѣбомъ слишкомъ темныя пятна и зарисовывать слишкомъ свѣтлые блики; но никто изъ нихъ отъ этихъ упражненій не сдѣлался рисовальщикомъ. Одинъ Боклевскій, который вышелъ изъ гимназіи гораздо раньше, чѣмъ я, въ зрѣлые года свои проявилъ талантъ свой типами Гоголя.

Однажды мнѣ довелось срисовывать голову старика въ шапкѣ,—голову, которую почему-то мы называли головой Мазепы. Во время урока Боссъ подошелъ ко мнѣ, заглянулъ въ рисунокъ и сталъ кричать на меня за то, что я, будто бы, нацарапалъ въ тушевкѣ. Я сказалъ ему, что я не виноватъ, что попался такой черный карандашъ, который не чертитъ, а царапаетъ. Боссъ такъ взбѣсился, что ударилъ меня по лицу. Я вскрикнулъ и заплакалъ.

Я еще продолжалъ плакать, какъ директоръ вошелъ въ классъ. Увидя меня плачущимъ, онъ что-то спросилъ Босса;

Боссъ что-то вполголоса отвѣчалъ ему. „На колѣни!“ сказалъ директоръ; я сталъ на колѣни. Директоръ вышелъ.

Пришедши домой, я, разумѣется, не скрывалъ моего горя; это былъ первый ударъ, который я получилъ со дня моего рожденія—никогда никто не билъ меня, я даже не зналъ, что такое розга... Можете же вообразить, какъ этотъ ударъ потрясъ меня.

Съ тѣхъ поръ прошелъ мѣсяцъ, а, можетъ быть, и два мѣсяца. Вдругъ въ одно воскресное утро докладываютъ моей теткѣ (и моей крестной матери) Вѣрѣ Яковлевнѣ Кафтыревой, что пріѣхалъ Семеновъ. Онъ у насъ никогда не былъ, и это нѣсколько удивило насъ.

Тетка вышла къ нему въ гостиную.

— Скажите, пожалуйста, началъ директоръ,—вы на меня жаловались?

— Никогда, отвѣчала Кафтырева.

— Что жъ это значитъ?

И Семеновъ признался ей, что отъ Министра Просвѣщенія онъ получилъ строжайшій выговоръ за дурное обращеніе учителя Босса съ учениками гимназіи.

Какъ это произошло?—я долго понять не могъ. Помню только, что этотъ выговоръ изъ-за меня сильно взволновалъ меня. Я не радовался; напротивъ, мнѣ было больно.

Оказалось, что тетка моя писала къ отцу, который въ это время по службѣ своей былъ въ Одессѣ. Письмо съ почты съ извѣстіемъ о поступкѣ г. Босса и моемъ отреченіи отъ рисованія случайно было занесено и подано моему отцу не на его квартирѣ, а въ гостяхъ, гдѣ онъ игралъ въ карты; между играющими былъ и какой-то графъ Витте. Увидя, что письмо, прочитанное отцомъ моимъ, его разстроило, графъ спросилъ его: что случилось? и тотъ разсказалъ ему мой случай съ Боссомъ. Ни слова не говоря моему отцу, графъ Витте написалъ объ этомъ Министру (если не ошибаюсь, графу Уварову). Министръ прислалъ выговоръ Семенову. Вотъ какъ все это просто произошло и какой это подняло переполохъ въ нашей гимназіи.

Съ тѣхъ поръ, до самаго выхода моего изъ гимназіи, Боссъ ни разу не подошелъ ко мнѣ въ классѣ; напротивъ, какъ-то торопливо пробѣгалъ мимо и заглядывалъ въ доски къ другимъ ученикамъ. Я совершенно перестадъ рисовать и часто сидѣлъ въ классѣ рисованія съ закрытою доской, ровно ничего не дѣлая. Очень возможно, что я и поневолѣ не могъ рисовать. Видя, что учитель даже и смотрѣть на меня не хочетъ, я, конечно, не

имѣлъ духу идти къ нему на квартиру и покупать у него матеріалы: бумагу, карандаши и проч.

Тутъ я долженъ замѣтить, что когда при гимназіи основался пансіонъ, Боссъ едва ли не сдѣлался при этомъ пансіонѣ экономомъ и главнымъ смотрителемъ. Я не разъ видѣлъ, какъ велъ онъ попарно учениковъ въ столовую и какъ онъ на нихъ покрикивалъ. Я слышалъ, что ученики были имъ довольны, что нѣкоторые его любили, и что въ пансіонѣ какъ кормленіе учениковъ, такъ и экипировка были весьма удовлетворительны.

Значитъ, и Боссъ имѣлъ въ себѣ нѣкоторыя достоинства,—умолчать объ этомъ было бы несправедливо.

Съ кѣмъ въ гимназіи проходилъ я латинскую грамматику—совершенно улетучилось изъ моей памяти. Помню, какъ я заучивалъ склоненія и спряженія, и не помню, кому отвѣчалъ уроки. Не потому ли это, что при моемъ поступленіи въ гимназію учителя латинскаго языка не было и уроки этого языка приходилъ къ намъ въ классъ задавать кто-нибудь изъ числа другихъ преподавателей. Не Тарасовъ ли, учитель исторіи? Но когда разъ, вернувшись съ вакаціи въ Рязань, мы, въ концѣ августа, очутились въ новомъ зданіи съ помѣщеніемъ для пансіонеровъ и съ классами, на которыхъ еще лежала печать барскихъ хоромъ: дорогіе обои, золоченые багеты, двери изъ дуба или краснаго дерева съ бронзовыми ручками и проч. и проч., стали появляться и новые учителя: Величковскій и вслѣдъ за нимъ Яновскій, преподаватели латинскаго языка, Волченскій, учитель греческаго языка, и Н. В. Титовъ, преподаватель словесности.

Изъ нихъ только Яновскій и Титовъ играли нѣкоторую роль въ моемъ развитіи. Вотъ почему я и помню имена ихъ. Отъ остальныхъ только лица, фигура и голосъ сохранились въ моихъ воспоминаніяхъ и сохранились съ такою ясностью, что, кажется, я могъ бы нарисовать ихъ, если бы умѣлъ.

Вообразите себѣ невысокаго пожилого человѣка, черноволосаго, съ худымъ блѣднымъ лицомъ, съ свинцовыми тѣнями на щекахъ и подбородкѣ и съ небольшими, робко выглядывающими черными глазками. Вообразите типъ нѣсколько еврейскій, но духовнаго званія и, если не ошибаюсь, кончившаго курсъ въ духовной академіи. Его голосъ, его походка, робкіе взгляды исподлобья и дѣтская улыбка—все показывало въ немъ человѣка нервнаго, сильно чѣмъ-то разстроеннаго, почти помѣшаннаго. Таковъ былъ Величковскій. Онъ былъ очень религіозенъ, каждое воскре-

сенье можно было видѣть его въ церкви, у задней стѣны, стоящимъ на колѣняхъ и закрывающимъ лицо свое шапкой Наши дворовые знали его и не могли не замѣчать его въ углу церкви, когда онъ отъ всѣхъ пряталъ лицо свое. Блѣдныя губы его иногда шевелились, точно онъ молча съ кѣмъ-то невидимымъ разговаривалъ. Я и даже младшій братъ мой скоро сошлись съ нимъ на совершенно пріятельскую ногу. Иногда онъ приглашалъ насъ къ себѣ вечеромъ чай пить и умолялъ остаться ночевать. Я раза два ночевалъ у него за перегородкой, а онъ не спалъ и боялся огонь гасить. На мой вопросъ: чего онъ боится?—онъ сознавался, что по ночамъ онъ слышитъ трескъ и ему кажется, что стѣны рухнутъ и его задавятъ.

Хоть онъ и превосходно зналъ по-латыни, но не латынь его занимала, а еврейскій языкъ. Онъ постоянно читалъ еврейскихъ пророковъ. Еврейскіе стихи приводили его въ восторженное умиленіе. Онъ, захлебываясь, не разъ говорилъ мнѣ, что тутъ каждое двустишіе заключаетъ въ себѣ и мотивъ, и аккомпаниментъ къ нему, точно на инструментѣ играютъ двѣ руки, изъ которыхъ лѣвая беретъ аккорды и только усиливаетъ впечатлѣніе, пополняетъ звуки, извлекаемые правою рукою.

Насколько справедливо это замѣчаніе—не могу судить.

Вообще человѣкъ онъ былъ очень странный; какой-то фантастическій. Онъ и въ классахъ велъ себя своеобразно, часто вдавался въ фантасмагорію и по своему объяснялъ явленія природы. Такъ, разъ онъ, таинственно улыбаясь, разъяснилъ намъ, почему Богъ далъ такую-то шерсть зайцу, такую-то медвѣдю, такую-то лисицѣ. Все же ученіе заключалось въ писаніи на доскѣ мѣломъ какой-нибудь латинской фразы, въ переводѣ ея и разборѣ этимологическомъ или синтаксическомъ. Затѣмъ строкъ 10 переводили мы изъ Цезаря.

Дурныхъ балловъ онъ никому не ставилъ. Когда онъ былъ въ классѣ—я не помню, чтоб былъ шумъ или какія-нибудь шалости. Величковскій былъ интересенъ, какъ человѣкъ какой-то особенный, какъ какой-то схимникъ во фракѣ. Всѣ знали, что онъ постоянно постится, и что едва ли женщины имѣютъ для него какое бы то ни было значеніе—онъ на нихъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія.

Величковскій былъ у насъ не долго—два года или полтора, не болѣе. Лѣтъ черезъ 6 или 7 я встрѣтилъ его въ Москвѣ около Заиконоспасскаго монастыря. Онъ былъ въ очень потертомъ сюр-

тукѣ, лицо его показалось мнѣ опухлымъ, отъ него пахло водкой. Я узналъ его и заговорилъ съ нимъ. Онъ исподлобья вглядывался въ меня и что-то припоминалъ; въ это время монастырскій послушникъ, который сопровождалъ его, толкалъ его подъ руку и куда-то торопилъ... Чѣмъ кончилась жизнь этого не совсѣмъ мнѣ понятнаго человѣка,—не вѣдаю.

Я уже былъ въ послѣднихъ классахъ, когда появился у насъ другой учитель латинскаго языка, нѣкто Яновскій.

Это былъ человѣкъ, діаметрально противоположный Величковскому. Толстенькій, большеголовый, съ лысиной, рябоватый, съ носомъ въ видѣ сливы, всегда веселый, живой, очень образованный и, не смотря на то, что онъ смотрѣлъ маленькимъ Фальстафомъ, идеалистъ и эстетикъ.

Возвращаясь домой изъ гимназіи, онъ тотчасъ облекался въ бухарскій халатъ и прикрывалъ свою лысину ермолкой. Я часто заставалъ его именно въ такомъ видѣ, но онъ не церемонился.

Какъ учитель, онъ былъ дорогой для меня человѣкъ: онъ первый осмыслилъ свое преподаваніе, первый показалъ намъ, почему именно латинскій языкъ необходимъ для насъ; онъ первый заставилъ насъ подозрѣвать, какія поэтическія красоты и какія совершенства скрываются въ римскихъ классикахъ. Мы стали переводить и Цицерона, и Горація, и Тита Ливія, и Вергилія. Въ поэтахъ онъ обращалъ вниманіе на размѣръ стиха и на особенности этого размѣра, на мѣткость эпитетовъ, на сжатость формы, на силу нѣкоторыхъ выраженій, ставшихъ афоризмами. Всѣмъ этимъ онъ самъ восхищался, а потому и сообщалъ намъ свой восторгъ. Я чуть не плакалъ, сознавая, до какой степени я мало еще знаю по латыни. Я сталъ брать уроки у благовѣщенскаго священника, къ которому уѣздилъ по вечерамъ, и доставалось же мнѣ отъ него! Но онъ былъ не только недоволенъ мной, онъ былъ недоволенъ вообще упадкомъ латыни въ семинаріяхъ. „Такъ ли мы знали въ наше время!“ говорилъ онъ. Глаза у него были сѣрые, строгіе, борода рѣдкая, рыжеватая. Такъ, только съ помощью постороннихъ уроковъ, я могъ порядочно учиться у Яновскаго, и, спасибо ему, онъ обращалъ на меня особенное вниманіе и цѣнилъ мое запоздалое рвеніе.

Иногда въ городскомъ саду онъ сажалъ меня возлѣ себя на скамейку, спрашивалъ, что я читаю, не написалъ ли еще какихъ-нибудь стиховъ, и восхищался стихами Бенедиктова. Бенедиктовъ былъ въ великой славѣ. Каждое вновь появившееся его стихо-

твореніе тотчасъ же заучивалось наизусть. Онъ всѣхъ подкупалъ новизной размѣровъ и звучностью стиха. Звуки эти дѣйствительно были новы и не напоминали собой ни Пушкина, ни Баратынскаго. Къ сожалѣнію, по большей части это были только звуки; но тогда никто не думалъ о содержаніи и не анализировалъ того, что нравилось. Пушкинъ отходилъ на задній планъ; про него даже студенты говорили, что онъ выдохся, что даже рифмы ему измѣнили (немногіе понимали силу и красоту бѣлыхъ стиховъ его). Про пѣсни западныхъ славянъ говорили, что эти пѣсни ниже всякой критики.

Яновскій, классикъ Яновскій, и тотъ поклонялся Бенедиктову! Я сталъ ему подражать и очень благодаренъ судьбѣ за такое подражаніе. Оно научило меня искать гармоническаго сочетанія словъ или подслушать такіе звуки, какихъ я и не подозрѣвалъ. Забытый нами Бенедиктовъ конструкціей стиховъ своихъ, вѣроятно, и на Лермонтова произвелъ нѣкоторое вліяніе. Такъ напримѣръ, его „Дары Терека" по своему тону напоминаютъ стихъ Бенедиктова.

Нѣсколько иначе относился къ этому поэту нашъ новый учитель словесности—Николай Васильевичъ Титовъ. Онъ находилъ его такъ же, какъ и Марлинскаго, вычурнымъ.

Титовъ кончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ и, какъ фаворитъ извѣстнаго профессора литературы И. И. Давидова (нѣкоторые увѣряли, побочный сынъ его), былъ присланъ къ намъ въ Рязань въ качествѣ учителя и, если не ошибаюсь, сталъ фаворитомъ и нашего директора. Это былъ красивый, молодой человѣкъ, высокій, блондинъ, стройный, живой, всегда одѣтый по послѣдней модѣ, свѣтскій по своимъ манерамъ; словомъ, не только между нашими рязанскими учителями, между всею рязанскою молодежью онъ казался денди и привлекъ къ себѣ всеобщее вниманіе; всѣ стали приглашать его: не было бала, не было вечера, гдѣ бы не было Титова. Въ него влюблялись, на него засматривались и побаивались его остроумія. Слышалъ я, что и онъ былъ неравнодушенъ къ одной княжнѣ К—ой. Жениться на ней ему не удалось—родители на бракъ не соглашались. Будь онъ офицеръ, была бы еще нѣкоторая возможность; но княжнѣ стать учительшей—невозможно! Какъ мнѣ кажется, это не очень огорчило Титова. Мнѣ передавали въ одномъ домѣ, будто онъ сказалъ: „Не признайся я самому себѣ, что я влюбленъ, никакой бы любви и не было..." Не даромъ, когда Титовъ появился въ Рязани, я воображалъ, что вотъ точь въ точь такой былъ Евгеній Онѣгинъ Пушкина.

Нашелъ ли меня Титовъ въ 5-мъ классѣ—не помню, знаю только, что въ 6-мъ и 7-мъ классахъ гимназіи онъ уже былъ моимъ любимымъ учителемъ, и, смѣю сказать, я сталъ любимымъ ученикомъ его. Титовъ терпѣть не могъ зубрилъ. „Они головой трясутъ, когда отвѣчаютъ, а кто головой трясетъ, навѣрно, дуракъ“, замѣчалъ онъ. Титовъ любилъ самостоятельность. Я не могъ не казаться ему развитѣе другихъ, потому что все читалъ, что относится къ словесности или къ литературѣ: и лекціи Давидова, и Плаксина, и Глаголева, и даже отчасти Востокова, т. е. изучалъ не одну риторику Кошанскаго, которая была нашимъ учебникомъ. Титовъ любилъ, когда я къ нему заходилъ и иногда читалъ ему свои подражанія Бенедиктову. Чаще всего я встрѣчалъ у него Яновскаго. Они и смѣялись, когда я имъ что-нибудь свое читалъ, и рукоплескали мнѣ. Быть можетъ, я ихъ тѣшилъ своею наивностью и плѣнялъ ихъ своимъ чистосердечіемъ.

Однажды, когда я выходилъ отъ нихъ, Яновскій сказалъ мнѣ, что онъ до тѣхъ поръ меня не отпуститъ, пока я не скажу ему по-латыни какого-нибудь привѣтствія. Не помню, что мнѣ пришло въ голову, какой-то латинскій афоризмъ, который я тотчасъ же и произнесъ, и тотчасъ-же пустился бѣжать, сопровождаемый криками „браво!“ и хохотомъ.

Титовъ не разъ стыдилъ меня за грамматическія ошибки въ моихъ сочиненіяхъ (я былъ на нихъ великій мастеръ и не скоро научился машинально писать—гдѣ *е*, гдѣ *ѣ*). Но эти ошибки не имѣли никакого вліянія на мои баллы: я постоянно по словесности получалъ 5 (въ настояще время я получалъ бы единицы и не поступилъ бы въ университетъ).

Чтеніе постороннихъ книгъ не разъ меня выручало въ гимназіи. Когда я былъ въ шестомъ классѣ, въ Рязань присланъ былъ Министерствомъ Просвѣщенія профессоръ Надеждинъ ревизовать гимназію. Во всѣхъ классахъ Надеждинъ оставался по цѣлымъ часамъ и дѣлалъ пробные экзамены. Насъ экзаменовалъ онъ изъ древней исторіи, и мнѣ пришлось отвѣчать ему о египетскихъ фараонахъ, о религіи и нравахъ египтянъ. Я вспомнилъ все, что прочелъ въ одномъ изъ томовъ когда-то пресловутаго Ролленя, два раза переведеннаго пресловутымъ Тредьяковскимъ и изложилъ Надеждину исторію Египта съ такими анекдотическими подробностями, что получилъ 5 и особенную благодарность отъ директора. „Откуда я все это взялъ? „спрашивали меня товарищи. „Ничего этого въ нашемъ учебникѣ нѣтъ“. Я, разумѣется, не скрывался, что меня выручилъ старый Ролленъ, безъ

всякой критики изложившій въ своей исторіи всѣ басни, все, что только было извѣстно о Египтѣ (по Геродоту и инымъ источникамъ).

Передъ проѣздомъ черезъ Рязань Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича (почившаго Императора Александра II) директоръ Семеновъ позвалъ меня и поручилъ мнѣ написать привѣтственные стихи, такъ чтобы одинъ куплетъ можно было проговорить изустно, а другой пропѣть на голосъ: „Боже, Царя храни“.

Я охотно взялся за это дѣло и порядочно надъ этими стихами помучился.

Въ то время у насъ завелись свои пѣвчіе; учить насъ приходилъ какой-то регентъ (не соборный ли діаконъ?). Уроки происходили въ пустой, безъ всякой мебели, комнатѣ старой, нами покинутой, гимназіи. Я тоже хотѣлъ учиться пѣть. Но голосъ мой, очевидно, былъ никуда не годенъ; меня допускали къ ученью только по моей неотступной просьбѣ. Скоро нашъ гимназическій хоръ сталъ появляться на клиросѣ нашей приходской церкви „Николы Дворянскаго“. Каждое воскресенье мы пѣли за обѣдней. Между нами лучшимъ басомъ былъ единственный писарь, состоящій при нашей гимназической канцеляріи. Лучшимъ дискантомъ—другъ мой, Александръ Красницкій. У него былъ удивительный голосъ. Когда онъ пѣлъ, дамы и дѣвицы, стоявшія въ церкви, переглядывались—дескать, откуда такое чудо. Я гордился имъ настолько же, насколько и любилъ его. (Подъ именемъ Красинскаго я упоминаю о немъ въ разсказѣ „Груня“ и отчасти въ разсказѣ „Домъ въ деревнѣ“)

Этому-то хору и поручено было пѣть стихи мои, т. е. тѣ два куплета, которые были написаны на голосъ: „Боже, Царя храни“.

Когда пріѣхалъ Наслѣдникъ Цесаревичъ, ни чтенія стиховъ, ни пѣнія не состоялось. Должно быть, на это не послѣдовало разрѣшенія. Посѣщая нашъ классъ, Его Высочество оставался недолго—прослушалъ только чтеніе по-французски одного изъ моихъ товарищей Ржевскаго, Французскій учитель было блѣденъ отъ волненія и потомъ долго восторгался красотой Цесаревича.

Вечеромъ того же дня дворянство давало балъ Августѣйшему гостю въ Рюминой рощѣ на дачѣ у Н. Г. Рюмина. Я собрался итти въ эту рощу смотрѣть иллюминацію, глядѣть въ окна и слушать роговую музыку; но только что я вышелъ за ворота, встрѣтилъ сторожа, который сообщилъ мнѣ приказаніе не-

медленно явиться къ директору. Меня это озадачило. Зачѣмъ, думаю, я понадобился?!

Директоръ въ то время жилъ уже не на дворѣ старой гимназіи, а рядомъ съ ней, черезъ улицу, въ большомъ деревянномъ домѣ.

Когда я вошелъ въ переднюю, мнѣ указали, на лѣстницу въ коридорѣ и сказали: „Ступайте наверхъ".

Наверху, т. е. на антресоляхъ, было, какъ кажется, двѣ комнаты. Въ первой изъ нихъ, пустой, я остановился. Въ другой слышались голоса—тамъ были, очевидно, гости, и стоялъ дымъ отъ трубокъ. Кто-то доложилъ о моемъ приходѣ. И вотъ, вижу я, выходитъ ко мнѣ высокій, полный, нѣсколько сутулый, мнѣ совершенно незнакомый господинъ... Этотъ господинъ былъ Василій Андреевичъ Жуковскій. Онъ сказалъ мнѣ, что стихи мои ему очень понравились, что Наслѣдникъ благодаритъ меня и жалуетъ меня золотыми часами.

На другой день отъѣзда Наслѣдника Цесаревича въ актовой залѣ новой гимназіи былъ молебенъ въ присутствіи всѣхъ учителей и всѣхъ классовъ, потомъ прочтена была какая-то бумага съ упоминовеніемъ моей фамиліи, и затѣмъ былъ мнѣ врученъ футляръ съ небольшими золотыми часами, покрытыми эмальированными цвѣтами, по большей части незабудками.

Чтобъ вполнѣ возсоздать со всѣми подробностями это неожиданное мною событіе, нужно не мало бумаги и времени. Скажу только, что Высочайшая награда обратила на меня вниманіе всей Рязани. Я былъ недоволенъ своими стихами, а рязанскія барыни распускали слухъ, что это не я самъ ихъ сочинилъ, а мои тетеньки (!). Вскорѣ послѣ отъѣзда Наслѣдника я былъ приглашенъ на обѣдъ къ рязанскому предводителю дворянства, а затѣмъ на обѣдъ къ предсѣдателю казенной палаты Княжевичу, брату бывшаго Министра Финансовъ. Отъ архіепископа Евгенія прислана была мнѣ печатная проповѣдь съ надписью: Піиту Полонскому А. Евгеній.

Перейдя въ 7-й классъ, я былъ сдѣланъ старшиной, т. е. надзирателемъ за всѣми учениками гимназіи, и несмотря на это, я не помню со стороны моихъ товарищей ни малѣйшаго проявленія вражды или зависти. Какъ старшина, я, конечно, не былъ похожъ на великаго человѣка, какимъ казался мнѣ тотъ старшина, котораго засталъ я при моемъ поступленіи въ гимназію. Говорятъ, скромность паче гордости; если это справедливо, то, не хвастаясь,

могу сказать, что, сходя въ нижній этажъ, гдѣ помѣщались 1-й и 2-й классы и, по крайней мѣрѣ, сотня мальчиковъ, я постоянно былъ окружаемъ улыбающимися шалунами и водворялъ тишину послѣ звонка, до прихода учителя, вовсе не строгостью, а тѣмъ, что меня любили. При этомъ (ничего не скрывая) считаю нужнымъ сообщить, что, какъ старшина, я иногда злоупотреблялъ въ свою пользу своимъ правомъ удаляться изъ своего класса во время рекреаціи: когда я плохо зналъ урокъ и боялся, что меня вызовутъ и спросятъ, я медлилъ возвращаться въ свой классъ: я зналъ, что если по списку вызовутъ меня, а меня не окажется, то вызовутъ кого-нибудь другого. Я это вспоминаю только потому, что меня за это мучила совѣсть. Никто тогда и не подозрѣвалъ моей хитрости, такъ же какъ и теперь, никто не толкалъ меня на это признаніе. Но, почемъ я знаю, можетъ, оно и пригодится какому-нибудь педагогу въ доказательство, какъ было безнравственно и нераціонально назначать въ надзиратели одного изъ учениковъ гимназіи. Я привожу только факты, но съ педагогами спорить не буду.

Вотъ еще одинъ фактъ, котораго до сихъ поръ я забыть не могу—до такой степени онъ тогда взволновалъ меня. Разъ меня призываетъ Ляликовъ, инспекторъ, и говоритъ: „Вы знаете, гдѣ живетъ отецъ Славутинскаго“?—„Близъ церкви Бориса и Глѣба въ собственномъ домѣ“.—„Ступайте къ отцу и скажите ему, что сынъ его исключенъ изъ гимназіи“.

Хотя Славутинскій и былъ ниже классомъ, хотя я и мало зналъ его, но такое порученіе сильно меня огорошило. Я долженъ былъ исполнить роль бумаги или письменнаго извѣщенія самаго непріятнаго содержанія. Тяжело мнѣ было поѣхать въ домъ для того, чтобъ поразить стараго отца. У меня дрожали колѣна, когда толстый, рыхлый старикъ съ водянистыми выпуклыми глазами, сѣдой и лысый, въ халатѣ вышелъ ко мнѣ въ переднюю, не подозрѣвая, зачѣмъ я пришелъ къ нему. Заикаясь, я передалъ ему что мнѣ было велѣно. Несчастный отецъ весь задрожалъ и сталъ плакаться на судьбу свою.

Степанъ Тимоѳеевичъ Славутинскій, впослѣдствіи замѣчательно даровитый повѣствователь, былъ исключенъ изъ гимназіи не за лѣнь, не за шалость, а за свои амуры. Говорятъ, что на него жаловался отецъ одной дѣвушки, и, вѣроятно, не даромъ: я не разъ видѣлъ Славутинскаго по вечерамъ, стоящаго на тротуарѣ

и разговаривающаго съ какою-то дѣвушкой въ окно. Не успѣли его исключить, какъ онъ уже увезъ ее и на ней женился.

Впослѣдствіи съ Славутинскимъ мы были пріятели, почти друзья. У меня не мало его писемъ. Всю свою жизнь до старости онъ оставался человѣкомъ страстно увлекающимся и женщинами, и картами, и поэзіей и даже службой. Въ то же время онъ былъ и практическимъ дѣльцомъ, и горячимъ патріотомъ, и правдивымъ повѣствователемъ. Его воспоминанія, помѣщенныя въ „Историческомъ Вѣстникѣ", по моему мнѣнію, могутъ быть поставлены на ряду съ „Семейною хроникой" С. Аксакова, но, какъ кажется, публика, никѣмъ не руководимая, на эти записки, полныя драматизма и бытовыхъ картинъ стараго крѣпостного времени, не обратила никакого вниманія.

Хорошо ли поступилъ со мной Ляликовъ, давая такое порученіе—пусть объ этомъ судятъ гг. педагоги. Конечно, у инспектора была своя (тогдашняя) точка зрѣнія, да, видно, и тогдашнюю канцелярію, состоящую при гимназіи, не заставляли много писать. Очевидно, что для Ляликова я былъ то же, что теперешняя бумага за нумеромъ, подъ казенною печатью; а что происходило въ душѣ моей—этого онъ, конечно, и подозрѣвать не могъ.

Случалось, что, по болѣзни, у насъ въ классѣ не было учителя. Тогда приходилъ къ намъ Ляликовъ, приносилъ съ собой какой-нибудь русскій журналъ того времени, приказывалъ читать ту статью, которую онъ отмѣтилъ, и уходилъ. Когда онъ уходилъ, кто-нибудь изъ насъ читалъ статью вслухъ. Мы слушали, и не знаю, какъ другіе, про себя же скажу, я мало понималъ изъ того, что читалось: статьи ли, выбираемыя Ляликовымъ, были написаны тяжелымъ и неудобопонятнымъ языкомъ, или я былъ еще недостаточно развитъ для того, чтобы понимать ихъ. Едва ли, впрочемъ, и другіе понимали, такъ какъ лучшіе изъ учениковъ нашего класса иногда приходили ко мнѣ просить растолковать имъ урокъ изъ логики Бахмана. Значитъ, я, плохой ученикъ, могъ легче понимать то, что ставило ихъ втупикъ, и это льстило моему самолюбію гораздо больше, чѣмъ приглашенія на обѣды къ рязанскимъ сановникамъ.

Я былъ еще въ гимназіи, когда прочелъ въ „Молвѣ" извѣстіе о смерти Ал. Сер. Пушкина. Помню черную каемку въ газетѣ и слова: „Закатилось солнце нашей поэзіи—Пушкина не стало". Всѣ современники Пушкина (за исключеніемъ Коченовскаго и ему подобныхъ) увлекались его стихами, въ особенности его

„Бахчисарайскимъ фонтаномъ“ и „Полтавой“, но никто еще не доросъ до пониманія его значенія въ нашей литературѣ. Бѣлинскій, первый поклонившійся Пушкину, какъ великому художнику, еще только что начиналъ свое поприще.

Я ничего не написалъ объ учителѣ греческаго языка. Греческій языкъ сталъ вводиться въ нашей гимназіи года за 2 или за 3 до моего выхода. Какъ нельзя лучше помню учителя греческаго языка, плотнаго и рябоватаго, человѣка очень добраго, сильно размахивающаго руками, сильно щурящагося, задающаго намъ греческія склоненія и спряженія и заставляющаго насъ учить наизусть стихи Гомера. Но я не помню его фамиліи. О моей памяти или способности къ языкамъ я уже сообщалъ вамъ; изъ этого заключайте сами, долго ли все греческое держалось въ головѣ моей.

На медаль передъ выпускомъ намъ задано было сочиненіе: Разборъ оды „Фелица“ Державина. Не помню, что я написалъ, видѣлъ только гдѣ-то тетрадь свою, поданную въ совѣтъ, съ надписью инспектора: „Concordia cordis et oris“. Медали же, какъ кажется, никто изъ насъ не получилъ. Полагаю, что и тема эта—„Разборъ оды Державина“—была не изъ удачныхъ—давала слишкомъ мало матеріала.

Физическое развитіе, которымъ въ наше время такъ справедливо озабочено Министерство Народнаго Просвѣщенія, не входило въ планы тогдашней гимназіи. Я, по природѣ худой, безмускульный, длинный мальчикъ, безпрестанно страдающій отъ головныхъ и зубныхъ болей, если и окрѣпъ физически, то этимъ обязанъ былъ отчасти самому себѣ, отчасти тому, что каждое лѣто на вакацію ѣздилъ въ деревню своей тетки, Евлампіи Яковлевны Плюсковой (Острая Лука, Спасскаго уѣзда) и много тамъ бѣгалъ и лазилъ съ своими двоюродными братьями; отчасти дядѣ своэму, которому вздумалось учить насъ верховой ѣздѣ; помню, какъ на одномъ потникѣ, безъ сѣдла, верхомъ, на каретной лошади, гонялъ меня на кордѣ отставной солдатъ гусаръ и какъ онъ хлопалъ бичемъ, иногда задѣвая меня по ногѣ, такъ что я чуть не кричалъ отъ боли; и, наконецъ, моимъ прогулкамъ верхомъ за городомъ, когда я выучился хорошо ѣздить. Такъ, я помню, не разъ случалось мнѣ по воскресеньямъ, весной, скакать за 12 верстъ отъ Рязани въ Ольговъ монастырь, на могилу моей матери.

Вотъ что помогло мнѣ укрѣпить мои физическія силы, за неимѣніемъ гимнастики.

Но была ли она особенно нужна въ то время, когда ученье никого почти не утомляло, даже мнѣ было по плечу, несмотря на мои незавидныя способности? Тогда не требовали отъ ученика, чтобы онъ во всемъ преуспѣвалъ одинаково. Такъ, между гимназистами моего времени былъ и нашъ будущій ученый, Александръ Николаевичъ Поповъ, но едва ли онъ хорошо зналъ по-гречески. Такъ, между нами былъ Ершовъ, будущій математикъ, любимый студентъ Перевощикова, но едва ли Ершовъ былъ словесникомъ. Такъ, Вадимъ Ивановичъ Васильевъ, нынѣ здравствующій, сотоварищъ мой по гимназіи, едва ли былъ математикомъ, но зато до сихъ поръ онъ говоритъ свободно по-латыни и не далѣе, какъ года два тому назадъ, въ Лондонѣ бесѣдовалъ съ знаменитымъ Гладстономъ о греческихъ классикахъ.

Теперь же на разнообразіе способностей не обращается никакого вниманія. Теперь я бы не могъ и кончить гимназическаго курса уже потому, что былъ великій мастеръ на грамматическія ошибки. Я и теперь дѣлаю ихъ по разсѣянности и самъ исправляю ихъ, перечитывая то, что написано. Иногда не только знаки препинанія—цѣлые слоги выскакиваютъ изъ словъ или пропускаются, когда мысль обгоняетъ перо. За эти ошибки въ мое время не разъ меня и Титовъ осмѣивалъ, но за это балловъ мнѣ не сбавлялъ, и когда я поступилъ въ Московскій университетъ студентомъ, получивъ 1 за алгебру, и написалъ ему письмо, извѣщая его и Яновскаго, что изъ словесности на экзаменахъ въ Москвѣ я получилъ 5, а изъ латыни 3, онъ и Яновскій радовались такъ, какъ будто я былъ родной ихъ сынъ, за участь котораго они сильно безпокоились.

Я. П. Полонскій.

ИДЕАЛЬНАЯ ГИМНАЗІЯ. *)

Славницкаго,

„Ich war 18 Jahre alt und kannte so gut wie gar nichts; wäre ich der heutigen Schulbildung in die Hände gefallen, so wäre ich leiblich und geistig zu Grunde gegangen.
Alexander v. Humbold.

(Мнѣ было 18 лѣтъ и я, можно сказать, ничего не зналъ. Если бы я попалъ тогда въ современную школу, я погибъ бы физически и духовно).

Система графа Д. Толстого достаточно разобрана, и вредныя послѣдствія ея оцѣнены по достоинству.

Вмѣстѣ съ насильно навязаннымъ намъ нѣмецкимъ классицизмомъ, къ намъ частью перешло, частью само собою возникло нравственное вырожденіе и воспитанниковъ и воспитателей **), что естественно при сухихъ отношеніяхъ между учащими и учащимися.

Измѣнить программы, выкинуть изъ нихъ ненужный хламъ, улучшить методы преподаванія,—не такъ ужъ трудно. Но возстановить родительскія отношенія между учителями и учениками, вдохнуть въ школу тотъ духъ, какой вносили съ собою Песталоцци, Дистервегъ, Ушинскій и Пироговъ, уже очень трудно послѣ 30-лѣтняго кошмара, давившаго школу.

---

*) Изъ Спб. Вѣдомостей, 1901, № 225.

**) Вотъ что говоритъ берлинскій гигіенистъ д-ръ Эд. Рейхъ въ своей «Moral-Hygiene» 1870 г.: „Наши гимназіи истинные питомники неправды: обманъ, лицемѣріе и притворство господствуютъ въ нихъ въ обширнѣйшихъ размѣрахъ и доходятъ часто до неслыханной утонченности, о которой учитель большей частью не имѣетъ никакого представленія. Даже правдивѣйшіе мальчики прямо принуждаются къ обману, при видѣ того, какъ другіе своею наглостью безъ труда достигаютъ того, что остается для нихъ самихъ недостижимымъ, несмотря на ихъ усилія“.

Принимаясь за перо, мы не намѣрены касаться теоретической стороны, а просто изобразимъ идеалъ гимназіи—не въ видѣ проекта или отвлеченныхъ разсужденій, а реально, въ конкретномъ смыслѣ; мы укажемъ на гимназію, въ которой слишкомъ полвѣка назадъ, въ сороковыхъ годахъ, мы воспитывались вмѣстѣ съ составителемъ учебниковъ исторіи проф. Иловайскимъ и редакторомъ-издателемъ „Русскаго Архива“ г. Бартеневымъ. Эти лица, надѣемся, подтвердятъ фактъ существованія идеальной гимназіи еще во времена министра графа Уварова и не менѣе извѣстнаго попечителя московскаго учебнаго округа, графа Строганова.

Блестяще подготовленный я поступилъ въ 1842 году, двѣнадцати лѣтъ, во второй классъ и, помню, меня очень поразили двѣ особенности: это великовозрастность многихъ въ низшихъ двухъ классахъ и обычай субботнихъ публичныхъ порокъ въ промежуточной между первымъ и вторымъ классами комнатѣ, въ присутствіи обоихъ классовъ въ качествѣ зрителей. Послѣднее, впрочемъ, въ теченіе перваго мѣсяца прекратилось съ исчезновеніемъ прежняго глуповатаго директора, рѣдко появлявшагося въ стѣнахъ гимназіи. Съ назначеніемъ новаго директора, вполнѣ обрусѣвшаго прибалтійскаго нѣмца г. Шиллинга, все быстро измѣнилось. Это былъ человѣкъ большого ума и такта, твердой воли въ мягкой формѣ, хорошо владѣвшій и древнимъ и новыми языками. Онъ сразу пріобрѣлъ искреннее уваженіе и расположеніе со стороны учащихъ и учащихся. Оказалось потомъ, что онъ хорошо велъ и хозяйственную часть, и канцелярію и обращалъ большое вниманіе на воспитательную сторону педагогическаго дѣла. Составъ учителей, какъ на подборъ, былъ превосходный, съ дѣленіемъ на старшихъ и младшихъ; стариковъ не было—все молодежь и средняго возраста. Старше другихъ былъ лишь одинъ французъ, говорившій по-русски съ своимъ акцентомъ, невозмутимый и добродушный. Онъ одинъ изо всѣхъ не имѣлъ авторитета, и у него успѣвали мало. Зато очень успѣвали въ нѣмецкомъ языкѣ у преподавателя, шведа по происхожденію, вполнѣ владѣвшаго даже литературнымъ русскимъ языкомъ и поэтому печатавшаго свои статьи въ лучшихъ въ то время журналахъ. Подъ его руководствомъ лучшіе изъ учениковъ старшихъ классовъ переводили для печати разсказы Густава Нирица; онъ же произносилъ лучше другихъ учителей рѣчи по-русски на актахъ и въ другихъ торжественныхъ случаяхъ. Счастливое исключеніе изъ своей братіи составлялъ и батюшка о. Іаковъ

Алешенскій: его уважали и очень любили за его благодушіе, любовь къ своему предмету и умѣнье воздѣйствовать, посредствомъ Закона Божія и бесѣдъ съ воспитанниками въ классѣ и въ церкви, на нравственную сторону учащихся. Не показное, театральное, а искреннее благочестіе въ богослуженіи и исполненіи требъ проникало въ наши сердца, и намъ было извѣстно также его безкорыстіе и готовность помогать ближнимъ не однимъ словомъ*) Понятно, поэтому, что у него не было плохихъ отмѣтокъ, даже тройки были рѣдки.—Любили мы и всѣхъ другихъ учителей, относившихся къ намъ по семейному и уважавшихъ другъ друга. Ни признака пьянства, распущенности и взяточничества, царившихъ въ другихъ гимназіяхъ; не было въ рязанской и праздности:— всѣ дружно работали и добросовѣстно готовились къ урокамъ. Учителя избѣгали и клуба (такъ называемаго дворянскаго собранія) и знакомства съ крупными чиновниками и дворянами, проживавшими въ собственныхъ домахъ. Да и эти господа смотрѣли на педагоговъ свысока, а заискивать у нихъ учителя не чувствовали никакой потребности, удовлетворяясь своимъ тѣсно сплоченнымъ кругомъ и своими, малопонятными для публики, интересами. Тѣмъ не менѣе, общеніе между учителями и родителями, даже деревенскими изъ разныхъ уѣздовъ, было очень симпатичное, отражавшееся благотворно и на домашнемъ воспитаніи учениковъ.

Объемъ замѣтки не позволяетъ мнѣ вдаваться въ нѣкоторыя интересныя подробности; поэтому прямо перейду къ бытовой сторонѣ гимназіи, къ ея внутренней, интимной жизни.

Вотъ главные обычаи, говорящіе сами за себя, безъ всякихъ разъясненій.

1. Три раза въ годъ—передъ святками, Пасхой и передъ каникулярными экзаменами—происходили *цензуры*. Собирались въ полномъ составѣ совѣтъ гимназіи и всѣ приходящіе гимназисты, а также тѣ изъ пансіонеровъ, которыхъ касалось дѣло. Тутъ читался отчетъ за истекшую треть съ подробнымъ анализомъ успѣховъ и неуспѣховъ каждаго ученика вообще и по предметамъ. Разбирали и поведеніе и вникали въ причины уклоненій отъ нормы, выслушивая публично всякія разъясненія и оправданія. Ни распеканій, ни оскорбительныхъ укоровъ не допускалось; все носи-

*) Черезъ много лѣтъ, уже по смерти его и даже его сына, замѣнившаго потомъ отца, я узналъ, что у послѣднихъ не осталось ни капиталовъ, ни движимости, хотя приходъ „Николы-Дворянскаго"—былъ самый доходный въ городѣ.

ло мягкій семейный характеръ. Если неуспѣвавшій по лѣности или небрежности обѣщалъ исправиться, то ждали до слѣдующей цензуры. Если на проступки въ поведеніи имѣла извѣстное вліяніе обстановка наемной квартиры нахлѣбниковъ учениковъ, то это изслѣдовалось и принимались мѣры. Вотъ одинъ изъ любопытныхъ примѣровъ исправленія пятиклассника отъ пристрастія къ картежной игрѣ. Юношу усовѣщивали, ему грозили увольненіемъ —ничто не помогало: слабость воли мѣшала ему исправиться. Наконецъ, въ зимнюю цензуру его облачаютъ сюрпризомъ, тутъ же, въ актовомъ залѣ, въ солдатскую шинель съ нашитыми на нее картами и заставляютъ по одному дню въ такомъ видѣ перебывать въ каждомъ классѣ, начиная съ перваго. Въ четвертомъ классѣ онъ въ слезахъ даетъ обѣщаніе бросить карты—и его прощаютъ. Обѣщаніе свое онъ исполняетъ въ этотъ разъ. Въ теченіе четырехъ лѣтъ, что я пробылъ въ гимназіи, не было ни одного исключенія изъ нея, не было и послѣ меня, пока держался тотъ составъ учителей и выдающійся директоръ Шиллингъ.

Достигалось это: 1) общимъ духомъ и направленіемъ въ обученіи и воспитаніи *); потомъ, тѣмъ, что отличившихся въ математикѣ не задерживали по новымъ языкамъ, и, наконецъ, немногихъ лѣнтяевъ умѣли заставить учиться, а нѣкоторыхъ дурного поведенія исправляли сами ученики-товарищи. Былъ лишь одинъ случай исключенія изъ гимназіи, по приговору учениковъ, за воровство и то на время, на полгода,—онъ же и учился плохо.

2) Ученическій судъ возникъ какъ-то самъ собою: въ извѣстныхъ исключительныхъ случаяхъ товарищи-одноклассники большинствомъ голосовъ присуждали ту или другую мѣру наказанія, которую утверждалъ, чаще смягчалъ, одинъ изъ учителей, избранный этимъ большинствомъ. Рѣдко дѣло восходило до директора или въ совѣтъ гимназіи.

3) Намъ, школьникамъ, разрѣшено было ежегодно избирать изъ учителей, простымъ большинствомъ голосовъ, по одному *протектору* на классъ; впрочемъ, разъ, въ 4-мъ классѣ голоса раздѣлились поровну и порѣшили имѣть двухъ протекторовъ. Послѣдніе обязаны были: выдавать, за своимъ поручительствомъ, изъ фунда-

**) Если учитель основательно знаетъ и любитъ свой предметъ, то его преподаваніе имѣетъ и воспитательное значеніе, чего не хотѣла понять толстовская школа съ своими вицмундирными педагогами, понимавшими подъ дисциплиною лишь стѣсненія и наказанія. А въ инструкціи министерства семидесятыхъ годовъ есть пунктъ, поощряющій доносы учащихся другъ на друга.

ментальной библіотеки книги и пособія; быть посредникомъ между учителемъ и ученикомъ, въ случаѣ недоразумѣнія между ними, по поводу отмѣтки, столкновенія между ними и т. п. Они же обязаны были наблюдать за обстановкою и условіями жизни приходящихъ учениковъ на частныхъ квартирахъ; къ нимъ же обращались иногда и родители, проживавшіе въ уѣздахъ относительно частныхъ уроковъ ученика, или иногда для храненія денегъ на экстренныя нужды его и т. д.

4) Книги, пособія и канцелярскія принадлежности пріобрѣтались учениками въ складѣ гимназіи ниже номинальной цѣны, да тогда учебники не мѣнялись такъ часто, какъ теперь.

5) Совѣты гимназіи, по большей части еженедѣльные, были нормальны и плодотворны; поэтому учителя собирались охотно и обсуждали не торопясь, анализируя психологически и поведеніе и успѣхи воспитанниковъ. Всѣ высказывались свободно, начиная съ младшихъ, директоръ послѣднимъ и безъ малѣйшаго давленія съ своей стороны,—и почти всегда приходили къ соглашенію: лично самолюбіе легко приносилось въ жертву справедливости. Этого мало, совѣщались между собою,дѣлясь наблюденіями надъ своими *нахлѣбниками*, тѣ изъ семейныхъ учителей, у которыхъ жили по 3—4 мальчика на полномъ пансіонѣ, и въ этихъ семейныхъ совѣщаніяхъ принимали участіе и жены учителей.

По субботамъ, послѣ всенощной (два праздника рядомъ—такъ въ первый день) эти пансіонеры, передъ каникулами и послѣ, отправлялись въ началѣ вечера гулять и пить чай въ рощу съ семьями учителей или съ одними учителями, къ которымъ примыкали холостые учителя, на рѣку купаться, гдѣ дѣти и играли, возвращаясь къ чаю домой.

6) Послѣ третей цензуры, совпадавшей съ актомъ, по окончаніи всѣхъ экзаменовъ, вся гимназія, т. е. и приходящіе ученики и весь многолюдный благородный пансіонъ, всѣ учителя и ихъ семейства, съ инспекторомъ и директоромъ во главѣ, отправлялись пѣшкомъ дружною толпою въ рощу около маленькой деревни, версты за 3—4 на цѣлый день съ утра. Для этого заранѣе въ этой и сосѣдней деревнѣ заказывалось молоко, въ булочныхъ болѣе 500 булокъ, каравая чернаго хлѣба, тоже забирались самовары и чай, наконецъ, жарились въ пансіонѣ большой теленокъ и не одинъ баранъ, покупались и лакомства (орѣхи, пряники, апельсины и пр.). Все нагружалось съ посудой и пр. на двѣ подводы и частью въ коляски, для обратнаго пути дамъ, распредѣлявшихъ порціи и хлопотавшихъ съ чаемъ. Тамъ, въ зелени, на берегу

рѣченки и проточнаго пруда, затѣвались разнообразныя развлеченія и игры, составлялись хоры и пр. Отличившимся выдавались призы изъ лакомствъ,—для этой цѣли и покупались послѣднія, а не для всѣхъ.

Съ наступленіемъ сумерекъ при помощи мальчиковъ живо все убирали, немного отдыхали, и опять всѣ и учителя съ директоромъ шли въ городъ, группируясь въ дружескія кучки —вѣдь на другой день разъѣзжаются на лошадяхъ въ деревню къ роднымъ. Лошади съѣзжались къ назначенному по письмамъ дню, желѣзныхъ дорогъ не было. За нѣкоторыми днемъ или двумя раньше являлись лошади, но ждали общаго разъѣзда. Передъ предмѣстьемъ города пріостанавливались и прощались другъ съ другомъ и съ учителями. Благодарили послѣднихъ, какъ умѣли, у нѣкоторыхъ доходило до слезъ.

Такъ отправлялись на лѣто къ роднымъ гимназисты подъ вліяніемъ чувства умиленія, которымъ и дѣлились съ близкими.

Славницкій.

III.

Воспоминанія о дѣтской и школьной жизни.

Академика Ив. Ив. Янжула *)

Я родился въ 1846 г. въ Кіевской губерніи, но мое раннее дѣтство прошло въ тиши маленькой деревни (с-ца Бардина) Коломенскаго уѣзда, Московской губерніи, принадлежавшей моей матери. Пока не поступилъ въ школу, я безвыѣздно жилъ въ этой сельской глуши, вдали отъ всѣхъ городовъ, позднѣе же, лѣтъ около 9-ти, меня отдали въ коломенское уѣздное училище, и я проживалъ въ г. Коломнѣ у своего отца Ивана Гавр. Янжула, отставного штабсъ-капитана, состоявшаго тамъ такъ наз. старшимъ засѣдателемъ по дворянскимъ выборамъ въ уѣздномъ судѣ.

Въ іюлѣ 1857 года отецъ получилъ увѣдомленіе отъ попечителя московскаго учебнаго округа, что сынъ его можетъ быть принятъ казеннокоштнымъ воспитанникомъ „благороднаго" пансіона, какъ онъ тогда назывался, при рязанской гимназіи, а немного позднѣе пришло увѣдомленіе отъ московскаго 2 корпуса и Константиновскаго училища о возможности помѣщенія меня туда. Послѣ небольшого колебанія предпочли первое. Отецъ, хоть и старый, заслуженный вояка, перебывавшій въ разныхъ походахъ, тѣмъ не менѣе не любилъ войны и находилъ военную службу крайне неблагодарною и случайною, желая видѣть въ моемъ лицѣ почему-то лучше всего доктора. Въ результатѣ меня повезли въ Рязань, отстоявшую отъ нашего мѣстожительства, Коломны, почти настолько же, (желѣзныхъ дорогъ тогда не было) даже нѣсколько ближе, чѣмъ Москва (около 80 верстъ), но Рязань была для насъ совершенно чужой городъ, тогда какъ въ Москвѣ мы имѣли кое-кого изъ знакомыхъ. Ясно помню, какъ въ первый разъ мы собрались и двинулись „на

*) Перепечатывается съ разрѣшенія автора изъ журнала „Вѣстн. Воспитанія", 1903 г. №№ 1 и 2.

долгихъ“ изъ Коломны съ моею матерью. Мнѣ очень хотѣлось посмотрѣть новыя мѣста и новую жизнь, и поэтому я еще не понималъ горя разлуки: довольно равнодушно простился съ отцомъ и съ сестрами и даже немного подсмѣивался надъ моей любимой сестрой и сверстницей Евгеніей, когда она при прощаніи расплакалась. Со словъ взрослыхъ я ее утѣшалъ педантичными разсужденіями, что „не плакать нужно, а радоваться, что меня принимаютъ, наконецъ, и при томъ въ гимназію, что я кончу курсъ, буду большой и умный человѣкъ, что плакать-де по поводу моего поступленія въ гимназію такъ же смѣшно, какъ нѣкогда она плакала, когда въ раннемъ дѣтствѣ я сѣкъ ея куклу, чтобы ее подразнить!..“ Скоро однако мнѣ пришлось убѣдиться, что слезы и тревоги моей милой сестры по поводу разлуки со мной имѣли основаніе и что мнѣ на чужбинѣ придется испытать много неудовольствій и даже вынести немало горя и слезъ.

Въ началѣ августа 1857 года мы пріѣхали въ Рязань и остановились на какомъ-то подворьи на Почтовой улицѣ Мать моя явилась къ директору гимназіи, весьма несимпатичному нѣмцу Ш., который умѣлъ быть очень суровымъ и даже безсердечнымъ съ бѣдными просителями и, напротивъ, былъ слащавъ и низкопоклоненъ, какъ мнѣ пришлось убѣдиться впослѣдствіи, съ старшими, особенно пріѣзжими изъ Москвы чиновниками. Такъ какъ я поступалъ въ пансіонъ по указанію и рекомендаціи исправлявшаго должность попечителя, то мать моя была принята очень хорошо и, взявши отъ нея бумаги, директоръ пригласилъ ее явиться дня черезъ два на провѣрочный экзаменъ, по его словамъ, легкій и поверхностный, и сказалъ, что затѣмъ я буду принятъ. Такъ и случилось: черезъ два дня на экзаменѣ я сдалъ благополучно все, что меня спрашивали, начиная съ молитвъ и оканчивая чтеніемъ, но увы!—не могу скрыть своего огорченія, оказался настолько слабъ въ нумераціи, что никакъ не могъ написать правильно роковое число (ясно помню!)—5005...-Директоръ тутъ же утѣшилъ мать и сказалъ, что черезъ двѣ недѣли назначитъ мнѣ переэкзаменовку, а пока пригласитъ заниматься со мной изъ уѣзднаго училища учителя ариѳметики Барановскаго (впослѣдствіи временнаго учителя французскаго языка въ гимназіи), который меня подготовитъ къ испытанію, и что тогда я, навѣрное, его выдержу, какъ и изъ другихъ предметовъ. Успокоенная мать сдала меня на руки начальству пансіона, причемъ меня немедленно облекли въ казенное платье - куртку съ краснымъ воротникомъ; вѣроятно, процедура переодѣванія въ первый разъ

въ форменное платье почти такъ же тяжело нравственно дѣйствуетъ и на рекрутовъ, какъ на меня: я помню, одѣваясь въ первый разъ въ казенное платье, все время рыдалъ, и добрый солдатъ меня всячески утѣшалъ. Вскорѣ затѣмъ мать простилась со мной, оставивши мнѣ шкатулку съ разными лакомствами и почтовой бумагой и конвертами, приказала писать еженедѣльно, хорошо учиться и не огорчать родителей(какъ дѣлалъ это часто дома) своими шалостями и уѣхала домой въ Коломну, нагруженная отъ меня на этотъ разъ уже безъ всякихъ съ моей стороны шутокъ, порученіемъ кланяться и расцѣловать множество лицъ.

И такъ началась моя пансіонская и гимназическая жизнь и продолжалась цѣлыхъ семь лѣтъ. Три первыхъ класса гимназіи находились въ томъ же помѣщеніи, гдѣ былъ пансіонъ, начиная же съ четвертаго мы должны были ходить въ зданіе гимназіи, помѣщающейся недалеко на сосѣдней улицѣ. Послѣ отъѣзда матери я остался въ самомъ подавленномъ состояніи духа: я впервые почувствовалъ, что всѣ близкіе отъ меня далеко и что, какъ ни строги были со мною по временамъ мать и отецъ, но по своему баловали и сильно любили. Отецъ мой, незадолго передъ нашей поѣздкой въ Рязань, цѣлые часы просиживалъ бывало со мною, бесѣдуя и стараясь всячески внушить мнѣ сознаніе необходимости исправиться и хорошо учиться, доказывая всю важность этого всѣми доступными для моего пониманія способами, между прочимъ указывая на прямыя отсюда выгоды, что не только онъ за это будетъ меня больше любить, но и всѣ окружающіе будутъ меня больше цѣнить, и я сдѣлаюсь, хорошо учась, образованнымъ человѣкомъ, который всегда будетъ имѣть силу и вліяніе передъ всѣми другими. Все это бродило въ моей головѣ, и хотя я смутно все-таки понималъ важность и необходимость ученія, но чувство уединенія и сиротства такъ давило меня, что я мысленно въ первые дни въ пансіонѣ давалъ себѣ торжественныя обѣщанія не огорчать отца и хорошо учиться, что и исполнилъ.

Первое впечатлѣніе моего перваго дня въ пансіонѣ было довольно непріятнаго и притомъ стараго свойства. Пансіонъ былъ почти пустъ, пансіонеры, кромѣ нѣсколькихъ человѣкъ, еще не съѣзжались послѣ вакаціоннаго отдыха; изъ перваго класса, такъ же новичекъ, какъ и я, былъ одинъ длинный, большой мальчикъ, по происхожденію нѣмецъ, Редеръ, съ которымъ я раньше всѣхъ познакомился. Онъ тутъ же мнѣ сообщилъ, что въ этотъ день его два раза высѣкли: первый разъ за урокъ, котораго онъ не при-

готовилъ,—къ нему также ходилъ учитель подготовлять къ экзаменамъ, а второй разъ за то, что облилъ казенную куртку масломъ. Воспоминанія о недавнемъ пребываніи и сѣченіи въ уѣздномъ училищѣ опять повторялись въ моихъ глазахъ, и при своемъ душевномъ настроеніи я почувствовалъ въ своемъ сердцѣ твердое желаніе не подпасть подъ наказаніе и, обратно съ Р., ни уроками, ни поведеніемъ не доводить себя до розогъ. На слѣдующій день пришелъ учитель ариѳметики, Барановскій, и я прилежно цѣлый часъ занимался съ нимъ нумераціей, очень быстро, въ какіе-нибудь два дня, научился писать длинныя колоннады цифръ и даже просилъ и приставалъ къ нему, чтобы онъ мнѣ задалъ подлиннѣе число, дабы испытать меня. Черезъ недѣлю я уже такъ навострился въ началахъ ариѳметики, что самъ чувствовалъ, что выдержу навѣрное хорошо; Барановскій объявилъ директору, что я готовъ, и дѣйствительно я сдалъ провѣрочный экзаменъ изъ ариѳметики вполнѣ благополучно.

Получивъ наставленіе отъ „Федюка", какъ звали фамильярно мальчишки директора между собой, никогда не доводить себя болѣе до переэкзаменовокъ и учиться хорошо, я ему обѣщалъ это и исполнилъ. Воспитанники съѣхались, начались классы. Я такъ же усердно сталъ заниматься всѣми предметами, какъ прежде ариѳметикой съ Барановскимъ, и радовался и удивлялся своимъ необычнымъ успѣхамъ, вовсе мнѣ не привычнымъ въ уѣздномъ училищѣ. Къ моему удивленію, мнѣ все давалось какъ-то легко, и когда учитель обращался съ вопросомъ къ классу: „кто знаетъ?" или „кто можетъ повторить?" то я часто началъ вставать и давать необходимыя объясненія съ полнымъ успѣхомъ. Черезъ два мѣсяца происходила первая такъ называемая „пересадка", которая строго исполнялась въ рязанской гимназіи въ мое время, по крайней мѣрѣ, года 4. Инспекторъ Мацѣіовскій пришелъ, помню, въ классъ и прочелъ, къ моей великой радости, что по такимъ-то и такимъ-то балламъ и успѣхамъ за два мѣсяца при отличномъ поведеніи признается наиболѣе достойнымъ быть первымъ ученикомъ именно я, и пригласилъ меня занять первое мѣсто на первой лавкѣ. Это для меня было настоящей побѣдой надъ моею столь обычною прежде лѣнью и наклонностью къ шалостямъ и бездѣлью, и я съ гордостью въ тотъ же вечеръ отписалъ о своемъ торжествѣ отцу [1]). Съ этого же времени ученіе пошло „какъ по маслу" т. е.

[1]) Ни разу, замѣчу къ этому, я въ гимназіи высѣченъ не былъ, хотя и тамъ порка первые два или три года моего пребыванія—свирѣпствовала.

весьма гладко: дѣло самолюбія уже не позволяло мнѣ спуститься или сѣсть на другое мѣсто, и все время своего пребыванія въ гимназіи я оставался первымъ ученикомъ и только, какъ опишемъ позднѣе, сплоховалъ по случайнымъ обстоятельствамъ на выпускномъ экзаменѣ.

Когда я мысленно перебираю въ памяти первыя впечатлѣнія отъ учителей и товарищей за первые года своей пансіонской и гимназической жизни, то передо мною, какъ въ калейдоскопѣ, проходитъ длинный рядъ лицъ, увы!.. уже давно умершихъ, и припоминаются мелкіе факты обыденной жизни то серьезные, то смѣшные. Скажу сначала о наставникахъ. Наиболѣе всего изъ всѣхъ учителей въ первомъ классѣ мнѣ понравился „батюшка" о. Яковъ и остался моимъ любимцемъ вплоть до его смерти. Гимназисты съ искренними слезами шли за его гробомъ и особенно часто вспоминали о немъ, когда на замѣну его вошло въ ряды гимназическихъ преподавателей по предмету Закона Божія совсѣмъ другое лицо, далеко не такое симпатичное... О. Яковъ больше всего привлекалъ къ себѣ своей простотой и добротой, между тѣмъ, въ сущности, эта доброта, съ которой онъ относился ко всѣмъ ребятамъ, нисколько не вела къ излишнимъ шалостямъ, и я не помню, чтобы мы много шалили или шумѣли въ классѣ священника. Къ сожалѣнію, о. Яковъ имѣлъ очень большой недостатокъ, которымъ такъ часто страдаютъ многіе русскіе хорошіе люди: онъ любилъ выпить, но мы, ребята, хотя отлично замѣчали, когда какой-нибудь преподаватель былъ „съ мухой", какъ тогда выражались, и что было нерѣдкостью въ то время, были очень снисходительны именно къ батюшкѣ и не показывали и вида, что замѣчаемъ это состояніе.

Изъ преподавателей въ первомъ классѣ мнѣ понравился также учитель русскаго языка Рябининъ и ариѳметики К.—Первый—маленькій,горбатенькій человѣчекъ,—видимо,зналъ свое дѣло хорошо, съ любовью и большимъ толкомъ объяснялъ намъ разныя тонкости русской этимологіи, а затѣмъ синтаксиса, гдѣ нужно, прибѣгая къ сравненіямъ и приводя даже примѣры изъ славянскаго языка, намъ тогда еще не знакомаго. Его манера обращенія съ учениками была живая и веселая, и его классъ проходилъ интересно, причемъ каждый урокъ я отдавалъ себѣ отчетъ о чемъ-нибудь новомъ, пріобрѣтенномъ по части русской грамматики. Учитель ариѳметики также былъ способный и не глупый человѣкъ, но, какъ оказалось впослѣдствіи, крайне лѣнивый, почему въ

старшихъ классахъ гимназіи, когда ему пришлось читать физику, онъ лѣнился подготовляться къ урокамъ и громко читалъ въ началѣ урока по учебнику Ленца, добавляя нѣкоторыми объясненіями, которыя выходили вовсе не интересными, а потому выслушивались съ большой скукой; опыты же были рѣдки, не всегда удачны, и физику рязанскіе гимназисты поэтому знали очень слабо.

Въ теченіе моей бытности въ гимназіи въ разныхъ классахъ перемѣнилось нѣсколько учителей математики; такъ, одновременно съ упомянутымъ выше К., лишь въ другихъ классахъ,преподавателемъ состоялъ Чемолосовъ—человѣкъ съ хорошимъ знаніемъ предмета и свѣтлой головой, къ сожалѣнію лишь нѣсколько холодный и суровый въ обращеніи съ учениками, чѣмъ ихъ отталкивалъ. Мнѣ пришлось слушать у него первую часть геометріи—лонгиметрію, и своею логичностью и толковой передачей всегда viva voce, т.-е. не по учебнику, геометрическихъ теоремъ онъ много способствовалъ къ пробужденію у нѣкоторыхъ товарищей любви къ математикѣ, а у меня лично—къ большему умственному развитію. Геометрія какъ бы вымуштровала наши умы, заставила давать себѣ отчетъ: какъ? почему? на какомъ основаніи? и я всегда съ большою признательностью вспоминаю объ ея изученіи.

Третій же математикъ въ Рязани, и самый слабый, былъ нѣкто Т. Сравнительно съ предшествовавшими, онъ былъ наименѣе свѣдущій и подготовленный, хотя и былъ сыномъ извѣстнаго профессора и говорилъ по-нѣмецки съ нашими надзирателями и воспитателями, чѣмъ даже очень гордился, принимая при этомъ смѣшной видъ, какъ бы надутаго индѣйскаго пѣтуха; при своей малоспособности, онъ былъ къ этому довольно-таки лѣнивъ, такъ какъ къ урокамъ никогда не готовился, вѣчно ограничиваясь чтеніемъ въ классѣ какой-нибудь страницы учебника Буссе, намъ и безъ того надоѣвшаго. Но главное, Т. былъ неуменъ, и мы мальчики это очень скоро замѣтили и опредѣлили настоящимъ образомъ,почему,обратно съ предшествовавшими учителями математики, мы рѣшительно ничему у него не научились, и всѣ тѣ классы, къ сожалѣнію, за довольно значительное количество лѣтъ, въ которыхъ пришлось слушать у него алгебру и геометрію, прошли для меня—даже для перваго ученика—почти безслѣдно и составляютъ важный пробѣлъ въ моемъ гимназическомъ образованіи. Уроки Т. проходили въ постоянныхъ шалостяхъ и забавахъ, на которыя были особенно изобрѣтательны нѣкоторые изъ моихъ товарищей;

при всякомъ случаѣ на голову Т. сыпались со всѣхъ сторонъ насмѣшки, которыхъ онъ, впрочемъ, почти никогда не замѣчалъ по недостатку сообразительности. Самый лучшій математикъ въ Рязанской гимназіи былъ Мацѣіовскій, при мнѣ, къ сожалѣнію, изъ учителей сдѣлавшійся инспекторомъ и потому прекратившій свое учительство, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, замѣняя больныхъ учителей, причемъ всегда производилъ впечатлѣніе замѣчательно дѣльнаго преподавателя.

Наиболѣе печальнымъ диссонансомъ среди учителей Рязанской гимназіи въ первыхъ классахъ, о большинствѣ которыхъ я вспоминаю съ признательностью, и, несомнѣнно, бывшихъ порядочными педагогами, является учитель естественной исторіи В—скій, не назову его имени, къ моему благополучію, ушедшій черезъ годъ. Собственно по его предмету преподаваніе состояло въ самыхъ элементарныхъ общихъ понятіяхъ по естественной исторіи, и я ничего не могу припомнить о качествѣ его преподаванія pro или contra; кажется, что онъ придерживался больше учебника, но главное, что В. былъ, несомнѣнно, человѣкъ ненормальный, въ высшей степени нервный или даже злой, и, вмѣсто описаній и объясненій по естественной исторіи, онъ находилъ возможнымъ все вниманіе обращать, какъ онъ говорилъ, на поведеніе, т.-е. цѣлые уроки у него проходили въ ловлѣ и издѣвательствѣ надъ мальчиками, виновными въ какомъ-нибудь, хотя бы слабомъ, нарушеніи дисциплины. Разговаривалъ ли ученикъ съ сосѣдомъ, читалъ ли постороннія книги, чинилъ ли перо или держалъ въ рукахъ какой-нибудь предметъ, достаточно было В. замѣтить, а онъ только этимъ преимущественно въ классѣ и занимался, чтобы неминуемо налетомъ схватить виновника за ухо, вытащить на середину класса и, съ видимой злобой дергая и деря за ухо (вывертывая его), читать ему нотацію и большею частію отнять тотъ предметъ, который вызвалъ самое замѣчаніе, обыкновенно это была посторонняя книжка, а чаще всего перочинный ножичекъ. Какъ припоминаю, В. отнялъ у ребятъ значительное количество ножичковъ и большую часть ихъ не возвращалъ даже назадъ. Какъ теперь думаю, разсказы о его подвигахъ дошли наконецъ до директора, и, вѣроятно, онъ сдѣлалъ ему внушеніе, потому что однажды онъ принесъ съ собою кучу ножиковъ и, нѣсколько сконфуженный, раздавалъ ихъ обратно владѣльцамъ. Кто-то изъ мальчиковъ злорадно улыбнулся при этомъ, и немедленно В. вскипѣлъ, пробрался быстро до задней лавки, гдѣ провинившійся

сидѣлъ, схватилъ его за ухо и, несмотря на крики и барахтанье, вытащилъ на середину комнаты и силкомъ поставилъ на колѣни... Къ нашему счастью, какъ я говорилъ, В. пробылъ въ гимназіи только до конца года и почему-то, припоминается мнѣ, не экзаменовалъ и перешелъ куда-то на другое мѣсто. Его замѣнили преподаватели по естественнымъ наукамъ совершенно другого рода, о которыхъ сохранилась въ Рязанской гимназіи признательная память,—это сначала Алексѣевъ и позднѣе Чугаевъ.

Особенно хорошо я помню перваго, Алексѣева. Еще очень, молодой человѣкъ, только что кончившій курсъ педагогическаго института, онъ съ видимымъ удовольствіемъ занимался своимъ предметомъ, особенно ботаникой. Очень нерѣдко, въ хорошіе осенніе или весенніе дни онъ совершалъ съ охотниками изъ учениковъ ботаническія экскурсіи по окрестностямъ Рязани, причемъ неустанно знакомилъ насъ со всѣми травками и цвѣтами, пересыпая свои разсказы примѣрами и рисунками. Поощряемые имъ, мы сами во время вакацій пускались составлять гербаріи и съ его помощью, вернувшись въ гимназію, ихъ разбирали, получая любовь и расположеніе къ знакомству съ міромъ Божьимъ. Нѣкоторые изъ его разсказовъ и описаній у меня до сихъ поръ уцѣлѣли въ памяти. Уже въ университетѣ, будучи студентомъ юристомъ, я однажды очень удивилъ своихъ товарищей-естественниковъ, объяснивши имъ просто и понятно нѣкогда слышанное отъ Алексѣева различеніе системъ классификаціи растеній по Линнею и Декандолю. Одинаково хорошую память оставилъ преподаватель Чугаевъ, у котораго пришлось слушать минералогію; онъ умѣлъ вдохнуть жизнь въ эту сухую науку и даже довольно удачно насъ знакомилъ и заинтересовалъ столь трудною частью ея, какъ кристаллографія.

Такъ же удачно въ первыхъ классахъ шло преподаваніе географіи учителями—сначала Лимбергомъ, нашимъ извѣстнымъ нынѣ географомъ, который началъ свою преподавательскую карьеру именно въ Рязани и первоначально, кажется, съ математики, а потомъ—Дьяковымъ; у обоихъ преподавателей были нѣсколько разные пріемы, но въ сущности одинаково полезные для болѣе любознательныхъ мальчиковъ. Лимбергъ любилъ читать разныя подходящія къ нашему пониманію книги и описанія: я теперь, напр., живо помню описаніе австралійскихъ папуасовъ и африканскихъ дебрей по извѣстной книгѣ Павловскаго „Природа и люди“, съ которой онъ основательно знакомилъ насъ, заставляя притомъ не разъ повторять прочитанное. Дьяковъ любилъ знако-

мить съ нѣкоторыми европейскими странами, напр., Франціей, на основаніи личныхъ своихъ впечатлѣній и путешествій, когда-то сдѣланныхъ, что особенно придавало нѣкоторымъ изъ его разсказовъ живость и занимательность. Сверхъ того, онъ обращалъ большое вниманіе на картографію и заставлялъ наизусть чертить карты разныхъ странъ или теченія рѣкъ и этимъ съ большой пользой главнымъ образомъ развивалъ вниманіе и наблюдательность ко всѣмъ прихотливымъ очертаніямъ, нанесеннымъ на какую-нибудь географическую карту. Благодаря этому пріему я твердо и сознательно познакомился впервые съ географическимъ изображеніемъ важнѣйшихъ странъ.

Самый слабый пунктъ въ нашей гимназіи, какъ и въ большинствѣ, кажется, русскихъ учебныхъ заведеній, представляло собой преподаваніе новыхъ языковъ, особенно французскаго. Въ первомъ классѣ учителемъ нѣмецкаго языка былъ К., онъ же надзиратель, очень добросовѣстный нѣмецъ, къ сожалѣнію, совсѣмъ не подготовленный къ учительской обязанности. Уроки его были очень сухи и скучны, и мы выносили изъ нихъ немного; тѣ же изъ насъ, которые по-нѣмецки говорили дома съ гувернантками и гувернерами—какъ правило—большею частью языкъ постепенно забывали. Этому не могло препятствовать даже то обстоятельство, что въ старшихъ классахъ былъ преподавателемъ нѣмецкаго языка нѣкто Шталь, видимо, болѣе свѣдущій и опытный, знатокъ своего дѣла. По разсказамъ старшихъ товарищей, многіе, по крайней мѣрѣ, лучшіе изъ воспитанниковъ, прошедшіе весь гимназическій курсъ нѣмецкаго языка у Шталя, будто бы, настолько овладѣвали языкомъ, что сплошь и рядомъ поступали въ университетъ, свободно читая по-нѣмецки. Мнѣ, къ сожалѣнію, пришлось у него учиться лишь короткое время, а потому провѣрить лично эти разсказы я не могъ.

Что всего было хуже, и притомъ сплошь во все время пребыванія моего въ гимназіи—это невозможное преподаваніе французскаго языка, которое буквально существовало только на бумагѣ, и мы не только не дѣлали никакихъ успѣховъ въ немъ съ переходомъ изъ класса въ классъ, но основательно забывали все то, что по части французскаго языка приносили съ собой изъ дома. Очень много лѣтъ до меня и нѣсколько лѣтъ при мнѣ преподавателемъ французскаго языка былъ нѣкто Б., очень старый французъ. Его не только никто въ Рязани изъ многочисленныхъ его учениковъ за нѣсколько поколѣній не уважалъ, насколько мнѣ

извѣстно, но онъ былъ предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ и издѣвательства всѣхъ воспитанниковъ, и я искренно удивляюсь, какимъ образомъ гимназія могла его терпѣть много лѣтъ—вѣроятно, 40 или даже больше, - тогда какъ поистинѣ такой педагогъ не только никого ничему не выучилъ, но приносилъ даже значительной и разнообразный вредъ своимъ ученикамъ своею нравственною неряшливостью и умышленнымъ ничего недѣланіемъ, которыя старался однако укрыть отъ директора и инспектора, когда тѣ изрѣдка рѣшались заходить въ классъ. Прежде всего самая наружность Б. - совершенно лысаго, толстаго старичка, небольшого роста, съ вытянутымъ носомъ, который очень сходился съ нижней губой, и большимъ беззубымъ ртомъ, изъ котораго постоянно вытекалъ сокъ лакрицы, имъ любимой,—очень напрашивалась на каррикатуру, и многіе изъ мальчиковъ не безъ таланта и довольно похоже рисовали его комичную фигуру, иногда даже на классной доскѣ, передъ появленіемъ его самого въ классъ. Я не знаю, какъ онъ занимался въ свои молодые годы; объ немъ, между прочимъ, сообщалъ извѣстный Я. П. Полонскій въ своихъ школьныхъ воспоминаніяхъ (въ „Русской Школѣ"); при мнѣ же, въ тѣ 3—4 года, которые пришлось у него учиться, Б. занимался исключительно посторонними разговорами съ учениками на ломаномъ русскомъ языкѣ, но никакъ не своимъ предметомъ, т.-е. французскимъ языкомъ ,и затѣмъ ставилъ баллы по капризу и соображенію скорѣе съ поведеніемъ и пр., а не знаніемъ французскихъ уроковъ. Б. отличался, между прочимъ, чрезвычайною говорливостью: я почти никогда его не помню молчавшимъ или слушавшимъ, исключая времени присутствія директора и инспектора; онъ постоянно о чемъ-нибудь говорилъ на томъ же скверномъ русскомъ языкѣ. Въ послѣдніе годы его жизни у него было два слабыхъ пункта: коммерческія предпріятія, которыми онъ въ свободное время занимался, по словамъ гимназистовъ, скупка лѣса на срубъ и дровяная торговля, и разведеніе усовершенствованныхъ породъ куръ: кохинхинокъ и брамапутровъ. На этомъ его обыкновенно мальчишки и ловили: каждаго новичка „старички", какъ называли тогда сидѣвшихъ по нѣскольку лѣтъ гимназистовъ, научали сочинить по этому поводу какую-нибудь исторію или „завести" Б. Когда онъ появлялся въ классъ, то немедленно обращалъ вниманіе на новое незнакомое ему лицо, подходилъ къ нему и старательно разспрашивалъ, кто онъ, какъ его зовутъ, кто его родители, какая у нихъ собственность и чѣмъ вообще они зани-

маются. При этомъ если мальчикъ былъ боекъ и достаточно подученъ, то обыкновенно сочинялъ исторію о продажѣ его родителями лѣса на срубъ, это служило любимой темой для продолжительнаго разговора съ нимъ, или о томъ, что мамаша занимается куроводствомъ, причемъ сей педагогъ безъ церемоніи просилъ ученика списаться съ родителями, не продадутъ ли они ему дровъ или лѣса на срубъ, или нельзя ли получить нѣсколько яицъ усовершенствованной породы и т. под., и т. под. Всѣ эти вздорные разговоры, наполнявшіе цѣлые часы якобы уроковъ французскаго языка, врѣзались мнѣ особенно въ память по одному личному приключенію непріятнаго свойства.

Между моими товарищами, въ то время находившимися уже во второмъ классѣ, но вмѣстѣ съ нами посѣщавшими послѣобѣденные, т. н. приготовительные, уроки по новымъ языкамъ, былъ нѣкто Н., по происхожденію казакъ, котораго, какъ меня предупреждали товарищи, „самъ Б. боится“, прежде всего какъ „казака“, а потомъ какъ мальчика очень сильнаго и съ рѣшительнымъ характеромъ. По словамъ и утвержденію, совершенно невѣроятному, пансіонскаго швейцара, ветерана 12-го года, извѣстнаго всей Рязани подъ кличкой „Камрадъ“, нашъ смѣшной учитель французскаго языка, здѣсь описываемый, будто бы „былъ захваченъ въ отечественную войну казаками и приведенъ на веревкѣ въ плѣнъ, а теперь съ него шинель снимай!“ добавлялъ обидчиво старикъ [1]). Здѣсь невозможно и неумѣстно передать всѣхъ шалостей и непозволительныхъ выходокъ Н., чтобы позабавиться надъ нашимъ педагогомъ; больше всего онъ не любилъ, когда Н. вытаскивалъ свой огромный складной ножикъ и начиналъ его точить въ классѣ, что случалось обыкновенно, когда подходила очередь Н. разъ въ мѣсяцъ, не чаще, сдавать французскій урокъ. При этомъ происходила торговля, причемъ учитель, мѣняя нѣсколько разъ тонъ отъ строгаго приказа до самаго ласковаго упрашиванья, чтобы Н. оставилъ ножикъ, обычно соглашался поставить ему удовлетворительный баллъ 3, если тотъ будетъ вести себя хорошо, и такъ заключалось перемиріе до слѣдующаго урока. Въ одинъ изъ первыхъ же дней моего поступленія въ пансіонъ я навлекъ на себя гнѣвъ со стороны „казака“ и получилъ отъ него порядочныя колотушки по тогдашнему обычаю по слѣдующему курьезному поводу. Выше упомянутый велико-

[1]) Христіанскаго имени и фамиліи „Камрада“ рѣшительно, кажется, никто въ пансіонѣ не зналъ, и я не слышалъ.

возрастный товарищъ мой по первому классу Р., высѣченный два раза въ первый день моего поступленія, о чемъ-то продолжительно совѣщался съ Н. незадолго до перваго французскаго урока въ этомъ году; затѣмъ раздался звонокъ, французъ Б. вошелъ въ классъ, еще очень немногочисленный, прежде всего изъ новичковъ подошелъ ко мнѣ, причемъ послѣ краткихъ и, видимо, его не удовлетворившихъ отвѣтовъ на разспросы о моихъ родителяхъ, во время которыхъ онъ ограничился только однимъ замѣчаніемъ, что, судя по фамиліи и физіономіи, я непремѣнно долженъ быть „монголомъ“—кличка, которая за мной потомъ и осталась въ гимназіи, онъ обратился къ Р. и тутъ, къ моему удивленію, я услышалъ со стороны Р., очевидно, заранѣе изученные разсказы о большихъ рощахъ, которыми какъ будто владѣютъ его родители, хотя онъ мнѣ раньше сообщалъ, что его отецъ—аптекарь, а вовсе не помѣщикъ, и живетъ въ маленькомъ городкѣ. Онъ такъ заинтересовалъ Б. своими разсказами о лѣсахъ, о дровяной торговлѣ, будто бы веденной его отцомъ, что Б., уставши стоять, подсѣлъ къ нему на лавку и разспрашивалъ его о подробностяхъ, наставляя написать родителямъ о томъ, чтобы ему завязать съ ними сношенія по пріобрѣтенію лѣса на срубъ. Я сидѣлъ какъ разъ позади Р., на послѣдней лавкѣ; сзади меня находилось большое окно, черезъ которое свободно проходили яркіе лучи августовскаго солнца, а рядомъ со мной усѣлся „казакъ“ Н., который велъ себя обратно обычному, очень тихо и смирно, пока Б. былъ занятъ разговоромъ съ Р. Вдругъ я замѣтилъ, что Н. вытаскиваетъ изъ кармана какую-то граненую стклянку странной, для меня невиданной формы, какъ я узналъ потомъ, изъ-подъ прованскаго масла и что-то осторожно вытряхнулъ изъ нея себѣ на ладонь; я нагнулся и, къ своему великому удивленію и отвращенію, увидѣлъ у него на ладони нѣсколько насѣкомыхъ, извѣстныхъ у насъ въ пансіонѣ подъ именемъ „тяжелой кавалеріи“. Онъ взялъ нѣсколько штукъ насѣкомыхъ и опустилъ ихъ осторожно на сіявшую во всей красѣ лысину нашего французскаго педагога, прочно усѣвшагося въ это время для дальнѣйшей бесѣды о дровахъ какъ разъ противъ него. Затѣмъ Н. вытащилъ изъ другого кармана стекло, какъ я потомъ догадался, зажигательное, и навелъ на лысину Б. и бѣгавшихъ по ней насѣкомыхъ солнечные лучи. Единовременно Б. почувствовалъ, очевидно, жаръ отъ стекла и движеніе насѣкомыхъ, нѣсколько разъ подносилъ руку къ лысинѣ, съ видимымъ изумле-

ніемъ разсматривалъ пойманныхъ имъ насѣкомыхъ и старался тайкомъ, незамѣтно для учениковъ, бросать ихъ подъ лавку; это повторялось нѣсколько разъ. Между тѣмъ эти бѣга насѣкомыхъ по лысинѣ его продолжались, и Н. также продолжалъ изобильно посыпать ими голову Б. (Какъ оказалось впослѣдствіи, Н. заплатилъ сторожу цѣлый двугривенный за предварительную ловлю этихъ насѣкомыхъ.) Глядя на эту сцену, какъ я ни старался удерживаться отъ смѣха, но наконецъ звонко расхохотался. Б. быстро обернулся назадъ, но уже „казакъ" Н. успѣлъ спрятать руку со стклянкой въ карманъ, сдѣлалъ серьезное и невинное лицо и пристально таращa глаза, смотрѣлъ какъ бы вопросительно на француза: „что прикажете де, Яковъ Васильевичъ?" Французъ погрозилъ ему только пальцемъ, что-то прошипѣлъ: „у!.. этотъ казакъ!" и пошелъ къ себѣ на каѳедру, пригласивши Р. слѣдовать за собой для дальнѣйшей бесѣды. Скоро раздался звонокъ—конецъ класса,— и я немедленно получилъ отъ Н. первую „взбучку", какъ выражались мальчишки о дракѣ, за то, что своимъ неумѣстнымъ смѣхомъ едва не выдалъ его, съ обѣщаніемъ, если не буду остороженъ другой разъ, получить вознагражденіе сильнѣе. Таковъ былъ мой первый учитель французскаго языка въ гимназіи и первый урокъ у него.

Слѣдующіе два за нимъ быстро перемѣнившіеся учителя французскаго языка, къ сожалѣнію, были немного его лучше; послѣдній, фамилію котораго я забылъ, былъ вдобавокъ порядочный пьяница и способенъ былъ заниматься сносно лишь утромъ, которое посвящалъ преимущественно частнымъ урокамъ; къ полудню же былъ обыкновенно достаточно нагруженъ и никакой пользы ученикамъ принести не могъ, и если я, кончая курсъ гимназіи, въ состояніи былъ читать съ грѣхомъ пополамъ французскія книги, то этимъ былъ обязанъ всецѣло себѣ, несмотря на плохихъ учителей французскаго языка; впрочемъ, я нѣсколько мѣсяцевъ сряду входилъ въ сдѣлку съ однимъ изъ моихъ товарищей— богатымъ помѣщичьимъ сынкомъ Л.—и получалъ право одновременно съ нимъ брать приватные уроки у француза-учителя, за что онъ платилъ довольно дорого; я же помогалъ за это Л. справляться по другимъ предметамъ.

Въ общемъ, слѣдовательно, преподаваніе новыхъ языковъ у насъ стояло на очень низкой ступени, и изъ двухъ обязательныхъ въ то время языковъ я къ концу курса выучился понимать легкія книги (но не говорилъ) лишь по-французски, и то, вѣроятно,

благодаря близости французскаго языка къ латинскому, которому я хорошо учился. По-нѣмецки, несмотря на 7 лѣтъ ученія, я былъ совсѣмъ слабъ и едва разбиралъ какіе-нибудь маленькія исторіи или анекдоты и только въ университетѣ, подстрекаемый необходимостью познакомиться съ тѣми или иными научными произведеніями, я усердно началъ изучать языкъ Шиллера и Гете и выучился самоучкой читать, но говорить пришлось научиться лишь гораздо позднѣе, во время профессорской командировки.

Страннѣе всего, что если въ нашей гимназіи такъ плохо обстояло дѣло съ *обязательными* иностранными языками, то во время пребыванія моего въ гимназіи я лучше всего выучился, и почти исключительно самоучкой, *необязательному* языку—англійскому, на которомъ уже мальчикомъ IV и V классовъ гимназіи я прочелъ десятки книгъ, преимуществено романовъ и историческихъ произведеній, и пытался читать съ комментаріями такого труднаго писателя, какъ Шекспиръ. Это удивительное въ педагогическомъ отношеніи приключеніе произошло со мною слѣдующимъ образомъ и заслуживаетъ подробнаго разсказа.

Когда я былъ, кажется, уже въ IV классѣ, въ Россію пріѣхалъ знаменитый американскій трагикъ Айра Ольриджъ, сначала въ столицахъ, а потомъ во многихъ городахъ Россіи дававшій представленія почти исключительно шекспировскихъ пьесъ, гдѣ игралъ съ поразительнымъ талантомъ заглавныя роли; особенно славился онъ въ роли Отелло (къ тому же онъ самъ былъ негръ), Макбета, Шейлока и Короля Лира. Я въ первый разъ его увидалъ именно въ роли Отелло въ бытность мою на рождественскихъ вакаціяхъ въ Москвѣ, куда мои родители скоро переселились изъ Коломны, опредѣливши меня въ рязанскую гимназію. Ольриджъ меня въ высшей степени поразилъ своей игрой, несмотря на то, что я, уже будучи мальчикомъ, былъ страстнымъ театраломъ, видалъ не разъ такихъ артистовъ, какъ Щепкинъ, Садовскій и Шумскій. Я буквально бредилъ его игрой, хотя толкомъ и не зналъ даже самихъ шекспировскихъ драмъ, въ которыхъ онъ игралъ; сила игры его была такъ велика и реальна, что я по нѣскольку разъ смотрѣлъ одну и ту же пьесу, припоминая каждый моментъ игры и его жестъ. Воспоминанія при этомъ то мучили меня, то радовали; одно меня въ высшей степени огорчало, что Ольриджъ съ русскими актерами игралъ по-англійски, и я не понималъ его собственно ни одного слова. Пробовалъ приносить съ собою Кетчеровскій переводъ Шекспира въ театръ, но, оказалось, слѣдить

по нему было почти невозможно при разницѣ языка: не будучи въ состояніи схватить смыслъ отдѣльныхъ словъ, я не могъ точно понять и ихъ значенія. Между тѣмъ отъ одного изъ моихъ товарищей по рязанской гимназіи, отецъ котораго занималъ важный постъ въ Москвѣ, я узналъ, что Ольриджъ черезъ 4 мѣсяца, а именно на Святой недѣлѣ, пріѣдетъ во время своего артистическаго турне по Россіи (во время котораго, онъ, какъ извѣстно, и умеръ позднѣе въ Западной Россіи) и будетъ играть въ Рязани, гдѣ существовалъ приличный городской театръ. И вотъ у меня явилась дерзкая мысль, чтобы за эти три, четыре мѣсяца я могъ выучиться понимать по-англійски, хотя бы съ помощью книжки, каждое его слово. Какъ теперь помню, какъ я пришелъ къ своему оргинальному рѣшенію на счетъ обученія англійскому языку: я жарко и горячо помолился Богу, чтобы онъ далъ мнѣ силъ исполнить предпринятое, и торжественно при этомъ далъ себѣ клятву не ложиться спать, не узнавши вновь сначала 25-ти, потомъ, по крайней мѣрѣ, 50-ти новыхъ англійскихъ словъ. Сначала немного, въ нѣсколько уроковъ, показалъ мнѣ читать надзиратель нашего пансіона, англичанинъ Моррисонъ, а затѣмъ я всецѣло былъ предоставленъ самому себѣ и учебнику Робертсона. Вначалѣ я выписывалъ слова изъ лексикона и затверживалъ ихъ, но потомъ мнѣ это показалось копотливо: я прямо взялъ маленькій словарь англійскаго языка Шмидта и затверживалъ каждый день сряду по алфавиту не менѣе 50 словъ, пока не одолѣлъ весь лексиконъ, на что потребовалось мѣсяца три съ половиной; при этомъ дѣло каждый день становилось все легче и легче съ постояннымъ повтореніемъ словъ одного корня и происхожденія. Единовременно я прочелъ съ лексикономъ сначала „Векфильдскаго священника“, потомъ „Родрика Рандома“ и „Гемфри Клинкеръ“ Смоллета, позднѣе же прямо взялся за Шекспира: „Отелло“, „Макбета“, „Гамлета“, „Юлія Цезаря“ и проч., для чего разыскалъ у букинистовъ ученическое изданіе Шекспира съ комментаріями на французскомъ языкѣ, который я порядочно началъ уже понимать благодаря приватнымъ урокамъ. Разумѣется, „Гамлета“ я понималъ еще очень плохо, несмотря на всѣ эти комментаріи, „Отелло“— нѣсколько больше, но лучше всего—„Юлія Цезаря“, какъ извѣстно, написаннаго почему-то на болѣе легкомъ языкѣ.

Какъ бы то ни было, черезъ $3^1/_2$ мѣсяца, когда на Святой или Ѳоминой недѣляхъ Ольриджъ пріѣхалъ дѣйствительно въ Рязань, и я неустанно посѣщалъ всѣ его представленія въ город-

скомъ театрѣ, сидя съ книжкою англійскаго подлинника въ рукахъ, то испытывалъ большое удовольствіе понимать его языкъ дословно, хотя, естественно, больше понималъ глазами, чѣмъ ухомъ. Ольриджъ удивительно твердо зналъ свои роли, и я ни разу не помню, чтобы онъ пропустилъ хоть одно слово, даже какой-нибудь союзъ или предлогъ. Игра Ольриджа, возбуждавшая у меня ребяческую фантазію сдѣлаться когда-нибудь, подобно ему, трагическимъ актеромъ, оказала, несомнѣнно, чрезвычайно полезное вліяніе на всю мою жизнь, во-первыхъ, потому, что ввела меня, и притомъ очень рано (должно быть, я находился въ IV классѣ гимназіи), въ область чувства въ видѣ превосходныхъ драмъ Шекспира и сдѣлала меня ихъ поклонникомъ. Для меня открылся новый міръ, прежде незнакомый; я впервые началъ вдумываться и всматриваться въ человѣческія отношенія, къ которымъ прежде относился безсознательно, какъ ребенокъ; затѣмъ Ольриджъ, за что я долженъ быть ему вѣчно признателенъ, выучилъ меня очень рано, лучше всѣхъ моихъ офиціальныхъ наставниковъ силою своего таланта и впечатлѣнія, иностранному языку и притомъ столь важному, какъ англійскій, и сдѣлалъ его моимъ любимымъ языкомъ. Я до сихъ поръ, напримѣръ, не могу хладнокровно слышать нѣкоторыхъ англійскихъ словъ, напримѣръ, „my wife“, чтобы предъ моими умственными взорами не явилась изъ отдаленнаго прошлаго величественная фигура этого геніальнаго негра-артиста съ его раздирающимъ душу крикомъ: My wife! my wife! what wife?—I have no wife!!..“ („Othello“, act. V, scene 2).

Перейду по связи времени опять къ вопросу, который, къ сожалѣнію, игралъ такую большую роль въ началѣ моихъ дѣтскихъ воспоминаній,—я разумѣю тѣлесныя наказанія, или попросту розги. Какъ упомянуто было раньше, при моемъ поступленіи въ гимназію онѣ такъ же царили у насъ въ Рязани, какъ и раньше въ коломенскомъ училищѣ, и въ день моего поступленія въ пансіонъ мой товарищъ-новичекъ Р. былъ даже наказанъ тѣлесно два раза въ одинъ день. Припоминая былое, я удивлялся нѣсколько разъ, почему такъ много прокричали о тѣлесныхъ наказаніяхъ въ семинарскихъ бурсахъ былого времени и духовныхъ училищахъ, какъ будто это была ихъ специфическая особенность. Какъ видно уже изъ приведенныхъ мною выше воспоминаній, розги, битье, дранье за уши, всякое заушеніе и униженіе ученика самыми разнообразными способами процвѣтали въ серединѣ XIX вѣка во многихъ мнѣ извѣстныхъ русскихъ школахъ, какъ низшихъ, такъ и среднихъ,

не имѣвшихъ никакого отношенія къ духовному вѣдомству; коломенское училище и рязанская гимназія не составляли, я думаю, изъ себя какого-нибудь особаго исключенія въ этомъ отношеніи; между тѣмъ въ Рязани въ „благородномъ“ пансіонѣ [1]) долго существовали субботы и субботники, т. е. мальчики младшихъ классовъ, получившіе плохія отмѣтки за науки—не менѣе двухъ единицъ или за поведеніе 2,—должны были явиться въ субботу на расправу и подвергались болѣе или менѣе жестокому тѣлесному наказанію; но кромѣ того, наказывали особо и въ любой день недѣли за экстренныя вины. Помню, моего товарища по I-му классу К. одно время сѣкли почти ежедневно, какъ драчуна—за драку и, помимо того, въ субботы за дурныя отмѣтки. Царство розогъ продолжалось при мнѣ въ гимназіи примѣрно 2 или 3 года. Какъ теперь припоминаю—я долженъ былъ находиться тогда уже въ III-мъ классѣ,—нашъ директоръ, вышеупомянутый Ш., который именно энергично и настойчиво придерживался системы тѣлеснаго наказанія и сѣкъ нещадно, внезапно появился у насъ въ классѣ и, на минуту прервавъ учителя, въ нескладной маленькой рѣчи торжественно объявилъ намъ, къ общему и чрезвычайному удивленію, эмансипацію... отъ розогъ. „Вотъ,—говорилъ онъ,—до сихъ поръ васъ сѣкли за ваши вины изъ-за вашей же пользы, чтобы сдѣлать изъ васъ прилежныхъ и знающихъ людей, но теперь начальству угодно, написали мнѣ изъ Петербурга, чтобы тѣлесное наказаніе, т. е. сѣченіе, больше не примѣнялось. Вы должны цѣнить такую милость начальства къ себѣ, но не подумайте, что ваши вины останутся не наказанными: виновные въ дурномъ поведеніи и ученіи, какъ и прежде, будутъ заключаться въ карцеры и лишаться обѣдовъ и отпусковъ, а сверхъ того, не успѣшныхъ или злонравныхъ за продолжительное время мы попросту будемъ прогонять изъ гимназіи. Паршивая овца изъ стада вонъ! - добавилъ онъ русской поговоркой,—и посмотрите, какъ съ вами за это расправятся родители!!..“.

Таково было объявленіе эмасинпаціи ученической спины отъ розогъ, и это произошло въ городѣ Рязани, по моимъ воспоминаніямъ, примѣрно за годъ до великаго дня для всей Россіи,

---

1)Розги въ этомъ пансіонѣ прекратились одновременно съ его прозваніемъ „благородный“,и переименованіемъ просто въ „гимназическій“,когда въ него открылся доступъ всѣмъ сословіямъ, что началось уже при мнѣ, въ началѣ 60-хъ годовъ.

19-го февраля 1861 г., т.-е., примѣрно, около 1860 г. Съ тѣхъ поръ дѣйствительно субботы прекратились; обязанности „Камрада“ сократились: ему не предстояла больше необходимость, какъ прежде, заботиться о наличности свѣжихъ розогъ, находившихся всегда въ томъ самомъ грязно-желтомъ ларѣ въ передней, на которомъ онъ обычно сидѣлъ и, можетъ быть спалъ. Колотушки и дранье за уши, хотя не сразу исчезли изъ гимназіи, но начали примѣняться все рѣже и рѣже, и на нихъ можно было иногда уже жаловаться начальству; зато сажаніе въ карцеръ участилось. Часто, по воскресеньямъ и другимъ праздникамъ, грустныя фигуры пансіонеровъ, не отпущенныхъ домой за дурное поведеніе или неуспѣхи, бродили по обширному зданію пансіона; но на что всего больше повліяла отмѣна розогъ—это замѣтное даже на глазъ уменьшеніе великовозрастныхъ питомцевъ въ младшихъ классахъ: вышло правило, ограничивавшее время оставленія въ одномъ и томъ же классѣ и болѣе строго предусматривавшее возрастъ при поступленіи. Шестнадцатилѣтніе ребята въ первомъ классѣ, какъ это было при моемъ поступленіи въ гимназію, сдѣлались уже болѣе невозможными и наиболѣе лѣнивые или „отчаянные“ субъекты безъ церемоніи удалялись изъ пансіона и гимназіи.

Второй классъ гимназіи не принесъ для меня въ учебномъ отношеніи ничего новаго, такъ какъ учителя оставались тѣ же самые, и только произошла нѣкоторая перемѣна въ товарищахъ: нѣсколько нынѣ для меня близкихъ лицъ изъ моихъ товарищей поступили именно прямо во второй классъ, а нѣкоторые остались позади, въ первомъ. Моя репутація, для меня самого столь неожиданная, какъ прилежнаго и хорошаго ученика, вполнѣ упрочилась, и я уже постоянно занималъ первое мѣсто въ классѣ, а мое имя до окончанія не сходило съ золотой доски, бывшей тогда въ каждомъ классѣ. Нѣсколько разъ даже, по постановленію совѣта гимназіи, меня переводили безъ экзамена въ слѣдующій классъ, и это удлиняло на мѣсяцъ мой лѣтній вакатъ!.. Директоръ, „Федюкъ“, а за нимъ надзиратели и нѣкоторые учителя, какъ припоминаю, уже во второмъ классѣ начали часто меня называть въ отличіе отъ другихъ по имени и отчеству и говорить мнѣ „вы“, что мнѣ, мальчишкѣ, чрезвычайно льстило; затѣмъ во второмъ же классѣ поводомъ большого удовольствія для меня сдѣлался первый частный урокъ, или, какъ тогда выражались, „кондиція“, доставленная мнѣ нашимъ почтеннымъ пансіонскимъ врачомъ И. А. Поспѣловымъ, отцомъ извѣстнаго

теперь профессора-дерматолога, моего гимназическаго и университетскаго товарища, А. И. Поспѣлова. Онъ предложилъ мнѣ нѣсколько заниматься, подгонять и помогать одному изъ моихъ товарищей одноклассниковъ, менѣе бойкихъ, за что платилъ огромное, какъ мнѣ тогда казалось, вознагражденіе—5 руб. въ мѣсяцъ. Никогда въ жизни впослѣдствіи я не получалъ съ такимъ удовольствіемъ и гордостью трудовыя деньги въ десятки разъ больше, какъ эту пятишницу ежемѣсячно: она мнѣ давала возможность написать своимъ родителямъ, что они могутъ прекратить высылать мнѣ по временамъ деньжонки, которыхъ у нихъ самихъ было мало, и, кромѣ того, каждый вакатъ, пріѣзжая домой на побывку, я привозилъ всѣмъ членамъ семьи какіе-нибудь презенты на заработанныя деньги. Съ тѣхъ поръ и до окончанія мною курса не только въ гимназіи, но и въ университетѣ мнѣ пришлось постоянно—учась учить другихъ и самому зарабатывать средства не только на карманныя деньги, но впослѣдствіи и на серьезныя нужды самаго существованія. Думаю, что это было для меня нравственно въ высшей степени полезнымъ: я не привыкъ ничего въ теченіе большей части своей жизни получать даромъ отъ кого бы то ни было.

Третій классъ принесъ съ собой новый предметъ—исторію, мою старую и добрую знакомую еще по уѣздному училищу. Первоначально проходилась, какъ извѣстно, русская исторія, и я съ жаромъ привѣтствовалъ знакомыя имена и описаніе знакомыхъ фактовъ. Я засталъ въ гимназіи учителемъ исторіи извѣстнаго Д. И. Иловайскаго, тогда еще очень молодого человѣка; онъ слылъ между товарищами за весьма хорошаго и интереснаго преподавателя исторіи, но лично мнѣ не пришлось у него учиться, такъ какъ съ переходомъ моимъ въ 3-й классъ, гдѣ начиналось преподаваніе исторіи, г. Иловайскій, сдѣлавшись магистромъ за свое извѣстное сочиненіе „о Рязанскомъ княжествѣ“, повысился до профессора въ московскомъ университетѣ, его же каѳедру занялъ у насъ также молодой человѣкъ и очень хорошій учитель, съ которымъ у меня установилась скоро большая дружба, Д. Н. Григоровъ. Что касается до Д. И. Иловайскаго, то помню, онъ насъ съ товарищами (т. е. младшіе классы), въ то время интересовалъ гораздо больше, чѣмъ его историческими познаніями (учебника его еще тогда въ печати не существовало), своею гимнастическою ловкостью и искусствомъ драться на рапирахъ. Онъ не разъ при собравшихся пансіонерахъ сра-

жался съ нашимъ учителемъ гимнастики и фехтмейстеромъ Агаповымъ, и притомъ съ такимъ искусствомъ, что большею частью оставался побѣдителемъ; помню, за это мы его очень уважали и хвалили.

Замѣнившій Иловайскаго на каѳедрѣ Д. Н. Григоровъ былъ человѣкъ весьма скромный, но очень трудолюбивый и образованный; такъ, между нами немедленно же при его поступленіи разнеслось, что онъ говоритъ по-нѣмецки, а такихъ учителей во все время моего пребыванія было въ гимназіи лишь два человѣка. Товарищи, а потомъ и самъ я, бывавшій у Григорова на квартирѣ, видѣли много нѣмецкихъ книгъ, и онъ очень нерѣдко на урокахъ ссылался на такіе источники, которыхъ нельзя было найти, по его же словамъ, на русскомъ языкѣ, что его очень поднимало, какъ учителя, въ нашихъ глазахъ, вообще онъ пользовался большимъ уваженіемъ и былъ весьма полезнымъ преподавателемъ. Все время своего дальнѣйшаго пребыванія въ гимназіи я сохранилъ интересъ къ изученію исторіи и постоянно читалъ много историческихъ книгъ, чему всячески помогалъ и Григоровъ, часто снабжая меня ими изъ своей библіотеки. У насъ былъ тогда обычай, требовавшій, кажется, раза два или три въ годъ представленія сочиненій по нѣкоторымъ предметамъ, и я постоянно съ III-го до VII класса отличался писаніемъ такихъ, конечно, компиляцій, преимущественно на разныя историческія или литературныя темы. Любопытно, насколько то время (шестидесятые года XIX в.) было далеко отъ того духа нетерпимости и полицейской регламентаціи, которое наступило, къ сожалѣнію, позднѣе, особенно во времена Д. А. Толстого, для нашей средней школы. Приведу два достаточно рѣзкихъ, надѣюсь, примѣра: въ качествѣ отличнаго ученика съ перваго до послѣдняго года моего пребыванія въ гимназіи я получалъ ежегодно похвальные листы и такъ называемыя „награды“, т.-е. книги въ хорошихъ переплетахъ въ подарокъ, по постановленію гимназическаго совѣта, и, вѣроятно, пріобрѣтаемыя по рекомендаціи учителей. Дважды въ числѣ этихъ книгъ въ подарокъ отъ гимназіи я, первый ученикъ, получилъ сочиненія *по исторіи революціи* Гарнье Паже, сначала по французской и другой разъ по итальянской,—очевидно, по указанію Григорова, который зналъ мои вкусы и, вѣроятно, рекомендовалъ эти труды, какъ книги, которыя могли бы меня заинтересовать. Между тѣмъ такой выборъ книгъ, вѣроятно, невозможный впослѣдствіи, никого тогда не удивилъ, и книги эти

были мнѣ торжественно вручены на актѣ чуть ли не изъ рукъ и съ благословенiемъ знаменитаго архiерея Смарагда или иного рязанскаго преосвященнаго. И, слава Богу, никакого вреда, въ свою очередь, такой выборъ мнѣ не сдѣлалъ, скорѣе произошло наоборотъ, ибо, какъ все послѣдующее показало, ни въ гимназiи, ни позднѣе въ университетѣ, ни въ теченiе своей жизни никто такъ не былъ далекъ по своимъ мнѣнiямъ и стремленiямъ отъ всякой революцiи, какъ именно я, любитель чтенiя подобныхъ книгъ о революцiяхъ!! Добавлю къ этому, что мое собственное ученическое сочиненiе въ VI классѣ трактовало также (и весьма рѣзко) именно вопросъ о причинахъ французской революцiи!!

Четвертый классъ принесъ съ собою нѣчто новое и весьма важное для моего средняго образованiя, а именно латинскiй языкъ. Еще послѣ перехода изъ III-го класса въ четвертый, во время лѣтняго ваката, я получилъ въ Москвѣ, куда переселились мои родители, постоянныя занятiя у своего нѣкогда любимаго наставника еще въ г. Коломнѣ, Ганимедова, готовившаго меня когда-то къ гимназiи и перешедшаго въ Москву учителемъ приходскаго училища. Онъ взялъ меня къ себѣ въ помощники въ школу, и я въ теченiе, примѣрно, трехъ мѣсяцевъ своего лѣтняго ваката исполнялъ обязанности учителя городской школы, что оказалось гораздо труднѣе, нежели репетировать или быть на кондицiяхъ у своихъ товарищей гимназистовъ, такъ какъ дѣти въ городскомъ училищѣ оказались, подобно моимъ бывшимъ товарищамъ въ Коломнѣ, крайне распущенными, нравственно испорченными, лѣнивыми, и справляться съ ними было очень тяжело и непрiятно, не прибѣгая при томъ къ розгамъ. Вдобавокъ, впрочемъ, къ получаемому мною за то гонорару, для меня довольно значительному, Ганимедовъ предложилъ мнѣ безплатно, дабы облегчить мнѣ собственное ученiе въ IV классѣ, уроки латинскаго языка, которымъ онъ когда-то занимался въ семинарiи. Я воспользовался этимъ любезнымъ предложенiемъ и подучился за лѣто по латыни настолько, что впослѣдствiи первое полугодiе въ IV классѣ заниматься по этому предмету не составляло для меня уже никакого усилiя, и я выдался своими знанiями по классическому языку на голову предъ своими товарищами. Учителемъ латинскаго языка у насъ въ гимназiи былъ нѣкто В. П. Павловъ, бывшiй университетскiй товарищъ извѣстнаго профессора Леонтьева, педагогъ очень свѣдущiй, хотя нѣсколько сухой и формалистъ; за достоинство его, какъ преподавателя латинскаго языка, говоритъ уже то обстоятельство,

что впослѣдствіи онъ перешелъ на службу въ Москву, въ Катковскій лицей. Я не только съ большимъ успѣхомъ подъ его руководствомъ занимался языкомъ римлянъ, но даже и полюбилъ этотъ языкъ, что уже было и тогда рѣдкостью между большинствомъ моихъ товарищей.

Мнѣ какъ-то случайно попали въ то время въ руки „Филологическія Записки", издававшіяся тогда подъ редакціей Хованскаго въ Воронежѣ, и въ нихъ какія-то статьи по лексикологіи и философіи языка, если не ошибаюсь, покойнаго оксфордскаго профессора Макса Мюллера, разумѣется, въ русскомъ переводѣ. Подобное чтеніе вмѣстѣ съ значительными успѣхами въ латинскомъ языкѣ пробудило во мнѣ съ IV класса, и особенно за послѣдніе годы, большую любовь къ лингвистикѣ и филологіи, и я началъ мало-по-малу мечтать о поступленіи въ университетъ, когда придетъ время, именно на филологическій факультетъ, къ чему являлось препятствіемъ незнаніе мною греческаго языка, а также нѣкоторое колебаніе: чему себя посвятить, чѣмъ мнѣ лучше спеціально заниматься—языками или исторіей? Эти колебанія проходили у меня въ душѣ всѣ три послѣднихъ года пребыванія въ гимназіи, т.-е. въ V, VI и VII классахъ Я, такъ сказать, искалъ своей спеціальности. То меня тянуло къ языковѣдѣнію, и я началъ съ V-го класса регулярно брать уроки греческаго языка на свой собственный счетъ, читалъ усердно такія сухія книги, какъ Павскаго „О языкѣ", „Записки по грамматикѣ" Буслаева, которыя я доставалъ, кажется, въ литографіи чрезъ кого-то изъ товарищей; то погружался по уши въ изученіе какого-нибудь важнаго періода исторіи въ родѣ французской революціи или Крестовыхъ походовъ. Съ жаромъ прочелъ, и даже дѣлалъ мѣстами конспекты, многотомную „Исторію XVIII вѣка" Шлоссера, многіе труды Галлама, Зиберта, Карляйля, Гизо, позднѣе Бокля, прочелъ, даже частью перевелъ для себя (съ англійскаго) „Князь" Маккіавелли и нѣсколько частей Гиббона и написалъ для Григорова въ VI классѣ огромное сочиненіе: „О причинахъ французской революціи", которое онъ, при всей своей терпимости, совѣтовалъ мнѣ не показывать всѣмъ желающимъ зря, чтобы не подать повода къ ненужнымъ разговорамъ и предположеніямъ о моихъ крайнихъ мнѣніяхъ, которыхъ я въ дѣйствительности не имѣлъ!! Судьба впослѣдствіи рѣшила со мной однако по-своему, и мнѣ не пришлось посвятить себя ни филологіи, ни исторіи.

Несмотря однако на эти усиленныя занятія, всѣ современные толки о школьномъ переутомленіи никоимъ образомъ однако не при-

мѣнялись ко мнѣ во дни моей юности, и вообще тогдашніе гимназисты переутомленія не знали. Хотя я и много учился въ гимназіи и заслужилъ даже у товарищей шутливое прозвище „зубрилы“, не по возрасту много читалъ, часто записывая и конспектируя прочитанное, первые годы былъ даже и библіотекаремъ пансіонской библіотеки, которою усердно занимался, но тѣмъ не менѣе никакого отсюда переутомленія я не чувствовалъ и даже совсѣмъ не понималъ его. Латинскій и греческій языкъ не только не вызывали у меня непріязни или пренебреженія къ себѣ, но я учился имъ прямо съ удовольствіемъ и на греческій языкъ тратилъ гроши, заработанные мною лично уроками, ибо начиная со II-го класса гимназіи никогда ни копейки отъ родителей болѣе не получалъ. Прежде всего такая выносливость къ работѣ и при этомъ жизнерадостность, столь рѣдко нынѣ встрѣчаемыя у молодежи, объясняются, во-первыхъ, хорошимъ отъ природы здоровьемъ, конечно, и задатками, которые положила деревенская жизнь съ ея дѣтскими утѣхами въ обществѣ крестьянскихъ дѣтей, вкратцѣ описанная мною выше; во-вторыхъ, само начальство пансіона и гимназіи, надо отдать ему полную справедливость, рачительно заботилось тогда о нашемъ здоровьѣ: пансіонеры всегда рѣзко у насъ выдѣлялись передъ гимназистами своими красными щеками и физической силой и даже бо̀льшими, сравнительно, успѣхами въ наукахъ. Во-первыхъ, насъ кормили въ пансіонѣ, нѣтъ сомнѣнія, несравненно лучше, чѣмъ мы ѣли потомъ бѣдняками-студентами, питаясь всякою дрянью въ греческихъ кухмистерскихъ, или чѣмъ въ гимназіи питались наши товарищи, дѣти бѣдныхъ мѣщанъ и чиновниковъ; затѣмъ вся дальнѣйшая физическая обстановка въ пансіонѣ обезпечивала хорошее состояніе нашего здоровья: такъ, пансіонеровъ, особенно младшихъ классовъ, обязательно каждый день во всякую погоду, за рѣдкими исключеніями, водили гулять по крайней мѣрѣ на 1 часъ времени, и отказываться отъ этой прогулки было невозможно. По праздникамъ насъ, во-первыхъ водили, въ церковь, большею частью въ соборъ, на архіерейское служеніе (или въ монастыри, или церкви, гдѣ былъ престольный праздникъ), что уже по разстоянію служило для насъ нѣкоторой прогулкой; затѣмъ послѣ обѣда, въ праздникъ, дѣлали болѣе продолжительную прогулку куда-нибудь за городъ, наприм., въ Рюминскую рощу, на кладбище и т. под., два раза въ недѣлю для всѣхъ младшихъ классовъ обязательно были танцы, два же раза въ недѣлю обязательно была гимнастика,

которой мы занимались съ особенною любовью и увлеченіемъ, хотя учитель Агаповъ былъ самъ по себѣ очень посредственный человѣкъ, и мы иногда надъ нимъ даже подшучивали, но очень добродушный и веселый и умѣлъ вселить въ насъ любовь къ гимнастикѣ, часто переходившей прямо въ игры.

Огромный, такъ называемый, рекреаціонный залъ въ пансіонѣ, нынѣ, кажется, совершенно пустой, былъ наполненъ въ мое время лѣстницами, веревками, столбами, такъ называемыми, „кобылами", трапеціями и всевозможными иными гимнастическими приспособленіями и снарядами; въ этомъ-то большомъ залѣ происходили преподаваніе гимнастики и наши игры, и мы забавлялись, сколько хотѣли, лазаньемъ, прыганьемъ и кувырканьемъ во всякую свободную минуту. Между прочимъ образовался, помню, всѣми любимый, довольно странный спортъ— „тянуть канатъ", чѣмъ занимались частенько по вечерамъ. Въ залъ приносился огромный тяжелый корабельный канатъ, въ нѣсколько саженъ длиною; всѣ участники дѣлились на двѣ партіи и тянули каждый въ свою сторону, причемъ, если перевѣсъ былъ слишкомъ силенъ на противоположной сторонѣ, перетянутые летѣли, при общемъ смѣхѣ, кубаремъ; при этомъ являлся своего рода задоръ и соревнованіе: къ мальчишкамъ младшихъ классовъ приставали старшіе, къ этимъ послѣднимъ—учитель Агаповъ, приглашались солдаты, сторожа, собиралась чуть ли не сотня народа, и состязаніе продолжалось по цѣлому часу съ разнымъ успѣхомъ. Одинъ разъ дѣло окончилось большимъ скандаломъ: канатъ перервался посрединѣ, и обѣ партіи, къ общему удовольствію, попадали кверху ногами!!

Сверхъ всего сказаннаго, почти каждый день въ хорошую, конечно, погоду на открытомъ воздухѣ въ пансіонскомъ саду происходили различныя игры, горѣлки, и любимѣйшимъ развлеченіемъ была лапта и тѣ же, знакомыя мнѣ по деревнѣ, „чурки". Одинъ разъ наши физическія упражненія приняли даже экономическій характеръ, а именно: надо было почистить загрязнившійся прудъ въ нашемъ пансіонскомъ саду; тамъ установили какую-то ручную черпальную машину для поднятія со дна пруда грязи и сбрасыванья ея въ сторону, и воспитанники, шутя, во время игры, вертѣли машину и очистили сами большую часть пруда.

Все это вмѣстѣ укрѣпляло наше здоровье и даже для такихъ учениковъ, какъ я, много посвящавшихъ времени на чтеніе и письмо, дѣлало непонятнымъ слово „переутомленіе". Въ IV и V классахъ я иногда, сверхъ всѣхъ собственныхъ занятій, давалъ

ежедневно два или три частныхъ урока, въ видахъ заработка денегъ, и часто посѣщалъ театръ, котораго былъ большой любитель. Воспитанники старшихъ классовъ, уже за свой счетъ, нерѣдко брали уроки фехтованія у того же Агапова; я принадлежалъ всегда къ любителямъ этого спорта и достигъ одно время такой степени совершенства въ дракѣ на рапирахъ и эспадронахъ, не говоря о несложныхъ и неважныхъ пріемахъ штыковой драки, что впослѣдствіи, будучи уже профессоромъ университета, я побилъ однажды на частномъ состязаніи офицера, взявшаго казенный призъ фехтованія! Нѣсколько разъ, я припоминаю, во время нашихъ прогулокъ посторонніе маменьки останавливали насъ, ласкали малышей и спрашивали часто: „изъ какого заведенія такія краснощекія дѣти?“ И дѣйствительно, мы, пансіонеры, рѣзко выдавались, въ большинствѣ, здоровьемъ сравнительно съ гимназистами и александровцами, т. е. питомцами дворянскаго института.

Насколько перемѣнились теперь условія физическаго воспитанія, я имѣлъ случай убѣдиться при посѣщеніи мною рязанской гимназіи и дорогого мнѣ по воспоминаніямъ пансіона всего лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ (въ 90-хъ годахъ), уже будучи академикомъ.

Директоръ гимназіи, который мнѣ любезно показывалъ знакомыя и дорогія по воспоминаніямъ залы пансіона, *рѣшительно* отрицалъ, чтобы когда-либо въ стѣнахъ пансіона были гимнастическія приспособленія и лѣстницы, и я нашелъ знакомую рекреаціонную залу совершенно пустой, тотъ самый залъ, въ которомъ я въ теченіе семи лѣтъ укрѣплялъ лично свое здоровье гимнастикой и играми!! Такимъ образомъ, самая память о гимнастикѣ въ пансіонѣ какъ бы изгладилась и, по словамъ г. директора рязанской гимназіи, гимнастика преподавалась (по крайней мѣрѣ, нѣсколько лѣтъ назадъ) только въ гимназіи, слѣдовательно, лишь вдали отъ пансіона и исключительно для желающихъ!.. Даже мотивъ къ воскреснымъ прогулкамъ съ постройкою церкви (лѣтъ двадцать пять назадъ), для которой заняли часть прежняго класснаго помѣщенія въ пансіонѣ (прежній третій классъ), теперь уничтожился, такъ какъ пансіонерамъ нѣтъ надобности болѣе въ воскресенье, какъ было въ мое время, ходить въ соборъ или куда-нибудь въ другую болѣе отдаленную городскую церковь, когда имѣется налицо своя въ стѣнахъ зданія. Сверхъ того, торжественное архіерейское служеніе и прекрасное пѣніе, привлекавшее

нѣкогда насъ къ молитвѣ и молитвенному настроенію, до сихъ поръ мнѣ памятныя, не могутъ быть, конечно, замѣнимы простотою службы въ домовой церкви настоящаго рязанскаго пансіона... Съ переходомъ въ IV, а главное въ V классъ (т. е. лѣтъ около 16 возрастомъ), со мной началъ совершаться замѣтный умственный и душевный переломъ: я сталъ постепенно болѣе сознательно относиться къ ученію, задачамъ науки и искусства и, наконецъ, къ самой жизни. Въ то время, когда ребенкомъ, какимъ я былъ еще въ младшихъ классахъ гимназіи, я старался учиться хорошо исключительно, чтобы удержать занятое мною мѣсто перваго ученика и потому, что это было выгодно и пріятно какъ для меня, такъ и для моихъ родителей, перейдя въ старшіе классы, я уже началъ цѣнить мало-по-малу знаніе само по себѣ, и расширеніе умственнаго кругозора, какъ и пріобрѣтеніе новыхъ свѣдѣній, стало доставлять мнѣ видимое удовольствіе, а временами даже наслажденіе; къ этому много способствовало хорошее преподаваніе русскаго языка и особенно исторіи русской и всеобщей литературы, которая началась фактически въ V классѣ. Учителемъ русской словесности въ то время былъ у насъ человѣкъ замѣчательный—А. П. Златовратскій, родной дядя теперешняго писателя Н. Н. Златовратскаго, котораго я помню еще мальчикомъ, по временамъ проживавшимъ у своего дяди, нашего уважаемаго педагога, имѣвшаго казенную квартиру въ зданіи пансіона. Златовратскій, подобно Алексѣеву, только что кончившій курсъ педагогическаго института, былъ товарищемъ Добролюбова, и чуть ли не съ ранней юности (кажется—его землякъ); онъ въ высшей степени уважалъ его, какъ критика и публициста, и любилъ, какъ человѣка. Имя Добролюбова часто исходило изъ его устъ по тому или другому поводу; онъ цѣликомъ прочитывалъ намъ въ классѣ вновь полученныя книжки журналовъ со статьями Добролюбова: „Темное царство", „Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ" и т. д., усердно толковалъ и комментировалъ прочитанное, всячески вызывая нашу пытливость и вниманіе къ окружающимъ насъ темнымъ сторонамъ русской жизни. Онъ говорилъ съ нами, какъ со взрослыми, какъ равный съ равными, чѣмъ, помню, чрезвычайно льстилъ нашему самолюбію, и мы старались вознаградить его за то сугубымъ вниманіемъ и усердіемъ. Мелкій контроль и регламентація программъ и начальства тогда еще не имѣли мѣста въ гимназіяхъ. Въ V классѣ гимназіи, насколько помню, полагалось обученіе, такъ называемой, „теоріи словесности", и дѣйствительно, къ экзамену по какому-то (забылъ его названіе) сухому и нескладному учеб-

нику мы заучивали правила рѣчи (о составленіи силлогизмовъ, напр., и пр.) и стихосложеніе: ямбы, хореи и т. п. Въ дѣйствительности же, какъ намъ о томъ объявилъ Златовратскій на первыхъ же урокахъ, мы занимались цѣлый годъ литературой, чтеніемъ и разборомъ появлявшихся произведеній Тургенева, Григоровича, Достоевскаго, стихотвореній Некрасова, критикъ Добролюбова, а позднѣе, когда начало выходить изданіе Солдатенкова,—старыхъ критикъ Бѣлинскаго. Златовратскій давалъ намъ объясненія отдѣльныхъ произведеній, производилъ параллели между тѣми или иными типами, выставленными въ нихъ, и возбуждалъ самодѣятельность, вызывая самостоятельную оцѣнку того или другого произведенія. Мнѣ, напримѣръ, пришлось писать и затѣмъ говорить при всемъ классѣ разборы извѣстнаго стихотворенія Некрасова „Саша", „Доходнаго мѣста"—Островскаго, „Рудина"—Тургенева и проч. Хорошо помню, какіе горячіе споры и многочисленныя параллели вызывала въ V классѣ характеристика героя изъ поэмы „Саша".

„Что ему книга послѣдняя скажетъ,
То на душѣ его сверху и ляжетъ".

Я указывалъ въ своей характеристикѣ на сходство, гдѣ-то мною вычитанное, этой личности съ Рудинымъ и Печоринымъ, Златовратскій же доказывалъ, что такое отношеніе къ чтенію и слову и слабость убѣжденій составляютъ просто результатъ незрѣлости мысли, малокультурности и, наконецъ, даже просто юности представителей такихъ воззрѣній, и обратился къ совѣсти насъ самихъ, прося каждаго взглянуть внутрь себя и сказать, не находитъ ли онъ этого недостатка, какъ герой „Саши", лично и за самимъ собой?.. Я помню, какъ всѣ мы смутились, несмотря на нашу горячность къ рѣшенію подобныхъ сложныхъ вопросовъ, чувствуя себя не безъ вины относительно фразы и легкаго отношенія къ тому, что считали своимъ убѣжденіемъ, только что пріобрѣтеннымъ и далеко еще не переработаннымъ!..

Златовратскій, какъ другъ Добролюбова, находился, кажется, съ нимъ въ перепискѣ и изрѣдка, помнится мнѣ, разъ или два приносилъ даже въ классъ и читалъ намъ какія-то письма Добролюбова общелитературнаго содержанія, всячески укрѣпляя въ насъ уваженіе къ нашему замѣчательному критику и публицисту и вѣру въ исповѣдуемыя имъ убѣжденія. Со слезами на глазахъ онъ намъ объявилъ однажды въ торжественной, хотя и нескладной рѣчи (Златовратскій, несмотря на страстность и силу своего слова, не былъ однако краснорѣчивъ и даже немного заикался)

о его смерти, въ свою очередь и мы прослезились, вспоминая автора столькихъ прекрасныхъ критическихъ произведенiй, которыя послужили темой для нашихъ многочисленныхъ бесѣдъ. Особенною популярностью пользовался среди насъ его „Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ". Мы, юнцы, хотѣли горячо вѣрить, что это — (кажется Катерина въ „Грозѣ" Островскаго) былъ не единственный „лучъ" и что такихъ лучей скоро будетъ много и что мы сами, какъ мы мечтали, будемъ скоро принадлежать къ нимъ... Я помню, какъ Златовратскій принесъ извѣстное стихотвореніе Добролюбова, выставленное у него эпиграфомъ, и прочелъ, чуть не покрывая рыданіями:

„Милый другъ, я умираю
Оттого, что былъ я честенъ,
Но зато родному краю
Вѣрно буду я извѣстенъ".

Задачи на сочиненія, потомъ читаемыя и дебатируемыя въ классѣ у Златовратскаго, состояли преимущественно въ литературныхъ параллеляхъ сродныхъ типовъ, напр.: „Евгеній Онѣгинъ" и „Герой нашего времени"; „Гамлетъ Щигровскаго уѣзда" сопоставлялся съ „Рудинымъ" и „Гамлетомъ" Шекспира и т. д. Иногда мы съ этими задачами справлялись очень нескладно и смѣшно, но нѣкоторые ученики довольно ловко подмѣчали существенныя черты описанныхъ типовъ и вызывали, къ своему удовольствію, одобреніе любимаго учителя. Въ VI, кажется, классѣ, къ нашему общему сожалѣнію, Златовратскій ушелъ отъ насъ вслѣдствіе неладовъ, какъ говорили, съ нашимъ директоромъ; впрочемъ мы скоро утѣшились: на его мѣсто перешелъ изъ семинаріи новый учитель литературы, вполнѣ достойный педагогъ и человѣкъ, Гавр. Степ. Квіетинскій. Онъ не отличался страстностью и экспансивностью почтеннаго Златовратскаго, относился къ своему дѣлу гораздо хладнокровнѣе, но въ то же время былъ также, что называется, во всеоружіи знанія, слѣдилъ за литературой какъ русской, такъ и иностранной, помнится, много читалъ нѣмецкихъ авторовъ и бѣгло познакомилъ насъ даже съ представителями міроваго искусства, начиная съ Эсхила, Софокла и Эврипида до Шекспира, Шиллера и Гете включительно, хотя, можетъ быть, всего этого и не полагалось программой; вообще въ то время программъ не строго придерживались и всегда на преподаваніи отражались индивидуальные вкусы и воззрѣнія учителя. По русской литературѣ мы прошли курсъ

гораздо полнѣе, начиная со старшихъ ея представителей, останавливаясь особенно на такихъ, какъ русскія былины, „Слово о полку Игоревѣ“ и кончая не однимъ лишь Пушкинымъ, какъ сдѣлано впослѣдствіи обязательнымъ, но и болѣе близкими представителями литературы въ ихъ главнѣйшихъ произведеніяхъ. Писаніе сочиненій было также у него въ большомъ ходу; мнѣ, напр., пришлось у него писать, я помню, о „Горѣ отъ ума“ и о „Ревизорѣ“.

Какъ человѣкъ, Квѣтинскій былъ необыкновенно добрый и сердечный; онъ полюбилъ меня, какъ занимавшагося и пытливаго юношу, и старался всѣми мѣрами приблизить къ себѣ. Узнавъ между прочимъ, что я мечтаю о филологическомъ факультетѣ и беру за свой счетъ уроки греческаго языка, Квѣтинскій вызвался самъ лично давать мнѣ уроки по-гречески, что и дѣлалъ нѣсколько времени, для чего я ходилъ къ нему чуть ли не ежедневно, проводя долгіе часы за безконечными разговорами или чтеніемъ, для чего матеріалъ давала его довольно большая библіотека. Послѣдній годъ въ VII классѣ, помню, я проводилъ у Квѣтинскаго, привязавшись къ нему всею душой, цѣлые дни, чуть ли не больше времени, чѣмъ въ пансіонѣ. Своимъ добрымъ вліяніемъ на меня и на моихъ товарищей такая хорошая личность, какъ Квѣтинскій, оказалъ намъ больше пользы путемъ одного нравственнаго воздѣйствія, чѣмъ это сдѣлалъ бы десятокъ хорошихъ учителей путемъ преподаванія, но формально относившихся къ своему дѣлу.

Помимо наставниковъ, въ успѣхахъ и развитіи ученика огромную роль всегда играютъ, разумѣется, чтеніе и общество товарищей, и вотъ о нихъ-то я и хочу теперь сообщить.

Какъ прежде это мною упоминалось, съ самаго ранняго дѣтства, какъ только выучился грамотѣ, я отличался страстною любовью къ чтенію, большею частью не находившей, впрочемъ, достойнаго приложенія: читать въ дѣтскомъ возрастѣ приходилось за недостаткомъ книгъ, выбора и системы кое-какъ и кое-что, не исключая, пресловутыхъ статей о кликушахъ въ „Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“. Съ моимъ поступленіемъ въ пансіонъ и гимназію дѣло чтенія сразу перемѣнилось къ лучшему; въ пансіонѣ, я помню, было двѣ своихъ ученическихъ библіотеки въ двухъ огромныхъ шкафахъ: младшая библіотека—для трехъ первыхъ классовъ и старшая—для остальныхъ. Библіотекарями, т. е. завѣдывающими установкой книгъ, выдачей ихъ и получкою обыкно-

венно являлись сами ученики, выписывались же книги инспекторомъ по совѣщаніи съ учителями и надзирателями, а послѣдніе были обыкновенно проводниками мнѣній и желаній въ этомъ отношеніи воспитанниковъ. Какъ страстный любитель чтенія и первый ученикъ, я очень скоро, въ первый же годъ, былъ назначенъ библіотекаремъ, что дало мнѣ въ обладаніе ключъ отъ шкафа, слѣдовательно, полную возможность все свободное время покидать міръ дѣйствительности и переноситься въ область фантазіи до такой степени, что я не разъ этимъ вызывалъ различныя шутки и штуки товарищей, такъ какъ было весьма труднымъ оторвать меня отъ начатой книжки. Интересно было бы имѣть каталогъ всего того, что я прочиталъ хотя бы за первые годы своего пребыванія въ пансіонѣ. Я помню, большою моею любовью пользовались вначалѣ два дѣтскихъ журнала: „Подснѣжникъ“ и, кажется, (если память не измѣняетъ), „Журналъ для дѣтей“, изданіе Чистякова и Разина. Изъ книгъ я неоднократно прочиталъ: „Міръ Божій“, „Сѣрый армякъ“, „Робинзонъ Крузе“, „Природа и люди“ Павловскаго, Разсказы по русской исторіи Ишимовой, нѣкоторые романы Фенимора Купера, Вальтеръ-Скотта, Загоскина, Лажечникова, Виктора Гюго („Соборъ Божіей Матери“) и нѣкоторыя вещи Пушкина и Гоголя, а въ первомъ классѣ собственно очень любилъ книжку о греческихъ миѳахъ Натаніеля Готторна.

Въ старшихъ классахъ, разумѣется, характеръ чтенія сильно измѣнился: приходилось, во-первыхъ, читать нашихъ и иностранныхъ классиковъ и въ то же время слѣдить за текущей литературой и чаще всего: „Современникъ“, „Русское Слово“ и „Русскій Вѣстникъ“. Изъ нашихъ писателей я наиболѣе всего любилъ и охотнѣе читалъ тогда всѣ вновь появлявшіяся вещи Тургенева, и лишь впослѣдствіи также прилежно сталъ знакомиться со всѣми вновь выходившими произведеніями и Льва Толстого, Достоевскаго [1]) и Гончарова.

Изъ иноземныхъ романистовъ моимъ любимымъ писателемъ сдѣлался рано Диккенсъ; изъ нѣмцевъ я предпочиталъ т. н. „Юной Германіи“—Гейне, Берне, Фаллерслебена (въ перев. Михайлова) и пр. и никогда не любилъ Гёте; французовъ, знакомыхъ съ дѣт-

---

[1]) Большую часть его записокъ изъ „Мертваго Дома“, наприм., прочиталъ, мнѣ припоминается, впервые вслухъ въ III классѣ, во время продолжительной болѣзни какого-то учителя, новый тогда инспекторъ пансіона Скандовскій и произвелъ на наши души сильнѣйшее впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что онъ читалъ весьма хорошо и выразительно.

ства, какъ А. Дюма и П. де-Кокъ—я скоро разлюбилъ и вообще съ французской литературой мало и неохотно знакомился, предпочитая всегда англичанъ. Изъ иностранныхъ драматурговъ я всегда оставался неизмѣннымъ поклонникомъ и почитателемъ Шекспира; съ русской же драмой и комедіей знакомился почти исключительно лишь путемъ театра. Огромное вліяніе, долженъ я сознаться, на умы многихъ товарищей и на меня самого имѣли стихотворенія Некрасова. Какъ бы ни судили о немъ, какъ о поэтѣ или человѣкѣ, но нѣтъ никакого сомнѣнія, онъ своимъ талантомъ производилъ крупное воздѣйствіе на умы и души своихъ современниковъ, особенно зеленой молодежи вродѣ меня. Многіе изъ моихъ товарищей выписывали цѣлыя тетради стиховъ Некрасова и твердили ихъ наизусть. Одинъ изъ моихъ товарищей, нѣкто Меркуловъ, въ будущемъ сдѣлавшійся извѣстнымъ прокуроромъ, и арминистраторомъ очень далекимъ, повидимому, отъ сочувственной этомупоэтому дѣятельности, былъ удивительнымъ знатокомъ Некрасова, зналъ его едва ли не всего наизусть и бывало по цѣлымъ часамъ читалъ мнѣ его произведенія очень задушевнымъ и трогательнымъ образомъ. Хотя я и не могъ въ этомъ случаѣ равняться съ нимъ, но точно такъ же всѣ лучшіе стихи Некрасова на тему о гражданской скорби я зналъ хорошо наизусть. Особенно нравились мнѣ и товарищамъ тѣ изъ его произведеній, гдѣ изобличалось тогдашнее невѣжество, взяточничество, пустота жизни, послѣдствія крѣпостного права и т. д.; поэтому къ любимѣйшимъ принадлежали такія стихотворенія, какъ „Филантропъ", „Маша", „Родина", „Сѣятелямъ", „У параднаго подъѣзда и т. д., „Кому живется весело, вольготно на Руси„ „Власъ" и т. п. Хотя впослѣдствіи я значительно охладѣлъ и во многомъ измѣнилъ воззрѣнія на Некрасова (особенно позднѣе подъ вліяніемъ бесѣдъ съ И. С. Тургеневымъ), убѣдился въ дѣланости его стиха, даже искусственности многихъ его произведеній, но все-таки они такъ глубоко залегли въ мою душу въ дни моего дѣтства и юности, что очень долго во многихъ случаяхъ жизни, гдѣ нужно было охарактеризовать или опредѣлить извѣстное отношеніе къ тому или иному явленію жизни, невольно приходилось всегда вспоминать и повторять мысль знакомыми словами Некрасова, въ родѣ слѣдующей:

„Сѣятель знанія на ниву народную,
Почву ль ты что ли находишь безплодную?
Худы ль твои сѣмена?

Или еще чаще:

„И вотъ они опять—знакомыя мѣста,
Гдѣ жизнь отцовъ моихъ безплодна и пуста“ и т. д.

или:

„А голоднаго отъ пьянаго не умѣютъ отличить“..., и т. д., и т. под.

Главнымъ источникомъ знакомства для насъ съ текущей литературой являлась въ Рязани публичная библіотека, къ стыду ея впослѣдствіи закрывшаяся въ силу общественнаго равнодушія. Какъ всѣ библіотеки, составленныя изъ пожертвованій, она отличалась чрезвычайной разношерстностью выбора книгъ: въ ней были очень рѣдкія иностранныя книги и не было часто нѣкоторыхъ нашихъ классиковъ; такъ наприм., одинъ свѣдущій человѣкъ мнѣ впослѣдствіи сообщалъ, что въ ней были кѣмъ-то пожертвованныя знаменитыя „Cahiers“ временъ учредительнаго собранія первой французской революціи, неизвѣстно куда теперь дѣвшіяся, и въ то же время былъ чуть ли не одинъ экземпляръ „Капитанской дочки“ Пушкина (или соотвѣтствующей книжки собранія сочиненій), куда-то затерявшійся, и, помню, я тщетно долго приставалъ къ добрѣйшему старичку библіотекарю Архангельскому за этой книжкой, нужной мнѣ для классной работы, и не могъ ее получить. Публичная библіотека помѣщалась на Почтовой улицѣ, какъ разъ посрединѣ разстоянія между нашимъ пансіономъ и семинаріей и скоро, благодаря однородности вкусовъ, сдѣлалась своего рода клубомъ для пансіонеровъ и семинаристовъ. Я, помню, тамъ составилъ знакомство между очень милыми ребятами изъ семинаріи, которые впослѣдствіи сдѣлались моими товарищами и друзьями въ университетѣ. Мы одинаково пили изъ одного источника: „Современникъ“ былъ любимѣйшій нашъ журналъ; я пользовался расположеніемъ библіотекаря г. Архангельскаго и всегда умудрялся явиться во-время къ приходу почты и получить въ свое исключительное обладаніе драгоцѣнную книгу въ сиреневой обложкѣ, еще неразрѣзанную и пахнувшую типографіей. Я немедленно усаживался къ окну, вооружался ножомъ и съ наслажденіемъ приступалъ къ священнодѣйствію: внимательно перечтя заголовокъ содержанія, разрѣзалъ статьи любимыхъ авторовъ; нерѣдко я наблюдалъ длинныя фигуры незнакомыхъ мнѣ первоначально семинаристовъ, которые съ завистью на меня въ это время поглядывали, ожидая нетерпѣливо въ свою очередь сдѣлаться обладателями любимаго журнала. „Русское Слово“, съ его главнымъ героемъ Писаревымъ

въ мое время пользовалось гораздо меньшими симпатіями, нежели „Современникъ“, и я началъ его читать уже позднѣе съ нѣкоторымъ даже предубѣжденіемъ. Именно съ Писаревымъ въ первый разъ, кажется, меня познакомили въ библіотекѣ вновь пріобрѣтенные друзья изъ семинаристовъ по поводу его знаменитой статьи-критики „Отцовъ и дѣтей“ Тургенева Я прочелъ ее немедленно по этой рекомендаціи, она представилась мнѣ очень солидной, и я въ сущности не могъ понять, какимъ образомъ, если И. С. Тургеневъ любилъ своего героя Базарова, въ состояніи былъ изобразить его такимъ угловатымъ, рѣзкимъ и непріятнымъ человѣкомъ? Даже личныя объясненія И. С. Тургенева, когда впослѣдствіи, черезъ много лѣтъ я съ нимъ познакомился и даже нѣсколько сблизился, видаясь въ Парижѣ, Лондонѣ и Москвѣ, не могли мнѣ достаточно ясно и удовлетворительно опредѣлить его отношенія къ личности главнаго героя въ „Отцахъ и дѣтяхъ“.

Вообще чтеніе въ то время, сколько припоминаю, являлось такимъ живымъ дѣломъ, такъ захватывало всего, какъ мнѣ впослѣдствіи не приходилось больше читать, читалось страстно, съ увлеченіемъ, часто—„запоемъ“—и почти все равно, въ какомъ родѣ литературы: читалась ли статья Чернышевскаго „Объ общинѣ“ или новая повѣсть Тургенева, но, разумѣется, всюду въ тогдашней литературѣ проходила болѣе или менѣе нотка гуманности, и эта живая струя—любви къ человѣку,—каковы бы ни были недостатки 60-хъ годовъ, была *великой необходимостью* для тогдашнихъ грубыхъ, извращенныхъ крѣпостнымъ бытомъ нравовъ нашего средняго сословія. Юношей я уже хорошо чувствовалъ и сознавалъ эту необходимость. Достаточно припомнить хотя бы мои бѣглыя воспоминанія о моемъ раннемъ дѣтствѣ съ этимъ частымъ сѣченіемъ розгами, битьемъ, драками, точно такъ же всеобщую продажность, обманъ, взяточничество, которыя царили тогда повсюду и такъ же мало рѣзали глаза наблюдателю того времени, какъ и розги. При насъ—дѣтяхъ и ребятахъ того времени—велись часто такіе безстыдные разговоры о „безгрѣшныхъ доходахъ“ и о „расправѣ съ людьми“, какъ называли экзекуціи съ крѣпостными, что несмотря на всѣ слабыя стороны и недостатки настоящаго общества подобныя рѣчи, я убѣжденъ, немыслимы нынѣ въ общественномъ мѣстѣ или вызвали бы въ современномъ обществѣ непремѣнно чей-нибудь протестъ и кончились бы, можетъ быть, скандаломъ..Припоминаю, напримѣръ, слѣдующій случай: въ 1854—55 годахъ формировали и отправляли ратниковъ подъ Севастополь; имъ только что сдѣлали смотръ на городской площади; бородатые мужики, взятые изъ

подъ сохи, отправляемые на бой насильно распоряженіемъ своихъ господъ (сбывались съ рукъ тѣ крестьяне, которыми были недовольны) провожались рыданіями своихъ женъ и дѣтей и сумрачно поглядывали по сторонамъ на насъ, барчей,—казалось мнѣ, ребенку,—съ замѣтной злобой. Въ это же время у какого-то интенданта или чина коммисаріата въ томъ же городѣ происходилъ роскошный обѣдъ, разливанное море, гдѣ былъ весь чиновный міръ города. Разряженная въ пухъ,—и какъ говорили послѣ за глаза,—очень глупая и необразованная хозяйка—супруга интенданта ломалась передъ гостями и хвасталась своимъ богатствомъ, только что полученнымъ посредствомъ ограбленія тѣхъ же ратниковъ и казны. Она нисколько не стѣснялась, *помню это хорошо*, хотя я былъ тогда очень малъ—не болѣе девяти или десяти лѣтъ—высчитывать передъ этой большой компаніей съ хвастовствомъ, сколько ея мужъ получилъ отъ такой-то или отъ другой статьи поставки на этихъ самыхъ ратниковъ.... Послѣ подобныхъ сценъ становится понятнымъ, почему относительно, можетъ быть, далеко непервостепенныя произведенія, какъ „Филантропъ" или „Маша" Некрасова или „Доходное мѣсто"—Островскаго и т. п., имѣли огромное значеніе для своего времени, какъ рѣзкій и талантливо выраженный протестъ своего рода, какъ бы бичъ проснувшейся общественной совѣсти! Если подобныя произведенія и не уничтожали взяточниковъ на Руси, то во всякомъ случаѣ подготовляли насъ, молодое поколѣніе, въ смыслѣ отвращенія къ этому старому грѣху русской жизни и питали идеалы честнаго служенія на благо родины...

Не малую роль въ трудномъ дѣлѣ выработки міросозерцанія, надобность въ чемъ такъ рѣзко сказывается у мальчиковъ въ возрастѣ около шестнадцати и старше лѣтъ, всегда играетъ товарищество, компанія, и я всю жизнь вспоминаю съ признательностью о своихъ рязанскихъ товарищахъ и друзьяхъ и вообще, если Рязань была чужой для меня при поступленіи въ гимназію, то сдѣлалась истинно родной, когда я покинулъ ее и, какъ связанная съ лучшимъ періодомъ моего дѣтства и отрочества, Рязань всего чаще вызываетъ теперь во мнѣ дорогія воспоминанія и въ этомъ смыслѣ рядомъ съ Коломной и Москвой (и даже, можетъ быть, въ большей степени) является моей второй духовной родиной.

Собственно друзей у меня въ гимназіи было немного: лишь три человѣка одноклассники, изъ коихъ до сихъ поръ живъ и поддерживаетъ со мною сношенія лишь одинъ мой близкій

пріятель Н. И Родзевичъ, присяжный повѣренный въ Рязани. Мы четверо чаще всего видѣлись, дружно шли рука объ руку въ ученіи въ гимназіи, дѣлились своими мыслями, сомнѣніями и всѣми нуждами, и нашимъ центромъ была квартира упомянутаго Н. И. Родзевича, гдѣ провели мы множество пріятнѣйшихъ вечеровъ нашей юности. Живой, веселый, добрый хозяинъ почти ежедневно угощалъ насъ музыкой, будучи хорошимъ игрокомъ на гитарѣ, пытался даже обучать меня игрѣ на этомъ инструментѣ, но оказалось, что я такъ плохъ въ смыслѣ музыкальнаго слуха и пониманія, что пришлось бросить эту затѣю въ самомъ началѣ. Подъ звуки „Il Baccio", его любимой вещи, поглощая жидкій чай, цѣлые часы мы толковали о лучшемъ будущемъ, дѣлились своими надеждами и планами. Замѣчательная черта при томъ, что когда даже мы сдѣлались юношами уже на возрастѣ, семнадцати-восемнадцати лѣтъ, скоро имѣющими покончить счеты съ Рязанью и поступить въ университетъ, мы, обратно съ настоящей молодежью, никогда почти не говорили и мало интересовались политикой, т. е., другими словами, развитіе наше совершалось гораздо нормальнѣе и покойнѣе, нежели нынѣ. Я часто, какъ много читавшій юноша, разсказывалъ въ компаніи друзей о вновь вышедшей интересной книгѣ или статьѣ „Современника", или романѣ Тургенева, или Достоевскаго; хозяинъ Н. И. сообщалъ что-нибудь изъ новостей обще-важныхъ въ Москвѣ или Петербургѣ, о чемъ ему писали изъ Москвы, гдѣ его батюшка занималъ высокій административный постъ, но тѣмъ не менѣе никогда ни о какихъ переворотахъ, демонстраціяхъ рѣчей не держали и къ подобнымъ рѣчамъ, вѣроятно, даже были бы совершенно равнодушны.

Крупное значеніе для моего духовнаго развитія, помимо упомянутаго интимнаго кружка, имѣли такъ называемые у насъ въ пансіонѣ пышно и не по заслугамъ „литературные вечера" или собесѣдованія, сравнительно уже довольно многолюдныя и которыя собирались обыкновенно по очереди на квартирѣ у кого-нибудь изъ гимназистовъ, имѣвшихъ достаточное помѣщеніе. Чаще всего, я помню, подобные вечера происходили у одного изъ моихъ товарищей (постарше впрочемъ меня), о судьбѣ котораго я теперь ничего не знаю,—нѣкоего М. Г. Корчагина, имѣвшаго благополучіе обладать большой, въ нѣсколько оконъ, комнатой—свѣтелкой наверху подъ крышей, гдѣ-то близъ присутственныхъ мѣстъ. Тамъ мы собирались много разъ и помногу часовъ проводили

вмѣстѣ, читая Добролюбова, Бѣлинскаго, Чернышевскаго, Антоновича и проч. За чтеніемъ вслухъ или чаще сокращеннымъ докладомъ изъ прочитанной вещи, если она была слишкомъ велика, слѣдовали нескончаемые споры вкривь и вкось. Хозяинъ Корчагинъ, а еще чаще одинъ изъ старшихъ товарищей, нѣкто Е. Б. Пятницкій, играли какъ бы роль предсѣдателей, т.-е. иногда резюмировали наши пренія и подводили имъ итоги. Изъ прочитаннаго такимъ образомъ помню, наприм., опять статью о „Грозѣ" („Лучъ въ темномъ царствѣ"), статью его о Буддійской религіи, нѣкоторые очерки Д. С. Милля и проч., проч. Споры затягивались буквально до ранняго утра, при этомъ выпивалось громадное количество стакановъ чаю съ угрызеніемъ, но не ѣли и не пили больше ничего, почему, уже на разсвѣтѣ возвращаясь въ пансіонъ съ нѣсколькими подобными мнѣ уже взрослыми воспитанниками, мы заходили обыкновенно въ булочную, гдѣ пріобрѣтали готовые къ этому времени горячіе французскіе хлѣбы прямо изъ печки и съ серьезнѣйшимъ аппетитомъ заѣдали ими наши безконечные споры о судьбахъ человѣчества...

Важную роль въ этихъ собраніяхъ, заставившихъ передумать и прочесть многое, потому что къ нимъ приходилось иногда готовиться и подчитывать, игралъ товарищъ гораздо старше меня и, какъ я слышалъ, теперь давно уже умершій, Егоръ Борисовичъ Пятницкій. Онъ не обладалъ отнюдь даромъ слова, но имѣлъ хорошую голову и умѣлъ во всякомъ вопросѣ найти настоящую точку зрѣнія, съ которой надо на дѣло взглянуть. Благодаря этому, Пятницкій умѣлъ очень трудные и спорные вопросы, такъ сказать, разжевывать и сдѣлать ясными. Поэтому сколько мы ни спорили на своихъ литературныхъ собраніяхъ, обыкновенно обращались въ концѣ къ Егору Борисовичу съ просьбой сказать свое мнѣніе, и онъ, путая и повторяясь, высказывалъ обыкновенно вѣское сужденіе, которое большинствомъ и принималось, лишь отдѣльные скептики его оспаривали или пускались въ постороннія умствованія и сужденія; тогда Пятницкій махалъ рукой, и собраніе продолжало горячо говорить, разбившись на отдѣльные кружки, совершенно такъ же, какъ бываетъ на крестьянскомъ міру, т.-е. произносились рѣчи безъ толку, перебивая другъ друга, не слушая никого, пока вновь кто-нибудь, чаще опять тотъ же Пятницкій, останавливалъ общее вниманіе оригинальностью своей аргументаціи и завоевывалъ сочувствіе собранія.

Быстро промелькнули два послѣднихъ года моей гимнази-

ческой жизни; я пользовался прекраснѣйшимъ здоровьемъ, былъ полонъ силъ и самыхъ радужныхъ надеждъ на будущее; все мнѣ улыбалось, а между тѣмъ въ это время серьезное горе незамѣтно впервые подкрадывалось ко мнѣ. Мы уже говорили въ нашемъ интимномъ кружкѣ объ университетѣ: большинство моихъ товарищей избрало юридическій факультетъ, нѣкоторые—математическій, и я одинъ лишь, помню, намѣтилъ себѣ филологическій и только смущался предстоящимъ испытаніемъ изъ греческаго языка.

Была весна 1864 года; приближалась Свѣтлая недѣля, насъ уже скоро должны были распустить, и мы начали готовиться къ послѣднимъ экзаменамъ за всѣ семь лѣтъ, предстоявшимъ въ маѣ мѣсяцѣ. Вдругъ надъ моей головой грянулъ громъ: я получилъ на шестой недѣлѣ поста краткую телеграмму, подписанную отцомъ: „Мать твоя сильно заболѣла. Пріѣзжай немедленно". Я тотчасъ отправился къ директору просить немедленнаго отпуска. Несмотря на то, что до праздниковъ оставалось какая-нибудь недѣля учебнаго времени, „Федюкъ" ломался и не хотѣлъ отпустить меня и, когда я сталъ рѣзко настаивать на отпускѣ, имѣлъ безсердечіе упомянуть, что вѣдь теперь моего покровителя въ московскомъ университетѣ А., который хлопоталъ о моемъ опредѣленіи въ гимназію, уже болѣе не существуетъ... Я продолжалъ рѣшительно настаивать и послѣ крупнаго разговора, наконецъ, былъ отпущенъ и въ тотъ же вечеръ выѣхалъ на лошадяхъ до Коломны, откуда началось уже желѣзнодорожное движеніе.

Отецъ мой жилъ тогда у Харитонія въ Огородникахъ, недалеко отъ Рязанской желѣзнодорожной станціи, въ Москвѣ, тѣмъ не менѣе я всячески торопилъ извозчика, земля подо мной горѣла. Когда я подъѣхалъ, наконецъ, къ воротамъ дома, гдѣ жили родители, я покинулъ извозчика съ моимъ имуществомъ и быстро побѣжалъ черезъ дворъ къ квартирѣ; первое, что я увидалъ, отворивши наружную дверь,—гробовую крышку, стоявшую около нея... Все, слѣдовательно, было кончено съ моей матерью, и я опоздалъ проститься!.. Не буду описывать этого перваго серьезнаго горя, которое сдѣлало меня несчастнымъ и лишило возможности о чемъ-либо думать на нѣсколько недѣль. Воспоминанія о строгости, съ которой мать часто относилась къ моимъ прогрѣшностямъ, не только не уменьшало моего великаго горя и скорби, но скорѣе наоборотъ: я былъ уже достаточно великовозрастенъ, чтобы понять, что эта строгость вызывалась именно ея большой любовью ко мнѣ... Послѣ похоронъ матери я остался на праздни-

ки утѣшать совсѣмъ убитаго горемъ старика-отца, и, съ окончаніемъ ихъ, вернулся въ пансіонъ и явился по обычаю къ директору и инспектору. Я замѣтилъ, „Федюкъ" нѣсколько смутился, увидѣвъ черные плерезы на моемъ красномъ воротникѣ и обшлагахъ. Первый разъ я убѣдился въ пріятномъ для меня фактѣ, что большинство товарищей меня любитъ и относится ко мнѣ хорошо; видимо, всѣ сочувствовали постигшему меня несчастію, искренно это выражали.

Но горе, по русской поговоркѣ, никогда не идетъ одно. Какъ было уже раньше упомянуто, все время своего пребыванія въ гимназіи я шелъ отличнымъ ученикомъ, считался первымъ и по заведенному порядку имѣлъ право разсчитывать на золотую медаль и запись моего имени навсегда на золотой доскѣ въ актовомъ залѣ гимназіи. Я даже намекнулъ объ этомъ предстоящемъ событіи, утѣшая своими успѣхами отца въ Москвѣ. Но—увы!—этому не суждено было осуществиться, и мои надежды на золотую медаль оказались очень обманчивыми. Чуть ли не въ этотъ годъ впервые вышло постановленіе въ московскомъ учебномъ округѣ командировать въ видахъ контроля на выпускные, гимназическіе экзамены кого-либо изъ профессоровъ, что продолжалось нѣсколько лѣтъ и какъ бы служило преддверіемъ и предтечей другой подобной мѣры—посылки въ настоящее время предсѣдателей экзаменаціонныхъ коммиссій отъ министерства по всѣмъ университетамъ. Ни права, ни обязанности этихъ командированныхъ тогда въ гимназіи профессоровъ, предсѣдателей экзаменовъ, не были опредѣлены и, сколько я тогда узналъ, отдѣльныя лица изъ профессоровъ вели себя весьма различно. Можетъ быть, поэтому командированный къ намъ въ Рязань профессоръ, если не ошибаюсь, гигіены въ московскомъ университетѣ М., счелъ себя въ правѣ перевернуть вверхъ ногами господствовавшій до тѣхъ поръ распорядокъ экзаменовъ. Обычно выпускной экзаменъ въ VII классѣ продолжался у насъ до тѣхъ поръ мѣсяца $1^1/_2$ и заключался въ повтореніи всего пройденнаго за семь лѣтъ; обыкновенно распускали въ VII классѣ за мѣсяцъ, итого на экзаменъ выходило примѣрно $2^1/_2$ мѣсяца, при чемъ между отдѣльными предметами установлены были соразмѣрно съ важностью предмета интервалы для того, чтобы дать возможность повторить пройденное и обновить его въ памяти. Вслѣдствіе смерти матери и поѣздки на 3 недѣли въ Москву, у меня какъ разъ измѣнилось все къ худшему, и я лишенъ былъ части времени, необходимаго для подготовки, какъ

вдругъ пріѣхавшій въ началѣ мая въ Рязань предсѣдатель коммиссіи М., несмотря на всѣ возраженія директора и учителей, опредѣлилъ, что всѣ экзамены по всѣмъ предметамъ должны обязательно кончиться *въ одну недѣлю*, такъ какъ въ серединѣ мая у него должны были происходить свои собственные экзамены въ московскомъ университетѣ. Какъ впослѣдствіи пришлось мнѣ слышать, въ другихъ гимназіяхъ ничего подобнаго не происходило, и командированныя лица или оставались по крайней мѣрѣ на цѣлый мѣсяцъ въ теченіе экзаменовъ или предсѣдательствовали только на экзаменахъ по тѣмъ предметамъ, которые происходили въ ихъ присутствіи.

Итакъ, въ 1864 году въ рязанской гимназіи произошло невиданное до тѣхъ поръ событіе: испытанія для выпускного седьмого класса были назначены въ началѣ мая и, главное, по нѣскольку предметовъ въ день и притомъ каждый день, и мы, плохо подготовленные, буквально одурѣли и шатались отъ усталости, не спавши всѣ ночи; въ цѣломъ, держали экзамены все-таки отвратительно скверно, смотря по тому, кто изъ какого предмета раньше роспуска успѣлъ подготовиться, или результаты зависѣли чисто отъ случая. Почему-то предсѣдатель профессоръ М. былъ, какъ разсказывали учителя, предубѣжденъ противъ нашей гимназіи, и это высказывалось въ его чрезвычайной придирчивости и настойчивости, съ которой онъ самъ ставилъ баллы во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда учителя не выказывали протеста и были уступчивы. Первый экзаменъ, на которомъ я, первый ученикъ, срѣзался и поселилъ противъ себя предубѣжденіе предсѣдателя на все остальное время, былъ, какъ помню, изъ латинскаго языка, изъ котораго я такъ все время отличался и первенствовалъ въ гимназіи. Послѣ удовлетворительныхъ отвѣтовъ по грамматикѣ и переводовъ знакомыхъ мѣстъ нѣкоторыхъ латинскихъ писателей, предсѣдатель М. развернулъ совсѣмъ незнакомое мѣсто сначала изъ Саллюстія, съ которымъ я справился, хотя и съ ошибками, а затѣмъ также незнакомое мѣсто для перевода à livre ouvert изъ „Метаморфозъ" Овидія,—здѣсь я оказался уже совсѣмъ плохъ. Предсѣдатель хотѣлъ, говорили мнѣ, поставить 2 и только послѣ заступничества совсѣмъ посторонняго лица, Квіетинскаго, который заявилъ ему, что я поступаю на филологическій факультетъ, поправилъ двойку на 3. Другую тройку или четверку я получилъ, кажется, изъ математики за тригонометрію, которую вышеуказанный въ моихъ вспоминаніяхъ учитель математики Н. Я. Т. самъ не

понималъ и насъ не выучилъ понимать, и еще двѣ или три четверки изъ разныхъ предметовъ. Предсѣдатель даже хотѣлъ поставить мнѣ послѣдній баллъ, т.-е. 4, изъ исторіи и русскаго языка, но Григоровъ и Квіетинскій рѣшительно протестовали и настояли на отличномъ баллѣ. Какъ бы то ни было, моя медаль увы! улыбнулась, ибо для нея нужно было круглое пять, которые я имѣлъ всегда въ теченіе семилѣтняго пребыванія, но этотъ выпускной экзаменъ уничтожилъ оцѣнку всѣхъ семи лѣтъ. Изъ тринадцати, помнится мнѣ, человѣкъ, вообще шедшихъ въ седьмомъ классѣ ровно и хорошо, восемь получило баллъ въ среднемъ болѣе четырехъ, которые требовались тогда для поступленія въ университетъ; вышло даже много курьезовъ благодаря этому спѣшному и капризному экзамену: одинъ изъ моихъ близкихъ друзей, напримѣръ, постоянно жившій на урокахъ латинскаго языка моей помощью, т. е. моими тетрадками и подсказками, получилъ изъ латинскаго языка баллъ выше, чѣмъ я—4, а лучшій нашъ математикъ Р. едва ли не получилъ на этомъ экзаменѣ всего только 3.

Обиженный и огорченный, я возвращался съ послѣдняго экзамена въ пансіонъ, не имѣя возможности, какъ мечталъ о томъ много лѣтъ и почти обѣщалъ отцу, утѣшить его телеграммой о своемъ блестящемъ окончаніи гимназіи, все время пребыванія въ которой я такъ отличался своими успѣхами. Какъ бы то ни было, съ гимназіей все было покончено, и явилось страстное желаніе поскорѣе снять куртку съ краснымъ воротникомъ и облечься въ статское платье—эту эмблему студенческой свободы, такъ какъ въ тѣ времена никакой формы у студентовъ не существовало. Нашъ пятимный товарищескій кружокъ во главѣ съ Н. И. Родзевичемъ вскорѣ же по окончаніи экзаменовъ отправился къ фотографу и увѣковѣчилъ себя снятіемъ общей группы съ соотвѣтствующими свободѣ аттрибутами: такъ мы никогда не играли въ карты, а тутъ ихъ взяли въ руки и нѣкоторые даже глубокомысленно на нихъ смотрѣли; мы ничего никогда не пили, кромѣ жидкаго чая, но тутъ на столъ поставили бутылку съ надписью „ромъ"; наконецъ, подъ нашими ногами валялись, какъ можно было судить по надписямъ на корешкахъ, кучи растрепанныхъ учебниковъ въ родѣ латинской грамматики и т. д.

Итакъ, прощай гимназія! Да здравствуетъ университетъ! Предстояла новая эра жизни; какъ-то она скажется и какъ-то себя покажетъ? Увы! Для большинства изъ насъ, и наиболѣе всего для меня, она принесла гораздо болѣе нужды, горя и слезъ,

чѣмъ покойное теченіе нашей жизни въ стѣнахъ пансіона и гимназіи, несомнѣнно, съ относительно хорошимъ содержаніемъ, подъ благотворнымъ вліяніемъ нѣсколькихъ прекрасныхъ личностей изъ нашихъ педагоговъ, о которыхъ я не могу до сихъ поръ вспоминать безъ слезъ и среди радостей замѣтнаго для самихъ себя постепеннаго саморазвитія, просвѣтленія и расширенія умственнаго кругозора, подъема и роста всей нашей жизни! Спасибо тебѣ сердечное, спасибо, Рязань, за все хорошее, отъ тебя полученное!!.

Подведемъ теперь общіе итоги всего сказаннаго до сихъ поръ въ моихъ воспоминаніяхъ. Просматривая все набросанное мною по этой части на бумагу, я нахожу въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ въ зеркалѣ, остатки переживанія временъ крѣпостного права съ его жестокими и грубыми нравами и, если описаніе дѣтства и отрочества у Толстого, Аксакова и у нѣкоторыхъ другихъ знакомыхъ мнѣ писателей прошло мягче и описано болѣе идиллично, то иначе, конечно, должно было обстоять дѣло въ небогатыхъ дворянскихъ семьяхъ (мелкопомѣстныхъ), въ которой выросъ и воспитался я... Никакихъ гувернеровъ и гувернантокъ я не зналъ, да почти и не видалъ даже у сосѣдей во время своего дѣтства, никакой дисциплины, но зато и лакейства я также не видалъ до позднѣйшаго времени: помню, перваго ливрейнаго лакея я увидѣлъ уже гимназистомъ и былъ очень удивленъ его униформой... Я росъ, какъ дичокъ, рядомъ съ крестьянскими мальчиками, жилъ ихъ жизнью въ хорошемъ и въ дурномъ смыслѣ. Переселившись въ Коломну и попавши въ уѣздное училище, я очутился опять среди мѣщанскихъ и ямщицкихъ дѣтей, несомнѣнно, нравственно стоящихъ ниже крестьянскихъ, но опять-таки никакихъ дворянскихъ предразсудковъ и предубѣжденій не получилъ и никогда не считалъ себя выше другихъ подобныхъ мнѣ мальчишекъ, какого бы званія и состоянія они ни были.

Подобно крестьянскимъ и потомъ мѣщанскимъ дѣтямъ, я былъ предоставленъ все дѣтство и отрочество самому себѣ, своей собственной волѣ и своему собственному хотѣнію и защитѣ; почти никто не интересовался, если у меня вскочилъ какой-нибудь синякъ подъ глазомъ, или явился рубецъ на физіономіи, — откуда онъ произошелъ и какимъ образомъ?! Вмѣстѣ съ своими товарищами я въ дѣтствѣ продѣлывалъ все то, что они считали позволительнымъ: такъ, напр., совершалъ съ толпами мальчишекъ

періодическіе набѣги на чужіе огороды и сады и неоднократно за это былъ сѣченъ. Одинъ разъ едва не утонулъ въ рѣчкѣ въ городѣ Коломнѣ, переплывая ее во время купанья вмѣстѣ съ другими мальчишками въ цѣляхъ экскурсіи въ сосѣдній огородъ за чужими огурцами. Въ другой разъ слетѣлъ съ качели изъ-подъ конька крыши каретнаго сарая и страшно разбилъ себѣ голову, такъ что долго лежалъ безъ чувствъ. Вмѣстѣ съ этимъ полнѣйшимъ laissez faire въ моемъ раннемъ воспитаніи и моими шалостями и утѣхами съ моими крестьянскими друзьями, мнѣ доставались на долю и такія же грубыя наказанія,—тукманки и сѣченіе розгами и,—пожалуй, чаще даже, чѣмъ имъ. Какъ бы то ни было, дѣтство дало мнѣ одинъ прекрасный задатокъ—хорошее здоровье, грубость же всей обстановки моего дѣтства и частыхъ наказаній за разныя мои продѣлки сообщила нѣкоторую грубость внѣшнихъ манеръ и вкусовъ, съ которой пришлось бороться въ будущемъ и себя перевоспитывать. Съ поступленіемъ впрочемъ въ гимназію, съ извѣстной перемѣной всѣхъ декорацій, все измѣнилось: хорошіе учителя, мягкое и сердечное отношеніе, скорое наступленіе всеобщей эмансипаціи отъ тѣлесныхъ наказаній (вышеописанное),—и въ результатѣ моя неукротимость нрава и грубость, пріобрѣтенныя въ дѣтствѣ, стали быстро сваливаться, какъ чешуя или старая кожа... Обратно съ прежнимъ, я сдѣлался юношей очень чувствительнымъ и строгимъ къ себѣ и къ принятымъ на себя обязанностямъ; вмѣсто прежняго своеволія наступило время разумнаго послушанія и дисциплины, которыя, требуя отъ себя, я сталъ требовать и по крайней мѣрѣ ожидать и отъ другихъ.

Поэтому, обозрѣвая мысленнымъ взоромъ свое дѣтство и юность, вплоть до окончанія курса гимназіи, несмотря на всѣ темныя пятна своей дѣтской жизни, откровенно въ настоящихъ воспоминаніяхъ и съ полною искренностью отмѣченныя и описанныя, я долженъ признать, что въ общемъ я доволенъ моимъ дѣтствомъ и отрочествомъ какъ до гимназіи, такъ еще болѣе въ ней. Школа должна не только учить своихъ учениковъ, но и воспитывать ихъ, и мое дѣтство вмѣстѣ со школой, здѣсь описанныя, именно хорошо или дурно этой цѣли удовлетворяли, и если я погляжу на множество моихъ товарищей, а еще больше—многочисленныхъ учениковъ, жизнь которыхъ по той или иной причинѣ мнѣ близко знакома, то не могу не придти къ заключенію, что та школа жизни, которую я прошелъ, хотя была сначала су-

рова, и груба, и съ разными иными дефектами, тѣмъ не менѣе она способствовала и содѣйствовала, во-первыхъ,—развитію у меня воли и характера, а во-вторыхъ—развитію самостоятельности.

Какъ извѣстно, первое условіе всякаго успѣха и прогресса въ жизни—это настойчивость въ преслѣдованіи поставленной цѣли и, къ сожалѣнію, какъ всѣмъ извѣстно, этой черты, которой отличается національный характеръ, напр., англосаксонской расы и даже еврейской, не достаетъ нашему славянскому благодушію, и если мы будемъ пристальнѣе всматриваться въ окружающую насъ жизнь, то замѣтимъ, что въ отсутствіи этой настойчивости именно и заключается главная причина нашего неуспѣха во многомъ сравнительно съ иностранцами, несмотря на всѣ наши достоинства, способности и выгодныя стороны, которыя, повидимому, должны бы обезпечивать успѣхъ. Результаты условій моей жизни и школы, гдѣ я обучался, не могу не назвать въ этомъ отношеніи успѣшными; напомню, какъ я добился—всего 14 лѣтъ отъ роду—(было сообщено въ настоящихъ воспоминаніяхъ) въ три мѣсяца порядочнаго знакомства съ англійскимъ языкомъ, когда твердо этого захотѣлъ. Достаточно уже было одного такого успѣха, чтобы впослѣдствіи затѣмъ неоднократно и за болѣе продолжительное время я повторялъ опытъ и муштровалъ себя, добиваясь разъ той или иной поставленной мною цѣли, и въ большинствѣ случаевъ всегда достигалъ желаемаго, въ предѣлахъ, конечно, возможнаго...

Съ другой стороны, жизнь и школа выработали у меня извѣстную самостоятельность: въ огромномъ большинствѣ случаевъ я привыкъ обходиться постоянно безъ посторонней помощи и полагаться во всякомъ дѣлѣ на себя самого. Очень рано, совершеннымъ ребенкомъ, я долженъ былъ самъ себѣ промышлять матеріальныя средства, сначала необходимыя для моихъ второстепенныхъ нуждъ и прихотей, а затѣмъ позднѣе и для нуждъ настоятельныхъ, какъ самое существованіе; перемѣна положеній жизни не вызывала поэтому для меня никакихъ разочарованій и не дѣлала никакихъ сюрпризовъ. Я всегда твердо помнилъ въ своей молодости, что никто для меня ничего не приготовитъ и не позаботится, если я самъ не сдѣлаю лично все необходимое для себя. Вотъ тѣ стороны, *два урока*, которые жизнь совокупно со школою читали мнѣ въ теченіе моего дѣтства, отрочества и юности и за которыя я ими доволенъ, какія бы ни были тѣневыя грубыя ихъ стороны или

просто пятна, которыя съ теченіемъ времени изгладились и исчезли, а хорошее осталось!..

Теперь, въ концѣ-концовъ, подводя, такъ сказать, перечень всѣмъ отрицательнымъ, и положительнымъ сторонамъ собственно моей пансіонской и гимназической жизни въ Рязани, укажемъ прежде всего *отрицательные* результаты моего ученія:

1) Плохое знаніе всей математики (за исключеніемъ ариѳметики и лонгиметріи), физики и тригонометріи исключительно благодаря дурному преподаванію.

2) Плохое преподаваніе чистописанія и рисованія, на которыя никто не обращалъ никакого вниманія: помню, напр., въ III классѣ я всегда, какъ правило, за уроками рисованія занимался чтеніемъ и около года формально рисовалъ лишь одну грушу, пока прорвалъ бумагу, и на этомъ кончились мои занятія искусствомъ.

3) Никуда негодное преподаваніе новыхъ языковъ, которымъ насъ скорѣе разучивали, чѣмъ выучивали: по крайней мѣрѣ многіе изъ моихъ товарищей забыли даже то, что раньше пріобрѣли дома, и если, кончая курсъ гимназіи, я сносно читалъ по-французски и хорошо по-англійски, то этимъ всецѣло обязанъ былъ собственнымъ усиліямъ, а никакъ не гимназіи.

Вотъ, по совѣсти сказать, всѣ минусы моего гимназическаго образованія или все то, что я могу сказать противъ Рязанской гимназіи своего времени; въ остальныхъ отношеніяхъ, касательно прочихъ предметовъ образованія, какъ и физическаго развитія, за нѣкоторыми неважными поправками (а на свѣтѣ нѣтъ, конечно, ничего совершеннаго), я могу лишь высказать по поводу Рязанской гимназіи свое полное удовлетвореніе достигнутыми въ моемъ образованіи и духовномъ состояніи результатами. Эти *положительные* результаты:

1) Я не только сохранилъ хорошее здоровье, принесенное мною въ гимназію послѣ раннихъ годовъ здоровой деревенской жизни, но значительно укрѣпилъ его тамъ, несмотря на усиленныя занятія,—гимнастикой, играми, частыми прогулками и пребываніемъ на свѣжемъ воздухѣ; настоящихъ испитыхъ зеленыхъ физіономій, столь нерѣдкихъ у гимназистовъ теперешняго времени, я совершенно въ дѣтствѣ не помню [1]); никакого переутомленія я не зналъ въ жизни, хотя по временамъ много работалъ.

---

[1]) Кромѣ буквально *одного* лишь товарища, нѣкоего—Писарева (классомъ меня старше), прозваннаго поэтому „зеленымъ"!.

2) Я пріобрѣлъ сносное знакомство, путемъ обученія естественной исторіи въ гимназіи, а равно чтенія и разныхъ экскурсій, съ природой во всѣхъ ея важнѣйшихъ явленіяхъ и рано полюбилъ ее.

3) Я пріобрѣлъ въ гимназіи путемъ какъ обученія въ классахъ, такъ и чтенія подъ руководствомъ учителей порядочное знакомство съ географіей, а главное съ русской и общей исторіей, что мнѣ весьма пригодилось впослѣдствіи въ университетѣ и всю жизнь при занятіи наукой.

4) Я пріобрѣлъ въ гимназіи путемъ обученія, чтенія и писанія многочисленныхъ сочиненій (благодаря отсутствію мелочной регламентаціи программъ и умѣренной школьной работѣ) хорошее для юноши знакомство съ русскимъ языкомъ и словесностью и всеобщей литературой.

5) Я пріобрѣлъ хорошее знакомство съ латинскимъ языкомъ и, что важнѣе, даже полюбилъ его и, хотя впослѣдствіи, не имѣя возможности кончить по филологическому факультету, какъ предполагалъ, и занимаясь совсѣмъ другимъ, я въ значительной степени его перезабылъ, тѣмъ не менѣе, будучи профессоромъ финансоваго права въ Московскомъ университетѣ, я часто замѣчалъ и поправлялъ на экзаменахъ ошибки въ грамматикѣ этого древняго языка, которыя дѣлали при рѣдкихъ подходящихъ случаяхъ мои слушатели и бывшіе ученики классическихъ гимназій, учившіеся по латыни восемь, а не 4 года... Какъ орудіе для развитія памяти и соображенія—своего рода гимнастику— я считаю до настоящаго времени древніе языки ничѣмъ не замѣнимыми, и для меня лично занятія латинскимъ, какъ и добровольныя упражненія въ греческомъ языкѣ, оказали большую пользу моему умственному развитію, и я вспоминаю ихъ всегда съ признательностью.

Вотъ все важнѣйшее, кажется, и не малое, что дала мнѣ и принесла съ собою Рязанская гимназія 60-хъ годовъ прошлаго вѣка. Если ко всему сказанному прибавить еще, что время пребыванія моего въ этой дореформенной гимназіи было не только не безплоднымъ для моего общаго развитія, но я замѣтно созрѣлъ умственно и приготовился въ ней къ болѣе сознательному воспріятію науки въ университетѣ въ значительно большей степени, чѣмъ это бываетъ въ огромномъ большинствѣ съ настоящею молодежью то, принимая все это во вниманіе, я не могу (кончая настоящую

„лѣтопись своего бытія“)отнестись къ указаннымъ выше отрицательнымъ сторонамъ своего пребыванія въ Рязанской гимназіи иначе, какъ съ полнымъ снисхожденіемъ. . Дай Богъ другимъ, конечно, быть еще счастливѣе и во всѣхъ отношеніяхъ получить въ своей школѣ еще болѣе полное удовлетвореніе. Я же доволенъ достигнутымъ и еще разъ за все для меня сдѣланное посылаю сердечное спасибо Рязани и ея гимназіи!..

IV.

Краткое сообщеніе изъ воспоминаній о Рязанской губернской гимназіи бывшаго ея воспитанника

Василія Алексѣевича Мартынова.

Воспоминанія мои относятся къ періоду времени отъ 1849 по 1858 годъ.

Гимназія означеннаго періода времени была семиклассной, съ подраздѣленіемъ съ 4-го класса на два отдѣленія: отдѣленіе для учениковъ, проходившихъ курсъ латинскаго языка и подготовлявшихся черезъ это, по окончаніи гимназіи къ поступленію въ университетъ безъ предварительнаго испытанія; другое отдѣленіе для учениковъ, изучавшихъ краткій курсъ законовѣдѣнія и пользовавшихся по окончаніи гимназическаго курса правомъ на чинъ 14 класса, при поступленіи на государственную службу.

Первые три младшіе классы гимназіи имѣли параллельныя отдѣленія при гимназическомъ пансіонѣ. Въ пансіонскомъ отдѣленіи учениками были воспитанники пансіона, а также приходящіе гимназисты. Третій классъ пансіонскаго отдѣленія занималъ помѣщеніе, находящееся въ настоящее время предъ церковью; второй классъ размѣщался въ угольной комнатѣ, обращенной окнами частію на улицу, частію въ городской садъ,—а первый классъ въ сосѣдней комнатѣ, обращенной окнами въ городской садъ. Въ зданіи гимназіи всѣ 7 классовъ съ физическимъ кабинетомъ включительно помѣщались во второмъ этажѣ зданія прежняго, безъ послѣдующей пристройки; въ нижнемъ этажѣ были квартиры для преподавателей.

Приготовительнаго класса при гимназіи не было. Плата за ученіе съ приходящихъ учениковъ была 10 рублей въ годъ; по пяти рублей въ полугодіе.

Въ первый классъ гимназіи поступало до 80 человѣкъ: по 40 учениковъ въ каждомъ отдѣленіи. Оканчивали курсъ гимназіи отъ 8 до 18 учениковъ. Въ 1858 году окончили курсъ восемь учениковъ: семь, обучавшихся латинскому языку, и одинъ законовѣдѣнію. Относительно небольшой процентъ учениковъ, оканчивавшихъ полный гимназическій курсъ, находился отчасти въ связи съ тѣмъ, что многіе родители того времени считали для своихъ дѣтей вполнѣ достаточнымъ прохожденіе курса четырехъ классовъ гимназіи.

Число пансіонеровъ доходило до 80 человѣкъ. Ежедневно въ каждомъ классѣ было по 4 урока: съ 9 до 2 $^1/_2$ часовъ.

Учебный годъ начинался съ 1-го сентября и оканчивался въ послѣднихъ числахъ мая или въ началѣ іюня. Переводные экзамены сперва назначались послѣ вакаціоннаго времени, а впослѣдствіи предъ вакаціей, —при чемъ лучшіе ученики переводились въ слѣдующій классъ безъ экзамена.

Учебныя пособія были въ ограниченномъ количествѣ, и не по всѣмъ предметамъ имѣлись удовлетворительныя руководства. Русская этимологія преподавалась словесно и практически усваивалась черезъ разборы и диктанты; по русскому синтаксису были записки. Многіе отдѣлы по естественнымъ наукамъ, русская исторія и частію новая всеобщая исторія также преподавались по запискамъ, составляемымъ преподавателями.

Не богата была и библіотека для чтенія по изящной литературѣ, помѣщавшаяся въ двухъ шкафахъ въ одной изъ репетиціонныхъ комнатъ пансіона; этой библіотекой пользовались почти исключительно воспитанники пансіона.

Отъ поступившихъ въ гимназію учениковъ, какъ и теперь требовались свидѣтельства объ оспопрививаніи, метрическое и о званіи. Въ дореформенное время крѣпостные крестьяне не пользовались правомъ поступленія въ гимназію, и только могли быть принимаемы дѣти вольноотпущенныхъ крестьянъ.

Форма одежды гимназистовъ состояла изъ двубортнаго вицемундира со стоячимъ красвымъ воротникомъ, краснымъ кантомъ на ручныхъ обшлагахъ и красными металлическими пуговицами, съ изображеніемъ губернскаго герба; кромѣ того, имѣлся однобортный мундиръ съ двумя петлицами изъ позумента на воротникѣ для приходящихъ гимназистовъ и съ одной петлицей для пансіонеровъ; до 1855 года фалды у мундировъ были обрѣзныя съ тремя пуговицами въ боковыхъ клапанахъ; съ 1855 г. мундиры

были современнаго покроя; пансіонеры вмѣсто вице-мундировъ носили куртки безъ фалдъ.

Воспитаніе въ физическомъ отношеніи для приходящихъ учениковъ предоставлялось усмотрѣнію родителей или родственниковъ и касалось исключительно пансіонеровъ. Вначалѣ, до Крымской войны, физическія упражненія состояли въ разныхъ воинскихъ пріемахъ, маршировкѣ въ три, два и одинъ пріемъ, скоромъ и бѣгломъ шагѣ, построеніи каре и проч.

Для обученія военнымъ пріемамъ и маршировкѣ приглашался унтеръ-офицеръ. Впослѣдствіи маршировка была замѣнена гимнастическими упражненіями, играми и прогулками на свѣжемъ воздухѣ.

Попеченіе о заболѣвшихъ ученикахъ касалось исключительно пансіонеровъ, и при пансіонѣ были, какъ и въ настоящее время, пріемный покой съ аптечкой. Гимназическими врачами состояли маститый старецъ Василій Феодоровичъ Гернетъ, а впослѣдствіи Иванъ Алексѣевичъ Поспѣловъ.

Дисциплинарныя взысканія заключались: въ оставленіи въ классѣ, стояніи у стѣны или на колѣняхъ—въ младшихъ классахъ и удаленіи изъ классной комнаты—въ старшихъ; тѣлесное наказаніе—розги примѣнялись не рѣдко, и, какъ крайняя мѣра, увольненіе изъ гимназіи.

Администрація.

Министръ Народнаго Просвѣщенія: Ширинскій-Шехматовъ.

Товарищъ Министра: Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ, впослѣдствіи Министръ Народн. Просв.; авторъ записокъ „Путешествіе ко Святымъ мѣстамъ.“

Попечитель Московскаго Учебнаго Округа: Генералъ-Адъютантъ Владиміръ Ивановичъ Назимовъ, впослѣдствіи Виленскій Генералъ-Губернаторъ.

Почетный попечитель гимназіи: Тайный Совѣтникъ Николай Гавриловичъ Рюминъ. Директоръ гимназіи—онъ же былъ и директоръ училищъ губерніи: Федоръ Ивановичъ Шиллингъ, способный администраторъ-хозяинъ; особенное попеченіе его было направлено на благоустройство гимназическаго пансіона, обстановка котораго изъ года въ годъ улучшалась. Впослѣдствіи состоялъ помощникомъ Попечителя Дерптскаго Учебнаго Округа.

Въ означенный періодъ времени было три инспектора: Игнатій Антоновичъ Коссовичъ, Александръ Федоровичъ Окатовъ и Станиславъ Никодимовичъ Мацѣіовскій.

Коссовичъ былъ филологъ—классикъ по образованію, извѣстный лингвистъ; состоялъ инспекторомъ года два или немного болѣе и былъ переведенъ директоромъ гимназіи во Владиміръ.

Окатовъ состоялъ на службѣ при Рязанской гимназіи лѣтъ пять и былъ переведенъ инспекторомъ во вторую Московскую гимназію. Окатовъ былъ педагогъ по призванію, ревностно слѣдилъ за успѣхами и нуждами учениковъ, особенно воспитанниковъ пансіона; успѣшные ученики пользовались особымъ его покровительствомъ. Стараясь поднять успѣшность гимназіи вообще, А. Ф. Окатовъ иногда посѣщалъ бывшее въ Рязани „училище для дѣтей канцелярскихъ служителей Мальшина“ (въ зданіи, занимаемомъ Окружнымъ Судомъ), ученики котораго обучались въ уѣздномъ трехклассномъ училищѣ, съ цѣлію узнать учениковъ съ особо выдающимися способностями, которыхъ переводилъ въ гимназію,—и не ошибался въ выборѣ; такъ можно указать на Милютина, доктора медицины, впослѣдствіи извѣстнаго общественнаго дѣятеля, какъ главнаго доктора Кавказскихъ Минеральныхъ водъ, и автора многихъ бальнеографическихъ изслѣдованій.

Мацѣіовскій былъ назначенъ инспекторомъ изъ старшихъ учителей Рязанской гимназіи и состоялъ въ означенный періодъ времени въ должности инспектора года $1^1/_2$.

Преподаватели.

Законоучитель: протоіерей Яковъ Павловичъ Алешинскій, съ академическимъ образованіемъ, выдающимся талантомъ и замѣчательными способностями, какъ педагогъ. Съ своимъ симпатичнымъ характеромъ и даромъ краснорѣчія, онъ умѣлъ возбудить въ ученикахъ интересъ къ своему предмету, а къ себѣ любовь и уваженіе. Въ низшихъ классахъ увлекательно устно излагалъ событія изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, а въ старшихъ классахъ, при изученіи Катехизиса Филарета, искусно велъ бесѣды съ учениками и попутно касался догматической и нравственной богословіи; въ 6 и 7 классахъ преподавалъ исторію русской церкви.—Прощаясь съ нашимъ курсомъ въ 1858 году и желая намъ успѣха въ университетѣ, знаменитый законоучитель полное право имѣлъ сказать, что по Закону Божію нашимъ университетомъ должна быть церковь.

Преподаватель русскаго языка въ низшихъ классахъ Петръ Ивановичъ Боголѣповъ - отличался педагогическимъ тактомъ и умѣніемъ, безъ помощи руководства, съ успѣхомъ преподавать

этимологію и начало синтаксиса устными и письменными грамматическими разборами и диктантомъ.

Преподаватель русскаго языка въ старшихъ классахъ Григорій Александровичъ Крастелевъ пользовался популярностію среди учениковъ, какъ толковый и умѣлый преподаватель. — Г. А. Крастелева смѣнилъ Василій Ивановичъ Качевскій, о которомъ съ сожалѣніемъ можно сказать, что ему не удались — ни педагогика, ни его личная жизнь; впослѣдствіи былъ переведенъ преподавателемъ латинскаго языка въ Калужскую гимназію, и тамъ неудачно закончилъ свою дѣятельность.

Преподаватель математики и физики въ старшихъ классахъ, Станиславъ Никодимовичъ Мацѣіовскій, впослѣдствіи инспекторъ Рязанской гимназіи, — съ хладнокровнымъ и выдержаннымъ характеромъ, — былъ способнымъ преподавателемъ. Физическій кабинетъ, при тогдашнемъ состояніи физики, какъ науки, былъ въ хорошемъ состояніи и полонъ всѣми принадлежностями для постановки опытовъ и демонстрацій.

Преподаватель математики Сергѣй Александровичъ Марковъ, бывшій воспитанникъ Рязанской гимназіи и окончившій въ ней курсъ въ 1837 году съ золотою медалью, обладалъ выдающимися математическими способностями; составленное имъ руководство по ариѳметикѣ было замѣчательнымъ трудомъ, которое — кажется — не было отпечатано и осталось въ рукописи. Впослѣдствіи С. А. Марковъ состоялъ директоромъ Симферопольской гимназіи.

Преподаватель математики въ среднихъ и низшихъ классахъ гимназіи Федоръ Федоровичъ Чемолосовъ относился съ усердіемъ къ исполненію обязанностей преподавателя.

Преподаватель латинскаго языка Василій Павловичъ Павловъ, трудолюбивый и строго относившійся къ исполненію своихъ обязанностей, достигалъ въ теченіе четырехлѣтняго курса весьма удовлетворительныхъ успѣховъ по преподаваемому предмету у своихъ учениковъ. Гимназію описываемаго времени можно назвать полуклассической. Изученіе латинскаго языка начиналось съ 4-го класса, съ азбуки; въ 4-мъ классѣ проходили этимологію и переводили съ латинскаго легкія статьи; въ 5-мъ кл. — синтаксисъ, просодію и переводили Цезаря; въ 6-мъ кл. — переводили Овидія и Тита-Ливія и одинъ разъ въ недѣлю классный переводъ съ русскаго яз. на латинскій (темы Робера); въ 7-мъ кл. переводили Цицерона и Виргилія также съ еженедѣльными упражненіями по темамъ Робера. — Во всѣхъ четырехъ классахъ было по четыре урока въ

недѣлю. На выпускномъ экзаменѣ, кромѣ перевода римскихъ классиковъ, давалась тема для составленія письменной работы по латинскому языку. Для меня лично практической мѣркой къ тому, что вынесено было изъ гимназіи по изученію латинскаго яз., могло служить то, что будучи на 4-мъ курсѣ медицинскаго факультета и слушая профессора Овера, читавшаго лекціи на латинскомъ языкѣ, я легко понималъ его бѣглую рѣчь, а при держаніи экзамена на степень доктора медицины въ 1864 гбду съ успѣхомъ написалъ два требуемыхъ сочиненія на латинскомъ языкѣ.—Впослѣдствіи В. П. Павловъ былъ переведенъ преподавателемъ латинскаго языка въ 6-ю Московскую гимназію.

Преподаватели исторіи: Александръ Ильичъ Рагозинниковъ,—молодой человѣкъ съ хорошими способностями и краснорѣчіемъ; какъ бывшій студентъ Московскаго университета, слушалъ лекціи знаменитыхъ въ свое время профессоровъ исторіи—Грановскаго, Кудрявцева; съ увлеченіемъ продолжалъ заниматься изученіемъ любимаго имъ предмета—исторіей; былъ переведенъ въ 1-ю Московскую гимназію, гдѣ выдержалъ экзаменъ на степень магистра исторіи и готовилъ диссертацію, но, при слабомъ физическомъ организмѣ, умеръ отъ чахотки.—Рагозинникова смѣнилъ Дмитрій Ивановичъ Иловайскій, бывшій воспитанникъ Рязанской гимназіи и окончившій въ ней курсъ въ 1850 году; состоялъ преподавателемъ $3^1/_2$ года; будучи человѣкомъ съ холодной энергіей, вѣрно шелъ къ намѣченной цѣли; въ теченіе $3^1/_2$ лѣтъ успѣлъ выдержать экзаменъ на степень магистра, приготовить диссертацію о „Княжествѣ Рязанскомъ", которую защищалъ въ 1858 году; послѣ чего занималъ каѳедру въ Московскомъ университетѣ; авторъ извѣстныхъ учебниковъ по исторіи и многихъ спеціальныхъ монографій. Въ 7-мъ классѣ, при изученіи русской исторіи, Иловайскій читалъ лекціи, которыя записывались учениками, и по нимъ изучался предметъ.

Преподаватели естественной исторіи: Осипъ Тимофеевичъ Вишневскій, бывшій ранѣе учителемъ математики, преподавалъ зоологію въ 3 и 4 классахъ и ботанику въ 5-мъ.

Хотя по зоологіи было руководство Симашко, но очень многое по отдѣламъ зоологіи излагалось самимъ преподавателемъ и въ видѣ написанныхъ имъ листовъ выдавалось ученикамъ для руководства. Энергичный и способный преподаватель, къ сожалѣнію, заболѣлъ и умеръ отъ прогрессивнаго паралича.—Вишневскаго смѣ-

нилъ Веселовскій, молодой человѣкъ, только что окончившій курсъ въ С.-Петербургскомъ Педагогическомъ Институтѣ; преподавалъ въ 6-мъ классѣ минералогію по обширному курсу, со включеніемъ кристаллографіи.

Преподаватели физики: С. Н. Мацѣіовскій и короткое время С. А. Марковъ. Руководство: физика Ленца.

Преподаватель географіи: Иванъ Николаевичъ Ивановъ, обстоятельно преподававшій свой предметъ.

Преподаватель физической географіи (космографіи): Иванъ Михайловичъ Кученевъ, бывшій воспитанникъ Рязанской гимназіи, состоялъ также преподавателемъ математики Отличительною чертою въ преподаваніи И. М. Кученева было требованіе изложенія сущности въ очень короткихъ словахъ.

Преподаватель законовѣдѣнія: Андржевскій. Къ недостатку постановки учебнаго плана въ гимназіяхъ пятидесятыхъ годовъ слѣдуетъ отнести раздѣленіе съ 4-го класса учениковъ на латинистовъ и законовѣдовъ. Юристовъ конечно не выходило, а назначеніе гимназіи, какъ средней школы, должно заключаться въ подготовленіи учениковъ къ университету.

Преподаватель французскаго языка: Яковъ Васильевичъ Барбей.

Преподаватель нѣмецкаго языка: Оттонъ Оттоновичъ Шталь.

Преподаватель чистописанія и рисованія: Николай Степановичъ Ивановъ, академіи художникъ.

Слѣдуетъ упомянуть, что въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, съ разрѣшенія попечителя округа, устраивались бесѣды учениковъ двухъ старшихъ классовъ, въ присутствіи нѣкоторыхъ преподавателей. Засѣданія происходили въ одномъ изъ классовъ пансіона, —одинъ разъ въ двѣ недѣли, обыкновенно по субботамъ, послѣ всенощной, въ 8 часовъ вечера. Ученики по очереди, прочитывая предварительно произведеніе какого-либо автора, дѣлали на засѣданіи словесное сообщеніе къ характеристикѣ сочиненія; возбуждались интересныя пренія, заходившія иногда до 11 часовъ почи Душою этихъ собраній былъ преподаватель нѣмецкаго языка Оттонъ Оттоновичъ Шталь. Цѣль преподавателей заключалось— развить въ ученикахъ способность самостоятельнаго и логическаго мышленія

Трудно оцѣнивать дѣятельность педагоговъ гимназіи, какъ средней школы; дѣятельность ихъ очень тяжела, не вѣсома, но плодотворна. Въ гимназіи даются основы для дальнѣйшаго само-

развитія и національнаго самосознанія. Многіе ученики, окончившіе курсъ въ Рязанской гимназіи, впослѣдствіи сдѣлались извѣстными научными трудами и общественною дѣятельностью.

Воспоминая съ глубокимъ уваженіемъ и благодарностію гимназію своего времени, имѣю честь почтительнѣйше поздравить представителей и педагогическій персоналъ 1-й Рязанской гимназіи со столѣтнимъ ея юбилеемъ, при наилучшихъ пожеланіяхъ.

V.

Воспоминанія Н. В. Растова.

Я родился въ г. Сапожкѣ, Рязанской губ., 13 апрѣля 1845 года, гдѣ въ то время служилъ въ Духовномъ Правленіи мой отецъ Василій Ивановичъ Растовъ, получая въ годъ 28 руб. жалованья. По смерти родителей, меня вмѣстѣ съ двумя братьями и сестрою, когда мнѣ было всего отъ роду около 7 лѣтъ, взялъ на воспитаніе къ себѣ мой дядя по матери А. Ф. Медвѣдевъ, которому я и обязанъ всѣмъ своимъ образованіемъ и воспитаніемъ. Онъ отдалъ меня сначала въ приготовительный пансіонъ въ Москвѣ, а затѣмъ въ пансіонъ при Рязанской гимназіи, гдѣ я пробылъ всего 7 лѣтъ поступивъ въ I классъ, и окончилъ курсъ въ 1863 году. При окончаніи курса гимназіи, на выпускныхъ экзаменахъ, присутствовалъ тогда командированный Министерствомъ извѣстный въ то время профессоръ физики при Московскомъ университетѣ Любимовъ. Въ томъ же году, въ августѣ мѣсяцѣ, я окончилъ курсъ также и землемѣро-таксаторскихъ классовъ, бывшихъ въ то время при гимназіи, въ которыхъ учебныя занятія происходили по вечерамъ, а практическія—все лѣто, при чемъ весь курсъ былъ двухгодичный. При окончаніи этого курса я былъ награжденъ золотою медалью. Затѣмъ въ слѣдующемъ году я поступилъ на юридическій факультетъ Московскаго университета и, по окончаніи курса въ 1868 году, былъ опредѣленъ на государственную службу кандидатомъ на судебныя должности при Рязанскомъ Окружномъ Судѣ. Затѣмъ лѣтомъ 1870 года я былъ назначенъ судебнымъ слѣдователемъ 1 участка Сапожковскаго уѣзда, а въ 1881 году членомъ того же Суда, каковую должность занимаю и до настоящаго времени.

Обращаясь къ прошлому гимназіи, я съ чувствомъ самой глубокой благодарности и искренняго уваженія вспоминаю всѣхъ своихъ бывшихъ наставниковъ, учителей и воспитателей, которые

старались вложить въ свой тяжкій трудъ столько безконечной доброты и неистощимаго терпѣнія. Передо мною при этомъ особенно живо проходятъ незабвенные образы строгаго и взыскательнаго по виду, но по душѣ чрезвычайно добраго, бывшаго директора гимназіи Шиллинга, двухъ инспекторовъ: чрезвычайно деликатнаго и ласковаго Кудряшева и энергическаго, вѣчно воюющаго съ начальствомъ, но любящаго и всегда призывавшаго къ самой дѣятельной и мощной борьбѣ съ разными темными силами Скандовскаго, и учителей: Григорова, Златовратскаго, Алексѣева, Кученева, П. Я. Алешинскаго, В. И. Вернера, до сихъ поръ еще здравствующаго и др. Я никогда не забуду тѣхъ писемъ, которыя Златовратскій, учитель русскаго языка, читалъ намъ, получая ихъ отъ болѣвшаго уже тогда его друга, нашего знаменитаго писателя Н. А. Добролюбова, какъ не забуду и той искренней скорби, которая охватила всѣхъ насъ, когда судьба разлучила насъ съ этимъ дорогимъ намъ учителемъ. Съ какою страстною любовію и юношескимъ жаромъ онъ увлекался тогда литературою вообще и произведеніями Тургенева въ особенности: одинъ „Рудинъ" далъ ему такія безконечныя темы для бесѣдъ въ классѣ, что мы по цѣлымъ часамъ бывало съ затаеннымъ дыханіемъ внимали каждому его глубоко проникновенному слову. А между тѣмъ силы ему замѣтно измѣняли, и онъ иногда съ большимъ трудомъ досиживалъ опредѣленное время для урока...А покойный Григоровъ, учитель исторіи, такъ умѣлъ съ перваго же урока овладѣть своей аудиторіей, что намъ каждый разъ было тяжело разставаться съ нимъ и переходить къ другимъ очереднымъ занятіямъ.

Не могу также не вспомнить съ чувствомъ глубокой благодарности и искренняго уваженія бывшихъ надзирателей пансіона Краузе, Моррисона и Гофмана, которые всегда, особенно первые двое, подъ видомъ внѣшней суровости, проявляли въ своихъ отношеніяхъ къ намъ столько самаго теплаго участія и доброты, что казалось, что мы живемъ съ ними въ одной близкой и родственной намъ семьѣ. Не могу не вспомнить при этомъ, какъ Моррисонъ, желая всѣмъ доставить возможность, въ виду ожидаемаго пріѣзда въ Рязань знаменитаго въ то время трагика—негра Ольдриджа, изучить англійскій языкъ, съ необыкновенною энергіею сталъ насъ обучать этому языку, но, проводивъ Ольдриджа, который въ значительной мѣрѣ двинулъ своимъ пріѣздомъ изученіе Шекспира, у многихъ изъ насъ, къ сожалѣнію, не достало

настойчивости продолжать изученіе англійскаго языка, и только одинъ И. И. Янжулъ, теперешній академикъ, продолжалъ, подъ руководствомъ Моррисона занятія языкомъ, который имѣлъ для него такое важное значеніе въ его будущихъ ученыхъ занятіяхъ.

Посѣщая иногда и теперь зданіе гимназіи, гдѣ воспитываются мои дѣти, я съ удовольствіемъ вспоминаю проведенные мною въ ней годы и отъ всей души желаю, чтобы въ стѣнахъ этого учебнаго заведенія, наканунѣ наступающаго столѣтія его основанія, царилъ духъ кротости и любви между наставниками и учащимися, чтобы разъ навсегда исчезъ тотъ черствый и бездушный формализмъ, такъ настойчиво одно время проводимый въ нашей школѣ, и чтобы призывъ къ „сердечному попеченію" о нуждахъ учащихся, поселившій въ насъ на время свѣтлыя надежды на лучшее будущее, не остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

VI.

Воспоминанія В. В. Насакина.

Директоромъ гимназіи въ мое время былъ Федоръ Ивановичъ (или Федоровичъ,—не помню вѣрно) Шиллингъ. Какъ сейчасъ помню его крупную, полную фигуру, его румяное, добродушно—улыбающееся лицо. Въ классы къ намъ онъ появлялся очень рѣдко, и, вѣроятно, благодаря этому, всякое посѣщеніе его составляло событіе; самъ же онъ представлялся намъ чѣмъ-то недосягаемымъ, къ чему мы относились съ боязнію и уваженіемъ. Не такъ однако смотрѣли на него наши любимые учителя, конечно ближе его знавшіе и понимавшіе. Въ случайныхъ разговорахъ о немъ въ словахъ ихъ проглядывало къ нему презрѣніе, мы же въ простотѣ сердечной относились къ нему добродушно, да и не могли относиться иначе, такъ какъ по отношенію къ намъ не видѣли съ его стороны ничего худого. Никакихъ строгостей или наказаній съ его стороны не было, а исключенія кого-либо изъ гимназіи, за все мое время, не было ни одного. Шалили же и проказничали мы не менѣе, чѣмъ теперь шалятъ въ гимназіяхъ, но, повторяю, исключеній не было, а тѣмъ болѣе не было самоубійствъ гимназистовъ, такъ часто повторяющихся въ настоящее время. Инспекторомъ при мнѣ былъ Мацѣіовскій. Въ моей памяти онъ сохранился какъ серьезный и очень умный человѣкъ. Мы особенно любили, когда, по болѣзни кого-либо изъ учителей, онъ замѣнялъ его. Въ этихъ случаяхъ онъ не спрашивалъ уроковъ, не объяснялъ что-либо по данному предмету, но обыкновенно читалъ или разсказывалъ намъ что-либо по этому предмету и читалъ такъ хорошо, что положительно заинтересовывалъ насъ предметомъ, и тотъ часъ, который онъ проводилъ съ нами, проходилъ незамѣтно. Какъ инспекторъ, онъ, конечно, ближе стоялъ къ намъ, чѣмъ директоръ, постоянно наблюдалъ насъ и наши шалости или узнавалъ о нихъ отъ надзирателя (къ несчастію, я за-

былъ фамилію этого глубоко любимаго и уважаемаго нами человѣка, помню только, что или его имя было Аполлонъ или отчество Аполлоновичъ *) и потому, конечно, чаще приходилъ въ непріятныя объясненія съ нами, и тѣмъ не менѣе мы любили и, главное, уважали его. Всѣ его серьезныя внушенія и даже наказанія мы принимали, какъ должное возмездіе за сдѣланное нами потому именно, что они были вполнѣ разумны и справедливы, а главное въ нихъ не было ничего язвительнаго, унижающаго. Поэтому въ немъ и въ надзирателѣ мы видѣли не людей, желающихъ изобразить изъ себя начальство, а людей, какъ старшихъ, дружелюбно относящихся къ намъ, внушавшихъ уваженіе къ себѣ и вселявшихъ въ насъ уваженіе это къ самимъ себѣ.

Переходя затѣмъ къ преподавателямъ гимназіи, я прежде всего остановлюсь на законоучителѣ, священникѣ церкви „Николы Дворянскаго", Яковѣ Павловичѣ **) (фамиліи не помню). Это былъ очень умный и тактичный человѣкъ. Не могу сказать, какъ и почему, какими способами, но только онъ достигъ того, что въ классѣ у него мы не дозволяли себѣ никакихъ шалостей, внимательно слушали его и отлично знали его предметъ. Онъ не былъ сухъ или строгъ, напротивъ, иногда даже шутилъ съ нами, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы видѣли въ немъ настолько серьезнаго и хорошаго человѣка, что всякая мысль о чемъ-либо непозволительномъ отлетала прочь въ его присутствіи. Въ мое же время онъ скончался, и хорошо помню, какъ мы хоронили его и какъ всѣ искренно сожалѣли о немъ. Смѣнилъ его молодой академикъ, то же очень неглупый человѣкъ, но это было уже совсѣмъ не то и не то уже было отношеніе къ нему и его предмету.

Учителемъ латинскаго языка былъ Василій Павловичъ Павловъ. Со страхомъ и трепетомъ сидѣли мы у него въ классѣ. Спросите—почему? Ей Богу не знаю! Никогда не только никакого окрика, но даже и замѣчанія, а одинъ лишь серьезный взглядъ,— и этого было совершенно достаточно. Онъ былъ еще не старъ, высокъ, строенъ, и несмотря на игравшій на лицѣ его румянецъ, представлялъ изъ себя какую-то мумію. Бывало, какъ войдетъ въ классъ и какъ сядетъ на свое кресло, положивъ одну руку на столъ и выпрямившись въ струнку, такъ и просидитъ въ этой позѣ цѣлый часъ, ни на одну минуту не измѣнивъ ни ея, ни выраженія лица своего. Предметъ свой зналъ отлично и такъ же отлич-

---

*) Безсоновъ *Прим. ред.*
**) Алешинскій. *Прим. ред.*

но преподавалъ его, не по учебнику, а по своимъ запискамъ Урокъ свой онъ разсказывалъ методично, отчетливо, невозмутимо и такъ же невозмутимо выслушивалъ уроки и ставилъ единицы и хорошіе баллы, и только если ужъ очень хорошо отвѣтитъ ученикъ свой урокъ, то онъ, спросивъ, какъ по латыни—„хорошо“ и получивъ въ отвѣтъ—„bene“, дозволялъ себѣ улыбнуться и сказать: „вотъ и есть bene“, послѣ чего ставилъ пятерку. Въ старшихъ классахъ онъ былъ уже нѣсколько иначе. Хотя поза его на креслѣ и невозмутимое выраженіе лица оставались тѣ же, тѣмъ не менѣе иногда онъ позволялъ уже себѣ немного пошутить и поговорить съ учениками. Въ дѣйствительности же онъ былъ далеко не бездушный человѣкъ, а только напускалъ на себя эту недоступность и необщительность, находя, очевидно, въ этомъ только лучшій способъ обращенія съ учениками. Послѣдніе его боялись, но и уважали какъ за справедливость, такъ и за умѣлое преподаваніе, благодаря которому въ послѣднемъ классѣ многіе переводили безъ ошибокъ съ русскаго на латинскій.

Самыми любимыми учителями нашими были однако: учитель исторіи—Григоровъ, русскаго языка—Златовратскій и естественной исторіи, фамиліи котораго къ крайнему сожалѣнію моему не помню, а помню лишь, что звали его Семеномъ, или же онъ былъ Семеновичъ по отчеству*). Всѣ они были молодые люди, къ которымъ мы были искренно привязаны. Изъ нихъ Григоровъ былъ очень воспитанный человѣкъ; будучи джентельменомъ въ полномъ смыслѣ слова, онъ и къ намъ относился, какъ къ джентельменамъ, что, конечно, пріятно дѣйствовало на наше юное самолюбіе. Не знать его предмета было нельзя, но не знать урока—вполнѣ возможно, слѣдовало только при приходѣ его въ классъ заявить ему объ этомъ. Если же кто-либо, не зная урока, скроетъ это, а онъ какъ разъ вызоветъ и спроситъ, то лучше было провалиться сквозь землю. Бывало, онъ только скажетъ: „почему же Вы, г. Н., не сказали мнѣ объ этомъ ранѣе?“ и при этомъ саркастически улыбнется. Эти немногія слова и улыбка заставляли краснѣть до мозга костей, такъ какъ стыдно было не только передъ нимъ, а и передъ всѣмъ классомъ потому именно, что сознаешь, что поступилъ не по-джентельменски. Послѣдствіемъ этого единицы, однако же, никогда не было, а было то, что онъ такого обманщика спрашивалъ подъ рядъ нѣсколько дней, пока не убѣждался, что

---

*) Алексѣевъ. Прим. ред.

ученикъ дѣйствительно занимается, и тогда уже ставилъ хорошій баллъ. Въ виду этого-то не учиться и не знать его предмета было нельзя, тѣмъ болѣе, что и преподавалъ онъ его прекрасно и не ограничивался только учебникомъ, а разсказывалъ и читалъ намъ много интереснаго.

Иной былъ Златовратскій. Это былъ горячій, увлекающійся человѣкъ съ наилучшими стремленіями, съ горячею любовью къ людямъ и ко всему возвышенному и благородному. Относился онъ къ намъ совершенно просто. Разбирая съ нами какое-либо литературное произведеніе, онъ касался не только достоинствъ или недостатковъ послѣдняго, но и развивалъ попутно свои взгляды на жизнь и людей, на задачи предстоящей намъ самостоятельной жизни и все это такъ горячо, такъ возвышенно, благородно, что мы съ увлеченіемъ слушали его и, конечно, искренно любили.

Наконецъ, третій—учитель естественной исторіи—былъ, что называется, душа человѣкъ. Съ нами онъ обращался, какъ съ товарищами и, Боже сохрани, чтобы кто-либо позволилъ себѣ когда-либо злоупотребить этимъ. То, что вводятъ только теперь, онъ практиковалъ уже полвѣка назадъ. Не ограничиваясь классными живыми и интересными уроками, онъ въ весеннее и осеннее время отправлялся съ нами за городъ и тамъ, на лонѣ природы закрѣплялъ въ насъ теоретическія познанія наши о животныхъ, растеніяхъ и насѣкомыхъ, поясняя теорію на живыхъ образцахъ. Прогулки эти были и очень пріятны и очень полезны. Въ это время мы сходились съ нимъ еще ближе и еще больше любили его, а это было лучшимъ залогомъ нашихъ успѣховъ. Къ нему, какъ къ доброму товарищу, мы обращались безъ всякаго стѣсненія за разъясненіемъ не только по естественной исторіи, но и по другимъ предметамъ. Такъ математика шла у насъ не важно, непонятнымъ оставалось многое, а обратиться за разъясненіемъ къ преподавателю было не мыслимо, ибо въ отвѣтъ пришлось бы, къ стыду своему, узнать, что ты оселъ, или дуракъ. Вотъ въ этихъ то случаяхъ мы и обращались къ нашему дорогому естественнику, который просто, по-товарищески, объяснялъ намъ по чужому предмету.

Не знаю, быть можетъ, все написанное мною совершенно не идетъ къ дѣлу и не нужно составителю исторіи гимназіи, но да простится мнѣ эта болтовня моя, такъ какъ, вспоминая о жизни своей въ гимназіи, я поминаю ее добромъ благодаря лишь этимъ честнымъ труженикамъ и добрымъ и хорошимъ людямъ.

VII.

Воспоминанія Н. А. Терновскаго.

Я родился въ д. Хлѣвнѣ, Рязанскаго у., отъ мелкопомѣстныхъ дворянъ и жилъ до семилѣтняго возраста въ деревнѣ, а затѣмъ мы переселились въ Рязань. Отецъ мой служилъ канцелярскимъ чиновникомъ Ряз. гражданской палаты. По недостатку средствъ, я учился сначала въ приходскомъ училищѣ (2 года), а затѣмъ въ уѣздномъ училищѣ. По окончаніи курса я поступилъ во 2-ой классъ Рязанской гимназіи. Учился первоначально хорошо, иногда былъ записанъ на „золотой доскѣ“; но въ 6 и 7 классахъ учился хуже (былъ 6 и 7-мъ ученикомъ), отчасти потому, что увлекался домашними спектаклями, а главнымъ образомъ потому, что часа по 4 въ сутки тратилъ на уроки съ учениками. На выпускномъ экзаменѣ я получилъ двойку по-латыни и потому лишился права на поступленіе въ университетъ безъ экзамена. Это обстоятельство въ связи съ недостаткомъ средствъ и съ настояніемъ матери, питавшей надежду на мой успѣхъ по службѣ въ виду того, что я давалъ уроки дѣтямъ бывшаго Ряз. губернатора Болдарева, были причиною того, что я поступилъ въ чиновники канцеляріи рязан. губернатора. Но мелочность интересовъ, съ которыми я столкнулся, и развившаяся во мнѣ потребность къ знаніямъ рѣшили мое будущее. Черезъ годъ, а именно, въ 1868 году, я поступилъ безъ экзамена въ Ярославскій Демидовскій лицей. Тогдашнее преподаваніе въ немъ меня однако не удовлетворило. Поэтому недѣли черезъ двѣ я уѣхалъ въ Казань, выдержалъ дополнительный экзаменъ (коллоквіумъ) и поступилъ на юридическій факультетъ. По окончаніи экзаменовъ на первомъ курсѣ я перешелъ въ Московскій университетъ на тотъ же факультетъ, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1871 году со степенью кандидата правъ въ числѣ 70 человѣкъ изъ 205, дошедшихъ до 4 курса изъ числа болѣе 400 ч., бывшихъ на 1-мъ курсѣ.

Время, проведенное мною въ гимназіи, принадлежитъ къ числу лучшихъ періодовъ моей жизни. Товарищескія отношенія, за незначительными исключеніями, были вполнѣ искренни и отличались готовностью помочь другъ другу. Интересы наши сосредоточивались главнымъ образомъ на предметахъ преподаванія и преимущественно на русской классической литературѣ. Сказать, что я не читалъ, напр., Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Гончарова, Островскаго, Печерскаго, Писемскаго, Бѣлинскаго и т. п., значило сдѣлаться смѣшнымъ. Нѣкоторые уже въ шестомъ и седьмомъ классѣ увлекались Боклемъ, который, по тогдашнимъ нашимъ понятіямъ, открывалъ новый широкій кругозоръ. Особенною начитанностію и изяществомъ языка выдавался В. А. Кочергинъ, сочиненія котораго, какъ образцовыя, преподаватель Г. С. Квіетинскій читалъ иногда въ классѣ. Сочиненія вообще не только не обременяли насъ, но вызывали между нами соревнованіе.

Невольно я вспоминаю при этомъ недавній мой разговоръ съ директоромъ Тульской гимназіи С. Н. Радецкимъ, который разсказывалъ мнѣ, что одинъ изъ учениковъ 7-го класса Тульской гимназіи не читалъ Пушкина, какъ обнаружилось на экзаменѣ. „Нынѣ,—добавилъ онъ съ грустною улыбкою,—Пушкинъ, не въ модѣ; нынѣ читаютъ Горькаго, Андреева и т. п.“ Вспомнилъ я прежнее время, и горько мнѣ стало.

Съ чувствомъ глубокой благодарности я вспоминаю о моихъ наставникахъ, за исключеніемъ К. И. Висневскаго, котораго я не считалъ искреннимъ и безпристрастнымъ человѣкомъ. Думаю, что то же чувство питало къ нимъ и большинство моихъ товарищей. Развить въ насъ благородныя мысли, любовь къ труду, аккуратности, презрѣніе къ неправдѣ, предостеречь насъ при случаѣ отъ ошибокъ, составляло ихъ естественную потребность. Мы съ жадностію ловили и сохраняли въ своей памяти ихъ совѣты. Любовь къ ученикамъ, справедливость, вѣжливость сопровождали ихъ добросовѣстное служеніе. Многое мы знали и изъ ихъ домашней и общественной жизни, и она внушала намъ уваженіе къ нимъ.

Совѣсть не позволяла не приготовить урокъ, напр., Квіетинскому, Любимову, Кученеву.

Квіетинскій всегда охотно указывалъ источники для нашихъ сочиненій, рекомендовалъ желающимъ книги для чтенія, давая о нихъ краткій критическій отзывъ. Любимовъ собралъ по подпискѣ деньги на выписку прекраснаго въ то время журнала „Странникъ“. Григоровъ часто читалъ ученикамъ 6 и 7 классовъ,

напр., Одиссею или Иліаду Гомера, Завоеваніе Мексики, кажется, Прескота и возбуждалъ своимъ художественнымъ чтеніемъ охоту къ чтенію книгъ подобнаго рода.

Рябининъ заинтересовывалъ учениковъ своимъ предметомъ, напр., тѣмъ, что приносилъ иногда въ классъ прекрасно нарисованное дерево съ вѣтвями изъ разныхъ словъ, происходящихъ отъ одного корня, и заставлялъ учениковъ рисовать такое же дерево.

Андреевъ обыкновенно объяснилъ урокъ по картѣ, нарисованной имъ мѣломъ на доскѣ, заставляя затѣмъ учениковъ рисовать такую же карту. Чрезъ это урокъ прочно укладывался въ памяти. Особенно оригинальны были уроки Кученева. Его отношенія къ ученикамъ были почти товарищескія. Нерѣдко, придя въ классъ, онъ, обращаясь къ Любарскому (замѣчательному математику, который, будучи въ 5 классѣ, рѣшалъ иногда задачи ученикамъ 7 класса), говорилъ: „пожалуйте, Николай Касьяновичъ, къ доскѣ, помогите мнѣ рѣшить задачку: всю ночь думалъ о ней и не могъ рѣшить.“ Начиналось рѣшеніе задачи. Онъ умышленно сбивалъ Любарскаго, предлагая невѣрные способы рѣшенія и возбуждая всеобщее вниманіе. Наконецъ, задача разрѣшалась, и оказывалась, что этимъ путемъ объяснился слѣдующій урокъ. Подобнымъ же образомъ онъ заставлялъ и другихъ учениковъ объяснять слѣдующій урокъ. Послѣ такихъ объясненій рѣдко приходилось учить урокъ дома. Объясненія эти часто сопровождались остроумными шутками. Нерѣдко также онъ останавливалъ вниманіе учениковъ на разныхъ явленіяхъ обыденной жизни, напр., на дамскихъ модахъ, сравнивая дамъ съ райскими птичками, на ремеслѣ акробатовъ и т. п., добродушно осмѣивая все дѣйствительно смѣшное и направляя вниманіе учениковъ на явленія обыденной жизни. Вліяніе его въ этомъ направленіи не ограничивалось стѣнами гимназіи. Онъ любилъ лошадей и нерѣдко останавливался на углу дома нынѣ 2-й гимназіи. Его окружали гимназисты и другія знакомыя ему лица. Онъ непрерывно шутилъ, дѣлая остроумныя замѣчанія о катающихся по Астраханской улицѣ и гуляющихъ. Разъ, проѣзжая чрезъ его деревню, я встрѣтилъ его на выгонѣ. Онъ пригласилъ меня къ себѣ въ домъ и разсказалъ мнѣ много интимнаго и поучительнаго.

Случаи изъ частной жизни нѣкоторыхъ преподавателей наталкивали на серьезныя размышленія. Проходя какъ-то вечеромъ мимо квартиры законоучителя Любимова, я услыхалъ его внушительное чтеніе. Я не могъ пересилить любопытства и посмотрѣлъ

въ щель ставни. Оказалось, что онъ читалъ вечернюю молитву, а семья его благоговѣйно слушала и молилась. Объ этомъ я разсказывалъ потомъ своимъ товарищамъ.

В. И. Вернеръ, будучи уже преподавателемъ, началъ учиться играть на скрипкѣ и достигъ, какъ говорили, весьма удовлетворительныхъ результатовъ, доказавъ этимъ, что начинать учиться никогда не поздно и что трудомъ можно достигнуть многаго.

Поговорки нѣкоторыхъ педагоговъ, напр., директора Шиллинга, В. П. Павлова и др., становились нашими поговорками. Шиллингъ, замѣтивъ ученика напр., небрежно причесаннаго, говаривалъ: „неопрятность наружная свидѣтельствуетъ и о неопрятности внутренней". Павловъ, не дополучивъ, напр., за учебники, которые продавались при гимназіи, копейку, говорилъ: „принесите послѣ: изъ копеекъ составляются рубли".

Доброжелательство нѣкоторыхъ преподавателей къ ученикамъ было безгранично. Самый требовательный изъ нихъ В. П Павловъ говаривалъ мнѣ иногда въ 7 классѣ съ непритворною грустью: „что съ Вами сдѣлалось? почему Вы стали учиться хуже, чѣмъ учились прежде?" На выпускномъ экзаменѣ на лицѣ его была замѣтна радостная улыбка, когда я отвѣчалъ хорошо, и онъ началъ уже выводить „4"; но конецъ испортилъ дѣло: профессоръ Герье, повидимому, замѣтилъ, что присутствовавшій на экзаменѣ Г. Ст. Квіетинскій подсказалъ мнѣ движеніемъ губъ двѣ глагольныя формы, предложилъ мнѣ еще два вопроса, на которые я не отвѣтилъ, и мнѣ поставили двойку.

Рѣшая задачу на экзаменѣ изъ алгебры, я неправильно раскрылъ въ одномъ мѣстѣ скобки, и началась путаница. Преподаватель Н. Я. Толмачевъ горячился и тѣмъ увеличивалъ мое смущеніе. Это замѣтилъ преподаватель ест. исторіи В. И. Микулинъ, подошелъ къ Толмачеву, поговорилъ съ нимъ о чемъ-то и, какъ бы случайно взглянувъ на доску, подошелъ ко мнѣ и стеръ написанное мною, говоря: „мнѣ стыдно за Васъ; что Вы путаете? Зачѣмъ Вы раскрыли скобки? Дѣлайте сначала".

И не пришлось этимъ добрымъ людямъ раскаиваться: я окончилъ курсъ въ университетѣ.

VIII.

Воспоминанія о Рязанской гимназіи

В. И. Шенрока.

Я поступилъ въ Рязанскую гимназію въ 1863 году и держалъ вступительный экзаменъ совершенно экспромтомъ, потому что меня предполагали отдать черезъ годъ прямо во второй классъ; какъ вдругъ, совершенно неожиданно, по совѣту одного родственника, рѣшеніе было перемѣнено, и я едва успѣлъ проэкзаменоваться въ самый послѣдній изъ назначенныхъ дней. Все было сдѣлано сразу: подано прошеніе, выдержанъ экзаменъ и заказанъ гимназическій мундирчикъ. Эта небольшая подробность очень характерна для тѣхъ счастливыхъ временъ, когда никакихъ конкурсовъ не существовало, и двери гимназій были свободно открыты для всѣхъ желающихъ, кто только удовлетворялъ требованіямъ экзамена; тогда и въ поминѣ не было отказовъ за недостаткомъ помѣщенія, повсемѣстно причиняющихъ теперь столько горя десяткамъ и сотнямъ родителей и преждевременно вливающихъ горечь отравы въ дѣтскія души. Вообще еще много удалось мнѣ застать въ первые годы моего ученичества добродушной патріархальности, при которой легче жилось и дышалось, а тогдашняя плата за ученіе (10 р. въ годъ) теперь показалась бы баснословной. Привольнѣе и легче жилось и учителямъ, и они смотрѣли бодрѣе и жизнерадостнѣе. Въ Рязанской гимназіи, въ самомъ зданіи и въ надворныхъ постройкахъ имъ давались казенныя квартиры, которыя потомъ были почему-то отобраны.

При мнѣ директоромъ Рязанской гимназіи сначала, когда я былъ въ младшихъ классахъ, былъ почтенный и симпатичнѣйшій Ѳедоръ Ивановичъ Шиллингъ. Это былъ опытный и хорошій педагогъ. Представительный, полный и высокій сангвиникъ, лѣтъ

пятидесяти слишкомъ, съ добрымъ лицомъ и пріятной, привѣтливой улыбкой, онъ производилъ пріятное впечатлѣніе. Говорилъ онъ съ замѣтнымъ нѣмецкимъ акцентомъ и иногда искажалъ ударенія. Въ то время онъ доканчивалъ уже второе пятилѣтіе по выслугѣ пенсіи и мечталъ о переѣздѣ на родину въ Прибалтійскій край, куда потомъ перешелъ, кажется, на должность окружного инспектора, и Рязанской гимназіи пришлось потерять авторитетнаго и любимаго директора. Живо припоминается мнѣ его простое, задушевное прощаніе съ гимназіей. Всѣ преподаватели и ученики собрались въ рекреаціонномъ залѣ и ждали Шиллинга. Онъ пришелъ взволнованный и печальный и сказалъ нѣсколько простыхъ прочувствованныхъ словъ о томъ, что, прослуживъ въ Рязанской гимназіи около тридцати лѣтъ, онъ сжился съ ней, и ему тяжело оставлять не только учениковъ и сослуживцевъ, но даже зданіе гимназіи и самый городъ, который онъ, вѣроятно, никогда больше не увидитъ. Помню и сцену прощанія на вокзалѣ, гдѣ учениковъ собралось мало, потому что по окончаніи экзаменовъ большинство всегда моментально и стремительно разъѣзжается, стараясь не потерять не только лишняго дня, но и часа. Но преподаватели и весь служебный персоналъ былъ въ полномъ составѣ, и проводы были торжественные и сердечные.

О Шиллингѣ, какъ директорѣ, къ сожалѣнію, могу сказать немного, потому что при оставленіи имъ гимназіи мнѣ было всего неполныхъ двѣнадцать лѣтъ, но это не помѣшало мнѣ вынести о немъ самыя добрыя и свѣтлыя воспоминанія. Съ младшими воспитанниками онъ обращался сердечно и привѣтливо и нерѣдко съ ними шутилъ, не теряя, впрочемъ, своего достоинства и не допуская фамильярности, какъ одинъ изъ его преемниковъ, инспекторъ Азаркевичъ. Заходя на уроки преподавателей, онъ принималъ живое участіе въ нихъ и вносилъ въ классную атмосферу непринужденность и оживленіе, позволяя себѣ иногда и умѣстныя шутки, но не выходя изъ границъ серьезнаго отношенія къ дѣлу. Помню, напримѣръ, какъ однажды онъ шутилъ, когда я былъ еще въ первомъ классѣ, спросивъ меня по какому-то поводу о значеніи слова *астрономъ* и, получивъ объясненіе, спросилъ еще, чтó значитъ *гастрономъ*, и потомъ пошутилъ надъ незнаніемъ мною этого слова. Во время такъ называемыхъ перемѣнъ Шиллингъ рѣдко заглядывалъ въ младшіе классы, предоставляя это инспектору и надзирателямъ. Если же ему случалось невзначай показаться въ классѣ, то мигомъ,

какъ по волшебству, воцарялась тишина и полный порядокъ, а когда онъ наталкивался на маленькія невинныя дѣтскія проказы, онъ никогда не поднималъ изъ этого исторіи, подобно своему инспектору и ближайшему помощнику Ор-скому, и ограничивался легкимъ замѣчаніемъ или даже просто обращалъ въ шутку; но ученики чувствовали къ нему страхъ и уваженіе. Однажды, помню, я дѣлалъ въ классѣ прыжки передъ самой учительской каѳедрой, какъ вдругъ обычный въ перемѣны шумъ стихаетъ, и всѣ поднимаются съ мѣстъ; оглядываюсь—стоитъ самъ Шиллингъ и вмѣсто замѣчанія, ласково называя меня по имени (какъ хорошій знакомый родителей), спрашиваетъ: „ну что, Володя, озябъ? согрѣться хочешь“? и наказанія не послѣдовало.

Какъ-то разъ одинъ очень юный и неопытный преподаватель, Висьневскій, не научившійся еще справляться съ учениками, принужденъ былъ пожаловаться директору. Классъ ждалъ грозы. Шиллингъ явился съ серьезнымъ и недовольнымъ лицомъ и сказалъ струсившимъ и притихшимъ школьникамъ, что онъ увѣренъ, что случилось какое-то недоразумѣніе, и надѣется, что больше никакого безпорядка не будетъ и все пойдетъ всегдашнимъ порядкомъ, потому что, говорилъ онъ, „мои ученики на урокахъ никогда не шалятъ и не захотятъ причинять безпокойства учителю“. Онъ не прибавилъ даже никакихъ угрозъ, какъ человѣкъ, ни мало не сомнѣвающійся, что достаточно его внушенія, и дѣло обойдется безъ особыхъ мѣръ, и только на слѣдующемъ урокѣ на минуту заглянулъ въ классъ и ушелъ, узнавъ, что классъ ведетъ себя хорошо. Послѣ ухода его кто-то изъ учениковъ сказалъ: „да это отецъ, а не директоръ!“ Невольно припоминается по этому поводу, какъ въ одной статьѣ, напечатанной лѣтъ десять назадъ, помнится въ „Русскомъ Обозрѣніи“, Дм. Ив. Иловайскій, бывшій при Шиллингѣ въ Рязани учителемъ исторіи, разсказывая о своемъ случайномъ посѣщеніи Рязанской гимназіи въ концѣ семидесятыхъ годовъ и оставшись многимъ недоволенъ, особенно выработавшимся къ тому времени типомъ гимназическаго администратора, отдалъ рѣшительное предпочтеніе Шиллингу передъ директорами новой формаціи. Если же при Шиллингѣ лѣнивые ученики подвергались по субботамъ экзекуціи и, по свидѣтельству академика Янжула (въ „Вѣстникѣ Воспитанія“ за 1903 г.), когда, объявляя объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, онъ сказалъ: „ну, теперь сѣчь не будемъ, а станемъ исключать“, то нѣкоторымъ извиненіемъ этого должно служить то, что вѣдь сѣченіе было тогда по-

всемѣстно въ обычаѣ и Шиллингъ только не являлся исключеніемъ. Впрочемъ, по слухамъ, съ учениками старшихъ классовъ онъ поступалъ иногда строго, и помню, что однажды въ городѣ много говорили о томъ, какъ, встрѣтивъ въ собраніи ученика, не получившаго отъ гимназіи разрѣшенія явиться туда, онъ приказалъ ему немедленно удалиться и на отказъ повиноваться отвѣтилъ исключеніемъ. Грустно отъ воспоминаній о Шиллингѣ перейти къ его преемнику, безконечно уступавшему ему рѣшительно во всѣхъ отношеніяхъ. Шиллингъ былъ человѣкъ умный, добрый и прекрасно образованный, съ несомнѣннымъ педагогическимъ тактомъ; Ор-ій ограниченный, тупой и несвѣдущій. Шиллингъ сердечно относился къ дѣтямъ и пользовался ихъ уваженіемъ и любовью; Ор. считалъ необходимой принадлежностью начальника для поддержанія авторитета и предохраненія гимназіи отъ распущенности при каждой встрѣчѣ съ ученикомъ непремѣнно къ чему-нибудь придраться, распечь, оборвать. Выговоры его бывали иногда совершенно несправедливы и неумѣстны, напр., однажды онъ остановилъ нѣсколькихъ учениковъ при выходѣ изъ церкви послѣ исповѣди и съ крикомъ разразился упреками за то, что они осмѣлились говѣть не въ пансіонской церкви, хотя это никѣмъ не требовалось, да было бы и неосуществимо, если бы всѣ воспитанники стали говѣть въ пансіонѣ. Вообще въ его обычаѣ было неожиданно набрасываться ни за что ни про что и запугивать карцеромъ и всякими угрозами. Понятно, что ученики его терпѣть не могли, и если побаивались, то только потому, что кому же пріятно наскочить на грубость и скандалъ, но заочно его жестоко поднимали на смѣхъ и распускали про него были и небылицы. Не долюбливали его и учителя. Впослѣдствіи мнѣ не разъ случалось встрѣчать его бывшихъ сослуживцевъ, рязанскихъ учителей, и, хотя съ учителями онъ всегда обходился изысканно вѣжливо и любезно, но при воспоминаніи о немъ всѣ, точно сговорившись, говорили: „ахъ, какъ онъ былъ неуменъ!“ И этого-то человѣка назначили преемникомъ Шиллинга! Конечно, послѣ Шиллинга его несостоятельность бросалась въ глаза и казалась вопіющею. Ученики старшихъ классовъ очень скоро поняли, что въ наукахъ онъ швахъ, и подтрунивали надъ тѣмъ, что на урокахъ и на экзаменахъ онъ представлялъ жалкую, нѣмую фигуру, а чтобы не играть совсѣмъ пассивной роли, рисковалъ подсказывать избитыя и всѣмъ извѣстныя вещи. Но и при всемъ томъ онъ нерѣдко попадалъ впросакъ. Такъ однажды, на выпускномъ экзаменѣ по физикѣ экстернъ, приготовлявшійся по толь-

ко что вышедшему въ свѣтъ учебнику Малинина и Буренина, своимъ разсказомъ объ абераціи свѣта, привелъ въ недоумѣніе учителя, остановившагося на учебникахъ Двигубскаго и Ленца. Ор. поспѣшилъ грубо оборвать: „что съ Вами? Какъ можно такой вздоръ городить? Я сейчасъ удалю васъ съ экзамена?“ Но вдругъ экзаменаторъ, сообразившись, сказалъ экзаменующемуся: „Ну да, это вѣрно, только откуда вы это взяли?“ а подоспѣвшій молодой ассистентъ Урусовъ замѣтилъ: „да вѣдь онъ отвѣчаетъ по физикѣ Малинина“.

Директоромъ Ор. оставался нѣсколько лѣтъ, пока уставомъ 1871 года директорамъ и инспекторамъ было вмѣнено въ обязанность преподаваніе, тогда какъ Ор. былъ нѣкогда учителемъ законовѣдѣнія, а этого предмета въ составѣ гимназическаго курса давно уже не было. Ор. попытался было за болѣзнью одного преподавателя дать нѣсколько уроковъ русскаго языка въ первомъ классѣ, но попалъ въ критическое положеніе, когда оказалось что его поправки въ тетрадяхъ идутъ въ разрѣзъ съ учебникомъ и объясненіями преподавателя. Послѣ этого онъ ужъ не помышлялъ больше о преподаваніи, а такъ какъ это совпало съ выслугой имъ пенсіи, то на слѣдующее пятилѣтіе онъ уже оставленъ не былъ. Въ послѣднее время онъ совсѣмъ пересталъ посѣщать уроки преподавателей и постоянно сидѣлъ въ канцеляріи.

Въ первые годы директорства Ор. оставленное имъ инспекторское мѣсто занялъ преподаватель естественной исторіи въ одной изъ московскихъ гимназій Іероѳей Ивановичъ Азаркевичъ. Это былъ умный и добрый человѣкъ, очень любившій дѣтей, но, къ сожалѣнію, до крайности снисходительный и охотникъ до шутокъ и фамильярнаго обращенія съ учениками. Гимназисты держали себя съ нимъ очень свободно и развязно, но я рѣшительно не помню ни одного непочтительнаго обращенія съ нимъ, а тѣмъ болѣе дерзости. Его любили, но заочно называли Іероѳеемъ.

Популярность его началась съ первыхъ дней службы, когда зайдя въ пансіонъ во время обѣда воспитанниковъ, онъ пришелъ въ нескрываемое негодованіе по поводу заношенныхъ салфетокъ и скатертей и собственноручно перервалъ ихъ, къ великой досадѣ Ор.; послѣ этого вездѣ явилось чистое бѣлье. Съ своимъ принципаломъ онъ не поладилъ и безъ стѣсненія, говоря о немъ, саркастически называлъ его „самъ“. Кончилось тѣмъ, что Ор. обвинилъ его въ упадкѣ дисциплины и даже религіозномъ вольно-

думствѣ и настоялъ на переводѣ его въ другую гимназію. Отъѣздъ Азаркевича состоялся во время каникулъ, въ самую глухую пору лѣта и, возвратившись послѣ вакацiи, ученики съ сожалѣніемъ приняли вѣсть объ оставленіи имъ гимназіи. При прощаніи съ остававшимися въ городѣ и случайно встрѣченными на улицѣ учениками онъ говорилъ, что съ болью въ сердцѣ оставляетъ гимназію, но что онъ самъ просился въ переводъ, потому что давно стремился на берега Волги. Онъ былъ переведенъ въ Ярославль. Съ тѣхъ поръ онъ словно въ воду канулъ, и никакихъ слуховъ больше о немъ не было.

Азаркевичъ былъ прекрасный математикъ и, заставъ на урокѣ какую-нибудь трудную задачу, тотчасъ подсаживался на ученическую парту, быстро рѣшалъ ее на четвертушкѣ бумаги и потихоньку пересылалъ по классу съ готовымъ рѣшеніемъ и краткимъ объясненіемъ всего хода дѣла. Въ отсутствіе преподавателей онъ приносилъ томикъ Некрасова или сочиненія другихъ писателей и читалъ, хотя, правду сказать, не особенно искусно.

Умнаго, добраго и симпатичнаго Азаркевича смѣнилъ требовательной и суровый дидаскалъ Бодровъ. Назначенный съ порученіемъ подтянуть гимназію и по своему характеру въ высшей степени способный къ подтягиванію, онъ не пропускалъ ни малѣйшей вины и быстро забралъ всѣхъ въ руки. Ученики сразу увидали, что это не Азаркевичъ и что съ нимъ шутки плохи, и скандалы у французовъ и у нѣмцевъ, преподавателей греческаго языка, прекратились. Враждебнаго чувства къ нему у учениковъ не было, и его уважали, потому что его взысканія имѣли цѣлью установленіе порядка и нормальной дисциплины, а не пустое запугиваніе, какъ у Ор., и распеканія его, хотя очень рѣзкія и суровыя, всегда имѣли смыслъ. Строго и начальственно онъ обращался не только съ учениками, но и съ учителями, и въ случаяхъ пререканій, нисколько не думая о популярности, становился безъ стѣсненій на сторону справедливости. Однажды учителю, не совсѣмъ опредѣленно задавшему урокъ и не отчетливо записавшему заданіе въ классномъ журналѣ, на его оправданіе, что нельзя же все отмѣчать обстоятельно въ журналѣ, „да и нужно ли молъ это,“ Бодровъ рѣзко возразилъ: „непремѣнно! непремѣнно! а иначе въ чемъ же состоитъ аккуратность преподавателя?“ Не любилъ онъ ни въ чемъ малѣйшихъ отступленій отъ требованій порядка и, когда одинъ учитель назвалъ въ классѣ одного ученика по имени и отчеству, Бодровъ иронически и демонстративно спросилъ: „а фамилія-то

его какъ?“ Конечно популярностью онъ не пользовался, но всѣ знали, что хотя онъ крутъ и взыскателенъ, но уменъ и справедливъ и къ тому же человѣкъ знающій; особенно матиматику онъ зналъ превосходно и, какъ слышно было, въ молодости думалъ защищать магистерскую диссертацію.

Въ заключеніе прибавлю, что Бодровъ былъ человѣкъ набожный и съ осужденіемъ относился къ пренебреженію религіозными обязанностями.

Изъ преподавателей особеннымъ авторитетомъ пользовался умный и прекрасно образованный учитель исторіи Дмитрій Николаевичъ Григоровъ, хорошо знавшій иностранные языки и очень начитанный. Онъ пользовался общимъ и большимъ уваженіемъ и держалъ себя независимо и гордо. У него была хорошая библіотека, и онъ часто читалъ въ классѣ избранные отрывки изъ серьезныхъ историческихъ сочиненій. Онъ обладалъ даромъ увлекательнаго изложенія, уроки его всегда были дѣльны и содержательны, и онъ производилъ впечатлѣніе полнаго хозяина въ своемъ предметѣ. На урокахъ его царила совершенная тишина, и никогда ему не нужно было останавливать учениковъ и дѣлать имъ замѣчанія. Недостатокъ его преподаванія состоялъ въ томъ, что онъ довольно разсѣянно и безучастно слушалъ ученическіе отвѣты, будучи углубленъ въ свои мысли, потому что урокъ пересказывался по нѣскольку разъ и это ему надоѣдало. Иногда для оживленія урока онъ предлагалъ внезапные синхронистическіе вопросы: „а кто въ это время правилъ въ Англіи? Что тогда происходило во Франціи?“

Въ провинціальномъ городѣ, среди поголовной спячки и пустого времяпровожденія Григоровъ являлся свѣтлымъ и отраднымъ исключеніемъ. Онъ усердно слѣдилъ за литературой и журналистикой и по широтѣ развитія и серьезности ума былъ цѣлой головой выше своихъ коллегъ. Не лишнее прибавить, что его общество очень любила извѣстная писательница, жительница Рязани Н. Д. Хвощинская-Заіончковская.

Хорошимъ преподавателемъ былъ также законоучитель, о. Любимовъ. Очень умный и свѣдущій, онъ велъ преподаваніе весьма содержательно и, не желая ограничиваться исполненіемъ формальныхъ требованій, посвящалъ иногда цѣлые часы бесѣдѣ о религіозныхъ обязанностяхъ и заботился о пробужденіи въ ученикахъ религіознаго чувства. Уроки эти были свободны отъ общихъ мѣстъ, чѣмъ такъ часто грѣшатъ проповѣди, выслушивались

серьезно и съ интересомъ, но терялись въ массѣ другихъ часовъ преподаванія, уступая наплыву новыхъ впечатлѣній. Поэтому о. Любимовъ, желая дольше удержать вниманіе учениковъ на нѣкоторыхъ вопросахъ и дѣйствительнѣе вліять на нихъ, пытался предлагать срочныя сочиненія, но такія необязательныя и требующія труда занятія исполнялись неохотно и понемногу обращались въ формальность, а ученики и нѣкоторые родители высказывали недовольство тѣмъ, что священникъ молъ затрудняетъ требованіями, которыхъ не существуетъ въ другихъ гимназіяхъ. Цѣль не достигалась, но упорное желаніе преподавателя лучше поставить свой предметъ было несомнѣнно и заслуживало лучшей участи.

Преподаванію русской словесности въ мое время въ Рязанской гимназіи крайне не везло, до того, что цѣлыхъ полтора года каѳедра эта совсѣмъ пустовала и отведенные на этотъ предметъ часы распредѣлялись между посторонними преподавателями. Незадолго до моего поступленія былъ хорошій учитель Златовратскій, дядя извѣстнаго нашего писателя и другъ Добролюбова, но я его уже не засталъ. Преемникомъ его былъ нѣкто Квіетинскій, потерпѣвшій фіаско при ревизіи гимназіи профессоромъ Тихоправовымъ и перешедшій на каѳедру латинскаго языка. Потомъ былъ назначенъ молодой и хорошій преподаватель Никита Егоровичъ Ивановъ, но онъ вскорѣ же по неизвѣстной причинѣ застрѣлился, и снова больше года не было учителя словесности. Наконецъ, назначенъ былъ Сергѣй Викентьевичъ Гулевичъ, впослѣдствіи директоръ Рязанской и Московской 2-й гимназій. Гулевичъ былъ очень молодой человѣкъ, но онъ сразу поставилъ себя хорошо и завоевалъ полное уваженіе. Прежде всего онъ превосходно зналъ свой предметъ и къ своимъ обязанностямъ относился чрезвычайно добросовѣстно. Въ какомъ-нибудь спорѣ достаточно было сказать: „такъ сказалъ Гулевичъ“, чтобы дальнѣйшія возраженія прекратились. Дисциплина была у него превосходная. За преподаваніе онъ принялся съ такимъ рвеніемъ, что сталъ ежемѣсячно задавать сочиненія, что было тогда дѣломъ неслыханнымъ, и тетради возвращалъ безъ замедленія. Славянскую грамматику у него знали такъ отчетливо, что преемникъ его, человѣкъ опытный и далеко не новичекъ, просто скрыть не могъ своего изумленія. Въ русской словесности его излюбленными коньками были былины и „Слово о полку Игоревѣ“. Сначала авторитетъ Гулевича былъ очень великъ, пока не случилось обстоятельство, ненадолго пошатнувшее его. Гулевичъ диктовалъ объясненія по

Буславу, Бѣлинскому, Стоюнину и Водовозову, превратно пользуясь трудами двухъ послѣднихъ писателей педагоговъ, сущность метода которыхъ, какъ извѣстно, состояла въ сознательномъ, постепенномъ доведеніи учениковъ *до самостоятельныхъ* выводовъ. Все диктуемое Гулевичъ имѣлъ слабость выдавать за свое, но источники были обнаружены, и вчерашній оракулъ слетѣлъ съ высоты. Но человѣкъ трудолюбивый и умный, онъ нашелся и сумѣлъ удержать до конца самую блестящую репутацію.

Послѣ Гулевича мѣсто его занялъ Возницынъ, человѣкъ большихъ дарованій, имѣвшій на первыхъ порахъ огромный успѣхъ и въ гимназіи и въ городѣ. Онъ былъ не только способный и живой преподаватель, но и недурно игралъ въ любительскихъ спектакляхъ и былъ пріятенъ въ обществѣ. Благодаря всему этому онъ сначала произвелъ въ Рязани фуроръ. Но, къ сожалѣнію, его губилъ извѣстный вульгарный порокъ. Красивый и бравый мужчина, съ прекрасной сѣдой шевелюрой и съ черными, какъ смоль, бакенбардами, онъ былъ весьма представителенъ, а ранняя сѣдина придавала значительность его умному, выразительному лицу. Уроки его были дѣльны, живы и занимательны, но въ преподаваніи его не было выдержанности. Онъ принялся за дѣло ревностно и серьезно, тотчасъ задалъ во всѣхъ классахъ хорошо объясненныя сочиненія, но возвращать тетрадки съ поправками не имѣлъ обыкновенія и періодически отчаянно манкировалъ. Забавно было, что онъ красилъ волоса, но неаккуратно, и, подкрасившись въ воскресенье, къ концу недѣли приходилъ уже съ пепельными волосами. Онъ любилъ щеголять выразительнымъ чтеніемъ, но достоинства своей декламаціи сильно преувеличивалъ.

Послѣ Возницына его каѳедру занялъ Алексѣй Ивановичъ Виноградовъ, перешедшій изъ Симбирской гимназіи. Онъ во многомъ представлялъ противоположность своему предшественнику, начиная съ наружности: маленькій, невзрачный, картавый, не имѣя талантливости Возницына, онъ только далеко превосходилъ его лѣнью и безпечнымъ отношеніемъ къ дѣлу. Въ знаніи предмета ему нельзя было отказать, но видно было, что онъ питается старымъ запасомъ и подвигается не впередъ, а назадъ. Конечно, ему далеко было не только до Гулевича но и до Возницына, онъ все время проводилъ въ клубѣ за картами и такъ лѣнился исправлять сочиненія, залеживавшіяся у него по мѣсяцамъ, что при появленіи его въ классъ поднимался гвалтъ и ревъ, и всѣ хоромъ минутъ пять кричали: „сочиненія! сочиненія!“ что

не мѣшало ему въ слѣдующій разъ снова являться съ пустыми руками и оправдываться множествомъ работы. Былъ про него анекдотъ, что когда въ его квартирѣ случился пожаръ, то первымъ дѣломъ его было сжечь ученическія тетради, а потомъ уже онъ сталъ собирать свои скудные пожитки. Неисправность его давала поводъ ученикамъ быть еще въ десять разъ неисправнѣе, и дѣло доходило до того, что для полученія отъ учениковъ заданныхъ сочиненій послѣ нѣсколькихъ отсрочиваній ему приходилось прибѣгать къ посредничеству инспектора. Сочиненія онъ любилъ задавать на разсужденія и пословицы, а въ курсѣ любилъ останавливаться на духовномъ краснорѣчіи, на разсужденіяхъ и на „Фелицѣ" Державина. Неудовлетворителенъ у него былъ разборъ произведеній новой литературы; онъ былъ учитель устарѣлой школы и любитель возгласовъ: „великолѣпное выраженіе!" „превосходное выраженіе!" „живой, художественный образъ!" Только во время посѣщенія его уроковъ ревизорами, чтобы замаскировать скудныя познанія учениковъ, онъ цѣлые часы посвящалъ объясненіямъ, и эти уроки были дѣльны и содержательны. Передъ экзаменами онъ начиналъ бить тревогу и наскоро наверстывать упущенное.

Въ младшихъ классахъ русскій языкъ преподавалъ А. Ф. Рябининъ. Съ учениками онъ обращался безцеремонно и патріархально. Онъ былъ невысокаго образованія и не прошелъ университетскаго курса, но преподавалъ живо и занимательно; уроки объяснительнаго чтенія наполнялъ разсказами о солнечныхъ часахъ, о рогѣ изобилія и еще Богъ вѣсть о чемъ, а басни декламировалъ съ жестами и театрально. Грамматикой занимался мало и, составивъ для учениковъ небольшую таблицу, требовалъ безукоризненнаго знанія ея. У него была та общая черта съ Виноградовымъ, что передъ экзаменомъ онъ начиналъ пороть горячку. Всего любопытнѣе были въ Рязанской гимназіи два преподавателя математики. Одинъ изъ нихъ, Н. Я. Толмачевъ, сынъ извѣстнаго профессора, представлялъ явленіе комическое. Ограниченностью онъ единственный изъ всего учительскаго персонала могъ поспорить съ директоромъ Оранскимъ и даже, какъ это ни трудно, побить рекордъ. Въ буквальномъ и въ переносномъ смыслѣ это былъ маленькій человѣчекъ, рѣшительно безъ всякихъ математическихъ способностей, усердно приготовлявшійся къ каждому уроку, но все-таки не иначе приступавшій къ объясненіямъ, какъ послѣ прочтенія его по учебнику еще разъ въ присутствіи уче-

никовъ, что всегда соединялось у него почему-то съ причесываніемъ волосъ, а нерѣдко еще, ужъ во время самыхъ объясненій, онъ спѣшно перебѣгалъ отъ доски къ каѳедрѣ, чтобы еще заглянуть въ лежавшій на учительскомъ столикѣ учебникъ. Толмачевъ былъ общимъ посмѣшищемъ; ученики вѣчно съ чѣмъ-нибудь его поздравляли, а поздравленія съ новымъ годомъ тянулись до самыхъ экзаменовъ.

Другой математикъ, злѣйшій врагъ Толмачева, И. М. Кученевъ былъ человѣкъ неглупый и глубоко убѣжденный въ томъ, что главная задача преподаванія учить разсуждать и что всего дороже сознательность,—что „лучше знать немного, да со смысломъ, чѣмъ много, да безъ смысла". И онъ не столько обращалъ вниманіе на механизмъ въ рѣшеніи задачъ, сколько дорожилъ мыслью и пониманіемъ сути дѣла. При объясненіяхъ онъ любилъ пользоваться наглядными пріемами. Сравнивая своихъ учителей математики, ученики не могли не отдавать безусловнаго предпочтенія Кученеву, который въ ихъ глазахъ былъ примѣромъ знанія со смысломъ, тогда какъ Толмачевъ былъ примѣромъ знанія безъ смысла. Къ сожалѣнію, Кученевъ былъ очень лѣнивъ и за наукой совсѣмъ не слѣдилъ.

Былъ при мнѣ короткое время еще третій математикъ и физикъ, К. И. Висьневскій, но онъ былъ слишкомъ юнъ и не умѣлъ справляться съ маленькими, но зато старшіе ученики такъ его полюбили, что, когда онъ былъ переведенъ въ Тульскую гимназію, то на вокзалъ собралась половина гимназіи и на неосторожныя слова математика Толмачева: „вотъ и еще кого-нибудь такъ проводите", кто-то безцеремонно сказалъ: „нѣтъ, ужъ *такъ* больше никого не проводимъ, развѣ Іероѳея Ивановича (Азаркевича)"

Преподавателемъ латинскаго языка былъ Василій Павловичъ Павловъ; ученикъ извѣстнаго латиниста Якова Васильевича Смирнова. Онъ былъ образецъ идеальной и даже сверхъестественной пунктуальности и аккуратности. Онъ не только не пропускалъ ни одного урока и не опаздывалъ ни на минуту, но всегда на одномъ мѣстѣ снималъ на лѣстницѣ картузъ и всегда одинаково всходилъ по ступенькамъ на каѳедру и проч. Ученики ухитрялись его обманывать совершенно оригинальнымъ способомъ; зная неизмѣнность его привычекъ, гимназисты пересылали своимъ одноклассникамъ пансіонерамъ исправленные переводы съ самимъ Василіемъ Павловичемъ, пришпиливая къ рукавамъ пальто, которое онъ носилъ всегда въ накидку,—зная, что въ рукава надѣть

пальто ему никогда не придетъ въ голову. Такъ эта хитрость и осталась не обнаруженной до конца.

Павловъ былъ замѣчательнымъ знатокомъ своего предмета, хотя и въ нѣсколько узкихъ рамкахъ, такъ какъ древней литературой и философіей онъ мало интересовался, но римскихъ писателей онъ переводилъ превосходнымъ русскимъ языкомъ; переводы эти были у него отшлифованы и отчеканены въ совершенствѣ и вполнѣ годились бы въ печать. Жаль, если они не сохранились. Онъ никогда не волновался и не повышалъ голоса; имѣлъ репутацію образцовой справедливости и съ учениками былъ безукоризненно вѣжливъ; но про него говорили, что онъ болѣе походилъ на машину, нежели на человѣка. Отъ насъ онъ перешелъ въ четвертую московскую гимназію, но тамъ его оригинальные пріемы и привычки не понравились.

О другомъ преподавателѣ латинскаго языка, Квіетинскомъ, я уже упоминалъ, какъ о преподавателѣ словесности. Когда онъ былъ вынужденъ перемѣнить каѳедру и взяться за латынь, всѣмъ бросилась въ глаза его слабая подготовка въ сравненіи съ Павловымъ. Притомъ въ глазахъ учениковъ его компрометировали манкировки во время посѣщенія гимназіи ревизорами.

Послѣ Павлова въ короткое время смѣнилось нѣсколько преподавателей; но всѣ они, кромѣ Сюлька, очень нервнаго и чудака, плохо знали свой предметъ и были комичны. Эта была пора усиленнаго и неразборчиваго вербованія классиковъ, во что бы то ни стало. Всего болѣе былъ жалокъ старикъ Малевичъ, прозванный Харономъ. Онъ поступилъ на службу вторично послѣ 20-лѣтней отставки и до того все перезабылъ, что даже малосвѣдущій директоръ Оранскій поразился его невѣжествомъ. Отъ объясненія просодіи онъ отказался, ссылаясь на то, что ученики де не знаютъ музыки, а знаніе учениками сокращеній римскихъ собственныхъ именъ приписывалъ ихъ историческимъ познаніямъ, тогда какъ это было хорошо извѣстно изъ уроковъ Павлова.

Учителя греческаго языка были по крайней мѣрѣ знающіе; одинъ изъ нихъ, старикъ—нѣмецъ Фабриціусъ, прозванный махайрой, былъ даже очень ученый, но и крайне неспособный преподаватель, а другой, тоже старикъ нѣмецъ, докторъ филологіи Громанъ былъ еще ученѣе и еще непригоднѣе, какъ учитель, и только И. Е. Сыроѣчковскій былъ недурнымъ преподавателемъ этого предмета.

Изъ новыхъ языковъ лучше преподавался нѣмецкій. Фран-

цузы были совершенно невозможные: одинъ изъ нихъ Ш. былъ пьяница и только умѣлъ хорошо плавать, а другой Турне, бывшій когда-то барабанщикомъ, считался просто шутомъ. Онъ цѣлые часы употреблялъ на обученіе привѣтствовать по-французски хоромъ директора и инспектора. Плохо умѣя читать по-русски—онъ ставилъ возлѣ себя у каѳедры двухъ учениковъ, чтобы они разбирали фамиліи въ журналѣ, и называлъ ихъ „кавалеръ на правый флангъ" и „кавалеръ на лѣвый флангъ". Хорошихъ учениковъ онъ называлъ „сынъ отечества" и „благородная душа", а дурныхъ—„незаконнорожденный и „капустный шервецъ" (sic). Предъ экзаменомъ, когда, Т. диктовалъ программу, ученики, злоупотребляя его незнаніемъ русской грамоты, прибавляли для смѣха лишнія фразы, напр.; „скажите, пожалуйста, я васъ прошу, какъ будетъ participe passé" и проч. Понятно, что диктовка программы брала больше мѣсяца. Преподаватели географіи и естественной исторіи такъ часто смѣнялись, что я предпочитаю о нихъ умолчать, а равно и о несчастномъ, забитомъ учителѣ рисованія и чистописанія Ивановѣ.

IX.

Воспоминанія А. П. Соколова

Воспоминанія о времени, проведенномъ мною въ Рязанской гимназіи, и о педагогическомъ персоналѣ сохранились, большею частью, самыя хорошія. Очень мало я знаю о первомъ директорѣ, при которомъ я поступилъ въ гимназію, Гулевичѣ: тогда я былъ еще маленькимъ мальчикомъ и помню только его высокую фигуру и громкій голосъ, когда они читалъ ежедневно въ актовомъ залѣ евангеліе передъ уроками, но зато, какъ сейчасъ, вижу передъ собой второго директора Льва Станиславовича Кульчицкаго съ его добродушно—суровымъ отношеніемъ на урокахъ латинскаго языка въ старшихъ классахъ и чисто отеческимъ отношена перемѣнахъ и въ часы жизни въ пансіонѣ (гдѣ я жилъ, будучи ученикомъ трехъ старшихъ классовъ). Русскій языкъ въ мое время преподавали пунктуальный, довольно сухой Лебедевъ и талантливый, не державшійся никакихъ строгихъ рамокъ, къ сожалѣнію, повидимому, нѣсколько томившійся въ гимназическихъ стѣнахъ Вербицкій. Изъ преподавателей древнихъ языковъ особенно сильное впечатлѣніе оставилъ учитель греческаго языка Рейнеръ. Въ этомъ человѣкѣ мы видѣли соединеніе знанія своего предмета, любви къ нему, необыкновеннаго терпѣнія и выдержки характера и какой-то доброты, отражавшейся прекрасно и на его какъ бы выточенномъ лицѣ. Очень рѣдко ученикамъ удавало сь вывести его изъ себя, и въ такомъ случаѣ имъ же самимъ становилось стыдно за нарушеніе его обычнаго спокойствія.

Хорошее воспоминаніе оставили по себѣ и учителя математики Флеровъ и Богословскій, особенно первый, человѣкъ съ спокойнымъ, уравновѣшеннымъ характеромъ.

Много труда, повидимому, полагалъ на подготовку къ урокамъ исторіи и географіи преподаватель Залѣсовъ, хорошо излагавшій ходъ историческихъ событій, не державшійся узкихъ ра-

мокъ учебника, читавшій самъ, заставлявшій читать и учениковъ не путемъ постановки дурныхъ отмѣтокъ, а посредствомъ убѣжденія и пристыживанія тѣхъ, кто всю мудрость свою почерпали только въ учебникѣ.

Нельзя не помянуть добрымъ словомъ и надзирателя Любимова, умѣвшаго понять, чего надо требовать отъ мальчиковъ и чего отъ юношей, чуждаго всякаго формализма.

О физическомъ развитіи особыхъ заботъ со стороны гимназіи не прилагалось, но большой гимназическій дворъ, гимнастика на немъ, а особенно обширный пансіонскій садъ сами собой развивали въ гимназистахъ здоровье и силу.

Въ мое время въ гимназіи довольно хорошо было поставлено пѣніе; на этомъ поприщѣ много потрудился способный ученикъ старшихъ классовъ Кравковъ, скончавшійся еще юношей въ первые годы студенческой жизни. Помню, мы, пѣвчіе, гордились своимъ хоромъ и съ сознаніемъ его достоинствъ выступали въ свѣтскихъ концертахъ въ Дворянскомъ Собраніи. Вотъ краткія воспоминанія о Рязанской гимназіи, время пребыванія въ которой (скажу прямо, безъ всякихъ комплиментовъ) представляется мнѣ однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ періодовъ моей жизни.

X.

ВОСПОМИНАНІЯ О РЯЗАНСКОЙ ГИМНАЗІИ

конца семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ

А. М. Иванова.

(Посвящается незабвенному наставнику Николаю Андреевичу Антіохъ—Вербицкому).

Feci quod potui.

Съ Рязанской гимназіей я связанъ не только личными воспоминаніями, но и воспоминаніями отца моего, кончившаго курсъ въ 1848 году, въ томъ достопамятномъ году, когда всѣ русскіе университеты были закрыты, и отецъ вынужденъ былъ поступить изъ гимназіи въ Горыгорецкій земледѣльческій институтъ, тогда помѣщавшійся еще въ Могилевской губерніи. Первые три года гимназическаго курса я провелъ, впрочемъ, во 2-ой Московской гимназіи, и лишь совершенно случайное обстоятельство заставило меня оставить эту гимназію и перейти въ Рязанскую... Въ 1876 году въ г. Ряжскѣ, гдѣ отецъ мой былъ тогда судебнымъ слѣдователемъ, трагически покончилъ съ жизнью воспитанникъ VI класса Рязанской гимназіи Волынцевъ, и отцу пришлось объ этомъ случаѣ вести судебное слѣдствіе, причемъ онъ составилъ себѣ не совсѣмъ выгодное представленіе о гимназическомъ режимѣ того времени въ мѣстной гимназіи. Въ то же время—въ началѣ 1877 года директоръ нашей 2 гимназіи Н. И. Сосфеновъ скончался и на мѣсто его былъ назначенъ изъ Рязанской гимназіи С. В. Гулевичъ. Съ этимъ переводомъ у отца возникло опасеніе, какъ-бы въ нашей гимназіи не возникли порядки сходные съ рязанскими, а съ другой стороны, исправлявшій въ то время

должность директора Рязанской гимназіи Л. С. Кульчицкій пользовался большой популярностью въ мѣстномъ обществѣ. Все это заставило отца перевести меня изъ 2 Московской гимназіи въ Рязанскую, и 20 октября 1877 года я въ первый разъ появился въ стѣнахъ этой гимназіи, какъ воспитанникъ ея IV класса... Первое, что пріятно поразило меня,—это простота взаимныхъ отношеній учащихъ и учащихся, простота, которой въ Московской гимназіи я вовсе ужъ не былъ избалованъ. Еще болѣе удивило меня, что воспитанники гимназіи въ значительномъ большинствѣ своемъ сохранили добрую память о бывшемъ своемъ директорѣ, и вообще чѣмъ я ближе знакомился съ порядками гимназіи, тѣмъ симпатичнѣе вопреки моимъ ожиданіямъ, казались мнѣ, лица входившія въ составъ администраціи; вліяла ли сближающимъ образомъ здѣсь самая ограниченность городского общества, невольно объединявшая всѣхъ членовъ его, даже и разныхъ возрастовъ, или, можетъ быть, главною причиной былъ болѣе молодой возрастъ педагоговъ провинціальной гимназіи сравнительно со столичной, затрудняюсь рѣшить этотъ вопросъ, но только дышалось въ Рязани много легче, чѣмъ въ столицѣ, въ эту знаменательную эпоху, когда школьный классицизмъ достигъ своего кульминаціоннаго пункта...

Если таковъ былъ общій тонъ гимназической жизни, то что же сказать мнѣ о томъ неизгладимомъ впечатлѣніи, какое произвелъ на меня съ перваго же знакомства моего, какъ производилъ постоянно и впослѣдствіи какъ на меня, такъ и на всѣхъ моихъ товарищей, краса педагогическаго персонала того времени и несравненный человѣкъ во всѣхъ повседневныхъ отношеніяхъ—преподаватель русскаго языка Николай Андреевичъ Антіохъ—Вербицкій?.. Надѣленный отъ природы удивительной памятью и обладавшій благодаря ей самымъ разностороннимъ, воистину энциклопедическимъ образованіемъ, онъ въ гораздо бо́льшей степени напоминалъ собою профессора университета, чѣмъ скромнаго преподавателя классической гимназіи средины и конца прошлаго вѣка. Казалось, не было такого вопроса, о которомъ-бы незабвенный Николай Андреевичъ не могъ подѣлиться, своими знаніями съ учениками въ теченіе цѣлаго часа, а еще чаще и двухъ часовъ, и рѣчь его всегда была богата фактическими данными, чужда всякихъ орнаментовъ и, конечно, произносилась безъ всякой подготовки. Рѣчь эта иногда касалась предметовъ, весьма мало имѣвшихъ общаго съ преподаваемымъ имъ, но тѣмъ-то для

всѣхъ насъ и были дороги уроки Вербицкаго, что онъ одинъ могъ дать намъ общее всестороннее образованіе...

Какой громадной эрудиціей обладалъ этотъ талантливый человѣкъ, можетъ служить показателемъ слѣдующій, далеко не единственный фактъ: какъ-то на урокѣ его одинъ изъ учениковъ, огорченный неудачей въ древнихъ языкахъ, громко и неутѣшно плакалъ, отвлекая вниманіе всего класса отъ предмета занятій, и по этому случаю кому-то изъ товарищей пришло въ голову задать Николаю Андреевичу вопросъ: „откуда берутся слезы?“ и вотъ благодаря этому случаю мы слушали цѣлый часъ прекрасную популярную лекцію о строеніи глаза. Лекція эта приковала все наше вниманіе къ предмету изложенія, мы всѣ были, такъ сказать, одно вниманіе, и я не могу до сего времени забыть того громаднаго впечатлѣнія, какое произвелъ на насъ этотъ урокъ—лекція... Въ другой разъ, это было въ 1879 году, когда у нашего отечества возникли было недоразумѣнія съ Китаемъ изъ-за Кульджи, грозившія окончиться вооруженнымъ столкновеніемъ, Николай Андреевичъ цѣлыхъ два часа знакомилъ насъ съ этнографіей Китайскаго Туркестана, попутно касаясь исторіи всего Китая и религіозныхъ вѣрованій его обитателей. А кто изъ насъ не помнитъ его бесѣдъ о буддизмѣ, о санскритской литературѣ?...

Часто слушали мы такія импровизированныя лекціи и послѣ каждой такой лекціи мы все яснѣе сознавали, что значитъ истинное знаніе, какъ интересна каждая изъ наукъ если не ограничиваться лишь усвоеніемъ общихъ положеній, а самому трудиться надъ изслѣдованіемъ фактовъ, и мы начинали чувствовать жажду знанія... Вотъ въ этой сторонѣ дѣятельности Н. А. Вербицкаго я вижу то огромное значеніе его для всѣхъ его учениковъ, которое было опредѣляющимъ для громаднаго большинства изъ насъ на всю послѣдующую жизнь; онъ, мало сказать, заставлялъ учиться, онъ, вѣрнѣе, создавалъ въ насъ сознаніе необыкновенной сладости знанія вмѣстѣ съ какимъ-то поклоненіемъ жрецамъ этого знанія. Лично на меня никто впослѣдствіи не оказалъ такого вліянія даже и въ университетѣ, не исключая и профессора Ключевскаго, хотя въ мое время каждая лекція знаменитаго историка была цѣлымъ событіемъ для всѣхъ аудиторій.

Стоило бывало Николаю Андреевичу въ началѣ урока принять свою обычную позу при разсказѣ, закинувъ обѣ руки за голову и слегка сморщивъ лобъ, какъ во всемъ классѣ воцарялась гробовая тишина, всѣ безъ исключенія ученики ловили каждое

его слово, и долго по окончаніи его урока велись бесѣды по вопросамъ, затронутымъ имъ, а изъ одного класса въ другой передавалась новость, что „сегодня Николай Андреевичъ говорилъ въ такомъ-то классѣ о томъ-то“.

Не менѣе благотворными для всѣхъ насъ были и самыя свойства характера Н. А. Вербицкаго—его поразительная естественность и безграничная искренность по отношенію ко всѣмъ и въ равной степени—къ высшимъ и низшимъ его, и, если его универсальное образованіе развивало въ насъ жажду знанія, то хрустальная чистота его взглядовъ и совершенная искренность обращенія служили идеальнымъ образцомъ для невольнаго подражанія съ нашей стороны, и я не знаю случая, чтобы кто-либо изъ насъ не только лгалъ, но хотя-бы даже скрытничалъ съ Вербицкимъ... да и зачѣмъ нужно было скрытничать, когда онъ могъ „все понять и все простить.“—Я увѣренъ, что многіе изъ его учениковъ и до сего времени не вполнѣ уяснили себѣ, въ какой степени они обязаны незабвенному наставнику, какъ люди прежде всего и затѣмъ какъ почитатели чистаго знанія... Таково вообще вліяніе примѣра: самое могучее и прочное, но въ то же время въ большинствѣ случаевъ трудно поддающееся наблюденію.

И теперь уже на склонѣ лѣтъ, вынужденный по болѣзни оставить педагогическую дѣятельность, Николай Андреевичъ можетъ съ совершенно основательной гордостью оглянуться на свою прошлую жизнь, на сотни обязанныхъ ему духовнымъ развитіемъ дѣятелей на всѣхъ ступеняхъ общественной жизни...—Послѣднее письмо ко мнѣ онъ закончилъ выраженіемъ: feci quod potui. Это же самое выраженіе съ чувствомъ полнаго удовлетворенія своей трудной, преисполненной терніями, но и въ высшей степени плодотворной жизнью онъ могъ бы избрать эпиграфомъ для своей автобіографіи...

Въ томъ же письмѣ Николай Андреевичъ съ особымъ удовольствіемъ вспоминаетъ рязанское общество и своихъ товарищей по службѣ, и съ моей стороны было бы непростительно не помянуть добрымъ словомъ прежде всего изъ нынѣ живущихъ бывшаго директора гимназіи Льва Станиславовича Кульчицкаго, котораго мы всегда считали другомъ и защитникомъ учениковъ и затѣмъ надзирателя Евгенія Петровича Горчакова-задушевнаго друга Вербицкаго и вмѣстѣ искреннѣйшаго друга всѣхъ воспитанниковъ, а изъ почившихъ -Павла Петровича Залѣсова, преподавателя исторіи, Роберта Васильевича Моррисона и Христіана Карловича Крау-

зе, проведшихъ въ скромной должности надзирателей едва-ли не всю свою долгую жизнь, во всякомъ случаѣ не менѣе полстолѣтія и неизмѣнно и вполнѣ заслуженно пользовавшихся любовью учениковъ.

Въ заключеніе своего краткаго очерка не могу не высказать, что, по моему глубочайшему убѣжденію, Рязанская гимназія того времени была рѣдкимъ учебнымъ заведеніемъ, гдѣ въ то суровое время можно было и не жаловаться на излишнія стѣсненія, и во всякомъ случаѣ ея педагогическій персоналъ въ огромномъ большинствѣ своемъ не отличался педантизмомъ и не забывалъ „святѣйшаго изъ званій—человѣкъ.“ За это—земной поклонъ живущимъ и вѣчная память почившимъ.

XI.

Памяти врача-священника.

Воспоминанія о бывшемъ ученикѣ Рязанской гимназіи, священникѣ о. I. З. Мурашевѣ

свящ. I. Фуделя. *)

Въ жизни, какъ и на войнѣ, есть герои незамѣтные, рядовые такъ-сказать. Взявъ въ руки свое оружіе, они безтрепетно и самоотверженно исполняютъ свой долгъ и падаютъ жертвой этого долга подчасъ въ самомъ началѣ своей службы. Ихъ подвигъ не замѣтенъ для глазъ; но изъ совокупности труда *такихъ* рядовыхъ героевъ долга замѣтно повышается общій уровень жизни вслѣдствіе накопленія въ ней идеальныхъ стремленій и силъ.

Къ числу такихъ „рядовыхъ" исполнителей долга принадлежалъ, по нашему мнѣнію, недавно умершій священникъ Іоаннъ Захаровичъ Мурашевъ. Онъ былъ сынъ крестьянина. Первоначальное образованіе получилъ въ Рязанской гимназіи,**) а затѣмъ въ Московскомъ университетѣ, гдѣ кончилъ курсъ со степенью лѣкаря въ 1888 году. Говорятъ, онъ былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ профессора Захарьина, имя котораго онъ вспоминалъ съ особымъ благоговѣніемъ. Затѣмъ въ теченіе 12 лѣтъ покойный несъ службу земскаго врача въ различныхъ мѣстахъ, въ послѣдній разъ въ Новгородскомъ уѣздѣ. Но, видимо, душа его не удовлетворялась дѣятельностью врача и искала высшаго подвига. Въ 1902 году I. З. Мурашевъ былъ рукоположенъ въ санъ священника архіепископомъ Новгородскимъ Гуріемъ. Согласно желанію отца Мурашева послужить именно деревенскому люду, онъ былъ назначенъ на приходъ въ погостъ Сабле, Новгородскаго уѣзда.

Въ новомъ санѣ, исполняя ревностно пастырскія обязанности,

---

*) Перепечатывается изъ №178 „Моск. Вѣд." за 1904 г.

**) Окончилъ курсъ въ 1882 г.

отецъ Мурашевъ не лишилъ своихъ пасомыхъ и медицинской помощи. Въ его квартирѣ всегда толпились массы больныхъ крестьянъ, какъ удостовѣряютъ мѣстныя *Епархіальныя Вѣдомости*. Медицинскими средствами снабжало его уѣздное земство, а жена самоотверженно помогала мужу въ уходѣ за больными и перевязкѣ ранъ. Такой трудъ продолжался немного болѣе года, и затѣмъ о. Мурашева не стало. Отчего онъ такъ быстро сгорѣлъ?

Мѣстные органы печати такъ объ этомъ говорятъ: „Онъ слишкомъ ревностно взялся за свое служеніе: очень много молился, тщательно всегда готовился къ священнодѣйствію, строжайше соблюдалъ церковный уставъ относительно постовъ. Прибавьте къ этому непривычныя для него невзгоды и трудности сельской священнической жизни и другія огорченія (о которыхъ мы умолчимъ), и вы поймете, почему онъ могъ работать только одинъ годъ и 7½ мѣсяцевъ“...

Вотъ и все, что мы знаемъ объ о. Мурашевѣ. Но за этими немногими скудными штрихами проглядываетъ цѣлая картина жизни, поучительная и трогательная. Сколько надо было *пережить* въ душѣ, чтобы пробиться сквозь цѣлую чащу препятствій научно-образовательныхъ, сословныхъ, бытовыхъ, къ цѣли непосредственнаго служенія Богу и людямъ въ высокомъ санѣ священника! Сколько идеализма, чтобы безбоязненно занять мѣсто на самомъ трудномъ посту служенія! Сколько ревности и искренней вѣры, чтобы не ограничиться только внѣшне-показною стороною пастырства, а понести на себѣ всю тяготу этого служенія (мало замѣтную міру) въ непрестанной молитвѣ, постѣ и точномъ исполненіи церковнаго устава! И при этомъ встрѣтить въ своихъ идеальныхъ стремленіяхъ дорогу не гладкую, какъ казалось, а всю изрытую невѣдомыми ямами мелкой злобы, зависти, кляузъ, сословныхъ обычаевъ, предразсудковъ и т. д. Какая драма должна совершаться въ душѣ?

Такими людьми, какъ о. Іоаннъ Мурашевъ, украшается и иовершенствуется наша некрасная жизнь, какъ бы незначительна и коротка ни была ихъ дѣятельность. Пусть же помянутъ въ своихъ молитвахъ іерея Іоанна не только тѣ, кто его зналъ и любилъ, но и тѣ, кому случайно попадутся на глаза эти строчки.

